

Г. К. Вернер

КОТТСКИЙ ЯЗЫК

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
ТАГАНРОГСКИЙ РАДИОТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени В. Д. КАЛМЫКОВА

Г. К. ВЕРНЕР

КОТТСКИЙ ЯЗЫК

Издательство Ростовского университета
Ростов-на-Дону
1990

В 35

ББК Ш13(2)

Рецензенты: М. М. Костяков, Г. Т. Поленова.

В 35 Вернер Г. К. Коттский язык. Ростов-на-Дону. Издательство Ростовского университета, 1990. 410 с.
5-7507-0357-6

Монография посвящена одному из южнокавказских языков — коттскому, который существовал до середины XIX в. Последним, кто смог собрать полевые данные по этому языку, был известный финский ученый М. А. Кастрен. В книге обобщены все сведения по коттскому языку и описан его строй в свете современных достижений кавказского языкознания.

Книга рассчитана на специалистов по кавказскому и общему языкознанию, а также на учителей коттского языка, родственного коттскому.

$\frac{4602020500}{\text{В } \underline{\text{М } 175(03)}\text{—}90}$ без объявл. — 90

ББК Ш13(2)

П р е д и с л о в и е

Эта книга не могла бы быть написана без коттских материалов М.А.Кастрена, неутомимого ученого-энтузиаста, изучавшего по заданию Российской Академии Наук народы Средней Сибири и их языки в середине XIX века. Результатом путешествий М.А.Кастрена по Сибири явились его многочисленные труды, которые не потеряли своей актуальности до настоящего времени. В.Г.Богораз недаром писал в этой связи: "Его лингвистические работы не имеют себе подобных... Они представляют череду грамматических правил, как фонетических, так и лексикологических, длинные ряды склонений и спряжений... Кастрен создал их как будто по наитию. Однако при проверке они оказываются правильными и точными." /Богораз 1927:20/.

Значение трудов М.А.Кастрена для енисейского языкознания - это особая тема; здесь отметим лишь, что подлинно научное изучение енисейских языков начинается именно с его известной работы, посвященной енисейско-остяцкому (т.е. кетскому и югскому) и коттскому языкам /Кастрен 1858/. Особенно ценно описание коттского языка, полностью исчезнувшего вскоре после путешествий М.А.Кастрена по Сибири; его коттская грамматика является поэтому уникальным трудом по енисейскому языкознанию. Исключительно ценными являются и словарные материалы М.А.Кастрена по енисейским языкам, которые наряду со словариками XVIII века по шести енисейским языкам (аринскому, ассанскому, кетскому, коттскому, пумюкольскому и югскому) составляют основу для сравнительно-исторического изучения енисейских языков и для общеенисейских реконструкций.

Известно, что уже Ю.В.Клапрот объединял енисейских остяков (т.е. кетов и югов), коттов, аринов и ассанов под общим названием "енисейцы" /Клапрот 1823:166/, но именно М.А.Кастрен впервые четко указал на родство южных и северных ени-

сейских народностей /Кастрен 1858:III-IV/. Сравнивая коттский язык с енисейско-остяцким, М.А.Кастрен заметил, что "он (коттский язык - Г.В.) является сестрой енисейско-остяцкого, но уже настолько искаженной, что в ее материальном облике лишь с трудом можно узнать какое-то родство, которое устанавливается по духу, еще пронизывающему иссохший скелет" ("wie ist eine Schwester des Jenissei-Ostjakischen, aber bereits so entstellt, dass man mit Mühe in dem Stofflichen irgend eine Verwandtschaft erkennt und sie nur aus dem Geiste, der noch das vertrocknete Skelett durchdringt, folgern kann") /Кастрен 1856:376/.

Интересно в связи с этим замечанием М.А.Кастрена отметить, что проведенное сравнительно недавно глоттохронологическое исследование енисейских языков по методу М.Сводеша /Костяков 1979/ позволяет определить время сбособленного развития коттского и кетского языков в 2000-2500 лет, а кетского и югского в 600-700 лет. Накопленные к настоящему времени языковые и исторические материалы вполне согласуются с этим выводом.

Коттскому, как, впрочем, и енисейско-остяцкому (кетскому и югскому) языку, М.А.Кастрен отдал во время своих путешествий совсем мало времени, но даже в своем кратком очерке он охватил материал, достаточный для того, чтобы, опираясь на последние достижения енисейского языкознания, более или менее детально восстановить строй этого языка, как представителя ныне уже мертвых южноенисейских языков. М.А.Кастрен сохранил нам, как отмечал В.Г.Богораз /Богораз 1927а:94/, драгоценную память коттского языка, исчезнувшего, как и другие южноенисейские языки, в результате растворения коттоязычного населения в других народах Южной Сибири.

Книга посвящается памяти М.А.Кастрена в связи со 175-летием со дня его рождения, которое отмечалось 2 декабря 1988 года.

ВВЕДЕНИЕ

Коттский язык – бесписьменный язык одной из южных енисейских народностей с самоназванием *kottuen* "котты", существовавший до середины XIX века. В русских деловых документах XVIII века встречаются еще варианты названия этой народности "котовцы" и "кутаны" (от бурятского названия коттов *koton*). По сохранившимся сведениям /Потапов 1957: 106–217/ котты проживали до первых контактов с русскими в начале XVIII века в бассейне Кана, Бирюсы и, видимо, в верховье Абакана, Мрассы и Кондомы. Предполагается, правда, что в последний район котты переселились с Бирюсы лишь в начале XVIII века /Потапов 1957: 130/, но плотный ареал коттских топонимов в бассейне Томи /Дульзон 1959, см. карту/ позволяет считать этот район исконно коттским. Вообще, если исходить из коттской топонимики (гидронимы на *=æt; =çet*), то можно заключить, что некогда котты были расселены от бассейна Уды и Чуны на востоке до бассейна Томи на западе /Дульзон 1959, см. карту/. Ко второй половине XIX века котты растворились в иноязычной среде (жнорсамодийской, тюркской, бурятской и русской). Уже в первой половине XVIII века положение коттов было трагическим вследствие их многоданничества: они были данниками русского царя, а также тубинских и киргизских князей, которые собирали дань не только для себя, но и для Алтын-хана и для джунгарских ханов /Потапов 1957: 130/. В виде дани у коттов забиралось все, начиная с ценнейшего меха (соболя) и кончая железными орудиями труда – топорами, корнекопалками и т.д. По некоторым фактам можно заключить, что котты выплавляли железо и славились своими железными орудиями. Как отмечает Л.П.Потапов, о развитии кузнечного дела у канских коттов свидетельствует следующее предложение езерского кыргызского князя Шорло Мергена в 1701 году: "что-

бы русские брали с коттов ясак зимой соболями, а чтобы им, киргизам, с канских кыштымов (т.е. коттов - Г.В.) иметь после государева ясаку летом дань свою железом, топорами и осипами (т.е. корнекопалками - Г.В.)"/Потапов 1957:129/.

Как и другие енисейские народности /Алексеевко 1967/, котты были главным образом собирателями, охотниками и рыболовами. "В их жизни большое значение имело выкалывание корней сараны и других растений при помощи железных лопаток... Некоторые из них держали лошадей и крупный рогатый скот"/Потапов 1957:129/. Подробное описание жизни коттов находим в следующем документе 1737 года: "Оной народ состоит ростом средним, лицом смуглые, глаза узкие, черные и карие, волосы черные и русые. Платья носят зимою козлиные, тулупы шерстью вниз, а летом носят кафтаны козлиные голые, а рубашек на себе не имеют, кроме оных кожанов. А на ногах носят зимою козлиные пимы, по подобию сапогов бес каблуков, из осенних козлиных, а летом из летних козлиных. И штаны носят из оных козлиных голых, как летом, также и зимою. А такое платье носят и женский полк. А на головах носят малахай лисьи, и рысьи, и росомачьи, и волчьи, и беличьи и прочих зверей. А на руках рукавиц не носят, и вместо рукавиц имеют у тулупов долгие рукава, и тем согревают руки. А живут оные канские татары (т.е. котты - Г.В.) зимою и летом в берестяных юртах острых, которые называются хателы, а по-русски называются алачеги. И в середине кладут огонь, и спят зимою в морозное время гузнами вместе, а головами розно, бес штанов, для теплоты, также и мужики в дорогах спят по тому ж; и постели имеют у себя из козьих головок и ис травы, и одеваютца оными же козлиными тулупами и одеялами козлиными ж; а в летнее время спят, как и русские. А оные татары пропитание имеют себе зимою всякое звериное мясо, кроме ж оных волчьего и лисьего мяса. И сараню питаютца белую и желтую, и из оной сараны делают тобу кислую и сушеную, и как им понадобится есть, то оную тобу варят в воде и едят; а сухую сараню едят вместо сухой рыбы и мяса. А оные ж канские татары промышляют зверей: летом лосей, а по их званью аганчи, и изюбрей, по их угум, и коз диких, а по их эг, а осенью и зимою и весною соболей, лисиц черных, и бурых, и красных, и рысей, и росомах,

и выдр, и волков, и белку тако же и сохатых, и коз, и избрей. И оными зверьями платят в казну ее императорского величества ясак по шти, и по 5, и по 4, и по 3, и по 2, и по одному соболю в год; а у которых оных зверей не имеетца, и те платят ясак деньгами по рублю за соболя, которые деньги выраблывают у русских людей в летнее и зимнее время. И живут оные татары по своим урочищам по Кану реке и в разных местах и кочуют с места на место по разным рекам как летом, так и зимой. И промышляют оных зверей осенью до снегу на конях и пешие. А лыжи у них имеютца деревянные, подклеены камасами канинными и сохатинными. И стреляют оных зверей ис пищалей винтовальных и из луков кремневых стрелами. А стрелы имеют копейца железные и костенные, которые луки и стрелы делают они сами. И оные татары, как родятца у них мужеска или женска полу, то у них имена дают им по своему мнению, как им на ум найдет: на что глядят, по тому и имя даст. Да у оных же татар вера имеетца, и приносят жертву, бросают в огонь ядь куски свои, и потом бросают же шайтанам, которые весят на батагах у себя в юртах; голые соболи, и колонки, и горностаи, и белки, и привязывают же всякие лоскутья, и из птиц привязывают орлов и лунев, и тем называют шайтанов и алкем в них веруют. А ныне из оных татар многие пришли более половины во крещение в христианскую веру, и стоят близ канского острогу, и повсегодно исповедываютца и имеют у себя в юртах святые иконы и друг от друга обучаютца христианской вере. А некрещенные татары имеют у себя попрежнему шаманщиков, и бьют в бубны по ночам, а днем не шаманят, и веруют в шайтана; и собираются на оное шаманство где их сколько имеетца мужеску и женску полу, и оных шаманщиков они называют вместо попов и дают оным шаманщикам плату скотом и протчими зверьями и платьем. И оные же татары детей своих обучают с измладенчества мужеска полу стрелять из лука и ис пищали, и ходить на лыжах и ездить на конях, и промышлять всяких зверей, чем бы ему пропитание иметь. А женский пол обучают шить тулупы, и пимы, и штаны, и малахам, и сарану копать. И оный народ имеет у себя жен по одной, по две и по три. И берут оных жен от десяти лет и до старости. И сватаютца оные татары: ежели имеетца у двух мужиков жены беременны и еще не родили, то сватанье бывает у которого родитца сын, а у дру-

гора дочь, то с тех пор имеетца сватанье до возраста; и да-
ют за невесту плату, а по их калыму; а как у обеих родятца
по дочери или по сыну, и то сватание покидают. а калым бе-
рут назад. И из родства берут отец невестку и брат невестку
ж, кроме родных, без разбору, и в то у них возбранения не
имеют (т.е. отсутствие обычая избегания свекра и невестки -
Р.В.). И дают же за оных невест калыму скотом от 5-ти и до
15-ти скотин; а у кого скота не имеетца, то битыми сохатыми
зверьями, козами и сохатыми. И исчислят сохатова за скотину,
а 10 коз за скотину ж, и кваленной сараной по 4 или по 5
пуд за скотину ж. И на тех свадьбах бывает у них вместо пи-
ров, бьют по скотине и по две и варят, и помажаста съедят мя-
са то все, по юртам своим разведутца. Да на тех же свадьбах
бывает пляска: скачут кверху, и бьют в ладони, и поют по
своему песни, и тем себя увеселяют. А торгов у оных и тар-
никаих не имеетца, и живут весьма нудны. И как оные то вре-
ми умирают, то они в том же платье и кладут, в чем он ходил
дой, и сверх того обвяжут его берестом; и отвозят их на вы-
сокие горы, и на горах поставяют четыре столба, вышиною в
сажень, и наверху зделают мост, и на оный мост мерт-
вого положат и сверх того покрываут берестом же и обвязыва-
ют прутьями; и те столбы у них называютьца лабазами; и оной
мертвачи лежат на тех столбах, пока не згниют столбы, и
упадут на землю, а других мертвы закапываут в землю, где
хотят прилучитца, и обертываут по тому же берестом" /Андреев
1933:99-101/.

Всего этого М.А.Кастрен уже не застал; если в середине
XVIII века, по данным В.О.Долгих /Долгих 1949:35-47/, было
около 600 коттов, то ко времени путешествий М.А.Кастрена по
Сибири в середине XIX века насчитывалось не более 5 человек,
которые еще владели коттским языком /Кастрен 1833:III/. Эти
пять человек решили, по сведениям М.А.Кастрена, основать не-
большое село на берегу Агула с целью сохранения своей народ-
ности, поскольку аборигены Сибири должны были платить цар-
ским властям меньше дани, чем русское население Сибири. С
этими пятью коттами и работал М.А.Кастрен, собирая материал
для своего очерка фонетики и морфологии коттского языка, а
также для коттского словаря, опубликованного посмертно А.Шиф-
фом.

Другим источником по языку коттов являются словарики, составленные в XVIII веке учеными, путешествовавшими по Сибири - Д.Г.Мессершмидтом, Г.Ф.Миллером, П.С.Палласом, Й.Е.Фишером и другими. Большая часть этих материалов собрана и опубликована А.П.Дульзоном /Дульзон 1961/. Значительные материалы XVIII века обнаружены и опубликованы Е.А.Хелимским /Хелимский 1966/. Ценные сведения о коттах и их языке содержатся также в деловых документах русских служилых людей XVII-XVIII вв.

Вместе с ассанским коттский язык образует близкородственную группу в составе енисейской языковой общности, в которую, кроме ныне существующих кетского и югского языков, еще входили аринский и пумпокольский, растворившиеся в иноязычной среде в XVIII веке. Можно предполагать и наличие в прошлом других енисейских языков, но достоверных сведений на этот счет не сохранилось.

На основании фонетической близости слов с пометами "ассанский" и "коттский" в словариках XVIII века было выдвинуто предположение о наличии в прошлом единого ассано-коттского языка /Дульзон 1962а:38; Дульзон 1970:85/. Представляется однако, что совокупность установленных к настоящему времени лингвистических и этно-исторических фактов в достаточной мере оттеняет статус ассанов как самостоятельной енисейской народности и их языка как самостоятельного языка в составе енисейской языковой общности. Эти факты следующие: а) наличие разных самоназваний этих двух енисейских народностей ("ассаны" - "котты"); б) осознание ими самих себя как разных народностей и осознание их так со стороны соседних неенисейских народностей; в) наличие разных, четко очерченных ареалов гидронимов в Сибири - ассанских на =ul, =ur и коттских на =bet, =det; г) наличие различий между языками ассанов и коттов в области фонетики, лексики и, видимо, грамматики, например: кот. xonʔig ↔ honʔig, асс. xondʔi "вчера"; кот. fun ↔ pfun, асс. pin "дочь"; кот. d'al, асс. jali "дитя"; кот. xatu ↔ hatu (Кас. uju), асс. bari "он"; кот. ti, асс. kolty ↔ kolte "шапка"; кот. d'agat (Кас. d'a:=tan), асс. jahatan "сплю"(лежу) и т.д.

Важно также в связи с затронутым вопросом подчеркнуть, что и по документам XVII века и по данным XVIII века ассаны и котты обитают в одних и тех же местах, по одним и тем же рекам

/Потапов 1957:210/. Первое упоминание с них встречается в деловых документах Енисейского острога 1619-1621 гг., где говорится о Васанской и Кутанской землях, под которыми следует соответственно подразумевать ассанов и коттов /Потапов 1957:127-128/. Ассаны обитали между Енисеем и Оной по Усолке, Черному Курьшу, Оне и разделялись на улусы: Ябардамов (Барданаков), Алышпаев (Ассанская волость), Тупораков. Котты расселялись в бассейне Кана, Бирюсы и, видимо, в других местах и разделялись в XVII веке на 12 улусов: Тыманов (Пантыков), Багин, Темсеников (Курчиков), Араксеев, Торсуков, Шавашкин, Початский, Таганеков, Именеков (Аршин), Пеленгутская волость, Агашская волость и Инголецкая волость. В XVIII веке по данным Г.Ф.Миллера /Миллер 1941:48/, представлены ассанские улусы: 1) *Helarsuykat* (Алашпаев), 2) *Penapankat* (Тупораков), 3) *Schibarđam* (Шибарданов), 4) *Tshubrezkat* (Ассанская волость) и следующие коттские: 1) *Penekajmak* (Пантыков), 2) *Kamartagat* (Багин), 3) *Teschikat* (Шавашкин), 4) *Toteshuk* (Торсуков), 5) *Tinnagan* (Темсеников), 6) *Imanek* (Именеков), 7) *Pelegut* (Пеленгутская волость), 8) *Aigvach* (Агашская волость), 9) *Jingolarkat* (Инголецкий улус). Правда, если И.Г.Георги упоминает о 10-12 ассанских семьях, живших еще на местах своих предков (р.Усолка)/Потапов 1957:136/, то Г.Ф.Миллер и И.Г.Льелин в 1735-1740 гг. смогли обнаружить лишь 2-3 ассанов, которые еще помнили свой язык /Потапов 1957:136/. Интересно, впрочем, следующее замечание Г.Ф.Миллера: "Хотя следовало бы зринцев на р.Енисее и котовцев на р.Кане по их языку считать одним народом с ассанами, но название "ассаны" употреблялось только о тех из них, которые жили в верховьях речки Усолки, впадающей в Тесееву, по соседству с котовцами, жившими по реке Кану"/Миллер 1941:46/.

Все эти факты позволяют заключить, что ассаны и котты - это две самостоятельные енисейские народности, а их языки два самостоятельных языка в составе енисейской языковой общности, представленной тремя близкородственными группами: (1) ассано-коттской, (2) арино-пумюкольской, (3) кетско-югской /Вернер 1973/.

Сравнение коттских материалов XVIII века с материалами, записанными М.А.Кастренем в середине XIX века у коттов села

Агульское Кенского района Красноярского края, позволяет сделать заключение о том, что коттский язык был представлен несколькими диалектами. Впрочем, материалы М.А.Кастрена по этому енисейскому языку сами по себе неоднородны и тоже обнаруживают диалектные различия; во всяком случае можно предположить, что его материалы отражают два коттских говора или диалекта (нередко в коттском словаре М.А.Кастрена представлено два варианта коттских слов), которые в настоящей книге условно обозначены как говор (диалект) А и говор (диалект) Б (подробно эти вопросы освещаются ниже в разделе о диалектном членении коттского языка).

Г л а в а I

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

Первое подробное описание коттской фонетической системы дал М.А.Кастрен /Кастрен 1858/, тонкий и наблюдательный фonetист; нашу задачу мы видим в том, чтобы обобщить материалы XVIII-XIX вв., охарактеризовать фонетическую систему коттского языка в свете современных достижений енисейского языкознания и дать фонологическую интерпретацию звукам этого енисейского языка. При этом мы будем опираться прежде всего на данные М.А.Кастрена, учитывая, кроме всего прочего, тот факт, что он производил свои записи по коттскому языку одновременно с записями по кетскому и югскому языкам, и, следовательно, особенности использованной им транскрипции могут быть легко поняты при сопоставлении его коттских, кетских и югских материалов с данными по современному кетскому и югскому языкам.

В о к а л и з м.

По словарным материалам XVIII-XIX вв. устанавливается следующий состав коттских гласных: *i, e, ε, æ, a, o, u*.

Характеризуя кетско-югские (енисейско-остяцкие) и коттские гласные *a, o, u*, М.А.Кастрен сравнивает их с соответствующими звуками в финском и русском языках; в отношении звука */a/* отмечает, что этот звук обнаруживает две модификации, из которых одна приближается к */a/*, а другая к */o/*. Появление этих оттенков гласного */a/* М.А.Кастрен объясняет наличием в слове "мягких" или соответственно "твердых" гласных /Кастрен 1858:2/; возможно, в данном случае автор хотел установить в енисейских языках какую-то аналогию гармонии гласных в уральских языках. В действительности же эти оттенки гласного */a/* могли быть обусловлены акцентуационными факторами.

О коттском гласном, обозначенном графемой "е" М.А.Кастрен лишь замечает, что он несколько шире, чем в других языках. В то же время автор использовал как в енисейско-остяцких (кетских и югских), так и в коттских материалах, знак /A/ для обозначения наряду с /æ/ открытого /ɛ/. К такому заключению можно прийти, учитывая, во-первых, особенности используемой М.А.Кастреном немецкой графики ("A" - всегда обозначает открытый гласный /ɛ/), а во-вторых, его замечание о том, что енисейско-остяцкий гласный /e/ может выступать как "чистый и яркий" и как "широкий и темный", сближающийся с /A/ или /ø/; в последнем случае имелся в виду гласный /ʌ/ ~ /ə/, но любопытно, что он сравнивается со звуком, средним между широким /e/, т.е. /A/, и звуком /ø/.

При учете всех этих замечаний можно вышеперечисленные коттские гласные охарактеризовать следующим образом:

/i/ - узкий гласный переднего ряда, высокого подъема языка, нелабиализованный; встречается в любой позиции в слове: ika:jaŋ "вернусь-я", i:ka:saŋ "сверху", alit "женщина", ho:pi "рот", hiltukŋ "ныряние";

/e/ - закрытый гласный переднего ряда, среднего подъема языка, несгубленный; встречается в любой позиции в слове (при четкой реализации слоговых тонов должен был, очевидно, реализовываться лишь в слогах с первым тоном): e:ä "небо", "бог", e:lakŋ "складка (одежды)", e:mpul "комар", e:leŋ "задний";

/ɛ/ - открытый гласный переднего ряда, среднего подъема языка, встречающийся в любой позиции в слове (при четкой реализации слоговых тонов данный гласный не встречается в слогах с первым тоном): eaŋ [*ɛ?ŋ] "копать", eäxe:jaŋ [*ɛ?xe:jaŋ] "иду-я", šeaŋ [*šɛ?ŋ] "люди", he'u:taŋ [*hɛ?u:taŋ] "взбираюсь-я вверх".

В материалах М.А.Кастрена звуки /e/, /ɛ/, как правило, не различаются; они оба передаются графемой "е", хотя для некоторых случаев можно предполагать обозначение /ɛ/ посредством графемы "A", например, šeaŋ [*šɛ?ɛŋ] "люди" (впечатление, что ɛ?ɛ звучит как e?A, могло возникнуть в результате расширения гласного в рекурсии под воздействием фарингализации). Восстановить чередование e : ɛ можно, если учесть чередование слоговых тонов: первый слоговый тон, ров-

ный, высокий, имел в качестве фонемного базиса закрытый /e/, а другие тоны - открытый /ε /; следовательно, коттские примеры типа ej, pl. e:jaɟ "голос, звук"; e:g, pl. aɟ "коза"; e:k, pl. e:kɟ "волос"; hən, pl. hə:naɟ "сажень"; ʃe:t, pl. ʃat "лиственница"; te:m, pl. tamaɟ "пуля"; t^he:g, pl. t^hakɟ "ремень"; ke:j, pl. keaɟ "крыло" можно интерпретировать как *²ε?j, pl. *¹e:jaɟ "голос, звук"; *¹e:g, pl. *²a?g "коза"; *¹e:k, pl. *¹e:kɟ "волос"; *²hɛ?n, pl. *¹he:naɟ "сажень"; *¹ʃe:t, pl. *²ʃa?t "лиственница"; *¹te:m, pl. tamaɟ < *²ta?maɟ "пуля"; *¹t^he:g, pl. t^hakɟ < *²t^ha?kɟ "ремень"; *¹ke:j, pl. *²ke?ɟ "крыло" и т.д.

Графема "a" передает в коттских, как, впрочем, и в енисейско-остяцких материалах М.А.Кастрена, в некоторых случаях гласный /ε/, а в других - /æ/, т.е. звук переднего ряда низкого подъема языка. При этом мы исходим из факта свободного (или диалектного) чередования гласного, обозначенного графемой "a", со звуком /a/, но не со звуком /e/ ~ /ε/, сравним: кот.А haʃci, кот.Б haʃci "нижний шов"; кот.А e:ga кот.Б e:ga "солнце"; кот.А d'agičaɟ кот.Б d'agičaɟ "гребу (веслом)" и т.д. Лишь в очень редких случаях отмечается варьирование a ~ e, ср.: кот.А uršā, кот.Б urše "бобр".

Гласный /a/ является нелабиализованным звуком среднего ряда, низкого подъема языка и встречается в любой позиции в слове: a:gatal "седло", alaɟ "брюки", etraɟ "скоро", o:rajaɟ "чищу, очищаю", a:la "очищай!".

Гласный /u/ является лабиализованным звуком заднего ряда, высокого подъема языка; встречается он в любой позиции в слове: uk "молочный суп", u:luk "пузырь", urki "мытье", huk "дыра", uju "он".

Реконструкция в коттском вокализме оппозиции /o/ : /ɔ/ может основываться на тех же соображениях, что и реконструкция оппозиции /e/ : /ε/. В материалах М.А.Кастрена различие между /o/ и /ɔ/ не проведено графически, но опираясь на факт реализации первого тона на закрытом фонемном базисе (т.е. на гласных e, o), а других тонов на открытом фонемном базисе (т.е. на гласных ε, o) можно с большой степенью вероятности определить, какой из двух звуков передает графема "o". На наш взгляд, примеры типа ol, pl. o:laɟ "могила"; o:p, pl. o:paɟ

'отец"; hol, pl. ho:lan "щека"; ton, pl. to:nan "нож";
 tox "прыжок", to:kn "прыгать", "прыганье"; d'o'u:taŋ
 "прикрепляю"; d'o:š, pl. d'o:šaŋ "счастье"; koaš "кра-
 сивый" и т.д. можно интерпретировать соответственно как
 *²ɔʔl, pl.*¹o:lan "могила"; *¹o:p, pl.*¹o:paŋ "отец";
 *²hɔʔl, pl.*¹ho:lan "щека"; *²tɔʔn, pl.*¹to:nan "нож";
 *²tɔʔx "прыжок", *¹to:kn "прыгать", "прыганье"; *²dɔʔu:taŋ
 "прикрепляю"; *¹d'o:š, pl.*¹d'o:šaŋ "счастье"; *²koʔš
 "красивый".

Трудным является вопрос о наличии в коттском нелабиализо-
 ванного гласного среднего ряда, среднего подъема языка типа
 кетского и югского /ʌ/. По этому вопросу М.А.Кастрен выска-
 зался достаточно определенно, отметив, что в коттском языке
 представлены те же гласные, что и в енисейско-остяцком (кет-
 ском и югском), за исключением звуков /ʌ/, /y/ (т.е. /ы/).
 Правда, в коттском словаре XVIII века гласный /y/, наблюда-
 ется в словах *azkʉt* "жеребец", *baɣʉt* "медь", *kuʃuʃ*
 "деньги", *jaɣʉk* "стою" (во всех случаях в ударной позиции),
 а гласный /ʌ/, обозначенный графемой "ɔ", - в некоторых
 словах ассанского языка, очень близкого к коттскому: *ʃa*, *ʃɔ*,
eʃ, *ɛa*, *eʃ* "бог, небо"; *ʃga*, *ega* "солнце". Однако, по-
 скольку эти слова единичны и имеются параллельные формы с
 другими гласными, то реконструировать для коттского вокализма
 звуки /ʌ, ɔ/ и даже /y/, очевидно, все же невозможно. Не
 исключено, что в словах XVIII века /y/ - диалектный вариант.

Кроме рассмотренных монофтонгов, М.А.Кастрен выделял в
 коттском языке несколько дифтонгов на -i, а именно: ai,
 ɛi, ei, oi, ui. Сочетания ea, ia, oa, ua, iɛ, io, uo,
 au, eu, ou автор был скорее склонен рассматривать как бифо-
 немные образования /Кастрен 1858:4-5/. Правда, относительно
 звукосочетаний на -i далее автором отмечается, что в пози-
 ции между гласными -i переходит в согласный -j-, и та-
 ким образом, автор, собственно, указал на два оттенка фонемы
 /j/ (в исходе слов и слогов и в позиции между двумя гласны-
 ми в середине слов), что наблюдается и в других енисейских
 языках и полностью подтверждается фактами современных языков
 - кетского и югского. Следовательно, о дифтонгах на -i в
 коттском языке говорить не приходится. Примеры типа *aija* -
aija (крик при ощущении боли) следует, поэтому, в записях

М.А.Кастрена интерпретировать как *ajja-ajja* (усиление /j/, напоминающее геминацию этого звука).

Может быть, как дифтонгообразование можно рассматривать случаи ? > i, j после гласного /e/ вследствие ослабления фарингализации и ее своеобразной орализации в виде $i \sim j$? Но и в таких случаях можно $i \sim j$ рассматривать как оттенки фонемы /j/. Бифонемны и другие случаи сочетания гласных /e/, /i/, например, в формах родительного падежа у существительных женского и вещного классов: *oge* "ветвь", род.пад. *oge i* < *oge + i* (ср. *aj* "язык", род.пад. *a:ji*); сходные случаи можно наблюдать и при глагольном формообразовании: *t^he:inaŋ* "падаю", форма прош.времени *t^helaginaŋ*, форма императива *t^he:lin*.

Из других сочетаний коттских гласных, видимо, только /au/ можно рассматривать как собственно дифтонг в примерах типа *au* "ты", *auoŋ* "вы", *auše* "твой", *auoŋše* "ваш", *hau* "рог", *hautu* "извилина реки", *ušauk* "открывать", *auŋanaŋ* "варю-я", *alaŋanaŋ* "варил", *alaŋan* "вари!" (но сравним *o:lau:naŋ* - форма прош.времени от *ou:naŋ* "качаю", где сочетание /au:/ следует рассматривать как бифонемное). Оставшиеся сочетания (*eä*, *ea*, *ia*, *iä*, *oa*, *ua*, *io*, *uo*, *eu*, *ou*) следует, как правило, рассматривать в качестве бифонемных: *a:šiaŋ* "угощаю", *aneä*, *an'eä* "невестка" (ср. *ani*, *an'e* "зять"); *hišeä* "кобыла", *afua:ku* "кую" (ср. *afuolo:ku* "ковал"); *e:ant^ha:ku/i:ant^haku* "копаю", *hešua:jaŋ* "жалю", "сожалю", *u:o:teku* "втыкаю" (ср. *u:teku* "втыкал"), *hautuan* (pl. от *hautu* "извилина реки"), *inao:jaŋ* "по этой причине", *o:an* (pl. от *o:* "гриб-поганка"), *ou:n* "качание", *ou:naŋ* "качаю", *uicəŋ= a:pše* "их собственный", *d'i:an* (pl. от *d'i:* "гора"), *urokiaŋ* "мою", *fiafui* "криво, косо", *t^heu:r* "хидкий" (о суне), *afua:lšek* "куй!" и т.д. В отношении дифтонга /ou/ в слове *hou* "мертвый" можно допускать такое же толкование, как и в случае с дифтонгом /au/ в примерах типа *hau* "рог", *t^hauk* "спрокидывание", *šauŋanaŋ* "горю", но отсутствие других примеров, кроме слова *hau*, осложняет такое толкование; примеры типа *ou:naŋ* "качаю" также неубедительны в связи с наличием длительности у второго компонента данного сочетания гласных. Исключениями следует считать те

случаи, когда дифтонгизация обусловлена воздействием /?/ в слогах со вторым тоном, например: $\check{c}ea\check{z}$, $\check{c}ea\check{z} < *2\check{c}e?z$ "люди"; t^heaz , $t^heaz < *2t^he?z$ "иней"; $fin\check{t}eap < *fin^2t\varepsilon?p$ (ср. параллельные формы $fin\check{t}ep$, $fun\check{t}e:p$ в другом диалекте) "грудь, пазуха", а также, видимо, примеры типа $areaz$ "в" а + $pa\check{z} < *2pa?z$ "земля", $hu\check{b}areaz$ "дома" < $hu\check{b}$ "дом" + а + $pa\check{z} < *2pa?z$ "земля", $\varepsilon\check{x}e:ja\check{z} < *2\varepsilon?x\varepsilon:ja\check{z}$ "иду", $koa\check{s}$, $koa\check{s} < *2ko?s$ "красивый", $ea\check{z} < *2e?z$ "копать", $aj\check{t}e\check{a}z < *aj^2t\varepsilon?z$ "хотеть", $ea\check{p}o:ja\check{z} < *2\varepsilon?no:ja\check{z}$ "пишу" и т.д.

В большинстве случаев сочетания гласных, разделенных гортанным смычным /?/ тоже следует считать бифонемными: $a\check{s}o:u\check{k} < *2a\check{s}o:u\check{k}$ "посев", $a\check{s}o:u\check{k} < *2a\check{s}o:u\check{k}$ "сею", $a\check{s}o:la?u\check{k} < *2a\check{s}o:la?u\check{k}$ "сею", $o\check{n}a?u:n$ - пассивная форма от $o\check{n}:na\check{z}$ "перемешаю", $\varepsilon:pe\check{r}a:t^hola:u\check{k}i$ - пассивная форма от $\varepsilon:pe\check{r}a:t^ha:k\check{z}$ "кручу", $ka?ir$ "бобровая течка", $ha\check{u}?i$ - форма родительного падежа от $ha\check{u}$ "рог", $ha\check{s}a?uta\check{z}$ "желаю", $he?u:ta\check{z}$ "взбираюсь наверх". Но при этом необходимо особо выделять примеры типа $\check{y}i?u\check{s}$ "кройка", $\check{y}i?ol$ "бочка", в которых гортанный смычный как бы делит пополам соответствующую гласную фонему, что может, как в случае $\check{y}i?ol$ "бочка", сопровождаться дифтонгизацией.

Фонетические явления в системе гласных

По имеющимся коттским материалам можно установить следующие фонетические явления в вокализме:

- 1) редукция безударных гласных;
- 2) палатализация гласных в позиции рядом с мягким согласным;
- 3) вставка гласных при скоплении согласных;
- 4) ассимилятивное выравнивание гласных;
- 5) дифтонгизация, расширение и сужение гласных, обусловленные воздействием слоговых тонов.

Редукция коттских гласных, под которой здесь понимаются качественные и количественные изменения гласных, обусловленные безударной позицией в слове, затронута М.А.Кастреном лишь косвенно, в связи с описанием места словесного ударения в коттском языке. Можно следующим образом кратко резюмировать наблюдения М.А.Кастрена /Кастрен 1988:14-15/.

1. Если в многосложном слове все слоги кратки, то ударение падает на последний слог, как в татарском языке.

2. Если один из непоследних слогов в слове является при этом долгим, то ударение переходит на него; если же и последний слог долгий, то ударение сохраняется на нем.

3. Впрочем, если в слове имеется несколько долгих слогов, то длительность сохраняется лишь в ударном слоге, а безударные слоги становятся либо краткими, либо полудолгими.

4. Нередко можно наблюдать свободное перемещение ударения, при котором бывший долгий слог становится кратким, например: $o:ge > oge$ "ветвь", $fo:gar > fogar$ "гузка".

5. В односложных словах с исходом на гласный наблюдается тенденция к сокращению долготы гласного, а в соответствующих словах с исходом на согласный - к удлинению гласного (но в многосложных словах долгота в последнем слоге с исходом на согласный сокращается).

6. В определенной группе трехсложных слов ударение падает на средний слог, даже если он является кратким, и при этом конечный безударный гласный легко отбрасывается, особенно в словах на *-ee*. В словаре М.А.Кастрена ударение поставлено, однако, не всегда по этим правилам, сравним, например, *bal*, *ba*, *baalaq* вместо *baalaaq* "холод".

Эти наблюдения М.А.Кастрена показывают количественную редукцию безударных гласных, связанную с изменением слоговых тонов в безударных слогах. Хотя у М.А.Кастрена нет указаний на наличие в коттском языке качественной редукции гласных, все можно предполагать на основании наличия количественной редукции. Только в одном случае М.А.Кастрен отмечает, что безударное /i/ в исходе слов воспринимается почти как /e/ (Кастрен 1856: 2). Часто оно вообще исчезает (апокопа).

Наличие апокопы можно часто наблюдать при сравнении слов двух коттских диалектов: кот.А *ba:za*, кот.Б *ba/baa* "посе"; кот.А *t^hutal*, кот.Б *t^hutu:li* "кишка"; кот.А *a:aa:me*, кот.Б *a:aa:m* "плохо"; кот.А *a:aa:ga*, кот.Б *a:aa:k*, *a:aa:h* "звезда". Любопытно, однако, что при слово- и формообразовании апокопируется иногда в таких случаях и гласный, который по правилам коттской акцентуации должен нести на себе словесное ударение: кот.А *ha:li* "война", но кот.Б *ha:le:ky* (вместо *ha:li:ky*) "воюю", кот.А *ha:lo:ky* (вместо *ha:li:lo:ky*) "возвал"; кот.А

"торговля", но *hara:ky* (вместо *haria:ky*) "торгую", *hara:lo:ky* (вместо *hario:lo:ky*) "торговал". Особенно хорошо апокопа и конечных ударных, и конечных безударных гласных наблюдается при сравнении, с одной стороны, примеров типа *iki*, pl. *ikán* "вошь"; *iči*, pl. *ičán* "перо"; *iti*, pl. *itan* "зуб" и т.д., а с другой - примеров типа *e:ti*, pl. *e:taŋ* "острый"; *i:ji*, pl. *i:jaŋ* "весна"; *i:ri*, pl. *i:raŋ* "нитка"; *u:či*, pl. *u:čán* "береза" и т.д. Это же явление наблюдается и в таких примерах, как *a:ma* "мать", род. падеж *a:mi* (вместо *amai*); *hima* "бабушка", род. падеж *hiŋi* (вместо *himai*), хотя в других случаях наблюдается лишь своего рода ассимиляция соседних гласных: *aŋa* "колени", род. падеж *aŋei* (вместо *aŋai*); *i:ri*, *i:re* "нитка", род. падеж *i:ri* < *i:ri* + *i*; *u:ja* "она", *u:jeiŋe* "ее" (но: *u:ju* "он", *u:ja:ŋe* "его"); *kaŋa* "курительная трубка", род. падеж *kaŋei* и т.д. Одинаковые по качеству гласные стягиваются при этом в один долгий: *alruŋa* "белка-летяга", род. падеж *alruŋa:*; *i:ji* "весна", род. падеж *i:ji:* и т.д.

Как отмечает М.А.Кастрен /Кастрен 1856, с. 12/, коттский язык не терпит скопления согласных ни в начале, ни в конце слов; в середине слов, он, в отличие от кетского и югского, также почти не имеет скоплений согласных и вообще не допускает скопления трех согласных. Исключениями являются лишь сочетания *ky*, *ty* в исходе слов.

Это наблюдение М.А.Кастрена подтверждается многими фактами. При формообразовании возможное скопление согласных устранивается вставкой дополнительного гласного, например: *agat^h* = *a:ky* "рублю", "(готовлю) дрова", но: *agat^holo:ky* (вместо *agat^hlo:ky*) "рубил дрова"; *ahta:čeaŋ* "уколю", но: *ahto:=lačeaŋ* (вместо *ahto:lčeaŋ*) "уколот" и т.д.

О палатализации гласных в работе М.А.Кастрена ничего не говорится, кроме указания на "мягкий" оттенок звука /u/, который особенно хорошо воспринимается после согласного /j/. Но по аналогии с другими языками ее можно предполагать в связи с наличием в коттском палатальных согласных *d'*, *č*, *j*, *l'*, *n'*. Нередкие колебания между коттскими диалектами в употреблении гласных /a/, /ä/ можно объяснить именно позицией рядом с палатальными согласными, например: кот.А *d'ateky*, кот.В *d'ateky* "стою"; кот.А *d'ačamaŋ*, кот.В *d'ačamaŋ* "лягу" и т.д.

При учете данных современных енисейских языков - кетско-го и югского - и отражение этих данных в записях М.А.Кастрена по этим же языкам в XIX веке, такие фонетические явления в коттском вокализме, как дифтонгизация, расширение и сужение гласных, чередование долгих и кратких гласных и др., с очевидностью вытекают из фактов коттского языка, которые позволяют реконструировать в нем слоговые тоны. Совершенно очевидно, что дифтонги в словах типа $\text{šeaŋ} \approx \text{šəŋ}$ "люди", $\text{koaŋ} \approx \text{koŋ}$ "красивый" обусловлены фарингализацией, как это еще наглядно видно в слове ša?ol "бочка". С такой же очевидностью можно выводить из особенностей слоговых тонов:

а) сужение гласных, обнаруживаемое в колебаниях при написании слов типа toj/tuj "свадьба", het/hit "человек", hetša/hitša "стрельба", henar/hinar "плечо" и т.д.;

б) расширение гласных, обнаруживаемое при сравнении примеров типа d'ix , pl. d'ekp "гора"; re:g , pl. raŋp "рыбка"; re:š , pl. rašap "заяц"; piz , pl. patp "утка" и т.д.;

в) чередование долгих и кратких гласных как следствие изменений в акцентуационной структуре слова: ei , pl. e:jaŋ "голос", "звук"; ix , pl. i:kp "имя"; ui , pl. u:jaŋ "лыболь"; cl , pl. o:laŋ "могила"; še:t , pl. šat "листьялица" и т.д.

Фонологические отношения в коттском вокализме

За недостаточностью материалов и при учете замечания М.А.Кастрена об отсутствии в коттском языке гласных /л/, /у/ нужно, очевидно, исключить из дальнейшего анализа эти два гласных, оставив лишь следующие звуки: i , e , ɛ , ɛə , a , u , o , ɔ . Из них звуки /а/, /ə/ находятся, как правило, в отношении свободного варьирования, чаще диалектного характера: $\text{hāiŋi} \approx \text{hāi}$ "нижний шов", кот.А e:ga , кот.Б e:ga "солнце" и т.д., и даже кот.А uŋš , кот.Б uŋš , pl.: кот.А uŋšap , кот.Б uŋšap "бобр". Тем не менее гласный /ə/ порой последовательно сохраняется при формообразовании независимо от диалектной принадлежности соответствующих слов, например: hājor , pl. hājoraŋ "верхний шов"; uŋš , pl. uŋšap "бобр"; alu:p $\text{t}^{\text{h}}\text{agejaŋ}$ "лиху", alu:p $\text{t}^{\text{h}}\text{alagejaŋ}$

"лизал", ал:р t^halgex "оближи!". Кроме этого, /æ/ может последовательно сохраняться в обоих диалектах: кот.А t^higā, кот.Б t^hiʔa "корова"; hāteŋ "так". Все эти факты можно бы рассматривать как признаки начинавшейся фонологизации оппозиции /a/ : /æ/ в коттском языке.

Что касается оппозиций e : ε, o : ɔ, то их фонологический характер можно бы предполагать по соображениям типологического характера, опираясь на сходные параллели в современном югском и кетском языках, где эти оппозиции, особенно в многосложных словах, приобрели фонологический характер.

Таким образом, можно исходить из того, что коттская система вокализма состояла из восьми фонем (i, e, ε, a, u, o, ɔ, æ). Она могла бы быть описана в терминах следующих дифференциальных признаков: центральный-нецентральный, компактный-некомпактный, диффузный-недиффузный, открытый-закрытый, периферийный-непериферийный.

Матрица идентификации коттских гласных фонем

ДП \ Фонемы	i	e	ε	æ	a	u	o	ɔ
1. Центральный-нецентральный	0	0	-	-	+	0	-	-
2. Компактный-некомпактный	0	0	-	+	+	0	0	-
3. Диффузный-недиффузный	+	-	0	0	0	+	-	0
4. Открытый-закрытый	0	+	+	0	0	0	-	+
5. Периферийный-непериферийный	-	-	-	-	0	+	+	+

По вопросу о фонологической значимости длительности коттских гласных можно, очевидно, исходить из тех же соображений, которые легли в основу фонологической интерпретации долгого вокализма в югском и кетском языках. В одних случаях длительность коттских гласных определяется характером слоговых тонов, сравним словоформы: e:g, e:x "коза", pl. ag; i:x "имя", pl. i:kɔ; i:g, i:x "день", pl. eŋkɔ < *2 e:kɔ; i:p "лыжа", pl. iɔ, eɔ; ol "могила", pl. o:laɔ; uɔ "колыбель", u:jaɔ; ful "черенок", pl. fu:laɔ; ve:g,

ре:х "чурка", рl. ракр; фу:п, рl. фу:пау "дочь".

В других случаях, особенно в многосложных словах, где тональные различия нейтрализованы, длительность гласных, несомненно, приобретает фонслогический характер: ulaj "ребро" - ula:j "песня", "песнопение"; ko:ja "олень" - ko:ja: "олень" (род. падеж); i:ji "весна" - i:ji: "весны" и т.д.

Примеры типа i:jaу "ухожу" - i:jaу "вёсны"; i:bi, рl. i:baу "перо"; i:ši, рl. i:šaу "мясо"; he:jaу "ходьба, езда" - he:jaу "шубы" (мн. число); šuli, рl. šulaу "овес" - šu:li, рl. šu:laу "крюк" и т.д. в этом отношении неопознательны, т.к. соответствующие слоги находятся в различных фонетических условиях: в краткосложных словах ударение приходится на последний слог, а в других - перемещается на первый (долгий) слог.

Следует, однако, учитывать и варьирование длительности гласных по диалектам, сравним: кот.А ваг, кот.Б ва:г "вошь"; кот.А ре:ј, кот.Б ре:j "чукой", "другой"; кот.А ип, кот.Б i:n "игла"; кот.А епај, кот.Б епа:j "сосновый бор" и т.д. В некоторых случаях в словаре М.А.Кастрена приводятся варианты слов с кратким и долгим гласным без указания на их диалектную принадлежность: ko:puг - кориг, рl. ko:puгау^о коригау "мост"; kul'е:р^о kul'er "совковая лопата".

Таким образом, если оппозиции коттских гласных для льюности признать фонологически релевантными, то число гласных фонем удвоится, за исключением разве только долгого гласного /э:/, т.к. он отмечен нами лишь в случае d'ä:leä "девочка", род. падеж d'ä:lei, рl. d'ä:leätu.

К о н с о н а н т и з м

Коттские материалы XVIII-XIX вв. позволяют установить в коттском языке следующий состав согласных: м, р, р^h, в, ф, л, т, т^h, д, дж, в, ш, л, л', г, п', д', т', ч, j, к, г, х, q, G, X, h, p, ?, R. Придерживаясь обычной классификации, можно представить коттский консонантизм в виде следующей таблицы:

По месту артикуляций		По способу артикуляции	Губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные велярные	Заднеязычные узультарные	Фарингальные	Ларингальные
По месту артикуляций									
Шумные смычные	глухие	p, p ^h	t, t ^h	t'	k	q		ʔ	
	звонкие	b	d	d'	g	g			
Шумные целевые	глухие	f	v, v ^h		x	χ	h		
	звонкие					ʁ			
Аффрикаты	глухие			ç					
	звонкие			dʒ					
Смычные сонанты		m	n	n'	ɲ				
Целевые сонанты				j					
Боковые сонанты			l, l ^h						
Дрожательные сонанты			r						

Опираясь на графическое изображение данных котских согласных в словариках XVIII века, в материалах М.А.Кастрена, и, учитывая краткие замечания М.А.Кастрена о характере котских согласных, можно их фонетическую характеристику определить следующим образом:

/m/ - губно-губной, носовой смычный сонант, встречающийся в любой позиции в слове: моп "нет", ментага "налим", амра "жура-подстилка", алаад "боязнь, страх", нава: "хорошо", нам "сосуд, чашка", том "лука";

/p/ - губно-губной глухой дульный смычный сонант, встречающийся

в любой позиции в слове: *vari* "созревает", *puł* "нога",
rove:ŷ "брат", *fur, pl. furap* "сын", *alruga* "белка-
летяга";

/b/ - губно-губной, звонкий шумный смычный, встречающийся только в начале слов*: *ba?u:taŷ* "сосу", *baŷa* "сильный",
ba:t "правда", *bili* "где", *bylaŷ* "пешком", *bo:ru* "волк";

/f/ - губно-зубной, глухой шумный спирант, встречающийся в начале и середине слов: *falaŷak* "мешок", *amfox*
"сошия", *iŷe:laŷ* "расту", *o:fu:jaŷ* "плету", "пряду",
furtagan "скользкий (лед)";

/p^h/ - губно-губной, глухой шумный смычный, отличающийся от */p/* придыханием; встречается согласный */p^h/* в одном из диалектов вместо */f/*: кот.А *fugaŷ*, кот.Б *p^hugaŷ*
"хвост"; кот.А *fun*, кот.Б *p^hun* "без";

/n/ - носовой переднеязычный непалатализованный смычный сонант, встречающийся только в середине и исходе слов: *miŷtu*
"он сам", *fupaŷ* "зола", *anigejaŷ* "рождаюсь", *fun* "дочь";

/n'/ - можно бы по аналогии с соответствующим звуком в югском языке рассматривать как среднеязычный смычный носовой сонант, хотя в коттском звуки */n/*, */n'/* не образуют такой четкой и последовательной оппозиции как в югском языке: *in'a* "эта вот", *in'u* "этот вот", *un'e* "там",
hon'e:la "опухоль", *hagin'i* "жердь чума", *hon'aŷ* "зевота", *hon'apa:ku* "зевая", *ap'er* "положи!"; иногда звуки */n/*, */n'/* обнаруживают варьирование диалектного характера: кот.А *fini*, кот.Б *fin'i* "короста"; кот.А *ti:ni*, кот.Б *ti'n'i* "ель";

/l/ - боковой непалатализованный сонант, встречающийся только в середине и исходе слов: *alŷen* "один раз", "однажды", *alreŷ* "чудо", *ŷal* "холод", *ol* "лысый",
alaxi:ŷaŷ "греб веслом";

/l'/ - боковой палатализованный сонант, встречающийся довольно редко, причем чаще в порядке диалектного варьирования: кот.А *ti:l'i*, кот.Б *ti:l'e* "ива", "тал"; кот.А *ŷeli*
кот.Б *ŷele*, *ŷel'e* "дичь"; кот.А *ŷuli*, кот.Б *ŷul'e*, *ŷul'i*

---

* Послелог *-baŷ*, *-baŷa* "как", "подобно", сливающийся с предыдущим словом (*alŷirbaŷ* "как собака") едва ли можно считать исключением.

"овес"; кот.А ѝu:l'i, кот.В ѝu:l'e, ѝu:l'i "крок"; но наблюдаются и случаи употребления /l'/ независимо от диалектной принадлежности слов: hel'om hel'om "иногда", bog hel'om "никогда", hel'om "когда", кот.А ѝagal'i, кот.В ѝakal'e "пень"; hal'etn'is, hal'etn'is'e, pl. hal'etn'is'is "лесной дух"; kul'e:p, kul'er, pl. kul'e:paq "совковая лопата"; kul'uk "смелый";

/r/ - переднеязычный дрожащий сонант, встречающийся только в середине и конце слов: o:r "табун", d'ira, d'era "ящерица", d'eru:traq "напрасно", ho:ri "осень", ajs:rtajaq "побил, бил" (ср.: ajs:ta:taq "был");

/t/ - переднеязычный глухой непалатализованный шумный смычный, встречающийся в любой позиции в слове: ti:š "глад", toh "нож", tu:t "шило", tu "дым", atri be:tek "сиденье", katameja:kq "кашляю";

/t^h/ - отличается от /t/ лишь наличием придыхательности; не встречается в исходе слов: t^hagaq "грязь", t^hesic'ian "посылаю", t^hu "сырой", alt^ha:taq "вынимаю";

/a/ - является звонким непалатализованным дентальным смычным. Встречается этот звук лишь в нескольких словах: da'da (из русск. языка), d'ida "копые", f'idaq ~ f'isak "ровный". bo:dia:kq ~ bo:sa:kq "работая", bo:die "работы" и др.;

/t'/ - переднеязычный глухой палатализованный шумный смычный, появляющийся лишь в нескольких словах: urt'ekq "капель", urt'ekpa:kq "капая", urt'ekp'olo:kq "калака", urt'ekpa:l'ek "капай!"; ko:t'u, pl. ko:t'uaq "агульский татарин";

/d'/ - вероятнее всего, среднеязычный звонкий шумный смычный, встречающийся только в начале слов перед гласными: d'al "ребенок", d'a:taq "лежу", d'ila:kq "разговариваю";

* Любопытно следующие диалектные варианты: кот.А рe:st'au, кот.В рe:st'ijaq "уношу" (ср.: кот.А o:n'au, кот.В o:st'au "я стал"). В качестве диалектного варианта следует, очевидно, рассматривать и звонкую аффрикату /dʒ/, которая отмечена в ассанском. В материалах ХУШ в. она отмечена, например, в агульском dʒiʒ "гора".

d'o:kiad "гну", d'u:sta "мышь";

/č/ - среднеязычная аффриката, напоминающая, по замечанию М.А.Кастрена, русский звук /ч/; встречается только в начале и середине слов перед гласными: čar "быть гостем", čičo:jaŋ "починаю", či "комель, ствол (дерева)", čugar "сани"; ači "дерево";

/š/ - шипящий, напоминающий, по М.А.Кастрену /Кастрен 1958:4/ русский согласный /ш/; встречается в любой позиции в слове: šī:gi "лебедь", še:p "достаточно", šī:š "камень", ašto:ky "прыгаю";

/v/ - свистящий переднеязычный глухой шумный спирант; встречается лишь в следующих словах: akvaх "хромой", akvaга:ky "хромаю", iвар "глухарь", ašašče "сто", "рубль", a:sa "чёрт", aскаг "жеребец", аврах "котел", vo:lar hapo "меньше"; диалектное варьирование звуков /v/, /š/ отмечено в примерах vera/šera "ливо", var/šar "соловый";

/j/ - среднеязычный щелевой сонант, встречающийся между гласными в середине слов, а также в конце слов (гевр. слогов): ajak "гром", ajoŋše "наш", ej, pl. e:jaŋ "голос, звук", fej "кедр", pe:j, pl. pe:jaŋ "ветер";

/ɲ/ - является заднеязычным смычным носовым сонантом, встречающимся только в середине и исходе слов: alataŋ "лёг спать", fataga:ky "встаю", alašakraŋ "ехал (вниз по реке)" faŋoki:taŋ "вытираю (насухо)"; по мнению М.А.Кастрена, этот звук встречался ранее в коттском в начальной позиции в слове, как в некоторых самодийских языках, но теперь может лишь рассматриваться как своего рода преаспирация: ~o:p "отец", ~a:ša "мать"; полагаем, что в данном случае имеем дело с притяжательными формами соответствующих слов, и /ɲ/ в начале этих слов указывает на первое лицо ед. числа, т.е. ɲo:p "мой отец", ɲa:ša "моя мать" и т.д. (показатель /ɲ/ восходит к притяжательному местоимению aŋ "мой", которое в свою очередь восходит к форме род. падежа aŋ личного местоимения ai "я");

/k/ - заднеязычный (велярный) глухой шумный смычный, встречающийся в любой позиции в слове: alak "звезда", kola "медь", koj "овца", kolakaŋ "заикающийся";

/g/ - заднеязычный (велярный) звонкий шумный смычный,

встречающийся в середине, а нередко и в исходе слов: a:ga:tal "седло", a:ge:ja:q "родить", a:n:i:grana:q "сел", e:kju:qog "ежедневно"; наблюдается диалектное варьирование звуков /k/, /g/: кот.А a:ge, кот.Б a:ke "гнилой"; кот.А alt^hi:tega, кот.Б alt^hi:teka; кот.А alt^hi:tegan, кот.Б alt^hi:tekan "муравей";

/x/ - заднеязычный (велярный) глухой шумный спирант, встречающийся, как правило, в исходе слов (гевр. слогос): a:ta:ʃe:q "уколоть", i:x, i:x "има", o:x "луг", ʃa:q x "люб"; по замечанию М.А.Кастрена, этот звук воспринимается, то как русский согласный /x/, то как q (qʰ); это связано с тем, что в коттском следует различать, кроме велярного /x/, еще и увулярное /X/, как в югском языке^ж; неудивительно, если они по восприятию на слух казались М.А.Кастрену перой идентичными; сходная ситуация часто наблюдается в современном кетском языке, когда конечный в слове велярный /x/ и увулярный /X/, оглушаясь вследствие апокпапы конечного безударного гласного, воспринимается как одинаковые: ju:--ket. qeR/qeX "звезда", tiʃ/tix "змея"; вообще звуки в, к, х встречаются в коттском языке нередко в отношении диалектного варьирования, сравним: a:l:i:x/a:l:i:g "поддень", a:kʰe:k/a:kʰe:g "поставить", "установить"; a:lak/a:lax "звезда";

/X/ - увулярный глухой шумный спирант, находящийся часто в отношении варьирования с увулярным глухим смычным /q/ диалектного характера: ʃa:se:q "смерть", ʃa:lto:pa:se:q "то:па "восемь", ʃe:m:se:qom "стрела"; как можно видеть по словарным материалам М.А.Кастрена, в исходной позиции в слове звуки /x/ - /X/ и /k/ - /q/, нейтрализуясь в коттском, совпадали в вариантах /x/, /k/;

/g/ - увулярный звонкий шумный смычный; как отмечает М.А.Кастрен /Кастрен 1858 : 3/, его еще можно слыо в отдельных случаях четко воспринимать (например, ʃa:ʃe "черемуха", ʃ^ha:ʃe "тонкий"), но как правило, он перешел в /x/; вытеснивший и /q/^ж;

^ж М.А.Кастрен полагал, что увулярные являются заднеязычными придыхательными по примеру соответствующих губных и переднеязычных /Кастрен 1858 : 3/.

^{жж} Реальней, однако, предполагать, что он происходил как спирант /ʃ/.

/h/ - обычный, по описанию М.А.Кастрена, фарингальный звук; встречается в начале слов перед гласными: haʒaʒ "подшва обуви", haʒ "порох", heʒaʒ "волос", hi:la "ворона";

/ʔ/ - ларингальный смычный, встречающийся в позиции между гласными в середине слов: eʒa:ʔa "к богу", ha:raʔa:kʁ "быть в нерешительности", "затягивать (время)", ʒuʔol "бочка".

Фонетические процессы в системе котских согласных

М.А.Кастрен установил для котского консонантизма следующие фонетические закономерности /Кастрен 1858 : 4/:

1. Сонант /ŋ/ переходит в /n/ перед согласными ʒ, ʃ, t, d, d', s, p: to:ŋa "три", to:nʒin "трое их"; i:maŋ "близко", i:maŋsaŋ "вблизи"; haʒana:ŋ "дяди", иск. падеж haʒana:nʒaŋ; aʒoŋ "мы", aʒoŋʒe "наш". Однако, как показывают словарные материалы, в одном из диалектов /ŋ/ иногда сохраняется в указанной позиции, например, кот.А aʒaŋʒe - кот.Б aʒaŋʒe "лось", "большой медведь".

2. В позиции перед /n/ согласный /ʃ/ переходит в /t/, например, haʒalaʒ "сова", pl. haʒalatn; a:reʒ "рожь", pl. a:retn.

3. Инициальный /b/ переходит в /m/, если в конце соответствующего слога появляется /n/, например, battaŋ "положу", ma:ntaŋ "положил"; bat^hiaŋ "толкая", maŋat^hiaŋ "толкнул".

4. В позиции перед звуками p, b, f носовые сонанты n, ŋ переходят в /m/: bariŋkʁ "найду", ma:mriŋkʁ < ma:prɪŋkʁ "нашел"; aʒaŋ "член, сустав", но aʒaŋʃun (< aʒaŋ + ʃun) "болезненный" (букв. "без члена"); aŋfoʒ "сопли" < aŋ "нос" + fo:x "экскременты", "грязь".

5. Перед гласными a, i, e сонанты l, ɲ смягчаются. Учитывая другое замечание М.А.Кастрена, а именно, что перед a, i смягчаются в известной мере и согласные k, ʒ /Кастрен 1858 : 12-13/, можно, очевидно, говорить по отношению к котскому о частичной палатализации согласных, кроме увулярных и ʒ, h, ʔ, в позиции перед гласными переднего ряда i, e, ε, æ. В подтверждение сказанного можно привести наглядные

примеры появления палатализации под воздействием последующего /i/: кот.А re:t'aŋ, кот.Б re:tijaŋ "уношу"; кот.А o:n'aŋ, кот.Б o:niaŋ "я=стал".

6. В позиции между гласными /x/ переходит в /g/, а /š/ - в аффрикату /č/: абрах "котел", pl. абраган; хиš "лошадь", pl. хибан; поре:š "брат", поре:ča "сестра". До нейтрализации звуков /x/, /X/ в исходе слов, видимо, наблюдался и переход увулярного /X/ в соответствующий /G/: а:х, pl. а:ган < а:Х, pl. а:ган "лес" (ср.: югск. ²а?Х, кет. ²а?q "дрова, деревья"); t^hох "палец", род. падеж t^hogi (ср.: югск. ²тл?Х, кет. ²тл?q "палец").

Следует, однако, отметить, что нередки и случаи сохранения /š/ в позиции между гласными: о:šal "жалкий, бедный, нищий", о:šalaŋ "я-точу", о:šiaŋ "я-рвсчесьваю", а:še:taŋ "спускаю на волю", о:раša "отцу принадлежащий".

7. Согласный /h/, попадая в положение между гласными, исчезает: хелу:ča "шесть" < хе:gš/хе:lš "пять" + хи:ča "один"; i:пра:šal "полтора" < i:ра:š "два раза" + hal (из halap "половина"). В некоторых примерах вместо /h/ может в таких случаях появиться /ʔ/, например, а:mahiča а:maʔiča "мачеха". Сравнение некоторых диалектных параллелей позволяет предполагать, что синкопа могла охватывать и некоторые другие согласные, в частности, заднеязычные, например, кот.А ai:tāti:ga:kŋ, кот.Б ai:tāti:ka:kŋ "я-учусь". Об исторической синкопе могут свидетельствовать примеры типа хи:ja, но: pl. хикŋ "щука" (ср.: югск. Хи:t', pl. Хикŋ "щука"); tu (Кастрен), но tug (18 в.) "дым"; ip, pl. iŋ "лыжа"; ишох ~ ишou "лёд". В этом плане интересны и несомненные вставки согласных в формах мн. числа, например: šineŋŋ, pl. šineŋkŋ "скала"; šilpaŋ, pl. šilpa:kŋ "лето"; balt^hu, pl. balt^hutŋ "топор", свидетельствующие, возможно, о переразложении прежних основ.

В связи с исчезновением /h/ в указанной позиции отметим в качестве исключения падежные показатели -iha:t, -a:ha:t, сохраняющие /h/: šaga "белка", местн. падеж šaga:ha:t; iti "зуб", местн. падеж iti:ha:t; колебания наблюдаются, правда, во мн. числе у одушевленных существительных - ŋha:t/-ŋa:t šaŋa:ŋha:t/šaŋa:ŋa:t.

8. В позиции между гласными может наблюдаться переход /t^h/ > /t/: t^hite:g "пояс", ср.: t^he:g "ремень". Следует, кстати, отметить, что /t^h/ не встречается в исходе слов; из этого можно заключить, что позиция конца слова является позицией нейтрализации звуков /t^h/, /t/, как, впрочем, нередко и позиция между гласными. Данная особенность охватывает и другие звуки, в частности, в позиции исхода слова, где нейтрализуются оппозиции p - p^h, x - x, k - q, ʃ - ʃ, b - p, d' - t (как уже отмечалось выше, звуки d', b, p^h, q встречаются только в начале слов).*

9. Некоторые случаи (например, turuɟ, pl. turuɟaɟ "уда") как будто позволяют говорить о наличии диссимилиации /ɟ/ в коттском, хотя нередки и примеры типа t^he:nfe:ʃakɟaɟ "ступень", d'aʃakɟaɟ "я-эду (вниз по реке)", прош. время alaʃakɟaɟ. В другом случае, как в югском и кетском, можно бы, наоборот, говорить об ассимиляции по месту образования: в исходе слов допускаются сочетания tn, kɟ, но не tɟ, kɟ: ataɟ, pl. ataɟɟ "палатка"; i:g, i:x, pl. eʃkɟ "день"; i:t, pl. i:tn "запах"; но: uk, pl. ukɟ "суц молочный"; hottaɟ "удаваться". Перед /ɟ/ никогда не встречается /g/, что позволяет предполагать диссимилиацию по звонкости (g > k перед ɟ).

10. При сравнении диалектных словарных параллелей наблюдаются еще следующие фонетические явления в коттском консонантизме:

а) метатеза некоторых согласных: кот.А atkur, кот.Б aktur "насквозь"; кот.А elox, кот.Б erol "трезвый"; кот.А itrak, кот.Б iptak, pl. itrakɟ - iptakɟ "хлеб"; кот.А ʃovaktin, кот.Б ʃogartin "цель";

б) спирантизация смычных согласных: кот.А alaga, кот.Б alak/alax "звезда"; ait^hoga:kɟ "я-эргину", ср.: ait^hox "аргину", кот.А e:g, кот.Б e:x, pl. ag/ax "коза"; кот.А fajtuɟ, кот.Б p^hajtuɟ "колотушка для бубна"; кот.А to:=naruɟ, кот.Б to:naruɟ "трава для подстилки в обувь"; кот.А va:k, кот.Б va:x "наст";

* Исключения крайне редки, например, кот.А o:bal, кот.Б o:pal "грех".

в) озвончение заднеязычного глухого согласного /к/ в положении между гласными: кот.А ага:җа, кот.Б ака:җа "разновидность уток"; кот.А алпуҗа, кот.Б алпука "белка-лестяга"; может быть, иногда имело место и озвончение в этой позиции согласного /т/, например, fi:там/fi:дам, р^hi:дам "ровный", и согласного /р/, например, о:бал/о:рал, рl. о:балаҗ/о:ралаҗ "грех", d'ibak/d'irak "шелковая нитка"; бабансаҗ "я-пашу", бабан "плуг";

г) орализация гортанного смычного /ʔ/: кот.А t^higā, кот.Б t^hiʔa "корова"; кот.А ке:gār, кот.Б ке:ʔār "рука"; кот.А ваʔa:kʏ, кот.Б вага:kʏ "я-держу" и т.д.

II. Иногда наблюдается случай геминации: battaҗ "я-делаю" (ср.: ма:нтап "сделал"), battaҗаҗ "расквашиваю" (ср.: арте "расколи!").

12. Некоторые случаи (например, алйір "собака" - алйір-во "собака?") позволяют предполагать в коттском озвончение глухих шумных согласных в позиции перед звонким /b/, например, перед частицей -во с вопросительным значением и перед -бай/-баца "подобно". Правда, перед -бай/-баца нами не обнаружены в работе М.А.Кастрена случаи написания b + b, ɟ + b и т.д. (ср.: алйірбай "собаке подобно"), но последовательно сохраняется /b/ в компонентах -бай/-баца, что предполагает озвончение предшествующего глухого шумного согласного, т.е. алйір-бай "собаке подобно" и т.д.

Следует еще отметить, что в коттском языке по сравнению с югским и кетским более четко дифференцированы инициалы и финалы; так, коттские согласные b, p^h, t^h, d', k, q, ʃ, h встречаются только в начале слов, согласные m, n, n', l, l', r, x, ɟ - только в исходе слов (слогов), и лишь звуки ʃ, p, t наблюдаются в той и другой позициях.

Фонологические отношения в коттском консонантизме

В связи с наличием междиалектных соответствий p^h - f, q - x, ɟ - ʃ, g - k есть основания выделить две системы консонантизма в коттском - для диалекта А и диалекта Б. Материалы ХУІІ и ХІХ вв. полностью укладываются в эти две системы.

Согласный /t'/ отмечен лишь в нескольких словах в одном из диалектов, и, поскольку в материалах XVIII века этот звук также почти не встречается, то нет, на наш взгляд, достаточных оснований для выделения фонологически релевантной оппозиции t : t'. Учитывая палатализацию согласных перед гласными i, e, ε, æ, можно заключить, что t, t' находится в отношении дополнительного распределения. Небезинтересна, однако, в данном случае основа со значением "капать", т.к. /t'/ сохраняется во всей парадигме этого глагола.

Вопрос о фонологической релевантности оппозиции в : ѣ несколько сложнее: /v/ отмечен в целой группе слов, причем, в обоих диалектах, и в разных фонетических условиях. Можно бы предположить, что этот звук функционировал в фонологической подсистеме, которая распространялась на заимствованную лексику, но отнесение всех слов с /v/ к заимствованиям довольно проблематично. Остается признать согласный /v/ в качестве самостоятельной фонемы, хотя и с минимальной функциональной нагрузкой.

Оппозиции l : l', n : n' также следует признать фонологически релевантными, так как их члены встречаются в идентичных фонетических условиях, хотя звуки l', n' встречаются в сравнительно небольших группах коттских слов, причем в отдельных случаях лишь в одном из диалектов.

Как уже отмечалось выше, звуки ѣ, ѓ, если судить по некоторым примерам, находятся в отношении дополнительного распределения: na:ѣ, pl. na:ѣn "Dachn" ("барсуk"), но во многих случаях они встречаются в идентичных фонетических условиях, и их фонологическая релевантность не вызывает сомнений (ѣa:k, pl. ѣa:gan "белка" - ѓa:k, pl. ѓa:gan "сила"; ѣal, pl. ѣalaŋ/ѣa:laŋ "лезвие", "остриё" - ѓal, pl. ѓalaŋ "холд").

Согласный /d'/ противопоставлен звукам t, t^h в сильной позиции - в начале слова, и, следовательно, оппозиции d' : t, d' : t^h являются фонологически релевантными. В таком же отношении друг к другу находятся /t/, /t^h/: tagaj "голова" - t^hagaj "отставание"; tu "дым" - t^hu "сырой (не вареный)"; tuj "свадьба" - t^huj "легкий", "дешевый".

В начале слова (в сильной позиции) противопоставлены так-

же друг другу, с одной стороны, звуки b, p , а с другой - $b, t/p^h$. Согласные t, p^h можно рассматривать как диалектные варианты той же фонемы, хотя соответствие кот.А / t / - кот.Б / p^h / не выдерживается последовательно, ср.: кот.А $fa\text{lan}\dot{s}a:k(g)$, кот.Б $fa\text{lan}\dot{s}a:x$ "мешок", "котомка"; кот.А $fe\dot{y}$, $p^he\dot{y}$, кот.Б $fe:\dot{y}$ "бубен". Но в большинстве случаев все же наблюдается соответствие кот.А / t /: кот.Б / p^h / . Такое же толкование возможно по отношению к звуковым парам $x - q, g - k$; в начале слов / X / появляется в одном диалекте, а / q / - в другом: кот.А Xej , кот.Б qej "покойник"; кот.А $Xalto:pa$, кот.Б $qalto:pa$ "восемь"; в середине слов между гласными в одном диалекте появляется / g /, в другом - / k /: кот.А $alt^hi:tega$, кот.Б $alt^hi:teka$ "дверей", хотя это соответствие не носит последовательного характера. Нет строгой последовательности и в соответствии кот.А / g / - кот.Б / x / в исходе слов. В целом можно заметить, что в диалекте А находятся в отношении дополнительного распределения звуки k, g , а в диалекте Б - звуки k, x ; в диалекте А звук / k / встречается в начале слов и в середине слов в сочетании с глухими согласными и перед сонантом / r /; в других случаях встречается / g /; в диалекте Б звук / x / появляется в исходе слов, а в других случаях появляется / k /.

Таким образом, в диалекте А можно выделить согласные фонемы $m, f, p, b, t, t^h, s, \dot{y}, n, n', r, l, l', d', \dot{s}, j, k, \varphi, x, h$, а в диалекте Б - $m, p^h, r, b, t, t^h, s, \dot{y}, n, n', r, l, l', d', \dot{s}, j, k, \varphi, q, h$. Гортанный смычный / t / всегда связан с реализацией слоговых тонов и может рассматриваться как сопутствующее явление при суперсегментных фонологических единицах.

Консонантизм диалекта А может быть описан в терминах следующих дифференциальных признаков (ДП): (см. матрицу идентификации согласных диалекта А).

Консонантизм диалекта Б может быть описан в терминах тех же ДП, хотя их распределение по фонемам несколько иное, чем в диалекте А (см. матрицу идентификации согласных диалекта Б).

матрица идентификации согласных фонем диалекта А

ДП Фонемы	ш	ф	р	б	т	ʰ	в	й	д	л	п	г	л'	з	з'	ѝ	џ	к	к'	у	х			
1. Палатальность-непалатальность	0	0	0	0	0	0	-	-	+	-	-	+	-	+	+	+	-	-	-	0	0			
2. Звонкость-глухость	0	0	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	+	-	+	0	0	0	0	0		
3. Назальность-неназальность	+	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	0		
4. Яркость-тусклость	0	0	0	0	-	-	-	0	0	0	0	0	0	-	+	-	-	0	0	0	0	0		
5. Периферийность-непериферийность	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	0	
6. Компактность-некомпактность	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	0	0	0	-	+	0	+	+	+	+	+	0	
7. Напряженность-ненапряженность	0	0	0	0	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
8. Прерывность-непрерывность	0	-	+	+	+	+	-	-	0	0	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+	0	
9. Согласность-несогласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
10. Гласность-негласность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Фонологический анализ котских согласных несколько осложнен наличием таких трех рядов, как веларный, увуларный и фарингальный. Учитывая, что фарингальный /h/ не имеет близкого коррелята по месту и способу образования, для его фонологического описания, подобно соответствующему звуку в западноевропейских языках, достаточно два таких признака как консонантность-неконсонантность и вокальность-невокальность. Тогда веларные и увуларные дифференцируются по признаку периферийный-непериферийный (увуларные характеризуются наличием признака периферийности, а от губных звуков, которые тоже характеризуются наличием этого признака, они отличаются по признаку компактности-некомпактности).

А к ц е н т у а ц и я

В связи с тем, что в современных енисейских языках кетском и югском обнаружена слоговая акцентуация /Вернер 1966; Деннинг 1971/, естественно, возникает вопрос о ее наличии в исчезнувших енисейских языках, в том числе в котском, и о возможностях ее реконструкции в этих языках. Изученные нами возможности для такой реконструкции позволяют, в частности, восстановить котские слоговые тоны, исходя из особенностей транскрипции М.А.Кастрена. Поскольку М.А.Кастрену не были известны слоговые тоны ни в кетском и югском, ни в котском языках, то он не пользовался никакими специальными знаками для ее обозначения; но М.А.Кастрен - тонкий фонетист, подметавший и фиксировавший в транскрипции все фонетические процессы в вокализме и консонантизме, и его материалы дают широкие возможности для восстановления котской акцентуационной системы.

Опираясь на особенности отражения кетских и югских слоговых тонов в транскрипции М.А.Кастрена и учитывая тот факт, что котские материалы записывались им в одно время с енисейско-остяцкими (т.е. югскими и кетскими), можно с большой степенью вероятности восстановить котские слоговые тоны для языка XIX века. При этом очень важен тот факт, что в котских материалах М.А.Кастрена четко зафиксирован механизм чередования гласных в формах ед. и мн. числа имен, а в

этих чередованиях, как уже было отмечено, отражаются чередования слоговых тонов, как это наблюдается в современных енисейских языках. Безусловно очевидно, что формы мн. числа типа i_ky , e_ky , o_ky (от К. i_x/i_x "имя") отражают два различных слоговых тона: в первой форме можно предполагать присутствие тона типа первого кетского, а в форме e_ky — тона типа второго кетского и югского, о чем свидетельствует дифтонгизация; третья же форма, очевидно, отражает процесс опрошения второго тона в данной позиции, ср.: кур. i^1qu^1ti , pl. $i^1qu^1tn/{}^5klt^n$ ($< {}^2klt^n$) "волк"; сул. i^1te^1t , pl. $i^1te^1tn/{}^5tat^n$ ($< {}^2tat^n$) "муж". Это подтверждается и тем, что отмеченные формы множественного числа получены, судя по пометам в словаре М.А.Кастрена, от различных лиц, которые могли принадлежать к представителям различных говоров и диалектов котского языка XIX века.

Долгие гласные встречаются в котских словах М.А.Кастрена очень часто; полагаем, что во многих случаях долгота гласных может указывать на присутствие в соответствующих словах слогового тона типа I-го кетского. Наиболее вероятно наличие первого тона, во-первых, в формах единственного числа; это особенно заметно при сравнении их с формами множественного числа в примерах типа: $\dot{f}i:x$, pl. $\dot{f}e\dot{z}$ "ночь"; $i:s$, $i:x$, pl. e_ky "день"; $i:p$, pl. $i\dot{z}$, $e\dot{z}$ "лук"; $t^h\dot{e}z$, $t^h\dot{e}k$, pl. $t^h\dot{a}k$ "ремень"; $\dot{f}e:t$, pl. $\dot{f}at$ "лиственный"; $\dot{f}i:\dot{f}$, pl. $\dot{f}e\dot{z}$ "камень"; $f_i:$, pl. $f\dot{a}n$ "мужчина"; $e:x$, $e:g$, pl. ax , ag "коза". Данное предположение подтверждается фактами из югского и кетского, в которых наблюдается тонкая дифференциация механизмов чередования тонов, ср.: югск. $i^1\dot{e}m$, pl. $\dot{f}e\dot{z}tun$; кет. i^1te^1m , pl. $\dot{f}e\dot{z}tun$ ($< {}^2te^1men$) "гусь"; югск. i^1i , pl. $\dot{f}e\dot{z}$; кет. i^1ti^1p , pl. $\dot{f}e\dot{z}$; югск. i^1i , pl. $\dot{f}e\dot{z}$; кет. i^1i^1 , pl. $\dot{f}e\dot{z}$ ($< {}^2e^1kan$) "день".

Во-вторых, такая интерпретация долготы в котском оправдана в формах множественного числа при их сопоставлении с формами единственного числа: $u:$, pl. $u:\dot{z}a\dot{z}$ "детская коляска"; $o:$, pl. $o:\dot{z}a\dot{z}$ "могила"; $e:$, pl. $e:\dot{z}a\dot{z}$ "голос, звук"; huk , pl. $huk:\dot{z}a\dot{z}$ "дыра"; $pe:$, pl. $pe:\dot{z}a\dot{z}$ "печь".

* Для котского языка сохраняется нумерация тонов, установленная для югского /Вернер 1966/ и кетского /Вернер 1974a/.

ham, pl. ha:maŋ "сосуд, миска"; ħal, pl. ħa:laŋ "острие";
ton, pl. to:naŋ "нож". Точно такое же чередование имеется
в кетском и югском, ср.: кет. ²tuʔn, pl. ¹tu'nuʔ, югск.
²tuʔn, pl. ¹tu'nuʔ "котел", кет. ²s'uʔk, pl. ¹s'u'kuʔ, югск.
²s'uʔk, pl. ¹s'u'kuʔ "корыто для теста"; кет. ²s'u'l', pl.
¹s'u'l'əŋ "нельма".

Нередки и такие случаи, когда долгота наблюдается как в
единственном, так и во множественном числе, и, учитывая, что
качество вокализма в обеих формах одинаково, можно для них
тоже предположить наличие первого тона: e:k, pl. e:ku "во-
лос"; e:n, pl. e:naŋ "волна"; o:r, pl. o:raŋ "табун";
i:x, ix, pl. i:ku "имя"; ke:ti, pl. ke:taŋ "зима"; xe:g,
qe:g, pl. xe:gaŋ "слово"; e:ga, pl. e:gaŋ "солнце";
e:ʃi, pl. e:ʃaŋ "рыбья чешуя"; hi:ma, pl. hi:maŋ "бабуш-
ка" (ср.: кур. бак. ¹ti'Ye, сул. ¹ti'Y, pl. ¹ti'Yin' "ле-
бедь"; кур. бак. ¹ta'ŋe, сул. ¹ta'ŋ, pl. ¹ta'ŋaŋ "лямка
упряжки" и т.д.).

В пользу предположения, что во всех перечисленных случаях
представлен слоговой тон типа первого кетского, говорит и
тот факт, что вокализм не обнаруживает признаков дифтонгиза-
ции, которая могла бы указывать на циркумфлексный характер
или на фарингализацию тона. Кроме того, коттские гласные в
таких словах и словоформах (за единичными исключениями типа
e:ga "солнце") не шире, а наоборот, иногда даже уже, чем в
соответствующих кетских и югских словах. Так, кетско-югскому
/a/ в коттском нередко соответствует /e/ (югск. ¹ba'k,
бак. кур. ¹ba'Ye, сул. ¹ba'Y, кот. re:g, re:x "кряк,
чужка"); учитывая, что в кетском в словах с первым тоном /a/
приближается к /a/, можно думать, что кот. /e/ в таких
случаях - это инновация по сравнению с кет.-югск. /a/, кото-
рая обусловлена воздействием первого тона.

Сходство коттского первого тона с соответствующим кетским
тоном обнаруживается и по признаку длительности: коттские
данные М.А.Кастрена позволяют говорить о полудолготе тона в
перечисленных случаях, о чем свидетельствуют параллельные
формы типа: ix, i:x "имя"; in, i:n, pl. inaŋ, i:naŋ
"игла"; hei, he:i, pl. he:jaŋ "шуба"; hol, ho:l, pl.
ho:laŋ "щека"; rei, re:i "чужой"; an, a:n "нос"; ur,
u:r "дождь" и др.

Наличие параллельных форм с кратким и долгим вокализмом не исключает, что некоторые слова с краткими гласными, для которых не отмечено вариантов с долгими гласными, тоже могут характеризоваться первым тоном. Такое толкование возможно, например, по отношению к формам единственного числа в примерах типа *hep*, pl. *he:naʒ* "сажень" (ср.: кет. I_{qa}^*n' , игск. I_{xan}); *hek*, pl. *haʒaʒ* "след, дорога" (ср.: кет. I_{qu}^*k , игск. I_{xuk}); *kei*, pl. *keaz* "крыло".

Однако слова с кратким вокализмом могут с такой же степенью вероятности характеризоваться и слоговым тоном типа второго кетского и игского. Заметим, что в коттских материалах М.А.Кастрена сравнительно редко встречается дифтонгизация /?/, а это может свидетельствовать о том, что в большинстве случаев второй тон в произношении информантов-коттов опродался за счет /?/, как это часто наблюдается у современных кетов, особенно симских. Такая интерпретация по отношению к односложным словам и словоформам с кратким вокализмом могла бы подтверждаться чередованием узких долгих и широких кратких гласных или кратких и долгих гласных одного и того же качества в формах единственного и множественного числа существительных, ср.: *e:x*, *e:g*, pl. *ax*, *ag* "коза"; $\acute{e}i:g$, $\acute{e}i:x$, pl. $\acute{e}aʒ$ "ночь"; $\acute{e}e:t$, pl. $\acute{e}at$ "лиственница"; *ton*, pl. *to:naʒ* "ног"; *bal*, pl. *ba:laʒ* "скот"; *fun*, pl. *fu:naʒ* "дочь"; $\acute{e}i:\acute{e}$, pl. $\acute{e}eʒ$ "камень"; *hu:\acute{e}, pl. *huʒ* "чум"; $\acute{e}al$, pl. $\acute{e}a:laʒ$ "острие"; t^h_{un} , pl. $t^h_{u}:naʒ$ "гребень".*

О наличии в коттском слогового тона типа второго (краткого, стрывистого, фарингализованного) в современных языках свидетельствуют слова с дифтонгизацией и с /?/, сочетающейся с кратким вокализмом. Примерами такой дифтонгизации со вторым компонентом, имеющим больший раствор, чем первый, могут служить слова типа *koʒe* "красивый", $\acute{e}eʒ$, $\acute{e}eaz$ "люди", *eaz* "рытье", $t^heʒ$, $t^heʒ$ "иней", *d'alea* "девушка", *eakʒ* "дни" и др. Слова с /?/ встречаются реже: $\acute{e}u?ol$, pl. $\acute{e}u?olaʒ$ "бочка"; t^h_{iga} , $t^h_{i?a}$, pl. $t^h_{iga}n$, t^h_{iku} "корова"; *ka?ir*, *kaʒer*, pl. *ka?iraʒ*, *kaʒeraʒ* "бобровая течка"; $\acute{e}u?u\acute{e}$ "кройка"; *hau*, pl. *hau?i* "рог"; $\acute{e}uga?i\acute{e}i$, $\acute{e}uka\acute{e}i$ "пятка"; *fuga?i\acute{e}, *fukaʒa\acute{e} "соболь"; *he?u:taʒ* "взбирюсь"; *ba?a:kʒ*, *baʒa:kʒ* "я-держу"; $t^h_{e}ʒeʒ$ "облизываю".**

Этот же слоговой тон представлен, по всей вероятности, и в тех глагольных формах, в которых /ʔ/ сочетается с долгой, ср.: асəʔukɔ "я-сех", прät. асə:ləʔukɔ; baʔu:taŋ "я-сосу", прät. бала:ʔutaŋ, разв. бала:ʔut; бала:ʔuŋ (разв) "кроить"; буšo:u "теленок", род. пад. буšo:ʔua:, pl. буšo:ʔuan.

Енисейско-остяцкие данные М.А.Кастрена, а также факты современных енисейских языков показывают, что во всех этих случаях может быть представлен только второй тон. Вместе с тем в других словах сочетание долготы с /ʔ/ и дифтонгизацией отражает, на наш взгляд, слоговой тон, отличавшийся от второго, ср.: ke:gär, ke:ʔär "рука", pl. ke:gäreŋ; t^he:gär, t^he:ʔär (ср.: югск. 4tha:r, кет. 3^{ta:l'}) "выдра", pl. t^he:gätŋ; e:ša:ʔa "к богу". Возникает, однако, вопрос, с каким тоном в современных енисейских языках его можно сопоставить - с третьим или четвертым?

Учитывая, с одной стороны, что данный коттский тон мог возникнуть в результате синкопы, его следовало бы сопоставлять с современным третьим тоном, так как последний в большинстве случаев связан именно с синкопой, ср.: кет. 3^{ba:t}, югск. бахат "старик"; кет. 3^{ba:m}, югск. бахам "старуха"; кет. 3^{du:n'}, югск. дуфун, мн. число от кет. 2^{du?p} "уда". Особенно интересны в этом отношении случаи так называемой свободной (факультативной) синкопы: кет. 5^{ka:ɣuŋ}/³ka:n "лисица", 5^{tuYun}/³tuŋ "гребень", 5^{eaYal}/³va:l "ночевать". Наличие в некоторых случаях в коттских словах /ʔ/ могло бы указывать на факультативную фарингализацию этого тона, как это наблюдается иногда у третьего югского, и в общем не противоречило бы тому, что его следует сопоставлять с третьим тоном в современных языках. Кроме того, присутствие этого тона можно предполагать в форманте множественного числа коттских существительных -a:n (olša "платье", pl. olša:n; kaŋša "курительная трубка", pl. kaŋša:n), который очень напоминает форманты кет. -a:n, -a:ŋ, югск. -e:ŋ с таким же значением и с третьим тоном. Правда, коттский формант выступает в вариантах -a:n/-an (šulpi "ягода", pl. šulpan/šulpa:n; šega "пиво", pl. šegan/šega:n), но точно такое же сокращение длительности часто наблюдается

и в современных языках, например, кет. $^1q_i^*p$ "дед", рл. $q_i^3ba:n/qibaŋ$.

В коттском тот же тон был характерен и для форманта род. падежа: $\acute{e}li$, $\acute{e}le$ "дичь", род.пад. $\acute{e}la:s$; $\acute{h}u$ "рябчик", род.пад. $\acute{h}ua:s$; $d'oga$ "гнида", род.пад. $d'oga:s$. При этом нередко наблюдается дифтонгизация, сходная с югской, что также свидетельствует в пользу третьего тона, например: $fage$ "рябина", род.пад. $fagei/faga:s$; te , t_i "шапка", род. пад. tei , $ti:$ (ср.: кет. $hu^3ba:n/hu\acute{b}aŋ$, югск. $fu^3be:n/fu^3bein$ "сыновья").

Для выделения в коттском тона типа четвертого в современных языках материалы М.А.Кастрена как будто не дают оснований. Не исключено, что третий и четвертый, как тоны, связанные с синкопой и апокопой, были в коттском обобщены и совпали в одном долгом циркумфлексном.

Существенные расхождения наблюдаются между коттским и югско-кетским языками и в лексико-морфологической дистрибуции тонов. Они менее всего ощутимы в распределении первого и второго тонов в односложных словах, совпадающих в коттском и югско-кетском. Можно указать лишь на редкие случаи, когда: (а) для коттских слов целесообразней предполагать второй тон при наличии в югско-кетских словах первого тона (К. ha_i , югск. ^1xo_j , кет. $^1qo^*j$ "дядя"; К. $\acute{e}at$, югск. $^1s'e^*j$, кет. ^1ve_j "лиственница") и, наоборот, (б) в коттских словах представлен первый тон при наличии в югско-кетских словах второго тона (К. $hu:\acute{s}$, югск. $^2xu?s$ "чум"; К. $\acute{e}t$, югск. $^2ve?s$, кет. $^2v'e?s'$ "лиственница"; К. $t^hi:t$, кет. $^2to?t$ "таймень"; К. $\acute{e}i:\acute{s}$, югск. $^2\acute{c}u?s$, кет. $^2tu?s'$ "камень"). Большинство же расхождений наблюдается в тех случаях, когда коттские и соответствующие югско-кетские слова не совпадают по своему звуковому оформлению вследствие синкопы или апокопы в югско-кетском. Многим югско-кетским односложным словам с первым или вторым тоном соответствуют в коттском двухсложные слова с иным акцентным оформлением, ср.: Ю. $di'e$, К. $tage$, $\acute{t}ake$ "орел"; Ю. vaq , $s'aq$, К. $\acute{b}aga$ "белка"; Ю. xup , К. $hu:pi$ "косач"; Ю. $xu:f$, К. $hapi$ "торговля"; Ю. dup , $du:n$, К. $ti:ni$, $ti:n'i$ "ель"; Ю. $i:$, К. $e:g\acute{a}$ "солнце"; Ю. ku_l , К. $hi:la$ "ворона". Это относится в равной мере и к словам, имеющим в югско-

кетском третий или четвертый тон, ср.: К. *iti, ite, JO. i'tet, i:ti* кур. ⁴*i:ti*, югск. ⁴*i^h:t* "зуб"; К. *ǰeli, ǰele, ǰel'e* "дикий зверь"; JO. *weǰr, weǰl', weǰl*, кур. ⁴*s'e:l'i*, югск. ⁴*s^h:r* "олень"; К. *iǰi, iǰe, JO. a:s, as'*, кур. ⁴*a^h:s'i*, югск. ⁴*a^h:s* "перо"; К. *i:ǰi, JO. ueǰ', ueǰi*, кур. ⁴*u:r'e*, югск. ⁴*u^h:t'* "весна"; К. *uǰa, uǰi, JO. u'os, uos'*, кур. ⁴*u:s'e*, югск. ⁴*u^h:e* "береза".

В коттских двухсложных словах в первом слоге с долготой вероятнее всего предполагать присутствие первого тона. Более сложен вопрос о тональной характеристике двухсложных слов, у которых оба слога кратки.

Хотя М.А.Кастрен в своем фонетическом очерке отмечает, что словесное ударение в коттском всегда падает на последний слог, если все слоги в слове кратки, в словаре же оно нередко поставлено не на последний слог, например, *tal, pl. tálap* "сухожилие". Можно предположить, что в словах с ударением на первом слоге был, как и в современных енисейских языках, представлен один краткосложный акцентный тип, в то время как слова с ударением на последнем слоге могли характеризоваться другим краткосложным акцентным типом: *hatál* "войлок", *hapár* "конец", *urkán* "аркан". А тот факт, что последний краткосложный акцентный тип встречается в коттском несравненно чаще, чем первый, может объясняться турецким влиянием, если учесть, что турецкое словесное ударение музыкально-динамического характера падает, по мнению большинства исследователей, как правило, на последний слог. Это можно привести к переосмыслению соответствующего коттского краткосложного акцентного типа в словесное ударение на последнем слоге.

Таким образом, для коттского языка XIX века, записанного М.А.Кастреном, можно предполагать наличие трех слоговых тонов и двух краткосложных акцентных типов наподобие тех, которые отмечены в современных енисейских языках.

Правда, для первого слога коттских слов типа К. *u:ǰa* "береза", *i:ǰi* "весна" можно бы предполагать наличие тона типа четвертого тона в современном югском или современных севернокетских говорах, тем более, что речь идет об одной и той же дистрибутивной сфере, а именно, о двухсложных

В-словах^ж. А в тех случаях, где в соответствующих коттских словах произошло сокращение долготы в первом слоге (*šati* "реки") можно бы думать о наличии в первом слоге четвертого тона, например, типа сургутихинского, также встречающийся часто как краткий тон. Данное толкование осложняется лишь тем фактом, что в коттском ударение в подобных В-словах падает часто не на первый слог, как в современных кетских говорах, а на второй, хотя иногда наблюдаются колебания, например, К. *oge/o:ge* "ветвь". Тем не менее параллели типа К. *še:t*, мн. число *šati* при кет. *ʔs'e's'*, мн. число *ʔs'a:s'i* "река" показательны.

Для более определенных выводов особенности транскрипции М.А.Кастрена не дают надежных оснований.

Приведем далее некоторые примеры чередования гласных в коттском, за которыми можно усматривать чередование слоговых тонов, а возможно, и краткосложных акцентных типов, как в современном итском и кетском языках.

1. Первый тон в формах ед. числа чередуется со вторым тоном в формах мн. числа: *še:t*, pl. *šat* "лиственница"; *ši:g*, pl. *šag* "ночь"; *i:p*, pl. *eŋ* "лыка"; *e:x*, *e:g*, pl. *ax*, *ag* "коза"; *ši:š*, pl. *šer* "камень"; *hu:š*, pl. *hur* "чум"; *alšip* (< *alši:p*), pl. *alšar* "собака".

2. В форме ед. числа представлен, наоборот, второй тон, чередующийся с первым тоном в форме мн. числа: *ei*, pl. *e:jaŋ* "голос", "звук"; *ol*, pl. *o:laŋ* "могила"; *ui*, pl. *u:jaŋ* "колыбель"; *hau*, pl. *ho:kŋ* "рот"; *xei*, pl. *xe:jaŋ* "обух"; *heŋ*, pl. *he:naŋ* "маховая сажень"; *haŋ*, pl. *ha:maŋ* "сосуд"; *huk*, pl. *hu:naŋ* "дыра"; *šal*, pl. *ša:laŋ* "острие"; *šei*, pl. *še:jaŋ* "цель"; *tun*, pl. *tu:naŋ* "гребень".

3. В форме ед. числа представлен первый тон, а в форме мн. числа - краткосложный акцентный тип с ударением на первом слоге: *i:g*, pl. *eŋkŋ* "день"; *d'i:x*, pl. *d'ekŋ* "гора"; *re:g*, *re:x*, pl. *raŋkŋ* "чурка"; *te:g*, *te:x*, pl. *taŋkŋ* "ремень".

4. В форме ед. числа представлен второй тон, а в форме мн. числа - краткосложный акцентный тип с ударением на первом слоге: *šal*, pl. *šalaŋ* "холод"; *šəŋ*, pl. *šəŋaŋ* "народ";

^ж О дистрибутивных сферах в кетском языке см. /Вернер 1974а/.

tal, pl. tálaŋ "сухожилие".

5. В форме ед. числа представлен первый или второй тон, а в форме мн. числа - краткосложный акцентный тип с ударением на втором (последнем) слоге: o:ge/o:ke, pl. oǵán/okán "ветвь"; čam, pl. čamaŋ "лай"; hui, pl. huián "олень".

Краткосложные акцентные типы в большинстве случаев достоверно устанавливаются в коттских материалах по месту ударения: при ударении на первом слоге в соответствующем двухсложном слове представлен один краткосложный акцентный тип, при ударении на втором слоге - другой. Полной ясности нет лишь в тех случаях, когда нет знака ударения: koi, pl. kojaŋ "овца"; han, pl. hanaŋ "порох"; xe:p, xep, pl. haraŋ "лодка"; xem, pl. xamaŋ "стрела"; še:t, pl. šataŋ "камус". В подобных случаях могут быть представлены оба краткосложных акцентных типа.

Мы исходим из того, что в коттском языке краткосложные акцентные типы в целом совпадали по своей фонетической характеристике с краткосложными акцентными типами в кетском и югском языках, а именно: один из них характеризовался повышением основного тона голоса на предшествующем слоге, а другой - на последующем слоге: čalaŋ "холода", но huián "олени"; при этом гласный, на который приходился более высокий основной тон голоса, мог производить впечатление ударного гласного в слове. При отсутствии в материалах М.А. Кастрена знака ударения первый из названных краткосложных акцентных типов мог опознаваться по расширению вокализма первого слога, например, в формах мн. числа некоторых имен: К. še:t, pl. šataŋ "камус"; хем, pl. xamaŋ "стрела" (совр. югск. ¹lon, pl. lóluŋ "губа"; кет. ¹i'1', pl. é1'aŋ "дух"; кет. ¹te't, pl. tátn "муж" и т.д.).

Часто встречаются, однако, и примеры, в которых соответствующий слог в акцентуационном отношении оформлен в формах ед. и мн. числа совершенно одинаково: К. i:t, pl. i:tn "запах"; o:r, pl. o:raŋ "табун"; e:k, pl. e:kŋ "волос"; думается, что в таких случаях и в форме ед. числа и в первом слоге формы мн. числа реализуется I-й слоговой тон. В примерах же типа hoi, pl. hon "червь"; či, pl. čaŋ "комель дерева"; kui, pl. kun "зола" в формах ед. числа и мн. чис-

ла был представлен 2-й слоговой тсн. Нередки и случаи реализации в формах ед. и мн. числа второго краткосложного акцентного типа: *urkán*, pl. *urkávan* "аркан"; *hagá*, pl. *hagán* "сарана". Иногда в той и другой форме числа имени представлен третий слоговой тсн, например, *šú?ol*, pl. *šú?olač* "бочка".

Вопросы диалектного членения коттского языка

Материалы XVIII века и материалы, собранные М.А.Кастреном в середине XIX века, позволяют говорить о наличии нескольких диалектов коттского языка, так как между теми и другими наблюдаются известные расхождения. Между тем и материал, записанный М.А.Кастреном, неоднороден и отражает некоторые диалектные различия. Несмотря на то, что М.А.Кастрен обнаружил на р. Агул (приток Кана; ныне село Агульское Канского района Красноярского края) всего лишь пятерых коттов, он указывает на наличие двух говоров, различия между которыми нашли отражение в его коттском словаре. Очевидно, основной материал записан М.А.Кастреном от представителей одного говора, так как параллельных форм из другого говора в словаре М.А.Кастрена гораздо меньше.

М.А.Кастрен отмечает следующие различия между этими коттскими говорами /Кастрен 1858 : 13/ (для удобства обозначим их как говоры А и Б):

- 1) кот.А /g/ - кот.Б /k/: *aipuga/alpuka* "белка-летяга";
- 2) кот.А /x/ - кот.Б /q/: *xa/qa* "смерть";
- 3) кот.А /x/ - кот.Б /g/: *pe:x/pe:g* "чурка";
- 4) кот.А /g/ - кот.Б /j/: *agel/ajel* "улуc";
- 5) кот.А /l/ - кот.Б /r/: *ular/urar* "сторона";
- 6) кот.А /t/ - кот.Б /t^h/: *tonol/t^honol* "ножны";
- 7) кот.А /f/ - кот.Б /p^h/: *fal/p^hal* "горячий".

Слова и словоформы из говора Б, как можно понять, помечены в словаре звездочкой. Но сам М.А.Кастрен приводит примеры для говора Б, которые в словаре не помечены звездочкой (*p^hal* "горячий", *p^heč* "самка", *e:g* "коза", *pe:g* "чурка", *qa* "смерть"). Из этого можно заключить, что материалы говора Б выделены в словаре звездочкой непоследовательно, и при наличии в словаре двух различных форм без помет их

следует относить к разным говорам. Слова, выделенные в словаре звездочкой (т.е. говор Б), не всегда укладываются в те звуковые соответствия между говорами, на которые указано М.А.Кастреном; например, при установленном звуковом соответствии кот.А /f/ - кот.Б /p^h/ можно тем не менее встретить в словаре примеры типа кот.А fa:li, p^ha:li, кот.Б fa:l'e "жирный"; кот.А feй, p^heй, кот.Б fe:й "бубен"; кот.А fogar, p^hogar, кот.Б fo:gar "гузка". Может быть, язык информантов-коттов, с которыми работал М.А.Кастрен, отражал не два, а три говора? Но на этот счет нет достоверных сведений в работе М.А.Кастрена.

Сравнивая материалы двух говоров в словаре, можно наряду со звуковыми соответствиями между ними, установленными М.А.Кастреном, указать еще на следующие:

а) в области вокализма:

1) кот.А /a/ - кот.Б /a:/: a:~a:~a:~ "нос"; a:~p~a:~ a:~p~a:~ "труд", "старание"; a:~g~a:~ a:~g~a:~ "рысь"; d'a:~n~ d'a:~n~ "губа";

2) кот.А /u/ - кот.Б /u:/: a:~u:~ a:~u:~ "язык"; u:~ u:~ "дождь";

3) кот.А /o/ - кот.Б /o:/: a:~h~o:l~ a:~h~o:l~ "дверь"; o:l~ o:l~ "лысый";

4) кот.А /e/ - кот.Б /e:/: e:~ e:~n "волна"; he:~ he:~j "верхняя одежда"; te:~ te:~m "пуля"; t^he:~mpul~ t^he:~mpul "корень";

5) кот.А /i/ - кот.Б /i:/: i:~p~a:l~ i:~p~a:l "вместительный, широкий", но кот.А /i:/ - кот.Б /i:/: ba:~ki:~ta:~ ba:~ki:~ta:~ "тру"; ba:~gi:~ta:~ ba:~gi:~ta:~ "ищу";

6) кот.А /e/ - кот.Б /i:/: a:~fue~ a:~fue~i "кузнечный мех"; a:~ke~ a:~ki, pl. a:~ke:~ja:~ a:~ki:~ja:~ "вина"; he:~t~sa~ a:~ hit~sa~ "стрельба"; t^he:~ga:l~ t^he:~ga:l~ "внизу (по течению)", но сравним, наоборот, кот.А /i/ - кот.Б /e:/: a:~ni~ a:~n'e "зять"; a:~t~ci~ a:~t~ce "дерево", i:~ci~ i:~ce "перо"; hit~ het "человек";

7) кот.А /o/ - кот.Б /u:/: u:~e:~mpul~ u:~e:~mpul "комар"*;

---

* В некоторых случаях в словаре нет пометы о принадлежности слова к тому или иному говору (кот.А ka:~le:~й, кот.Б ka:~li:~й "меч") но, как указывалось выше, вероятнее всего в таких случаях соответствующие формы относятся к разным говорам.

б) кот.А /а/ - кот.Б /у, о/: а̋раг ∼ а̋рог, pl. а̋рагаг а̋рогаг "облако"; d'a:fał ∼ d'a:foł, d'a:ful "доска"; a:pał ∼ a:pul, pl. a:pałag ∼ a:pulag "серьга";

9) кот.А /о/ - кот.Б /у/: toj ∼ tuj "свадьба"; oreak ∼ ureak "зелень", но ср.: кот.А /у/ - кот.Б /о/: тура ∼ tora "комната";

10) кот.А сохранил гласный, кот.Б утратил соответствующий гласный: а̋а:ме ∼ а̋а:м "плохо"; ъа:па ∼ ъа:п/ѡан "позже", но сравним обратное явление: t^hutul ∼ t^hutu:li "кишка"; korko:tn ∼ korogotn "свинец";

11) кот.А /е/ - кот.Б /а/: d'ega:k ∼ d'aga:x, pl. d'eja:gañ ∼ d'aka:kñ "запруда";

12) кот.А /а/ - кот.Б /я/: d'agiċaŋ ∼ d'ägiċaŋ "гребу веслом"; d'aċamaŋ ∼ d'äċamaŋ "лаю"; d'atekñ ∼ d'ätekñ "стою"; d'at^hegaŋ ∼ d'ät^hegaŋ "гремять (о громе)";

б) в области консонантизма:

1) кот.А /н/ - кот.Б /н'/: aneñ ∼ an'eñ "невестка"; ani ∼ an'e "зять"; fini ∼ fin'i "струн"; ti:ni ∼ ti:n'i "ель"; ср., однако, наоборот, кот.А /н'/ - кот.Б /н/: un'e ∼ uni "там"; in'iäŋ ∼ iniäŋ "так";

2) как уже отмечалось, М.А.Кастрен указал на соответствие кот.А /х/ - кот.Б /г/: наблюдается, однако, и обратное соответствие кот.А /г/ - кот.Б /х/: i:g ∼ i:x "день"; äi:g ∼ äi:x "ночь"; halċi:g ∼ halċi:x "ноготь", "копыто"; hi:te:g ∼ hi:te:x "пояс"; hitag ∼ hitax "тело";

3) кот.А /б/ - кот.Б /р/: o:bal ∼ o:pał, pl. o:balag ∼ o:pałag "грех"; d'ibak ∼ d'ipak "шелковая нитка";

4) кот.А /к/ - кот.Б /х/: ѡа:k ∼ ѡа:x "снежный наст"; to:a:k ∼ to:a:x "мох, растущий на деревьях"; t^hok ∼ t^hox "палец" (ср.: ѡа:k, ѡа:x, ѡа:g "сила" - без указания на диалектную принадлежность);

5) кот.А /ǣ/ - кот.Б /s/: ѡera ∼ vera "пиво";

6) кот.А /р/ - кот.Б /f/: to:napul ∼ to:naful "трава для подстилки в обувь";

7) кот.А /н/ - кот.Б /ŋ/: aċanŋe ∼ aċaŋċi, pl. aċanŋin ∼ aċaŋċin "лось", "большой медведь"; сравним, однако, кот.А /ŋ/ - кот.Б /nk/: koŋogoŋ ∼ konkogoŋ "колокольчик"; koŋogoŋej ∼ konkogoŋej "звонить в колокол";

8) кот.А /ø/ - кот.Б /t/: uša ~ utša "укладывание (спать)"; uša:ku ~ utša:ku "ложусь спать";

9) кот.А /ʔ/ - кот.Б /j/: kaʔir ~ kajer "бобровая течка";

10) кот.А /g/ - кот.Б /ʔ/: ke:gār ~ ke:ʔār "рука"; t^he:gār ~ t^he:ʔār "выдра"; t^higā ~ t^hiʔā "корова", но в то же время кот.А baʔa:ku соответствует кот.Б baɡa:ku "дерку";

11) кот.А /l/ - кот.Б /l'/: fa:li ~ fa:l'e "жирный"; ti:li ~ ti:l'e "ива", "тал"; šeli ~ šele, šel'e "диць"; šuli ~ šul'e "овес"; šu:li ~ šu:l'e "кряк";

12) кот.А /ŋ/ - кот.Б /nk/: feŋe ~ fenke bo:ru "волчица"; koroŋ ~ konkoroŋ "колокольчик".

Не исключено, конечно, что некоторые из приведенных соответствий являются случайными, поскольку они подкреплены лишь единичными примерами, но тем не менее, как показывают приведенные материалы, различие в звуковом оформлении слов по говорам значительно. Можно, кроме того, указать на следующие различия между коттскими говорами по материалам М.А.Кастрена:

1) различное место словесного ударения: кот.А aɡántan, кот.Б agantán "воротник";

2) метатеза: кот.А atkur, кот.Б aktur "насквозь"; кот.А elor, кот.Б erol "трезвый"; кот.А itrak, кот.Б irtak, pl. itrakŋ, iptaku "хлеб"; кот.А šovaktin, кот.Б šogartin "цель";

3) наличие синкопы в одном из говоров: кот.А šitātiga:ku, кот.Б šitātia:ku "учу";

4) различия в словообразовании: кот.А a:lu, кот.Б a:lu hit "сумасшедший"; кот.А uja:ku, кот.Б uja:x "сто"; кот.А aɡaŋan, кот.Б aɡaŋ "член, сустав"; кот.А aŋva, кот.Б aŋaŋa:n, aŋvaŋ "колени";

5) различия в образовании форм множественного числа: кот.А aɡan, pl. aɡaŋan, кот.Б a:ɡan, pl. a:ɡatn "рысь"; кот.А a:li:x, pl. a:li:ku, кот.Б a:li:g, pl. a:li:ɡan "полдень"; кот.А an'eš, pl. an'an, кот.Б an'eš, pl. an'eian, an'e:ɡan "невестка"; кот.А alaga, pl. alagan, кот.Б alak, alax, pl. alaku "звезда"; кот.А hi:ji, pl. hi:jan, кот.Б hi:je, pl. hi:ku "князь, господин" и т.д.

При учете всех рассмотренных фактов было бы, на наш взгляд,

целесообразно говорить не о говорах, а о двух различных диалектах коттского языка, с представителями которых М.А.Кастрен работал на р. Агул в середине IX века.

Сравнивая данные М.А.Кастрена с материалами по коттскому языку XVIII века, можно заключить, что материалы XVIII века записаны по другому диалекту (resp. диалектам), чем у М.А.Кастрена. Отличительные особенности материалов XVIII века охватывают как фонетику, так и лексику. Наиболее существенные различия между материалами XVIII века и материалами М.А.Кастрена наблюдается, на наш взгляд, в системе личных местоимений, сравним:

Словарь XVIII века

Словарь М.А.Кастрена

"я"	aj, ja	ai (aj)
"ты"	au	au
"он"	xatu/hatu	uju
"она"	*xata:hata	uja
"мы"	ajor	ajor
"вы"	aoj	auoj
"они"	xatien	uniaj

Форма личного местоимения "я" - ja имеется и в ассанском языке, и, учитывая соответствие асс. /j/ - кот./ä'//, можно бы форму ja возводить к *d'a. Данное толкование имело бы смысл, если бы форму *d'a "я" отождествлять с глагольным аффиксом d'a, который по аналогии с кетскими и южскими глагольными показателями серии Д можно бы возводить к форме основного падежа личного местоимения I-го лица ед. числа, ср.: южск. at, ad "я", di=ptet "быю=это"; но такое толкование осложнено тем, что коттский показатель d'a, во-первых, встречается только в формах настоящего времени (d'a:taj "лежу, сплю", ala:taj "спал"), а во-вторых, наблюдается во всех формах числа и лица (d'a:tu "ты лежишь", d'a:t "он лежит", d'atamantoj "мы лежим", d'atamanoj "вы лежите", d'ataman "они лежат"). Сравнение же формы ja с аринской а "я" позволяет возводить ja к а, хотя нельзя, видимо, исключать и возможности *aja > ja, если учесть, что ударение, как правило, падает на последний слог: в последнем случае нужно тогда восстанавливать акцентуационные варианты *aja > aj, *aja' > ja, что в общем не противо-

речит факта коттского языка, так как подобные акцентуационные варианты коттских слов возможны ($\acute{e}pou\acute{c} \sim eal\acute{o}:x$ "писать"; $h\acute{a}ra\acute{q}ata \sim hara\acute{q}ata$ "служанка").

Форма личного местоимения 3-го лица $ka-$ ($-tu, -ta$ являются обычными предикативными суффиксами соответственно мужского и женского класса) также весьма загадочна. В материалах М.А.Кастрена она вообще не упоминается, но, возможно, она сохранилась у некоторых глаголов в виде лично-субъектного аффикса $-x?$ (сравним: $d'auja\acute{q}$ "живу", $d'auju$ "живешь", $d'aux$ "он живет", где /j/ можно рассматривать как вставочный звук в зиянии). См. ниже раздел "Личные местоимения".

Из других лексических различий между коттским словарем XVIII века и словарем М.А.Кастрена (Кас.) укажем следующие: $lit'uli < alit + jali \sim d'ali(?)$, Кас. $d'ale\acute{n}$ "девочка"; $hu\acute{s}$ "дом, чум", Кас. $hu:\acute{s}$, $atax$ "чум, шатер, палатка"; $itik$, Кас. hek "дорога"; $tem\acute{c}e$, $tem\acute{s}e$, Кас. $man\acute{k}ara$ "заяц"; $tonog$, Кас. $ke:ti$ "зима"; $penku\acute{s}$, Кас. $hu\acute{c}e\acute{n} \sim fe\acute{q} hu\acute{c}e\acute{n}$ "кобыла"; $kerer$, Кас. xer , $xe:p$, qer "лодка"; $k\acute{e}qaran$, $h\acute{e}qaran$, Кас. $ke:g\acute{a}r$, $ke:?\acute{a}r$ "рука", $fatar$, p^hatar "ладонь"; $i\acute{ja}$, Кас. $fuga?\acute{i}\acute{s}e$ "соболь"; $palr\acute{o}j\acute{a}r$, Кас. $huro:j$ "уголь".

Наиболее важные фонетические различия между материалами XVIII века и материалами М.А.Кастрена сводятся к следующим моментам:

- 1) XVIII в. /i/ - XIX в. /e/: $hi\acute{q}ajan$, Кас. $heja\acute{q}$ "волос" ($capillus$); tig , Кас. $te:g$, $te:x$ "рыба"; $kir\acute{a}n$, Кас. $keri$ "трава"; $\acute{s}ira$, Кас. $\acute{s}era$, $vera$ "пиво";
- 2) XVIII в. /č/ - XIX в. /š/: $a\acute{c}\acute{s}i$, Кас. $a\acute{t}\acute{s}i$ "дерево"; $a\acute{l}\acute{c}ip$, Кас. $a\acute{l}\acute{s}ip$ "собака"; $\acute{c}in\acute{c}et$, Кас. $\acute{s}in\acute{c}et$ "соль"; $\acute{o}eg\acute{a}$, Кас. $\acute{s}e:g\acute{a}$ "четыре";
- 3) XVIII в. /b/ - XIX в. /p/: $rove\acute{s}$, Кас. $por:e:\acute{s}$ "брат"; $diba\acute{q}$, Кас. $d'ipi$ "лист"; $hobii$, Кас. $ho:pi$ "рот"; $rove\acute{c}a$, Кас. $por:e:\acute{c}a$ "сестра";
- 4) XVIII в. /pf/ - XIX в. /f, p^h, p/: pfa , Кас. fa , p^ha "грудь"; $pfun$, $pfeum$, Кас. fun "дочь"; $pfoitu$, $oala$, Кас. fal , p^hal "таркий"; наблюдается и соответствие /c/ : /f, p^h/, например: $puka\acute{q}$, Кас. $fuga\acute{q}$, $fuka\acute{q}$,

p^hugaj "хвост"; pup, Кас. fur "сын"; peštar, Кас. feštar, p^hoštar "россомаха";

5) наличие в материалах XVIII века гласного /y/: askúr, Кас. askar "жеребец"; jatúk < d'atúk, Кас. d'ate:ky "стой"; kumuš, Кас. kumiš "деньги"; bagur, Кас. baker "медь";

6) очень часто долгим гласным в словаре М.А.Кастрена соответствуют краткие гласные в словаре XVIII века: tegama, Кас. t^he:gam "белый"; ul, Кас. u:l "вода"; kura, Кас. ku:ra "веревка"; pej, Кас. pe:j "ветер" и т.д.;

7) иногда слова XVIII и XIX вв. отличаются друг от друга наличием синкопы или апокопы звуков: tug, Кас. tu "дым"; to:mame, Кас. t^human, t^humain "завтра"; d'ane, Кас. d'an, d'a:n "губа"; araka, Кас. arka "вино".

В некоторых случаях звуковые соответствия между коттскими словами XVIII века и XIX века напоминают коттско-ассанские соответствия, устлавливающиеся по материалам XVIII века, например: džii, džij, Кас. d'ix, d'i "гора"; jatuk, Кас. d'ate:ky "стой"; xott, kot, Кас. hat "огонь"; xontu, Кас. ho:n "темно"; kolan, Кас. ho:lan "щeki"; xija, Кас. hu:ja "шукa". В других случаях звуковое оформление слов XVIII века соответствует лишь одному из двух коттских диалектов, которые представлены в словаре М.А.Кастрена, например: šeen, Кас. šeaŋ "люди"; aša, Кас. a:sa "черт"; ašrak, Кас. ašrak "котел"; kanantak, Кас. kanant^hax "кольцо"; ak, Кас. ax, ag "лес"; kajak, Кас. kajaх, kajaŋ "масло"; bagur, Кас. baker "медь"; higejš, Кас. hikejš "сова" и т.д. Ряд других соответствий, представленных единичными примерами типа šoltu, Кас. šal "холодный"; in'a, Кас. ina "два"; buru, Кас. bo:ru "волк"; tulok, Кас. t^halox, t^halok "внутренности" и др. малоинформативны и бездоказательны.

Таким образом, даже те немногочисленные материалы по коттскому языку, которые были записаны разными исследователями в XVIII-XIX вв. позволяют предполагать в коттском языке наличие нескольких диалектов.

Г л а в а II

МОРФОЛОГИЯ

Вводные замечания

Для коттского, как и для других енисейских языков, характерна диффузность, слабая расчлененность слов в обшечатего-риальном плане, на что обратил внимание уже М.А.Кастрен /Кастрен 1858 : 38-39/. Отсутствие четкого стграничения существительных от прилагательных и глаголов, глаголов от прилагательных, прилагательных от наречий – характерная особенность всех енисейских языков. Основываясь на фактах коттского языка, М.А.Кастрен писал, что поскольку все корневые слова являются, собственно, субстантивами, то именно субстантивность является исконным значением коттских знаменательных слов. Тем не менее, если исходить не только из морфологической оформленности слов, но и из их семантических признаков и особенностей их функционирования в предложении, то можно выделить в коттском языке следующие традиционные части речи: имя существительное, глагол, имя прилагательное, наречие, местоимение, имя числительное, последок, союз, частицы, междометие. Морфологически изменяемыми являются существительные, глаголы, местоимения и отчасти прилагательные и числительные; остальные части речи представляют собой неизменяемые классы слов.

По формальным способам выражения грамматических значений коттский, как и другие енисейские языки, не вписывается в обычную схему формально-типологической классификации языков. Он может быть в целом охарактеризован как аффигурующий язык агглютинативного типа, в морфологии которого представлена и суффиксация, и инфикация, и префиксация. Но в отличие от северноенисейских языков – кетского и югского – в глагольном

словоизменении коттского, равно как и ассанского, аринского и пумпокольского языков, превалирует суффиксация и инфикация (существующее предположение о префиксальном характере пумпокольского глагольного формообразования /Дульзон 1970 : 49/ основывается на глагольной лексике пумпокольского словарика XVIII века /Дульзон 1961/, которая фактически является кгской, а не пумпокольской /Вернер 1979 : 3-13/). Это связано с тем, что в енисейских языках, в том числе в коттском, лично-субъектные глагольные показатели в большинстве случаев суффируются, а не префигируются, как в северноенисейских языках.

С у щ е с т в и т е л ь н о е

Если исходить из морфологических и семантических признаков, а также из функциональной характеристики слова, то легче всего общекатегориальная принадлежность устанавливается у коттских субстантивов, так как они, кроме всего прочего, охвачены четкой именной классификацией: каждое существительное обязательно относится к одному из трех классов - мужскому, женскому или вещному. В целом коттское существительное характеризуется следующими грамматическими категориями: класса, падежа, числа и притяжательности.

Категория класса

Категорию класса следует в коттском, как и в других енисейских языках, более точно определять как лексико-грамматическую категорию, т.к. с одной стороны, в коттском, как и в других енисейских языках, наблюдается соответствующая дифференциация лексики (именные классы), а с другой - грамматическое выражение классов (грамматические классы).

Особенностью лексических (именных) классов является тот факт, что в структуре самих существительных в форме основного падежа в большинстве случаев нет формальных показателей того или иного класса (скрытая категория). Можно отметить лишь следующие два случая, в которых проведена дифференциация слов по классу (мужской : женский):

а) лексические пары типа fur "сын" - fur "дочь", o:p "отец" - a:ma "мать", fi: "мужчина" - alit "женщина", ig "самец" - feɣ "самка", hi:pa "дедушка" - hi:ma "бабушка";

б) лексические пары типа haɣ "дядя" - ha:ja "тетя", pore:iʃ "брат" - pore:ʃa "сестра", aɣri:iʃ "старик" - aɣri:ʃeɣ "старуха", hiʃ "конь" (ig-hiʃ "жеребец") - hiʃeɣ (также: feɣ hiʃeɣ) "кобыла".

Но таких лексических пар в коттском языке немного.

Материалы по коттскому языку не позволяют точно определить круг существительных для каждого из трех классов, но можно предполагать такое же распределение семантических групп существительных по классам, как в современном кетском и югском языках /Бернер 1969 : 172-173/(подробнее об этом см. ниже в разделе "Лексика").

Как правило, классная принадлежность существительного маркируется морфологически: такую информацию (специальные классные экспоненты) несут в себе падежные показатели существительного или слова, согласующиеся с именем существительным в классе, - глаголы, прилагательные, местоимения, числительные, наречия, например, ini=ti "он=здесь", ini=ta "она=здесь", ini=(g)a "оно (вещь)=здесь". В формах множественного числа выражается только два класса - неведущий (одушевленный) и ведущий (неодушевленный), причем тоже в падежных показателях и в словах, согласующихся с существительным в классе: ini=jaɣ "они (живые существа)=здесь", ini=(g)a "они (вещи)=здесь". Заметим, что данный грамматический механизм использовался, видимо, в коттском, как и в кетском и югском, не только для выражения классной принадлежности имен, обозначающих общеродовые и видовые понятия, но и для выражения пола при денотативной соотнесенности имени с существами женского или мужского пола, ср. югск. xoɣdaɣ "к медведю=самцу", но xoɣdiɣ "к медведю=самке (медведице)". На уровне лексики в данном случае коттский язык широко использует так называемые лексемно-дистинктивы, например, ig=ʃaɣaɣ "медведь (самец)" - feɣ=ʃaɣaɣ "медведица", ig=alʃip "кобель" - feɣ=alʃip "сука", fi:=hit "мужчина" - alit=hiɣa "женщина" и т.д.

Из падежных показателей коттского языка дифференцированы по классам показатели родительного, дательного, местного и исходного (аблативного) падежей, например:

	вещ. класс		жен. класс		муж. класс
Им.	iti "зуб"		a:ma "мать"		hai "дядя"
Род.	iti:		a:mi		haja:
Дат.	iti:ga		a:miga		haja:ʔa
Местн.	iti:ha:t		a:mha:t		haja:ha:t
Исх.	iti:ʃaŋ		a:miʃaŋ		haja:ʃaŋ

В отношении падежных форм единственного числа М.А.Кас-трен, правда, указал на оппозицию одушевленный : неодушевленный, но в данном случае следует фактически говорить об оппозиции мужской : немужской, т.е. в формах единственного числа вещной и женский классы совпадают. Во множественном же числе, наоборот, совпадают мужской и женский классы, и в парадигме склонения во множественном числе фактически представлена оппозиция невещной (одушевленный) : вещной (неодушевленный). Если же свести в единую схему данные парадигм склонения в единственном и множественном числе, то получаем четкую оппозицию трех классов - мужского, женского, вещного:

Ед. число		Мн. число
(1) мужской	-----	мужской
(2) немужской	{ женский ---- женский } { вещной ----- вещной }	невещной (1)
		вещной (2)

Сравним следующие примеры:

Ед. число		Мн. число
o:ʔ "отец"	- b:pa: "отца"	o:paŋ "отцы" - o:paŋaŋ "отцов".
a:ma "мать"	- a:mi "матери"	a:maŋ "матери" - a:maŋaŋ "матерей"
t ^h ox "палец"	- t ^h ogi "пальца"	t ^h ogaŋ "пальцы" - t ^h ogaŋi "пальцев"

Категория числа

Приведенная схема классной дифференциации в падежных показателях иллюстрирует не только теснейшую связь между категорицами класса и падежа, но и определенную связь категорицы класса с категорицей числа. Последний факт становится

еще более очевидным, если обратиться к показателям множественного числа коттских существительных. Установлено, что в коттском, как и в кетском и югском языках, из наиболее часто встречающихся показателей множественного числа существительных =n, =ŋ первый наблюдается, как правило, у одушевленных, а второй - у неодушевленных существительных, если употребление того и другого не обусловлено фонетическими условиями /Поротова 1973 : 26/. В связи с этим возникает вполне правомерный вопрос о том, не являются ли данные показатели по происхождению классными экспонентами?

М.А.Кастрен в свое время полагал, что эти показатели множественного числа, возможно, заимствованы из самодийских языков /Кастрен 1858 : 21/. Свое предположение он подкреплял тем фактом, что в способах образования форм множественного числа коттских существительных наблюдается большой разноразряд; автор предполагал, что в коттском языке формы множественного числа существительных вообще были малоупотребительны, а в тех случаях, где нельзя было обойтись без форм множественного числа, последние образовывались простым чередованием коренного гласного /Кастрен 1858 : 21/. Учитывая, однако, с одной стороны, что показатели множественного числа =n, =ŋ наблюдаются не только у существительных, но и у местоимений, глаголов, прилагательных, числительных, а с другой, тот факт, что эти показатели множественного числа пронизывают всю морфологическую систему языка в целом, об их заимствованном характере говорить не приходится.

Небезинтересна в связи с рассматриваемым вопросом мысль А.И.Дульзона о том, что понятие числа имени в кетском языке еще отчетливо связано с понятием класса, а показатели множественного числа =n, =ŋ восходят соответственно к классным показателям совокупности одушевленного множества и собираемости предметов /Дульзон 1972 : 4-5/. Обстоятельный анализ всех фактов по данному вопросу на материале кетского языка дан В.Н.Топоровым и Т.В. Цивьян /Топоров, Цивьян 1968 : 235-241/. Их выводы в равной мере могут быть отнесены и к фактам коттского языка.

Для коттских существительных характерны следующие способы образования форм множественного числа, зафиксированные в свое время М.А.Кастреном /Кастрен 1858 : 21-25/:

I. Варианты способа образования форм множественного числа с помощью суффикса =n:

- 1) ha:ja, pl. ha:jan "тетя";
- 2) alit, pl. alitn "женщина";
- 3) kanšá, pl. kanša:n "трубка (курительная)";
- 4) iki, pl. ikan "вошь";
- 5) ani, pl. ana:n "зять";
- 6) šu, pl. šuan "рябчик";
- 7) ajaḡ, pl. ajaḡan "игра";
- 8) aḡaḡan, pl. aḡaḡatn "член";
- 9) haptu, pl. haptutn "моль";
- 10) t^hi:t, pl. t^ha:tn "таймень"; reš, pl. pašan "заяц";
- 11) fei, pl. fen "кедр";
- 12) pin, pl. patn "утка";
- 13) d'u:ta, pl. d'utn "мышь";
- 14) a:reš, pl. a:retn "рожь"; i:pal, pl. i:patn "осина";
- i:šar, pl. i:šatn "глухарь"; oḡxoi, pl. oḡxotn "змея";
- 15) šeli, pl. šetn "дикий зверь (дичь)";
- 16) fi:, pl. fi:gan "мужчина";
- 17) ti:š, pl. te:šagan "глаз";
- 18) mentara, pl. mentatn "налим"; kolpala, pl. kolpatn "почка"; ša:škana, pl. ša:škata "сорokka".

II. Варианты способа образования форм множественного числа с помощью суффикса =ḡ:

- 1) e:ga, pl. e:gaḡ "солнце";
- 2) alak, pl. alakḡ "звезда";
- 3) i:ji, pl. i:jaḡ "весна";
- 4) aḡel, pl. aḡelaḡ "поселок";
- 5) fun, pl. fuḡḡ "невод";
- 6) arka, pl. arkaḡḡ "водка"; t^hi:, pl. t^hi:ḡḡ "край"; "конец", "кромка";
- 7) šet, pl. šetaḡ "хамус"; re:g, pl. rakḡḡ "кряж";
- 8) ší:š, pl. šep "камень"; ší:g, pl. šaḡḡ "ночь";
- i:r, pl. iḡḡ "лыжа";
- 9) hau, pl. ho:ḡḡ "рог";
- 10) i:g (< i:gə), pl. eaḡḡ (< eḡḡḡ) "день"; še:ga, pl. še:ḡḡ "год";
- 11) карах, pl. караḡḡ "лоб";
- 12) hi:ji, pl. hiḡḡḡ "господин"; nu:ja, pl. nuḡḡḡ "щука";

13) ki, pl. kejaŋ "цена";

14) nek, pl. hajaŋ "дорога";

15) xe, pl. xajiku "смерть".

По существу варианты с суффиксом =ɟ повторяют варианты с суффиксом =n, лишь сферы использования данных двух суффиксов различны: как уже отмечалось, если выбор суффикса не обусловлен фонетическими условиями, то =ɟ, как правило, присоединяется к неодушевленным, а =n - к одушевленным существительным. Можно отметить следующие общие условия выбора вариантов с =n и с =ɟ:

1) непосредственно после =t (в том числе при $\check{y}$, r, l, j > t) появляется только =n, а после =k (в том числе при x > k) - только =ɟ;

2) имена с исходом на =ɲ, =g (в том числе при k > g) получают во множественном числе суффикс =an, а имена с исходом на =n, =m, =r, =l, а также часто =p, =i (i > j) - суффикс =aɟ;

3) многие существительные на =l, =r, =n, = $\check{y}$, =i, а также на =ra, =la, =na получают во множественном числе суффикс =n (с изменением l, r, n, e, j > t и аналогичной гласной финали);

4) в большинстве случаев имена на =a получают во множественном числе суффикс =n, а имена на =e, =i в зависимости от места ударения - суффиксы =n или =ɟ. Но наблюдается и ряд исключений из этих общих правил выбора суффиксов множественного числа =n, =ɟ.

III. Случай плеоназма при образовании форм множественного числа с помощью суффиксов =n, =ɟ:

1) huk, pl. hunap "дыра"; arkaŋ, pl. arkanaŋ "ноздри";

2) ti:ni, pl. tinapan "ель"; tili, pl. tilapan "ива";

3) mintur, pl. minturanaŋi:n "дурак";

4) aipičeŋ "старуха", pl. aipičeanaŋin.

Своеобразными случаями плеоназма можно, видимо, считать и примеры типа ti:t, pl. tatn "таймень", т.к. чередование коренного гласного само по себе уже является способом образования форм множественного числа имени, ср.: $\check{y}$ e:t, pl. $\check{y}$ at "лиственница".

IV. Другие способы образования форм множественного числа имени:

- 1) alšip, pl. alšar "собака"; e:g, pl. ag "коза";
- 2) hat, pl. hatī "огонь"; šet, pl. šati "речка";
- 3) atšī, pl. ax "дерево";
- 4) d'al, pl. d'akat "ребенок"; kat "дети";
- 5) het, pl. šear "человек";
- 6) появление "неорганического" звука /t /: pin, pl. patn "утка"; arapan, pl. arapatn "член";
- 7) появление "неорганического" звука /k /: fuɣ, pl. fukɣ "невод".

Как уже отмечалось выше в разделе об акцентуации, чередование гласных при образовании форм множественного числа имени обусловлено изменением соответствующего слогового тона типа e:g, pl. *ag² (<*a?g²) "коза". В зависимости от места словесного ударения в слове также наблюдаются некоторые особенности в образовании форм множественного числа имени, на которые указал уже М.А.Кастрен /Кастрен 1858 : 21-22/: если ударение в словах с исходом на гласный =а падает на предпоследний слог, то этот гласный в случае присоединения суффикса множественного числа =n остается кратким; если ударение в таких случаях падает на последний слог, соответствующий гласный может удлиняться, ср.: hi:ma, pl. hi:man "бабушка", но: olšá, pl. olšá:n/olšán "одежда"; слова на =i принимают при ударении на последнем слоге показатель =an/=a:n, а при ударении на предпоследнем слоге - =aɣ (=i при этом отбрасывается: iki, pl. ikán "вошь", но: šu:li, pl. šu:laɣ "крюк"). Туркские заимствования с ударением на последнем слоге принимают во множественном числе =kɣ: kola, pl. kolakɣ "медь", tura, pl. turakɣ "комната".

В заключение отметим еще, что в коттском языке, насколько позволяют судить материалы М.А.Кастрена, формы множественного числа практически образуют все вещественные имена, а также pluraliatanta: šīša:tn "легкие", pl. šīšatnaɣ; kui, pl. kun "зола"; kaɣax, pl. kaɣakɣ "масло".

Категория падежа

При решении спорных вопросов енисейского склонения факты коттского языка почти не привлекались; между тем они очень

важны и для установления количественного состава падежей в енисейских языках и для определения статуса каждого падежа в отдельности.

Хотя материалы по коттскому языку малочислены, даже беглого взгляда достаточно, чтобы установить, что возникшие спорные вопросы относительно кетского склонения в равной мере относятся и к коттскому языку. Это следующие вопросы: (1) статус форм родительного падежа и форм притяжательного (личного) склонения, (2) соотношение падежных форм и послеложных конструкций, (3) вопрос о позиционных падежах /Кацнельсон 1972 : 46/.

Вопрос о позиционных падежах в енисейских языках, в том числе и в коттском языке, не так прост, как может показаться на первый взгляд. Его удовлетворительное решение зависит прежде всего от того, как определяется общее типологическое состояние этих языков, т.е. можно ли их рассматривать как языки номинативной типологии, или они должны характеризоваться как языки активной или эргативной типологии. В отношении коттского языка этот вопрос рассматривается ниже в разделе "Синтаксис". Здесь же заметим лишь, что изученные нами материалы по коттскому языку позволяют определять его как язык номинативной типологии; следовательно, в качестве коттских позиционных падежей могут выступать только номинатив и аккузатив. В плане содержания этот факт не может вызывать сомнений; сложности возникают однако при анализе плана выражения. Дело в том, что формально (на морфологическом уровне) эти два падежа совпадают в форме так называемого основного падежа, и, следовательно, в плане выражения коттский язык был безаккузативным языком. Уже М.А.Кастрен по этому поводу писал, что номинатив всегда замещает и аккузатив в коттском языке /Кастрен 1858 : 32/. Очевидно, в коттском, как и в ныне существующем кетском языке, эти два падежа различались лишь на уровне порядка слов в предложении, ср. кет. *ba:t datuŋ qoʃ* "старик видит медведя" - *qoʃ datuŋ ba:t* "медведь видит старика", где субъект, выраженный номинативом всегда занимает маргинальную левую позицию в предложении /Вернер 1965 : 52-53/.

В целом М.А.Кастрен устанавливает следующий состав падежей в коттском языке:

Падежные показатели	Единственное число		Множественное число	
	Жен. и вещ. классы	Мужской класс	Невещной класс	Вещной класс
1. Основной	-	-	-	-
2. Родительный	=i	=a:	=ŋ	=l
3. Дательный	=iga	=a:ʔa	=ŋa	=iga
4. Местный	=iha:t	=a:ha:t	=ŋha:ʔa:ŋa:t	=iha:t
5. Исходный	=iʃaŋ	=a:ʃaŋ	=ŋʃaŋ	=iʃaŋ
6. Инструментальный	=o:	=o:	=o:	=o:
7. Совместный	=oŋ (=aʃ)	=oŋ (=aʃ)	=oŋ (=aʃ)	=oŋ (=aʃ)

Правда, М.А.Кастрен не назвал в своем перечне коттских падежей лишительный падеж, но приводит в своей работе достаточно свидетельств в пользу его наличия в коттском языке, например, aŋ "я" - aŋfun "без меня", tagaŋ "голова" - tagaŋfun "без головы", ʃal "острие" - ʃalfun "тупой" (букв. "без острия"), ali:t "жена" - ali:tfun "без жены" (также: "холостой"), ʔatki:t "муж" - ʔatki:tfun/ʔatki:tʔun "без мужа", anaŋaŋ "ум, разум" - anaŋaŋfun "без ума" ("глухой"), aluŋ "язык" - aluŋfun/aluŋʔun "без языка" (также: "немой") и т.д. Подобные примеры (их число можно бы легко увеличить), полностью соответствующие фактам современных енисейских языков - кетского и югского -, не оставляют сомнений в том, что в коттской падежной системе был представлен лишительный падеж (каритив). Есть также основания предполагать наличие в коттском языке сравнительного падежа с показателем =baʃ/=paʃ, например, alʃip "собака" - alʃip=baʃ "как собака, собаке подобный"; hat "огонь" - hatpaʃ "как огонь, огню подобный". Интересны в этом отношении югские прилагательные surbeŋ "красный" (< sur "кровь" + beŋ - показатель продольного падежа "по", т.е. "по крови", "крови подобный", "как кровь") и tiŋbeŋ "белый" (< tik "снег" + beŋ т.е. "по снегу", "снегу подобный", "как снег"). Иногда подобные образования встречаются и в кетском языке, например, ul'beŋ' "жидкий" (< ul' "вода" + beŋ', т.е. "воде подобно", "как вода"). Эти югские и кетские примеры указывают на

то, что продольный падеж мог раньше совмещать в себе и значение сравнительного падежа, и, если в кетском и югском он сузил свои функции до обычного пролатива, то в коттском, очевидно, наоборот, пролативные функции этого падежа были полностью вытеснены послеложной конструкцией с послелогом ии "вдоль", и остались только функции сравнительного падежа.

Не совсем понятна семантическая характеристика падежа, обозначенного М.А.Кастреном как *Instructiv*, и как он соотносится с совместным падежом (*Comitativ*); в словаре М.А.Кастрена /Кастрен 1858 : 202/ показатель совместного падежа =оѵ "посредством" обозначен как послелог для ин-структива ("Postposition für den Instructiv"), что указывает на отсутствие четкой грани между этими падежами. Вопрос осложняется еще и тем, что в коттском языке обнаруживается значительное число наречий на =а с явным комитативным значением: *ali:t* "жена" - *ali:ta* "женат" (т.е. "с женой"), *hatkit* "муж" - *hatkita* "замужем" (т.е. "с мужем"), *araŋaj* "ум" - *araŋaja* "умно" (т.е. "с умом"), *tu* "дым" - *tua* "дымно" (т.е. "с дымом"), *hunaŋ* "дыры" - *hunaŋa* "дыряво" (т.е. "с дырами"), *pe:ŋ* "ветер" - *pe:ŋa* "ветренно" (т.е. "с ветром"), *ŋeŋ* "камни" - *ŋeŋa* "каменисто" (т.е. "с камнями"), *keŋ* "крыло" - *keŋa* "крылато" (т.е. "с крылом"), *ŋak/ŋag* "сила" - *ŋaga* "сильный" (т.е. "с силой") и т.д. Очевидно, остатки этого падежа на =а наблюдаются и в сложных именах *hatariŋ* "трут" (из *hat* "огонь" + *a* + *riŋ*), *hataŋiŋ* "кремень" (из *hat* "огонь" + *a* + *ŋiŋ* "камень"), *hatagem* "ружье" (из *hat* "огонь" + *a* + *gem* "стрела").

Сравнивая последний пример с кет. *boŋdam* "ружье", развившимся из *boŋ* "огонь" + *d(i)* показатель родительного падежа + *dam* "стрела", можно бы в коттском показателе =а усматривать показатель коттского родительного падежа, но такое толкование было бы оправдано только по отношению к именам мужского класса (в вышеприведенных примерах это относится только к слову *hatkit* "муж"); встречается же коттский показатель =а, как показывают приведенные примеры, у имен всех трех классов - мужского, женского и вещного.

На комитативный характер коттского показателя =а у приведенных наречий указывают и кетско-югские параллели. Так, соответствующие коттским словам *ali:ta* "женат", *hatkita* "замужем", югские образования *čettaš* "замужем", *hemšas* "женат" развились из *čet* "муж" + *faš* - показатель совместного падежа и из *hem* "жена", "женщина" + *faš* - показатель совместного падежа.

Можно предположить, что коттский комитативный показатель =а у наречий, показатель =о: инструктива (по М.А.Кастрену) и показатель =оё совместного падежа восходят исторически к одному показателю инструктива с широкой семантикой. Их разная огласовка =ао =о не должна удивлять, если учесть, что М.А.Кастрен отмечает у показателя комитатива варианты =оё ~ =аё. Вариант с огласовкой /а/ мог развиться в безударной позиции (отметим, кстати, что =а у вышеперечисленных наречий всегда в безударном положении, тогда как показатель инструктива =о: несет на себе всегда словесное ударение). По засвидетельствованным коттским материалам целесообразней интерпретировать показатель =о: как показатель инструменталя, а не древнего инструктива, которому был бы противопоставлен обычный комитатив. Мы склонны поэтому выделять в коттском языке инструментальный и совместный падежи.

Отмеченный М.А.Кастреном коттский локатив по принципу оформления своего показателя (сохраняются различия по классу) скорее напоминает кетский местно-личный падеж на =diŋta (немуж. класс), =daŋta (муж. класс), а не кетский локатив на =ka, =Ya, и можно бы поэтому думать о существовании в коттском еще одного локатива. Интересны в этом отношении замечания М.А.Кастрена по поводу локативных форм типа *eša:l* "вверху" (от *e:š* "небо"), *ha:na:l* "внизу" (от **ha:n* "низ"), *u:ja:l* "в верховье речки" (от **u:ʃ* "верховье"), *tʰi:ga:l* "в низовье реки" (от **tʰi:g/*tʰi:k* "низовье"), *i:ta:l* "внизу, под" и т.д. Возможно, они и являются реликтами древнего локатива, вытесненного в коттском языке падежом типа кетского местно-личного и более поздними послеложными конструкциями. Некоторые реликты этого древнего локатива обнаруживаем, например, в югском языке: *ugi/uku:l* "рядом", *ityl* "возле", *fy:l* "внизу" (ср. *fučej* "вниз").

Сходные формы на =l представлены и в кетском языке: у:l' "рядом", itl' "возле", hyl' "внизу", "нижний"; qotil' "впереди", "передний"; tos'l' "вверху", "верхний"; u:tl' "в верховье (реки)". Локативный характер =l подтверждается в таких случаях югско-кетской параллелью: кет. qotil' - югск. хотке "впереди", "передний", где югское слово хотке оформлено показателем современного локатива =ke.

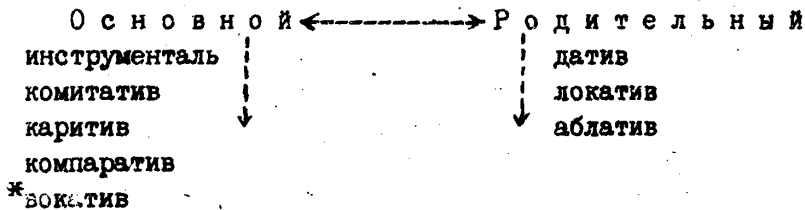
Ряд особенностей падежных систем в енисейских языках - относительная самостоятельность падежных показателей (например, их способность отрываться от имени и употребляться в предложении самостоятельно, или их способность присоединяться к финитным формам глагола, внешнее материальное сходство показателей родительного падежа с притяжательными префиксами в кетском и югском языках, отсутствие четких критериев разграничения падежных формантов и послелогов) породили точку зрения, согласно которой, в частности в кетском и югском языках, нет родительного и лишительного падежей /Крейнович 1968 : 130/. В этом спорном вопросе, особенно в вопросе о статусе родительного падежа, данные кетского языка нам представляются особенно важными. Но обратимся сначала к аргументам Е.А.Крейновича, отрицающего наличие родительного падежа в кетском и югском языках.

"Перед притяжательными формами имен существительных (qus' "чум", daqus' "его чум", dRus' "ее чум") в роли определения могут стоять именные определения, которые сливаются с определяемым словом в одно определительное словосочетание: us' "чум отца", andRus' "чум матери", oqupdaqus' "родителей". Так как в потоке речи притяжательные префиксы, не несущие на себе ударения, могут отходить к определению, в кетском языке ошибочно выделялся родительный падеж существительных, которого в действительности в нем нет", - пишет Е.А.Крейнович /Крейнович 1968а : 457/. Действительно, вопрос о родительном падеже в кетском языке упирается прежде всего в то, как членить образования типа югск. ob=da=fur "отец-его-сын". Как видно из приведенной цитаты, по мнению Е.А.Крейновича, в подобных случаях возможно лишь членение ob dafur, хотя безударный показатель =da= может отходить к определению, т.е. obda fur. Но в том-то и дело, что obda fur и ob dafur - это совершенно различные граммати-

ческие явления в кетском и югском языках: в первом случае имеем форму родительного падежа в составе атрибутивной синтагмы, а во-втором - притяжательную форму имени *dafur* "его сын". Сравним следующие примеры: *katna ba:m də:ne* "детей бабушка умерла" (*katna ba:m* - это атрибутивная синтагма, в которой выступает форма родительного падежа), но: *ka?t en naba:m dixonesu:rgen* "дети теперь свою бабушку потеряли" (*naba:m* - притяжательная форма имени *ba:m* "бабушка" в роли прямого объекта). Особенно показательны в данном случае притяжательные формы имени, которые в составе атрибутивных синтагм оформляются, кроме притяжательного префикса, показателем родительного падежа: *dobda ba:m də:ne* "ее отца бабушка умерла", *daobda ba:m də:ne* "его отца бабушка умерла" и т.д. Ср. также: *tuda do?n obdas'* "это нож отца (отцу принадлежащий)", *tuda do?n dobdas'* "это нож ее отца (ее отцу принадлежащий)", *tuda do?n daobdas'* "это нож его отца (его отцу принадлежащий)", *tuda do?n naobdas'* "это нож их отца (их отцу принадлежащий)" и т.д. Отмеченные в кетском и югском языках формы типа *budi* "ее", *budis'* "ее, ей принадлежащий" (*tuda do?n budis'* "это нож ее"), *buda* "его", *budas'* "его, ему принадлежащий" (*tuda do?n budas'* "это нож его") позволяют заключить, что формы родительного падежа сохранились и у личных местоимений, хотя они функционируют в кетском и югском языках, как и во многих других, в качестве притяжательных местоимений.

Различие между формами притяжательного ("личного") склонения и формами родительного падежа сохранились и в коттском языке. Правда, М.А.Кастрен не упоминает о коттских притяжательных формах имени, оформленных префиксами, и считал, видимо, притяжательными лишь формы типа *a:miße* "матери, матери принадлежащий", *o:paße* "отца, отцу принадлежащий", т.е. предикативно оформленные формы родительного падежа подобно формам *amdis'* "матери, матери принадлежащий", *obdas'* "отца, отцу принадлежащий" в кетском и югском языках. Однако М.А.Кастрен приводит коттские формы типа *~a:ma* "мать", *~o:p* "отец", где носовой призвук /~/, несомненно, восходит к /ɲ=/, т.е. к притяжательному префиксу I-го лица единственного числа. Об этом свидетельствуют приведенные М.А.Кастреном в одном случае /Кастрен 1856 : 139/ параллельные формы

~aiteän (paiteän) "хочу", т.е. букв. "мое желание". Следовательно, коттские формы ~а:ша "мать", ~о:р "отец" и т.д. являются фактически формами па:ша "моя мать", ро:р "мой отец" и т.д., и в целом в коттском языке обнаруживаем, таким образом, как в кетском и югском, с одной стороны, притяжательные формы имени, а с другой - формы родительного падежа. Однако в коттском языке притяжательные формы имени типа ~а:ша "мать", ~о:р "отец", т.е. формы с притяжательными префиксами, являются, очевидно, в отличие от соответствующих кетских и югских, реликтовыми; можно предполагать, что они ко времени путешествий М.А.Кастрена по Сибири в середине XIX века были уже почти полностью вытеснены. Тем монолитней предстают формы родительного падежа в коттском, не оставляя никаких сомнений в его существовании, и в целом можно заключить, что коттская падежная система в плане выражения строилась, как и падежная система других енисейских языков, на оппозиции основного и родительного падежей: от формы основного падежа образованы формы инструментала, совместного, сравнительного и, очевидно, звательного падежей, а от формы родительного - формы дательного, местного и исходного падежей.

Как показал В.Н.Топоров /Топоров 1973 : 3-66/, эта общая схема построения падежной системы характерна не только для енисейских языков, но и для других языков обско-енисейского бассейна.

Формы вокатива М.А.Кастреном не отмечены ни в кетском, ни в коттском языках. Кетские формы вокатива были, как известно, впервые описаны Н.К.Каргером /Каргер 1934/. Учитывая широкое употребление вокативных форм в кетском и югском, можно предполагать их наличие и в коттском языке, а их показатели можно реконструировать в виде *_o (муж. класс), *_e/_{=a} (жен. класс).

Таким образом, вышеприведенная семипадежная система склонения коттских существительных М.А.Кастрена может быть расширена за счет именительного, звательного и дательного падежей, и приводимые М.А.Кастреном парадигмы склонения некоторых коттских слов могут принять следующий вид:

1. šaga "белка" (муж. класс):

	Ед. число	Мн. число
Им.	šaga	šagan
Род.	šaga:	šagana:ŋ
Дат.	šaga:ʔa	šagana:ŋa
Местн.	šaga:ha:t	šagana:ŋha:t
Исх.	šaga:šaŋ	šagana:nšaŋ
Инстр.	šaga:	šagano:
Совм.	šaga:š	šaganoš
Лич.	*šagafun	*šaganfun
Сравн.	*šagabaš	*šaganbaš
Зват.	*šaga:	*šagano:

2. iti "зуб" (вещной класс):

Им.	iti	itaŋ
Род.	iti:	itaŋi
Дат.	itirga	itaŋiga
Местн.	iti:hat	itaŋiha:t
Исх.	iti:šaŋ	itaŋišaŋ
Инстр.	itio:	itaŋo:
Совм.	itioš	itaŋoš
Лич.	*itifun	*itaŋfun
Сравн.	*itibaš	*itaŋbaš
Зват.	-	-

3. ašaŋše "сохатый" (муж. класс):

	Ед. число	Мн. число
Им.	ašaŋše	ašaŋši:n
Род.	ašaŋša:	ašaŋši:na:ŋ
Дат.	ašaŋša:ʔa	ašaŋši:na:ŋa
Местн.	ašaŋša:ha:t	ašaŋši:na:ŋha:t
Исх.	ašaŋša:šaŋ	ašaŋši:na:nšaŋ
Инстр.	ašaŋšec:	ašaŋši:nc:
Совм.	ašaŋšeoš	ašaŋši:noš
Лич.	*ašaŋšafun	*ašaŋši:nfun
Сравн.	*ašaŋšabaš	*ašaŋši:nbaš
Зват.	*ašaŋša:	*ašaŋši:nc:

4. šičalše "точило" (вещной класс):

	Ед. число	Мн. число
Им.	šičalše	šičalši:n
Род.	šičalši;	šičalši:ni
Дат.	šičalši:ga	šičalši:iga
Местн.	šičalši:ha:t	šičalši:niha:t
Исх.	šičalši:čaŋ	šičalši:ničaŋ
Инстр.	šičalšeo:	šičalši:no:
Совм.	šičalšeoš	šičalši:noš
Лиш.	*šičalšeifun	*šičalšinfun
Сравн.	*šičalšebaš	*šičalšinbaš
Зват.	-	-

5. haj "дядя" (муж. класс):

	Ед. число	Мн. число
Им.	haj	hajaŋ
Род.	haja:	hajana:ŋ
Дат.	haja:ʔa	hajana:ŋa
Местн.	haja:ha:t	hajana:ŋha:t
Исх.	haja:čaŋ	hajana:ŋčaŋ
Инстр.	hajo:	hajano:
Совм.	hajoš	hajanoš
Лиш.	*hajfun	*hajanfun
Сравн.	*hajbaš	*hajanbaš
Зват.	*hajo:	*hajano:

6. tagaj "голова" (вещной класс):

	Ед. число	Мн. число
Им.	tagaj	tagajaŋ
Род.	tagai:	tagajaji
Дат.	tagaiga	tagajajiga
Местн.	tagaiha:t	tagajajihha:t
Исх.	tagaičaŋ	tagajajičaŋ
Инстр.	tagajo:	tagajajo:
Совм.	tagajoš	tagajajoš
Лиш.	*tagajfun	*tagajajfun
Сравн.	*tagajbaš	*tagajajbaš
Зват.	-	-

7. šu:šuk "щенок" (муж. класс):

	Ед. число	Мн. число
Им.	šu:šuk	šu:šukaŋ

Род.	č̣u:č̣uka:	č̣u:č̣ukana:ŋ
Дат.	č̣u:č̣uka:ʔa	č̣u:č̣ukana:ŋa
Местн.	č̣u:č̣uka:ha:t	č̣u:č̣ukana:ŋha:t
Исх.	č̣u:č̣uca:č̣aŋ	č̣u:č̣ukana:nč̣aŋ
Инстр.	č̣u:č̣uko:	č̣u:č̣ukano:
Совм.	č̣u:č̣ukoš	č̣u:č̣ukanoš
Лиш.	*č̣u:č̣ukfun	*č̣u:č̣ukanfun
Сравн.	*č̣u:č̣ukpraš	*č̣u:č̣ukanbaš
Зват.	*č̣u:č̣uko:	*č̣u:č̣ukano:

8. t^hox "палец" (вещной класс):

	Ед. число	Мн. число
Им.	t ^h ox	t ^h ogan
Род.	t ^h ogi/t ^h ogeɪ	t ^h ogani
Дат.	t ^h ogiga/t ^h ogeiga	t ^h oganiga
Местн.	t ^h ogihɑ:t/t ^h ogeihɑ:t	t ^h oganihɑ:t
Исх.	t ^h ogičaŋ	t ^h oganičaŋ
Инстр.	t ^h ogo:	t ^h ogano:
Совм.	t ^h ogoš	t ^h oganoš
Лиш.	*t ^h oxfun	*t ^h oganfun
Срвн.	*t ^h oxpraš	*t ^h oganbaš
Зват.	-	-

9. huš "лошадь" (муж. класс):

	Ед. число	Мн. число
Им.	huš	hušan
Род.	huša:	hušana:ŋ
Дат.	huša:ʔa	hušana:ŋa
Местн.	huša:ha:t	hušana:ŋha:t
Исх.	huša:č̣aŋ	hušana:nč̣aŋ
Инстр.	hušo:	hušano:
Совм.	hušoš	hušanoš
Лиш.	*hušfun	*hušanfun
Сравн.	*hušpraš	*hušanbaš
Зват.	*hušo:	*hušano:

10. hu:š "чум" (вещной класс):

	Ед. число	Мн. число
Им.	hu:š	huŋ
Род.	hu:šɪ	huŋɪ
Дат.	hu:šiga	huŋiga

Местн.	hu:šihɑ:t	hugiha:t
Исх.	hu:šičaŋ	hugičaŋ
Инстр.	hu:šo:	hugo:
Совм.	hu:šoš	hugoš
Лич.	*hu:šfun	*hugfun
Сравн.	*hu:špaš	*hugbaš
Зват.	-	-

II. ~o:p "отец" (муж. класс):

	Ед. число	Мн. число
Им.	~o:p	~o:paŋ
Род.	~o:pa:	~o:paŋa:p
Дат.	~o:pa:ʔa	~o:paŋa:pa
Местн.	~o:pa:ha:t	~o:paŋa:p̄ha:t
Исх.	~o:pa:čaŋ	~o:paŋa:p̄čaŋ
Инстр.	~o:po:	~o:paŋo:
Совм.	~o:po:š/o:paš	~o:paŋoš
Лич.	*ō:pfun	*ō:paŋfun
Сравн.	*ō:ppaš	*ō:paŋbaš
Зват.	*ō:po:/o:bo:	*ō:paŋo:

Среди приведенных парадигм нет образца склонения имен женского класса, но М.А.Кастрен указал в своей работе /Кастрен 1858 : 32-34/ на то, что в единственном числе имена женского класса принимают те же форманты, что и имена вещного класса (в частности в родительном падеже), а во множественном числе форманты одушевленных имен совпадают. По обнаруженным у М.А.Кастрена формам мы восстанавливаем парадигму склонения существительного женского класса ~a:ma "мать" в следующем виде:

	Ед. число	Мн. число
Им.	~a:ma	~a:maŋ
Род.	~a:mi	~a:maŋa:p
Дат.	~a:miŋa	~a:maŋa:pa
Местн.	~a:miha:t	~a:maŋa:p̄ha:t
Исх.	~a:mičaŋ	~a:maŋa:p̄čaŋ
Инстр.	*~a:mao:	*~a:maŋo:
Совм.	*~a:mao:š	*~a:maŋo:š
Лич.	*~a:mafun	*~a:maŋfun
Сравн.	*~a:mabaš	*~a:maŋbaš
Зват.	*~ama:	*~amaŋo:

Следовательно, в коттском, как и в современном кетском и югском, было представлено (при учете парадигм ед. и мн. числа) три склонения существительных - мужское, женское и вещное.

Прямых указаний относительно значений отдельных коттских падежей у М.А.Кастрена нет, но, учитывая некоторые косвенные данные и сведения о падежах кетского и югского языков, можно круг их значений определить ориентировочно следующим образом.

Коттский основной падеж, как уже отмечалось, совмещал в себе функции номинатива и аккузатива, и, следовательно, мог употребляться для выражения: (а) субъекта действия или состояния; (б) именной части сказуемого (при глаголе со значением "становиться"); (в) прямого объекта (при глаголах переходной семантики); (г) субъектного приложения типа кет. *baʃbe kas'kit* "сирота Каскет" и т.д. В предикативе в сочетании со связочным глаголом "становиться" форма основного падежа имела, видимо, транслативное значение. Любопытно, что при отсутствии связочного глагола в таких случаях имя существительное, наряду с прилагательными и наречиями, оформлялось в коттском языке специальными предикативными аффиксами, различавшимися по классу, числу и лицу. Приведем соответствующие формы от *airiʃ* "старик":

Ед. число		Мн. число	
<i>airiʃtaʃ</i>	"я старик"	<i>airiʃtoʃ</i>	"мы старики"
<i>airiʃci</i>	"ты старик"	<i>airiʃcoʃ</i>	"вы старики"
<i>airiʃtu</i>	"он старик"	<i>airiʃcoaʃ</i>	"они старики"

Как исходная форма имен существительных основной падеж, несомненно, мог выступать в коттском языке и в других функциях, но сохранившиеся материалы не позволяют сделать в этом отношении каких-либо определенных выводов.

Основной синтаксической функцией коттского родительного падежа была, очевидно, как и в современных енисейских языках, функция примененного определения, т.е. он обозначал прежде всего обладателя, хотя мог, в частности, в сфере неодушевленных имен, выражать принадлежность в широком смысле - отношение предмета к коллективу, предмета к его создателю, признака к носителю признака, части к целому и т.д. Примеры

типа alšar=šulpi "черная смородина", букв. "собачья яго-
да" (из alšar форма мн. числа от alšip "собака" + šulpi
"ягода"), hali=hit "воин" (из hali "война" + hit "чело-
век"), карах=e:k "бровь" (из карах "лоб" + e:k "волос")
и т.д. свидетельствуют о том, что в функции приименного
определения в коттском языке с родительным падежом конкури-
ровал основной падеж; особенно показательны в этом отношении
примеры типа кот. e:ša:=hu:š "церковь" (букв. "чум бога"),
где e:ša: является формой родительного падежа от e:š "бог",
но e:š=kan "царь" (русский), что букв. значит "бог-хан",
и где e:š "бог" стоит в основном падеже. Наблюдается, та-
ким образом, явление, точно соответствующее фактам кетского
языка /Топоров, Цивьян 1968 : 241-242/.

Для коттского дательного падежа можно предполагать наличие
функции обозначения объекта, к которому направлено действие,
конечный пункт в пространстве, куда направлено действие и т.
д.; его конкретные значения могли напоминать значения датель-
ного падежа в кетском и югском языках - дательный объекта,
дательный субъекта, дательный направления и т.д. /Валл 1970 :
20-22/. К сожалению, коттские материалы не позволяют дать
более детальную характеристику значений этого падежа.

Как уже отмечалось, коттский местный падеж, видимо, сов-
мещал в себе функции местно-личного падежа и падежа с искон-
ным локативным значением. Во всяком случае наречно-последлож-
ные слова типа eša:l "вверху", ha:na:l "внизу", i:ta:l
"внизу ; под", ujal "в верховье (реки)" и т.д. позволяют
выделить показатель =al с локативным значением, который
можно рассматривать как рудимент древнего енисейского лока-
тива. К нему восходит, очевидно, и реликт эксклюзивного па-
дежа, наблюдающийся в примерах типа кот. tonla "только
нож" (от ton "нож").

Коттский локатив на =iga(жен. класс), =a:ʔa (муж. класс),
=ʔa (одуш. класс во мн. числе) можно охарактеризовать как
падеж, с помощью которого выражалось обстоятельство места
или времени протекания действия, или косвенный объект по
аналогии с местно-личным падежом кетского языка /Валл 1970 :
26-29/.

Форма коттского исходного падежа (аблатива) выражала, как
и в других языках, обстоятельство, обозначающее пункт во

времени или в пространстве как начало или исход действия. Имел ли этот падеж все те значения, которые отмечены для кетского аблатива /Валл 1970 : 22-26/, судить трудно.

О значениях других коттских падежей выше уже говорилось.

Категория посессивности

Формы так называемого притяжательного ("личного") склонения типа югских форм, например, от слова *op* "отец":

<i>bor</i>	"мой отец"	<i>paop</i>	"наш отец"
<i>kop</i>	"твой отец"	<i>paop</i>	"ваш отец"
<i>dop</i>	"ее отец"	<i>paop</i>	"их отец"
<i>daop</i>	"его отец"		

в коттских материалах, как выше уже отмечалось, не обнаружены. Тем не менее в работе М.А.Кастрена наблюдается одно любопытное явление, которое позволяет с большей степенью вероятности предполагать наличие притяжательных форм имени и в коттском языке. Ряд коттских слов, зафиксирован М.А.Кастреном с носовым призвуком в начале, а именно: *op* "отец", *~ama* "мать", *~ani* "зять", *~areaj* "внутри", "внутри", *~aitaaj* "хочу", *~a:luga* "знаю". По своей семантике, как уже отмечалось, эти формы могли бы быть интерпретированы как "мой отец", "моя мать", "мое нутро", "мое желание", "мое знание". Такая интерпретация подтверждается, во-первых, тем, что, начиная с материалов XVIII века, подобные формы, особенно формы I-го лица, встречаются в записях енисейских слов нередко, например, имб. *bhu:n* "моя дочь", имб. *bgi:m*, ар. *byqamalte/biqamal* "моя жена", ар. *b'ama* "моя мать" (но ар. *ama* "мать"), имб. *btet* "мой муж", ар. *biq'ar'at* "мой муж", кур. *bob*, ар. *b'ar* "мой отец", имб. *bgebet* "моя спина", ост. *даховет* "его спина", имб. *bhu:p* ар. *vik'al* "мой сын" и т.д.; во-вторых, в коттском языке, по аналогии с другими енисейскими языками, посессивным-показателем I-го лица единственного числа мог быть только показатель родительного падежа личного местоимения I-го лица единственного числа (*ai* "я", род. падеж *ai=q* "меня"), т.е. есть носовой сонант /q/, который, исчезнув, мог оставить носовой призвук /~/ перед соответствующими именами. Кстати,

в одном случае (выше об этом упоминалось) М.А.Кастрен дает параллельные формы: $\sim aite\dot{a}n$ ($\dot{a}ite\dot{a}n$) "хочу", т.е. букв. "мое желание" /Кастрен 1858 : 139/ (ср. кет. νRoj "мое желание"/"хочу", $uRoj$ "твое желание"/"ты хочешь" и т.д.).

По изложенным соображениям может быть реконструирована следующая система посессивных префиксов имени существительного в коттском:

$\dot{a}ite\dot{a}n$	"мое желание"	* $o\dot{a}ite\dot{a}n$	"наше желание"
* $u\dot{a}ite\dot{a}n$	"твое желание"	* $sa\dot{a}ite\dot{a}n$	"ваше желание"
* $a:\dot{a}ite\dot{a}n$	"его желание"	* $aga\dot{a}ite\dot{a}n$	"их желание"
* $i\dot{a}ite\dot{a}n$	"ее желание"		

Как и в других енисейских языках, эти посессивные формы выражали в коттском языке лицо и число обладателя с помощью указанных лично-притяжательных префиксов.

Не исключено, что посессивность могла в коттском языке точно так же, как, например, в югском и кетском языках, выражаться аналитически, т.е. с помощью словосочетаний типа югских

$\dot{a}p$ $o:p$	"мой отец"	$\dot{a}tnna$ $o:p$	"наш отец"
uk $o:p$	"твой отец"	$k\dot{a}k\dot{y}na$ $o:p$	"ваш отец"
$buda$ $o:p$	"его отец"	$buej\dot{y}na$ $o:p$	"их отец",
$budi$ $o:p$	"ее отец"		

которым могли предположительно соответствовать в коттском языке:

$\dot{a}i\dot{y}$ $o:p$	"мой отец"	$\dot{a}jo\dot{y}o\dot{y}$ $o:p$	"наш отец"
ai $o:p$	"твой отец"	$\dot{a}io\dot{y}o\dot{y}$ $o:p$	"ваш отец"
$\dot{a}jna:$ $o:p$	"его отец"	$uni\dot{a}j\dot{a}j$ $o:p$	"их отец".
$\dot{a}j\dot{a}$ $o:p$	"ее отец"		

Предикативные формы имен существительных

В речи современных носителей кетского и югского языков кетологи не смогли зафиксировать предикативные формы имен существительных. В работе же М.А.Кастрена такие формы приведены для югского (сыгского), кетского и коттского языков. (Причем, абсолютно единую парадигму обнаруживают имя существительное, прилагательное, наречие, глагольные основы, некоторые местоимения и числительные, а также отдельные па-

дежные формы имени существительного. В соответствующих формах выражены лицо, число, для 3-го лица еще и класс. Приведем парадигмы коттских слов *hama*: "хороший", *airiṣ* "старик":

<i>hama:taḷ</i>	"я хороший"	<i>airiṣtaḷ</i>	"я старик"
<i>hama:u</i>	"ты хороший"	<i>airiṣu</i>	"ты старик"
<i>hama:tu</i>	"он хороший"	<i>airi u</i>	"он старик"
* <i>hama:ta</i>	"она хорошая"	* <i>airiṣta</i>	"она старик"(?)
* <i>hama:ʔa/hama:ga</i>	"оно хорошее"		
<i>hama:toḷ</i>	"мы хорошие"	<i>airiṣtoḷ</i>	"мы старики"
<i>hama:ou</i>	"вы хорошие"	<i>airiṣou</i>	"вы старики"
<i>hama:ʔiaḷ/hama:ga</i>	"они хорошие"	<i>airiṣeaḷ</i>	"они старики"

Правда, существительное *airiṣ* является, видимо, субстантивированным прилагательным, как это видно из примера *~o:p airiṣtu* "отец старый" /Кастрен 1858 : 39/, хотя словообразовательная модель *airiṣ* "старик" - *airi:ṣeḷ* "старуха" (ср.: *~ani* "зять" - *aneḷ* "невестка", *pre:ṣ* "брат" - *pre:ṣa* "сестра") говорит все же в пользу того, что *airiṣ* - это существительное. Формы, помеченные звездочкой, восстановлены нами по примерам типа *~a:ma paka:ta* "мать молодая", *ul pala* "вода теплая" /Кастрен 1858 : 39/.

Можно предположить, что употреблялись в речи коттов лишь предикативные формы одушевленных существительных (ср. ситуацию в селькупском языке /Кузнецова и др. 1980 : 189/, где предикативные формы от неодушевленных существительных формально могут быть образованы, но практически в речи селькупов не употребляются).

Предикативные суффиксы как бы замещали в коттском языке отсутствующий связочный глагол типа русского "быть", и соответствующие предикативные формы не выражали временных значений, употребляясь и как формы настоящего и как формы прошедшего времени в зависимости от контекста /Кастрен 1858 : 140/.

В коттском языке существовала, как и в современных енисейских языках коттском и югском, еще одна разновидность предикативных форм имени; они образовывались с помощью присоединения к форме родительного падежа в ед. и мн. числе предикативного суффикса *=ṣe*, не дифференцированного по роду, числу и лицу, например, *a:miṣe* "матери принадлежа-

ший", o:ra:še "отцу принадлежащий", šejanše "народу принадлежащий" и т.д. Об их употреблении можно лишь говорить предположительно. Возможно, они употреблялись так же, как аналогичные формы кетского и югского языков, например, югск. tuda doʔn obdasʔ "это нож отца" ("отцовский").

В основном падеже эти формы не были дифференцированы по классу, и, следовательно, могли в этом падеже употребляться для всех трех классов, т.е. a:miše могло, например означать "матери принадлежащий", "матери принадлежащая", "матери принадлежащее". Однако, при сравнении этих форм с соответствующими местоимениями, образованными с помощью этого же суффикса =še, невольно напрашивается вывод, что и possessивные именные образования на =še могли склоняться в ед. и мн. числе; в таком случае парадигмы неизбежно различались в зависимости от класса. Эти парадигмы можно бы, при учете соответствующих местоименных парадигм, реконструировать в следующем виде:

а) a:miše "матери принадлежащий" (муж. класс):

	Ед. число	Мн. число
Им.	*a:miše	*a:miši:n
Род.	*a:miša:	*a:miši:naŋ
Дат.	*a:miša:ʔa	*a:miši:naŋa
Местн.	*a:miša:ha:t	*a:miši:naŋha:t
Исх.	*a:miša:čaŋ	*a:miši:nančaŋ
Инстр.	*a:mišo:	*a:miši:no:
Совм.	*a:mišoš	*a:miši:noš
Лиц.	*a:mišefun	*a:miši:nfun
Сравн.	*a:mišebaš	*a:miši:nbaš;

б) a:miše "матери принадлежащая" (жен. класс):

	Ед. число	Мн. число
Им.	*a:miše	*a:miši:n
Род.	*a:mišei	*a:miši:naŋ
Дат.	*a:mišeiga	*a:miši:naŋa
Местн.	*a:mišeiha:t	*a:miši:naŋha:t
Исх.	*a:mišeičaŋ	*a:miši:nančaŋ
Инстр.	*a:mišo:	*a:miši:no:
Совм.	*a:mišěš	*a:miši:noš
Лиц.	*a:mišefun	*a:miši:nfun
Сравн.	*a:mišebaš	*a:miši:nbaš;

в) a:miše "матери принадлежащее" (вещной класс):

	Ед. число	Мн. число
Им.	*a:miše	*a:miši:n
Род.	*a:mišei	*a:miši:ni
Дат.	*a:mišeiga	*a:miši:niga
Местн.	*a:mišeiba:t	*a:miši:nha:t
Исх.	*a:mišeičaŋ	*a:miši:nčaŋ
Инстр.	*a:mišo:	*a:miši:no:
Совм.	*a:mišoš	*a:miši:noš
Лип.	*a:mišefun	*a:miši:nfun
Сравн.	*a:mišebaš	*a:miši:nbaš.

Послеложные конструкции

Проблема послеложных конструкций в енисейских языках не может рассматриваться изолированно от проблемы склонения, тем более, что до сих пор нет общепризнанных критериев отграничения послелогов от падежных формантов, и, переходя к описанию коттских послеложных конструкций, мы вынуждены вновь затронуть вопрос о статусе выделенных коттских падежей.

В вопросе о соотношении между падежными формами и послеложными конструкциями в енисейских языках в целом наблюдается ситуация, аналогичная той, которая характеризует соседние уральские и алтайские языки. Поэтому нет, на наш взгляд, достаточных оснований склоняться от схем склонения в енисейских языках, данных в работе М.А.Кастрена, хотя некоторые уточнения к этим схемам в свете современных достижений енисейского языкознания неизбежны.

Следует отметить, что статус выделенных в енисейских языках падежей оставался фактически до последнего времени не обоснованным. А.П.Дульзон полностью разделял в данном вопросе точку зрения М.А.Кастрена, которую не оспаривали также ни Кай Доннер, ни Н.К.Каргер. Впрочем, оспаривать его точку зрения могут скорее лингвисты, у которых "точкой отсчета" в подобных вопросах служат представления, сложившиеся на основе индоевропейских схем. М.А.Кастрен был специалистом прежде всего по финно-угорским и самодийским языкам, что, собственно, и дало ему возможность при выяснении системы кетского и

кетского склонения предвосхитить во многих отношениях те выводы, к которым пришел В.Н.Топоров, сравнивая системы склонения в языках обско-енисейского междуречья /Топоров 1973/. Сходство между падежными системами енисейских и уральских (особенно самодийских) языков поразительно, и все те различия между индоевропейскими и финно-угорскими падежными системами, на которые указала в свое время К.Е.Майтинская /Майтинская 1955 : 243/, обнаруживаются и при сравнении индоевропейских падежных систем с енисейскими. В силу этих различий лингвиста-индоевропеиста прежде всего насторожит в енисейских системах склонения кажущаяся "размытость" границ между падежными формами и послеложными конструкциями, а также тот факт, что енисейские падежные формы не обнаруживают той монолитности, которую демонстрируют соответствующие формы в индоевропейских языках, и представляют собой более "рыхлые" образования. Между тем могут быть установлены достаточно надежные критерии для отграничения падежных форм от послеложных конструкций в енисейских языках. В.Э.Шерер, установивший ряд таких критериев для кетского языка, справедливо отмечает: "Падежи в кетском языке выражают самые разнообразные оттенки пространственной ориентации, и, казалось бы, этих средств достаточно для выражения пространственных отношений в языке; тем не менее наряду с падежными формами в кетском языке получили широкое распространение разнообразные послеложные конструкции, дополняющие падежную систему и употребляющиеся для конкретизации и детализации выражаемых падежами пространственных отношений" /Шерер 1979 : 104/.

Показатели выделенных в енисейских языках падежей отличаются прежде всего своей универсальной способностью присоединяться к любому имени (в зависимости от типа склонения, обусловленного классной характеристикой существительных). Кроме того, падежные показатели - это полностью формализованные элементы, тогда как енисейские послелогов, как и послелогов в финно-угорских и других языках, обычно восходят к знаменательным частям речи, и в них былое лексическое значение еще ощутимо /Валл 1970 : 2/; то есть послелогов сохраняются в языке и существуют именно как особый класс самостоятельных слов, хотя и служебных.

При разграничении послелогов и падежных формантов важно еще и следующее обстоятельство: енисейские послелоговые управляют родительным падежом имени, так как послелоговые конструкции развились на основе атрибутивных словосочетаний с применением родительным падежом, и, следовательно, показатели, присоединяющиеся к форме основного падежа, не могут рассматриваться как послелоговые. В диссертации В.Э.Шерера, правда, приведены 4 послелога (dugde "в течение", baɟɟiɟe "до", eɟ'aɟ "чтобы", as'ka "как"), которые, по мнению автора, сочетаются с формой основного падежа /Шерер 1963 : 9/, но при более строгом анализе это положение оказывается спорным. Форма dugde является не послелогом, а прономинально-наречным образованием, выступающим в предложениях типа кет. bu do:l'in dugde, at boʎon' "Пока он стоял, я ушел". А послелог ugde "в течение" управляет, как и другие послелоговые, родительным падежом: utal s'id ugde "в течение всей ночи" (букв. "всей ночи длина"). Послелог baɟɟiɟe "до" был вычленен из образований типа uɟe baɟɟiɟe "до весны", которые фактически образованы по схеме uɟebaɟ + ɟiɟe, где uɟebaɟ сложное существительное "весна" (букв. "весенняя земля"), а ɟiɟe - показатель дательного падежа. В предложениях типа buɟa ɟi:mbeɟ' baɟɟiɟe, at l'oberebetɟ "до того, как он придет, мы будем работать" в роли послелога выступает выражение ɟi:mbeɟ' baɟɟiɟe (< ɟi:mbeɟ' "приход, подходящий" + baɟ "земля, место" + ɟiɟe - показатель дательного падежа), которое управляет родительным падежом (buɟa) от местоимения bu "он".

Кет. eɟ'aɟ М.Н.Валл правильно рассматривала как падежный показатель /Валл 1969 : 167-169/. Можно предполагать, что соответствующий падеж имел когда-то в енисейских языках, в частности в кетском и югском, транслативно-целое значение, о чем свидетельствуют примеры типа югск. keɟeɟaɟ "человеком чтобы стать", ху:ɟ'eɟaɟ "щучкой чтобы обернуться", кет. waɟaneɟ'aɟ "за белками (пошел)", hiɟeɟ'aɟ "за клеем (пошел)", konɟus' weɟeɟ'aɟ buɟɟoʎo "для шалаша место всматривает" и т.д. Поскольку eɟ'aɟ является исконным падежным показателем, то оно присоединилось к исходной форме, к форме основного падежа, и не управляло, как послелоговые, родительным падежом.

Кет. *as'ka* < *as' + ka* (показатель локатива), югск. *a:s* можно возводить к показателю енисейского эссива, что подтверждают примеры типа югск. *at dyla:s badabε:t'* "я как ребенок (в качестве ребенка) сделан", *εtɪ figyɪn:s dɪdabε:t'n* "мы как мужчины (в качестве мужчин) сделаны" и т. д. Этим и объясняется, что *a:s/as'ka* сочетается с формой основного падежа.

В связи с изложенными соображениями нам представляется спорной точка зрения, согласно которой в качестве падежных форм кетского языка можно рассматривать лишь те из традиционного списка кетских падежей, которые основаны на родительном падеже, т.е. родительный, дательно-направительный, местно-личный, исходный /Валл, Канакин 1985 : 27-29/. Исходить в данном случае из признака наличия ~ отсутствия родовой дифференциации при определении состава кетских падежных показателей /Валл, Канакин 1985 : 50/ едва ли оправдано, если учесть, что категория класса (рода) выражена в падежных показателях кетского языка лишь косвенно: в парадигме склонения в единственном числе выражена оппозиция мужской : немужской, а в парадигме множественного числа — одушевленный : неодушевленный. Таким образом, только при учете обеих парадигм устанавливается, что кетские существительные склоняются по вещному, мужскому или женскому склонениям в зависимости от их классной характеристики /Г.Вернер, И.Вернер 1974 : 212-217/. Как уже отмечалось, аналогичную ситуацию обнаруживаем в коттском языке.

В кетских материалах М.А.Кастрена нет прямых указаний на то, что послелогом управляли родительным падежом соответствующего имени. Нет у него таких указаний и для енисейско-остяцких (т.е. кетских и югских) послелогов, однако некоторые из них приведены с притяжательным префиксом *d=*, который может представлять собой показатель родительного падежа предшествующего имени существительного или местоимения, например, *de:d'* "на" (< *d + e:t'*), *deget'* "на" (< *d + get'*), *dagit'* "назад ; за" (< *d + agit'*, ср. *agei xolar* "задняя сторона" /Кастрен 1858 : 144/), *dygel* "возле" (< *d + ygel*), сым. *inbar*, имб. *dinbal'* "между" (< *d + inbal'*), *ditel* "рядом; край" (< *d + itel*), *de:tpei*

"до" (< d + e:trei) и т.д. Возможно, и некоторые из приведенных коттских послелогов /Кастрен 1858 : 148-149/ можно истолковать таким же образом, например, i:kat "на" (< i + ikat), i:kaŋaŋ "от; с" (< i + ikaŋaŋ), i:tal "внизу" (< i + ital), i:talŋaŋ "снизу" (< i + italŋaŋ), арааа "в" (< ʒ + арааа < aiŋ арааа "мое нутро"), где =i-, =ʒ- показатели родительного падежа; но от показателя родительного падежа =i нет и следа в словосочетании ʒe:t he:paŋ (вместо ожидаемого ʒe:ti he:paŋ) "до реки"; однако словосочетания t^hi:k i:kat "на снегу", t^hi:k i:kat "на снег" можно бы рассматривать как t^hi:ki ikat по аналогии с примером М.А.Кастрена tigde:d' "на снегу" < tik + d + e:t' из языка сымских кетов (пгов) /Кастрен 1858 : 142/.

Основываясь на данных соображениях, следует из приводимых М.А.Кастреном 36 коттских послелогов* изъять =o: (Instructivendung), =aŋ (Comitativendung), =fun и, видимо, =pei (Consekutivendung), которые относятся нами в разряд падежных показателей^{ж*}. Среди оставшихся 32 послелогов выделяются в соответствии с воззрениями современной лингвистики /Шерер 1983/:

1) собственно послелогии: i:kat "на", i:kaŋaŋ "от; с", fulit/p^hulit "назад, за, сзади", p^hulitŋaŋ "из-за, сзади", ulai "возле, рядом", ulaiŋaŋ "со стороны, сбоку", арааа "в", e:liga "вместо", o:jaŋ "из-за, ради", atkur "через, сквозь", utur "против, навстречу, напротив", hitag "кроме", ula:riga "на сторону", he:paŋ "до", kisara "над";

2) послеложные наречия: e:sa: "вверх", e:sa:l "вверху", e:sa:lcaŋ "сверху", ha:na "вниз", ha:na:l "внизу", ha:na:ŋaŋ "снизу", i:tal "под, вниз", i:talŋaŋ "из-под, снизу", u:ja: "вверх по течению", u:jal "вверху (по течению)",

---

* Кроме послелогов, перечисленных М.А.Кастреном в разделе "Послелогии" /Кастрен 1858 : 146/, нам представляется целесообразным причислить к послелогам в коттском языке следующие послеложные наречия: hili "вне, снаружи", hiliŋaŋ "извне", i:maŋ "близко", i:ma:ŋaŋ "вблизи" (собственно, "вблизи находящегося места").

^{ж*} См. вышеприведенные парадигмы склонения существительных.

u:ǰalʂaŋ "с верховья (реки)", tʰi:ga "вниз по течению",
tʰi:gal "внизу (по течению)", tʰi:galʂaŋ "с низовья (реки)",
o:gaɪ "вперед, вперед", o:gaɪʂaŋ "с передней части",
halari:k "на ту сторону, по ту сторону", uɪ "вдоль",
tʰe:ta "вдоль", tʰe:ta "поперек", hɪli "вне, снаружи",
hɪliʂaŋ "извне", i:maŋ "близко", i:maʂaŋ "вблизи";

3) послеложные имена: e:per "круг", "вокруг", haptu
"середина", haptu:ga "в середину", haptu:areaŋ "посередине",
haptu:ɪʂaŋ "с середины", pʰui/fui "внутри", pʰui:ga
"внутри", pʰui:ja:t/pʰui:areaŋ "внутри", pʰui:ɪʂaŋ "изнутри",
tʰi: "край, конец", tʰi:ʂi:ga "к краю, в сторону",
tʰi:ʂi:areaŋ "в стороне, на край", tʰi:ɪʂaŋ "со стороны, с
края, от края".

Нетрудно заметить, что некоторые из собственно послелогов
представляют собой застывшие падежные формы, а именно, формы
исходного падежа на =ʂaŋ и датива на =iga. У послеложных
же наречий выделяются образования на =ʂaŋ (застывшие формы
исходного падежа) и образования на =aɪ, которые, как выше
уже отмечалось, можно возводить к древнему локативу. Среди
послеложных имен выделяются застывшие формы на =ʂaŋ (ис-
ходный падеж), =iga (датель) и сложные образования на
=areaŋ; последний придает им, на наш взгляд, не локативное
значение в обычном смысле, а значение инессива.

За отсутствием текстов на коттском языке, нельзя точно
указать, какие отношения выражались каждым из вышеприведен-
ных коттских послелогов, но, учитывая общие для коттского и
кетского особенности употребления падежных форм и послеложных
конструкций, можно, очевидно, для коттского предполагать в
целом то же самое состояние, которое В.Э.Шерер отметил для
кетского языка: анализируя случаи употребления кетских послелогов
в текстах, он сделал вывод, что они могут выражать
пространственные, временные, объектные, целевые отношения,
отношения причины и следствия, отношения замещения, уподо-
бления, соответствия и др. /Шерер 1983 : 6-7/.

Вопросы реконструкции древней системы склонения

Коттские материалы М.А.Кастрена важны не только для пони-
мания специфики грамматического строя южноисейских языков,

но и для реконструкции древнего состояния в енисейских языках в целом, которая должна опираться на сравнительное описание соответствующих явлений в южноенисейских (в коттском) и североенисейских (кетский, югский) языках. Так, сравнение систем склонения в коттском, кетском и югском языках, анализ сходств и различий между ними, позволяет с большой степенью вероятности восстановить древнюю деklinационную модель в енисейских языках и выявить те общие тенденции в развитии морфологии имени, которые определили исторически ее нынешнее состояние.

Как уже отмечалось, общий состав падежей не совпадает в указанных трех енисейских языках. Сравним падежные показатели в парадигме склонения коттских, кетских и югских существительных в единственном и множественном числе.

Показатели форм единственного числа

языки	коттский		кетский		югский		
	муж.р.	жен.р.	муж.р.	жен.р.	муж.р.	жен.р.	
Падежи группы I	Основной	-	-	-	-	-	
	Орудный	o:	as' < has'	as' < has'	fas/faj	fas/faj	
	Совместн.	oš/aš	an < han	an < han	fan/pan	fan/pan	
	Лишительн.	p ^h un/fun	ka/ga	ka/ga	kej/gej	kej/gej	
	Местный	-	bes'	bes'	bes	bes	
	Продольный	-					
Падежи группы II	Звательный	-	o	a/ʌ	o	ʌ	
	Родительн.	a:	i	da	di	da	di
Падежи гр. II	Дательный	a:ʔa	iga	daŋa	diŋa	daŋ	diŋ
	Исходный	a:čaŋ	ičaŋ	daŋal'	diŋal'	daŋe:r	diŋe:r
	Местно-личн.	a:ha:t*	iha:t*	daŋta	diŋta	-	-
	Назначит.	-	-	data**	dita	dat	dit

* Местный падеж в коттском языке, отмеченный М.А.Кастреном, можно рассматривать как местно-личный на том основании, что в его показателях проведено различие между мужским и женским

Показатели форм множественного числа

Для показателей форм множественного числа характерно во всех енисейских языках выражение оппозиции "одушевленный" : "неодушевленный", т.е. имена мужского и женского классов имеют во множественном числе общие показатели, а у имен вещного класса повторяются показатели единственного числа, общие для женского и вещного классов, которые присоединяются к форме множественного числа имени. Эти различия не выражены, однако, в группе падежей I.

языки	коттский		кетский		югский		
	одуш.	неодуш.	одуш.	неодуш.	одуш.	неод.	
Падежи группы I *жж*	Основной	-	-	-	-	-	
	Орудный	o:	as' < has'	fas/faj	fas/faj	fas/faj	
	Совместн.	oš/aš	as' < has'	fas/faj	fas/faj	fas/faj	
	Лишительн.	p ^h un/fun	an < han	fan/pan	fan/pan	fan/pan	
	Местный	-	ka/ga	kej/gej	kej/gej	kej/gej	
	Продольный	-	bes'	bes	bes	bes	
Звательный	-	-	^	^	^	^	
Падежи гр. II *жжж*	Родительный	a:p	i	na****	di	na	di
	Дательный	a:paj	iga	naŋa	diŋa	naŋ	diŋ
	Исходный	a:nšaq	šaq	naŋal'	diŋal'	naŋə:r	diŋə:r
	Местно-личн.	a:ŋha:t	iha:t	naŋta	diŋta	-	-
	Назначит.	-	-	nata	dita	nat	dit

классами, как в кетском местно-личном падеже.

жж Кетские материалы даны по среднететскому диалекту (говоря Сургутихи и Бакланихи).

жжж В группу I нами включены условно падежи, основывающиеся на форме основного падежа, а в группу II - падежи, основывающиеся на форме родительного падежа.

жжжж Не исключено, что =n= в кетско-югских показателях является результатом ассимиляции =ŋ= после согласных; в коттском такая ассимиляция наблюдается только в позиции перед согласными переднеязычного образования, ср.: -a:paj, -a:ŋha:t, но -a:nšaq.

Как уже отмечалось, есть основания, кроме перечисленных, предполагать наличие в енисейских языках в прошлом и некоторых других падежей в группе I, а именно - локатива на =l, компаратива, транслатива, эксклюзива, инструктива и др.

Для реконструкции локатива на =l очень важны указания М.А.Кастрена на локативные формы типа эса:l "вверху" и т.д.

К падежу локативной семантики общего плана, выражавшему также инструктивно-компаративные значения, можно возводить и кетско-югский пролатив на =bes. Во всяком случае его компаративное значение хорошо сохранилось в коттском эквативе на =baŋ/=paŋ, например, alŋip "собака" - alŋipbaŋ "как собака; собаке подобный"; hat "огонь" - hatpaŋ "как огонь; огню подобный". Интересны в этом отношении югские прилагательные surbes/surbeŋ "красный" (< sur "кровь" + bes показатель пролатива, т.е. букв. "как кровь; крови подобный"), tigbes/tigbeŋ "белый" (< tik "снег" + bes - показатель пролатива, т.е. букв. "как снег; снегу подобный"). Отмечены подобные образования и в кетском языке, например, ul'bes' "жидкий" (< ul' "вода" + bes', т.е. букв. "как вода; воде подобный"). Любопытны примеры употребления кетских прилагательных в форме пролатива, на которые в зала В.С.Бибикова: da qim eddabes' kamej dejs'komndaŋan "его жену живую прочь бросили", bu ke?t utalbes' dul'doq "он человека целиком съел", buŋ i:s' bəŋ' tɬytubes' bilaniŋ "они рыбу несоленой ели"/Бибикова 1971 : 19/. Следовало бы поэтому кетско-югские слова типа orraŋ "отчим", amtaŋ "мачеха", hupraŋ', furraŋ "пасынок", hupnaŋ, funnaŋ "падчерица" и др. рассматривать не как застывшие формы социатива /Виноградова 1981 : 10/, а скорее как формы раннего инструктива-компаратива, т.е. как формы со значением "отцу подобный; отцом (приходящийся)", "матери подобная; матерью (приходящаяся)", "сыну подобный; сыном (приходящийся)", "дочери подобная; дочерью (приходящаяся)" и т.д.

Наличие нескольких локативов на более раннем этапе развития енисейских языков не должно удивлять, если учесть, что в этих языках была довольно развернутая система дейксиса, дававшая точную информацию о местонахождении соответствующего денотата по отношению к говорящему. Это подтверждают и указательные местоимения в кетском и югском, содержащие ука-

зание на сферу говорящего, общее указание и указание на удаленность от говорящего или указание на сферу "тот": ki "этот" (близкий, видимый), tu "этот, тот" (подалее находящийся), qa "тот" /Живова 1978 : 17-18/.

Хотя в перечне коттских падежей Instructiv и Comitativ указаны как разные падежи с показателями о: и оӧ/аӧ, в своем коттском словаре М.А.Кастрен отмечает, однако, что оӧ "посредством" - это последлог инструктива ("ist eine Postposition für den Instructiv" /Кастрен 1858 : 202/. Видимо, в коттском языке не было четкой грани между этими падежами. Вопрос осложняется еще тем, что в коттском языке, как уже отмечалось, представлены наречия на =а с явным комитативным значением: ali:t "жена" - ali:ta "женат", hatkit "мужчина" - hatkita "замужем", anapaɪ "ум" - anapaɪa "умно", tu "дым" - tua "дымно", hunaɪ "дыры" - hunaɪa "дыряво", ʃeɪ "камни" - ʃeɪa "каменисто" и т.д. Очевидно, этот же показатель =а представлен в сложных именах типа hataɪiʃ "трут" (< hat "огонь" + a + piʃ), hataiʃiʃ "кремень" (< hat "огонь" + a + ʃiʃ "камень"), hatagem "ружье" (< hat "огонь" + e + gem "стрела"). Интересно, что комитативный характер имеют и некоторые кетские и логские соответствия приведенным коттским словам: югск. ʃettaɪ "замужем" (< set "муж" + faɪ - показатель социатива, т.е. букв. "с мужем"), хәһләс "женат" (< хәш "жена" + faɪ - показатель социатива, т.е. букв. "с женой"). Можно, следовательно, предположить, что коттские падежи - инструктив на =о:, комитатив на =оӧ/=аӧ и исчезнувший комитатив на =а - это падежи более раннего этапа развития енисейских языков, которые могли различаться как собственно инструктив, медиатив (инструменталь) и собственно комитатив.

Показатель =la в коттском языке, отмеченный М.А.Кастреном как энклитика со значением "только", можно рассматривать как реликт бывшего эксклюзива: top-la "только нож". В кетском языке этот показатель сохранился, на наш взгляд, в формах наречий и прилагательных на =la, выражающих диминутивность, ослабленность или неполноту меры признака /Дульзон 1968 : 575/: бак. aɪta "хороший" - aɪta-la "получше", кур. ʋi:l "далеко" - ʋi:l-la "подалее", кур. qɪ "больше" - qɪ:la "побольше", бак. unat "медленно" - unat-la

"помедленнее", сур. s'u:lem "красный" - s'u:lem=la "красноватый", тат "темный" - tul=la "потемней" и т.д. Правда, наряду с =la М.А.Кастрен приводит с таким же значением наречие iiprei "только", "именно столько", образованное с помощью показателя =rei от наречия ini "здесь"; однако другие формы на =rei позволяют предполагать, что этот показатель имел значение компаративно-следственного характера, например, кот. bilirei "сколько" (< bili "где" + rei), hãtereï "столько" (ср. hãteay "так", hãteayok "так же"). К тому же сам М.А.Кастрен склонен был рассматривать показатель rei как окончание, выражающее следствие (Consecutive-endung) и привел его в списке послелогов /Кастрен 1858 : 149/.

Транслативное значение в енисейских языках уже в раннюю эпоху их развития выражали, очевидно, главным образом глагольные конструкции, которые довольно единообразны в коттском, кетском и югском языках. Сохранились, однако, и такие конструкции, которые могут возводиться к падежной форме. В кетском и югском языках это образования на =es'ay, которые ведут себя как падежные формы транслативно-целевой семантики /Валл 1969 : 167/, например, югск. хиd'evay "лукой чтобы обернуться", kadevay "человеком чтобы стать", кет. hi:tes'ay "за клеем (пошел)", koukua' s'ejes'ay buzoys "для шалаша место высматривает", ul'ev'ay "за водой", югск. d'ez'evay "за людьми (пошел, чтобы их привести)", tudaesay s'õ:nde "за этим (вещь) пошел" и т.д. В коттском языке данным формам соответствуют образования на =o:jaay: hiõ:o:jaay "ради, из-за лошади", o:p o:jaay "от-отца"; М.А.Кастрен был склонен рассматривать o:jaay как послелог со значениями "для, ради, из-за, от". Хотя значения кот. o:jaay и отличаются от значений кет.-югск. es'ay, генетически они восходят к единому форманту с транслативно-целевым значением.

Югско. а:s и кетское as' (кет. as'ka является формой локатива от as'), имеющие компаративно-эссивное значение, также выступают в некоторых случаях как падежный формант, например, югск. at dyla:s badabɛ:t' "я как девочка" (букв. "я как девочка сделана", ср. at dylbata:x "я девочкой стану"), bu figa:s dujabɛ:t' "он как мужчина", etn figu:s dajabɛ:t'n "мы как мужчины" и т.д. Возможны и формы

типа *эти фигуры в батни* "мы как мужчины" (букв. "мы как мужчины, мужчинам подобно сделаны"). Такому толкованию элемента *а:э* противоречат, однако, примеры типа *бу даамдиэ а:э ажабэ:т'* "он на свою мать похож", *бу даобдаэ а:э ажабэ:т'* "он на своего отца похож" и т.д., или примеры типа *угу дыл аб дыл даа:э диэ:бак* "твой ребенок (мальчик) похож на моего ребенка" (букв. "твой ребенок похож на моего ребенка, на его облик"), где *а:э* выступает как существительное. В примерах же *бу аба:э куэавуэет'* "он по моему желанию рассказывает", *кида аб а:э* "это по мне", *кида обда а:э* "это по желанию отца", *кида амди а:э* "это по желанию матери", *кида буда а:э* "это по нему" и т.д. *а:э* можно рассматривать как послелог. При наличии таких разнородных фактов говорить в первом случае о падежном форманте, очевидно, не приходится.

Заканчивая обзор падежей группы I в енисейских языках, можно заключить, что среди них в общеенисейскую эпоху было представлено несколько семантических групп, выражавших: (1) локативные отношения (локатив на =1, локатив на =*ваэ*, локатив на =*ке*); (2) комитативно-инструментальные отношения (комитатив, комитатив-инструктив, медиатив-инструменталь); (3) компаративные отношения (экватив, преклюзив, компаратив-консекутив и, возможно, эссив); (4) каритивно-лимитативные отношения (каритив, эксклюзив); (5) транслативные отношения (транслатив). Все эти формы характеризовали состояние субъекта и восходили генетически к ремо-тематическим образованиям, в которых тема выражалась словами качественно-дейктической семантики. По мере их развития от словосочетаний к аналитическим, а затем - синтетическим словоформам, с формализацией конечных составных компонентов они превращались в темо-рематические образования; формализованные конечные элементы приобретали при этом способность присоединяться к любому имени в форме единственного числа или множественного числа, исключая случаи ограничения по семантическим причинам.

Итак, при учете, кроме реально засвидетельствованных со времен М.А.Кастрена падежных форм, различных реликтовых морфоэлементов, которые возводятся к показателям исчезнувших падежей, состав формантов падежей группы I в общеенисейскую эпоху может быть ориентировочно восстановлен в следующем вид

1. Основной	-
2. Локатив I	*=l
3. Локатив II	*=ke
4. Локатив III	*=bas
5. Комитатив I	*=p ^h as/*as
6. Комитатив II	*=a
7. Медиатив (инструменталь)	*=o: (< *oš/ogə)
8. Транслатив	*=ajaŋ/asəŋ ~ isaŋ
9. Компаратив-преклюзив	*=baŋ
10. Каритив	*=p ^h an/p ^h on
II. Эксклюзив	*=la
12. Вокатив	*=o

Обращает на себя внимание тот факт, что на этой стадии развития енисейского склонения отсутствуют падежи лативной семантики, т.к. различные отношения, связанные с перемещением денотата в пространстве, выражались глагольными превербами /Павленко 1986 : 14-16/. Эта особенность енисейских языков не случайна, если учесть, что глаголы движения относились к классу активных глаголов, у которых одной из главных грамматических категорий была категория версии /Вернер 1984 : 80-81/, выражавшаяся и на морфологическом, и на словообразовательном уровнях /Павленко 1986/.

В отличие от описанных форм, у которых грамматические форманты не были дифференцированы по лицу, числу, классу, в енисейских языках развиваются и формы имени, выражавшие эти различия. Они сохранились в енисейских языках в виде так называемых лично-предикативных форм:

кетский	угский	коттский	
aqta=di	axta=di?	hama:=taŋ	"я хороший"
aqta=Yu	axta=gu?	hama:=u/hamau	"ты хороший"
aqta=du	axta=du?	hama:=tu	"он хороший"
aqta=da	axta=da?	hama:=ta	"она хороша"
aqta=daŋ	axta=dλ:ŋ	hama:=toŋ	"мы хорошие"
aqta=Yaŋ	axta=gλ:ŋ	hama:=oŋ	"вы хорошие"
aqta=jaŋ	axt=ε:ŋ	hama:=?iaŋ/hama:=	"они хорошие"
aqt=am	axt=ε?	hama:=?a	giŋ " (это) хорошее"

В современном кетском и угском языках этих форм не удалось обнаружить у имен существительных, но М.А.Кастреном такие формы зафиксированы и для енисейско-остяцкого (т.е. кетского и угского) и для коттского. В историческом плане они тоже

восходят к ремо-тематическим словосочетаниям, но в качестве темы в них выступали прономинально-дейктические слова, которые сами по себе были дифференцированы по лицу, числу и классу. В функциональном плане они выражали различные состояния субъекта.

Наряду с исходными ремо-тематическими в древних енисейских языках были представлены и темо-рематические образования, характеризовавшие активного деятеля. В качестве темы в них выступали имена активных классов - мужского или женского -, а в качестве ремы - активные глаголы. Вопрос о том, сформировались ли активные имена в этой позиции в общенисейскую эпоху особым активным падежом, если допускать, что енисейский праязык был языком активной типологии /Вернер 1974/, остается открытым; но можно с большой степенью вероятности предполагать наличие в общенисейскую эпоху двух рядов личных местоимений - активного, когда обозначался субъект активного действия, и инактивного, когда обозначался субъект, пребывающий в определенном состоянии /Валл, Вернер 1973 : 30/, которые послужили истоком зарождения падежной оппозиции "основной падеж" : "родительный падеж", ключевой для понимания енисейской деклинационной модели в целом /Топоров, Цивьян 1968 : 242/.

Типологически сходные параллели в области личных местоимений обнаруживаются, например, в ностратических языках /Палмайлис 1972 : 63/. Интересны в связи с рассматриваемым вопросом и различные варианты личных местоимений в древних сино-тибетских языках, в частности, в древнекитайском, где каждому из вариантов были "... свойственны свои особые синтаксические функции (как англ. I - me, или франц. Je - me - moi)" /Хонтов 1965 : II-12, 66-69/. В праенисейском эти ряды личных местоимений были переосмыслены как различные формы категориального характера, что как раз и явилось исходным пунктом для возникновения оппозиции "основной падеж" : "родительный падеж". С другой стороны, эти ряды личных местоимений послужили основой для возникновения двух серий субъектно-объектных показателей в структуре енисейских финитных глагольных форм - показателей В и Д /Вернер 1974 : 38-39/. Правда, показатели активной серии (показатели В)

были в свою очередь представлены еще вариантами центробежной и центростремительной версии, и очень важно подчеркнуть, что в качестве форм активного (> родительного) падежа стали осмысливаться лишь те варианты личных местоимений, к которым восходят глагольные показатели В центростремительной версии (как уже отмечалось нами, центростремительные версионные глагольные формы выражали действие, замкнутое на актанта или происходящее на месте его пребывания в отличие от форм центробежной версии, которые, напротив, обозначали действие, направленное за пределы активного актанта или от места его пребывания /Вернер 1984 : 60/).

Таким образом, падежная оппозиция "основной падеж" : "родительный падеж" зародилась сначала в сфере личных местоимений и только позднее появилась в сфере активных имен. В данном случае исходными были, как правильно предполагали В.Н. Топоров и Т.В. Цивьян, образования типа кет. $ob=da=hur$ "отец=его=сын", где $=da=$ восходит к форме активного (> родительного) падежа личного местоимения 3-го лица единственного числа. В таких образованиях в качестве первого компонента могли появляться и личные местоимения 3-го лица в форме основного падежа, замещавшие активные имена мужского и женского класса: $bu=da=hur$ "он=его=сын". При учете данных коттского склонения и рядов глагольных субъектно-объектных показателей серии В общеенисейские формы активного (> родительного) падежа местоимений 3-го лица единственного числа могут быть реконструированы в виде * a (муж. класс) и * i (жен. класс). В коттском языке они сохранили свою исконную форму, а в кетском и югском были осложнены морфоэлементом $d=$, который А.П. Дульзоном рассматривался как показатель одушевленного класса /Дульзон 1969 : 135/. Несколько неожиданной является активная форма личного местоимения 1-го лица единственного числа в коттском; вместо губного согласного, представленного в кетском и югском ($ap \sim ab \sim av^*$), в коттской форме $aiŋ$ представлен заднеязычный носовой $=ŋ$.

---

* Судя по аринским формам $b'ar$ "отец" (букв. "мой отец") и $b'am'a$ "мать" (букв. "моя мать"), где вычленяется посессивный префикс $b=$, такое же положение было в аринско-пумпокольской подгруппе енисейских языков.

Этот же согласный представлен и в лично-предикативном суффиксе I-го лица единственного числа. (например, кот. $hama: = ta\eta$ "я=хороший", ср. кет. $aqtadi$, нгск. $axtadi?$ "я=хороший"). Это объясняется, очевидно, как уже отмечалось, тем, что в котском языке в указанных случаях употреблялись переосмысленные исконные эксклюзивные формы местоимения "мы", а соответствующие исконные инклюзивные формы сохранились как формы местоимения I-го лица множественного числа.

По образцу образований типа $ob=da=h\eta r$ "отец=его=сын" строились, на наш взгляд, и глагольные формы активного действия, и прав был в известной мере Е.А.Крейнович, выдвинувший гипотезу о том, что в енисейских языках в таких случаях обозначалась принадлежность действия лицу /Крейнович 1964 : 140/. Поначалу в таких образованиях посессивность, разумеется, не выражалась, но они послужили исходным пунктом ее выражения в енисейских языках. Категория посессивности развивается позднее, когда происходят изменения в общем типологическом состоянии енисейских языков, и в их строе появляются черты номинативности. Из исходных образований типа $ob=da=h\eta r$, в которых центральный компонент представлял собой активную форму соответствующего личного местоимения с семантикой центростремительной версии, могли постепенно вычленяться и функционировать в самостоятельном употреблении образования типа $da=h\eta r$ "его сын", послужившие основой для образования посессивных форм имени. А при членении исходных образований как $ob=da h\eta r$ "отца сын", $buda h\eta r$ "его сын" возникали формы родительного падежа (обоснование см. /Вернер 1963 : 25-26/).

Новые атрибутивные синтагмы, в которых имя в форме родительного падежа сочеталось с именем в основном падеже, конкурировали со старыми атрибутивными словосочетаниями, состоявшими из двух имен в форме основного падежа, и в силу более высокой информативности первых старые образования атрибутивного характера типа $v'\varepsilon na\eta ty?v'$ "шаманский камень" (букв. "шаман-камень") стали вытесняться из сферы активного употребления. Семантические преобразования внутри самих атрибутивных синтагм с формой родительного падежа приводят в ряде случаев к ослаблению конкретного предметного значения у

определяемых имен в форме основного падежа, что создало предпосылки для образования послеложных конструкций. Интересно, что поначалу в послеложных конструкциях как бы продолжается тенденция к выражению версионных различий по аналогии с превербами. Следы этих различий хорошо сохранились в падежах группы II, возникших из послеложных конструкций. Так, новый локатив в падежной группе II, так называемый местно-личный падеж, имеет по существу адессивное значение (местонахождение, принадлежность), а дательный падеж сочетает в себе аллативное значение со значениями иллатива, инессива и терминатива. Сходную семантику обнаруживает иногда и назначительный падеж, и в целом все перечисленные падежи группы II несут в себе рудиментарные черты выражения центростремительной версии. Напротив, исходный падеж, сочетая в себе значения аблатива, элатива и эгрессива, сохраняет признаки выражения центробежной версии. К исходному падежу примыкает в этом плане кетско-югский продольный падеж, исходная локативная семантика которого полностью преобразовалась (в кетском языке этот падеж на =baä → =raä приобрел значение компаратива). Его исконная связь с локативами проявляется однако в том, что его показатель =bes легко присоединяется в кетском и югском к локативу на =ka, образуя формы типа s'es'kabes' "вдоль по реке".

Хотя в сфере падежей группы II и наблюдаются некоторые рудиментарные черты, связанные с выражением версии, в целом появление этих падежей в системе енисейского склонения было связано с общей перестройкой языкового типа и его ориентацией на передачу субъектно-объектных отношений. Именно среди падежей группы II появляются родительный и дательный падежи, т.е. падежи, характерные для парадигмы склонения номинативной типологии. Учитывая единообразный характер показателей родительного падежа во всех енисейских языках, можно время его формирования из образований, выразивших активное отношение между двумя именными денотатами, относить к общенисейской эпохе. Предпосылки для развития падежных форм, основанных на родительном падеже (форм дательного, исходного, местно-личного и назначительного падежей), несомненно, тоже возникли в общенисейскую эпоху, хотя их конкретная реализация по языкам осуществляется уже на этапе обособленного

развития енисейских языков, о чем свидетельствуют и различия в составе этих падежей по языкам, и различия в выборе морфо-элементов, вошедших в структуру соответствующих падежных показателей. Так, например, в югском языке отсутствует местно-личный падеж, а в коттском - назначительный, но если для югского языка можно предполагать более позднее вытеснение местно-личного падежа дательным падежом, то отсутствие назначительного падежа в коттском говорит о том, что этот падеж вообще может рассматриваться как кетско-югская инновация в де-клинационной системе енисейских языков.

При реконструкции общеенисейской де-клинационной модели нельзя обойти молчанием и вопрос о позиционных падежах. Думается, что с появлением родительного падежа и началом процесса формирования падежей группы II, что было связано, как уже отмечалось, с общей перестройкой енисейского языкового типа, с развитием в нем черт номинативности, должен был измениться и статус основного падежа, падежа субъекта и прямо-го объекта. Ориентация языкового типа на передачу субъектно-объектных отношений приводит к преобразованию основного падежа в именительно-винительный. Эти изменения в функциональном статусе основного падежа подтверждаются на синтаксическом уровне определенными правилами порядка слов в предложении, сохраняющимися в енисейских языках до настоящего времени: при нормальном (неэмфатическом) порядке слов в простом кетском или югском предложении подлежащее всегда занимает начальную (маргинальную левую) позицию, сказуемое - конечную (маргинальную правую) позицию, а прямой объект располагается между ними, как правило, непосредственно перед сказуемым /Вернер 1955 : 52/. Очевидно, эта схема порядка слов в простом предложении существовала уже в общеенисейскую эпоху тем более, что она копирует схему расположения субъектно-объектных показателей в кетско-югских глагольных словоформах с основой в конце слова, которые считаются в кетологии наиболее древними /Крейнович 1968 : 97/.

В связи с вопросом о различиях между номинативом и аккумулятивом в современных енисейских языках не только в плане содержания, но и в плане выражения, очень интересными представляются случаи употребления в речи кетов и югов дублируемых падежных форм, на которые впервые обратил внимание В.Н.Топо-

ров /Топоров 1973 : 36/. Обычно для выражения прямого объекта используется форма основного падежа, но нередко вместо этой формы появляются:

а) форма назначительного падежа, например: e'e:l' des'ij ol'ys//e'e:l' des'ij ol'ustat "олень зовет олененка" /Топоров 1973 : 36/;

б) форма дательного падежа: ad u dkuYoYo//ad ukuja duYoYo "я тебя жду"; at u dejYusot//at ukuja dejsoYot "я тебя ругаю".

Дублетность в таких случаях исключает ссылку на особые случаи глагольного управления типа южск. azeradinə:t и xovkide "кого ты боишься?" (букв. "от кого ты боишься?"). Следовательно, можно в данном случае говорить либо о тенденции развития падежного употребления для выражения определенности-неопределенности, как, например, в самодийских языках /Топоров 1973 : 3с/, либо для разграничения номинативных и аккузативных функций. Видимо, именно в этом смысле назначительный падеж иногда условно определяется как "винительный" /Топоров, Цивьян 1968 : 244-245/. При этом нами не исключается и возможность того, что появление указанных дублетных форм в определенных случаях индуцируется интерферирующим воздействием со стороны русского языка в условиях активного и массового русско-кетского билингвизма /Минаева 1966 : I4-I6/.

М е с т о и м е н и е

Если придерживаться обычной (традиционной) классификации, то можно выделить в коттском языке следующие разряды местоимений:

- 1) личные
- 2) притяжательные
- 3) определительные
- 4) указательные
- 5) вопросительные
- 6) отрицательные
- 7) неопределенные

Личные местоимения

Засвидетельствованы следующие коттские личные местоимения: ai "я", ajoŋ "мы", au "ты", auoŋ "вы", uju "он", uja "она", uniaŋ "они". Для всех трех лиц представлены, таким образом, формы единственного и множественного числа, а для третьего лица единственного числа - формы мужского и женского классов. Отсутствие в коттском языке личного местоимения 3-го лица вещного класса позволяет предполагать в нем состояние, сходное с современным кетским и югским языками: в случаях, когда имена мужского и женского класса замещались соответствующими личными местоимениями 3-го лица, имена вещного класса не замещались местоимениями, а повторялись, ср. югский перевод русских предложений типа "Это стол. Он новый".

- tuda istol, istol tulymə?. Форма множественного числа 3-го лица uniaŋ могла соответственно замещать только одушевленные существительные, т.е. существительные и мужского и женского классов.

Кроме категории числа и класса, коттским личным местоимениям была свойственна и категория падежа. М.А.Кастрен приводит формы номинатива, генитива, датива, локатива, аблатива и комитатива. На стр. 226 М.А.Кастрен приводит однако форму айфун "без меня", что позволяет говорить и о наличии в системе склонения личных местоимений коттского языка адриativa (лишительного падежа). О существовании форм сравнительного падежа на =bas/=pas никаких данных в работе М.А.Кастрена нет, но нет и каких-либо препятствий семантического характера для образования и употребления местоименных форм этого падежа по аналогии с соответствующими именными формами, поэтому его реконструкция для коттской местоименной системы вполне возможна. При учете этих дополнительных замечаний приведенные М.А.Кастреном парадигмы склонения коттских личных местоимений можно представить в следующем виде:

I. ai "я", ajoŋ "мы":

Им.	ai	ajoŋ
Род.	aiŋ'	ajoŋ/ajoŋoŋ
Дат.	aiŋa	ajoŋa
Местн.	aiŋha:t/*aiŋa:t	ajoŋha:t/*ajoŋa:t
Иск.	aiŋəŋ/anəŋ	ajoŋəŋ

Совм.	aiõä		ajõõõ
Лич.	aifun		*ajõõfun
Сравн.	*aibaš		*ajõõbaš
2. au "ты", auõõ "вы":			
Им.	au		auõõ
Род.	au		auõõ/auõõõ
Дат.	aua		auõõa
Местн.	auha:t/*au?a:t		auõõha:t/*auõõa:t
Исх.	aučau		auõõčau
Совм.	auaš		auõõõš
Лич.	*aufun		*auõõfun
Сравн.	*aubaš		*auõõbaš

3. uju "он", uja "она", uniaõõ "они":			
Им.	uju	uja	uniaõõ
Род.	ujua:	ujai	uniaõõõ
Дат.	ujua:?a	ujaiga	uniaõõõa
Местн.	ujua:ha:t	ujaiha:t	uniaõõõha:t
Исх.	ujua:čau	ujaičau	uniaõõõčau
Совм.	ujuõš	ujaõš	uniaõõõš
Лич.	*ujufun	*ujafun	*uniaõõõfun
Сравн.	*ujubaš	*ujabaš	*uniaõõõbaš

Кроме указанных падежных форм личных местоимений, в коттском языке, несомненно, как и в других енисейских языках, широко употреблялись различные послеложные конструкции с личными местоимениями, которые дополняли и конкретизировали те отношения, которые выражались падежными формами.

Притяжательные местоимения

Ни для енисейско-остяцкого (т.е. для кетского и югского), ни для коттского языков М.А.Кастрен не отметил, что формы родительного падежа личных местоимений могут употребляться как притяжательные местоимения. Их широкое распространение и высокая частотность употребления в современных кетском и югском языках как в атрибутивной, так и в предикативной формах (ср. югск. ар фур "мой сын", но: kida dyl abуа "этот ребенок мой"), не оставляет сомнений в том, что такое же положение было и в коттском языке (выше уже рассматривались в разделе "Категория посессивности имени" возможные случаи

употребления коттских притяжательных местоимений). Однако, М.А.Кастрен отмечает /Кастрен 1858 : 53, § IIc/, что притяжательные местоимения, получившие в коттском языке самое широкое распространение, образуются с помощью форманта =ʒe от форм родительного падежа как личных, так и других местоимений. Как уже отмечалось выше, формант =ʒe - это предикативный суффикс, не дифференцированный по классу, который мог присоединяться не только к формам родительного падежа местоимений, но и имени. Следовательно, образования, рассматриваемые М.А.Кастреном как коттские притяжательные местоимения, - это всего лишь предикативные формы последних, аналогичные югским местоименным формам типа abuv "мой" (мне принадлежащий), uɣuv "твой" (тебе принадлежащий), buɖis "её" (ей принадлежащий), buɖas "его" (ему принадлежащий) и т.д. Соответствующие коттские формы, как их приводит М.А.Кастрен /Кастрен 1858 : 53-54/, следующие:

I) лично-притяжательные:

apʒe "мой, мне принадлежащий", мн. число apʒi:p "мои, мне принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "мой собственный");

auʒe "твой, тебе принадлежащий", мн. число auʒi:p "твои, тебе принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "твой собственный");

uɣua:ʒe "его, ему принадлежащий", мн. число uɣua:ʒi:p "его, ему принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "его собственный");

uɣeɪʒe "её, ей принадлежащий", мн. число uɣeɪʒi:p "её, ей принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "её собственный");

aɣoɣʒe "наш, нам принадлежащий", мн. число aɣoɣʒi:p "наши, нам принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "наш собственный");

auopʒe "ваш, вам принадлежащий", мн. число auopʒi:p "ваши, вам принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "ваш собственный");

uɣiaɣaɣʒe "их, им принадлежащий", множ. число uɣiaɣaɣʒi:p "их, им принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "их собственный"); в отличие от формы uɣiaɣaɣʒe, которая обозначена у М.А.Кастрена как форма мужского класса, в коттском языке существовала еще соответствующая форма женского класса inɪʒaɣʒe "их, им принадлежащий" (т.е. женщинам или существ-

вам женского класса), мн. число *iniʔanʔi:n* "их, им принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "их собственный");

2) определительно-притяжательные:

mintua:ʔe "ему самому принадлежащий", мн. число *mintua:=ʔi:n* "им самим принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "его собственный");

mintaiʔe "ей самой принадлежащий", мн. число *mintaiʔi:n* "ей самой принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "её собственный");

mintiaʔanʔe "им самим принадлежащий", мн. число *mintiaʔanʔi:n* "им самим принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "их собственный");

3) указательно-притяжательные:

in'ua:ʔe "этого, этому принадлежащий", мн. число *in'ua:=ʔi:n* "этого, этому принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "этого собственный");

in'eiʔe "этой, этой принадлежащий", мн. число *in'eiʔi:n* "этой, этой принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "этой собственный");

ujo:a:ʔe "того, тому принадлежащий", мн. число *ujo:a:=ʔi:n* "того, тому принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "того собственный");

un'eiʔe "той, той принадлежащий", мн. число *un'eiʔi:n* "той, той принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "той собственный");

inpiʔanʔe "этих, этим принадлежащий", мн. число *inpiʔanʔi:n* "этих, этим принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "этих собственный");

unio:ʔanʔe "тех, тем принадлежащий", мн. число *unio:ʔanʔi:n* "тех, тем принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "тех собственный");

4) вопросительно-притяжательные:

aʔiga:ʔe "чей, кому принадлежащий", мн. число *aʔiga:=ʔi:n* "чьи, кому принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "кому присущий", "кому принадлежащий");

bilituʔa:ʔe "которому принадлежащий", мн. число *bilituʔa:ʔi:n* "которому принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "которому присущий", "которому принадлежащий");

aʔigana:nʔe "кому/которым принадлежащий", мн. число

ašigana:nšī:n "кому/которым принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "которым присущий", "которым принадлежащий");

bilituišī:nanše "которым принадлежащий", мн. число
bilituišī:nanšī:n "которым принадлежащие" (перевод М.А.Кастрена - "которым присущий", "которым принадлежащий").

Все эти разновидности притяжательных местоимений могли изменяться по падежам. В качестве образца М.А.Кастрен привел парадигму склонения местоимения anše "мой, мне принадлежащий", которую с учетом сделанных выше замечаний о составе падежей в системе склонения местоимений, можно представить в следующем виде:

	Единств. число	Множеств. число
Им.	anše	anšī:n
Род.	anša:	(anšī:naŋ)
Дат.	anša:?a	(anšī:naŋa)
Местн.	anša:ha:t	(anšī:naŋha:t)
Исх.	anša:čaŋ	(anšī:nančaŋ)
Совм.	anšoš	(anšī:noš)
Лиш.	*anšefun	*anšī:nfun
Сравн.	*anšebaš	*anšī:nbaš

Примечание: Формы, указанные в скобках, восстановлены нами, т.к. М.А.Кастреном они не указаны; формы, отмеченные звездочкой, реконструированы нами в связи с предположением о наличии в коттской местоименной парадигме склонения лишительного и сравнительного падежей.

Нетрудно заметить, что приведенная парадигма была характерна для форм мужского класса. Можно, однако, думать, что местоимение anše, не обнаруживая различий по классу в основном падеже, несомненно, имело их в падежах, основанных на форме родительного падежа. Парадигмы женского и вещного классов могли бы быть восстановлены в следующем виде:

а) anše "моя, мне принадлежащая" (жен. класс):

	Единств. число	Множеств. число
Им.	*anše	*anšī:n
Род.	*anšei	*anšī:naŋ
Дат.	*anšeiga	*anšī:naŋa
Местн.	*anšeiha:t	*anšī:naŋha:t
Исх.	*anšeičaŋ	*anšī:nančaŋ

Совм.	*anšoš	*anši:noš
Лич.	*anšefun	*anši:nfun
Сравн.	*anšebaš	*anši:nbaš

б) anše "мое, мне принадлежащее" (вещной класс):

	Единств. число	Множеств. число
Им.	*anše	*anši:n
Род.	*anšei	*anši:ni
Дат.	*anšeiḡa	*anši:niga
Местн.	*anšeiha:t	*anši:niha:t
Иск.	*anšeičaḡ	*anši:ničaḡ
Совм.	*anšoš	*anši:noš
Лич.	*anšefun	*anši:nfun
Сравн.	*anšebaš	*anši:nbaš

По этим образцам могли, вероятно, склоняться все вышеприведенные притяжательные местоимения коттского языка.

Как уже отмечалось, в атрибутивной функции, как притяжательные местоимения, могли употребляться, аналогично кетскому и югскому языку, формы родительного падежа личных местоимений: aiḡ o:p "мой отец", au o:p "твой отец" и т.д. Подобные словосочетания могли замещаться синонимичными possessивными формами имени, как это наблюдается в примере М.А.Кастрена ḡaiteyn "мое желание".

Определительные местоимения

Местоимение min-, которое М.А.Кастрен склонен был рассматривать как возвратное, является определительным местоимением "сам". В кетском и югском языках аналогичное местоимение, оформленное лично-предикативными суффиксами, имеет значение "я сам", "ты сам", "он сам", "она сама" и т.д. В коттском же языке, как отмечает М.А.Кастрен, местоимение min- образует соответствующие формы только для 3-го лица: minḡu "он сам", minḡa "она сама". Для 1-го и 2-го лица употреблялись конструкции типа ai hitaḡo: "я сам", au hitaḡo "ты сам", aḡoḡ hitaḡano: "мы сами" и т.д., в которых личные местоимения сочетались с формой инструментального падежа от слова hitax, мн. число hitaḡan "тело"; следовательно, буквальный перевод приведенных словосочетаний с коттского на русский язык означал "я телом (с телом)",

"ты телом (с телом)", "мы телами (с телами)" и т.д.

Формы *mintu* "он сам", *minta* "она сама" могли склоняться:

	Единств. число		Множеств. число
Им.	<i>mintu</i>	<i>minta</i>	<i>mintiaŋ (?)</i>
Род.	<i>mintua:</i>	<i>mintai</i>	<i>mintiaŋaŋ</i>
Дат.	<i>mintua:ʔa</i>	<i>mintaiŋa</i>	<i>mintiaŋaŋa</i>
Местн.	<i>mintua:ha:t</i>	<i>mintaiha:t</i>	<i>mintiaŋaŋha:t</i>
Иск.	<i>mintua:čaŋ</i>	<i>mintaičaŋ</i>	<i>mintiaŋaŋčaŋ</i>
Совм.	<i>mintaoš</i>	<i>mintaoš</i>	<i>mintiaŋoš</i>
Лиш.	* <i>mintufun</i>	* <i>mintafun</i>	* <i>mintiaŋfun</i>
Сравн.	* <i>mintubaš</i>	* <i>mintabaš</i>	* <i>mintiaŋbaš</i>

Примечание: Некоторые сомнения вызывает достоверность формы мн. числа *mintiaŋ*, поскольку предикативный суффикс 3-го лица мн. числа имеет в коттском языке форму *-iaŋ/-ŋiaŋ*.

Как отмечалось в разделе "Притяжательные местоимения", от определительных местоимений с основой *min-* образованы в коттском языке с помощью суффиксов *-še* *-ši:n* определительно-притяжательные местоимения.

В разряд определительных местоимений следует включить и местоимения-наречия *u:taŋ* "весь" (в смысле цельности) и *baŋ*, **ba:r* "всё", "весь" (в смысле собирательности).

Указательные местоимения

К указательным местоимениям относились по данным М.А.Кастрена: *in'u* "этот", *in'a* "эта", *u:ʔo:* "тот", *in'a* "та", *inniaŋ* "эти", *unioŋ* "те". Приведем парадигмы их склонения.

а) *in'u* "этот", *in'a* "эта", *inniaŋ* "эти":

Им.	<i>in'u</i>	<i>in'a</i>	<i>inniaŋ</i>
Род.	<i>in'ua:</i>	<i>in'ei</i>	<i>inniaŋaŋ</i>
Дат.	<i>in'ua:ʔa</i>	<i>in'eiga</i>	<i>inniaŋaŋa</i>
Местн.	<i>in'ua:ha:t</i>	<i>in'eihə:t</i>	<i>inniaŋaŋha:t</i>
Иск.	<i>in'ua:čaŋ</i>	<i>in'eičaŋ</i>	<i>inniaŋaŋčaŋ</i>
Совм.	<i>in'uoš</i>	<i>in'aoš</i>	<i>inniaŋoš</i>
Лиш.	* <i>in'ufun</i>	* <i>in'afun</i>	* <i>inniaŋfun</i>
Сравн.	* <i>in'ubaš</i>	* <i>in'abaš</i>	* <i>inniaŋbaš</i>

б) *ujo*: "тот", *un'a* "та", *unioŋ* "те":

Им.	<i>ujo</i> :	<i>un'a</i>	<i>unioŋ</i>
Род.	<i>ujo:a</i> :	<i>un'ei</i>	<i>unioŋaŋ</i>
Дат.	<i>ujo:a:?a</i>	<i>un'eiga</i>	<i>unioŋaŋa</i>
Местн.	<i>ujo:a:ha:t</i>	<i>un'eiha:t</i>	<i>unioŋaŋha:t</i>
Иск.	<i>ujo:a:čaŋ</i>	<i>un'eičaŋ</i>	<i>unioŋaŋčaŋ</i>
Совм.	<i>ujo:š</i>	<i>un'aoš</i>	<i>unioŋoš</i>
Лиш.	* <i>ujo:fun</i>	* <i>un'afun</i>	* <i>unioŋfun</i>
Сравн.	* <i>ujo:baš</i>	* <i>un'abaš</i>	* <i>unioŋbaš</i>

Предикативных форм, как в кетском и угском языках /Дульзон 1968 : III-IIЗ/, перечисленные коттские местоимения, видимо, не имели.

М.А.Кастрен полагал, что местоимения *in'u*, *in'a* образованы от наречия *ini* "здесь". Можно добавить, что местоимения *ujo*:, *un'a* соответственно связаны генетически с наречием *uni* "там".

Кроме описанных коттских указательных местоимений, в работе М.А.Кастрена обнаруживаем еще указательные местоимения *häterei* "столько", *häterejo:k* "столько же", *hatama:š* "такой", *hatama:čaŋ* "такие" (мн. число). Не исключено, что последнее местоимение изменялось не только по числу, но и по падежам, образуя парадигмы мужского, женского и вещного классов.

Вопросительные местоимения

Среди зафиксированных коттских вопросительных местоимений можно выделить:

I. Местоимения-существительные *ašix* "кто", *šina/šena* "что", которые, очевидно, характеризовались категорией числа, падежа, класса и посессивности. Правда, местоимение *ašix* не дифференцировано по классу, как, например, кетские вопросительные местоимения *bišve* "кто" (муж. класс), *beš'a* "кто" (жен. класс), но в зависимости от класса оно могло образовать две парадигмы склонения, которые можно бы реконструировать в следующем виде:

	Единств. число		Множеств. число
	мужской класс	жен. класс	
Им.	<i>ašix</i>	<i>ašix</i>	<i>ašigan</i>

Род.	*ašiga:	*ašigi	*ašiganan
Дат.	*ašiga:ʔa	*ašigiga	*ašiganana
Местн.	*ašiga:ha:t	*ašigih:t	*ašigananha:t
Иск.	*ašiga:čaŋ	*ašigičaŋ	*ašiganančaŋ
Совм.	*ašigoš	*ašigoš	*ašiganoš
Лич.	*ašixfun	*ašixfun	*ašiganfun
Сравн.	*ašixpaš	*ašixpaš	*ašiganbaš

Местоимение šina/šena "что" не имело, как отмечает М.А.Кастрен, формы множественного числа, но склоняться оно могло по типу женского класса местоимения ašix "кто".

Что касается притяжательных форм вопросительного местоимения ašix, то о них уже говорилось в разделе "Притяжательные местоимения".

2. Местоимения-прилагательные bil'šŋ "какой", bil'šŋan "какие"; bilituiše "какой", bilituiši:n "какие"; baloma:š/biloma:š "какой", baloma:čaŋ "какие". Не исключено, что некоторые из этих местоимений могли употребляться как относительные местоимения. Полагаем, что эти местоимения могли присоединять предикативные суффиксы, и как прилагательные, наречия, имена и некоторые числительные изменялись по лицам и классам:

*ai bil'šŋtaŋ	"я какой?"
*au bil'šŋu	"ты какой?"
*uju bil'šŋtu	"он какой?"
*uja bil'šŋta	"она какая?"
*vi:s bil'šŋa	"камень какой?" и т.д.

3. Местоименная частица bo, которую можно, видимо, перевести на русский язык частицами "ли", "что-ли". Вероятно, она стояла всегда в конце соответствующих предложений, и примеры М.А.Кастрена hišbo "лошадь?", alšibbo "собака?" следовало бы переводить как "лошадь что-ли?", "собака что-ли?".

4. Местоимение-числительное bilrei/bilrei:i "сколько", которое, возможно, изменялось по падежам и по классам.

Отрицательные местоимения

Среди немногих коттских отрицательных местоимений можно выделить: (а) местоимения-существительные mən ašix "никто",

мон йина "ничто" и (б) местоимение-прилагательное мон бил'ау "никакой". Первые два местоимения, очевидно, могли склоняться, образуя три парадигмы в зависимости от класса, а последнее могло присоединять предикативные суффиксы, изменяясь по лицам, числам и классам.

М.А.Кастреном отмечается, что местоимение "никто" встречалось еще в форме айхта мон/мон айхта, например, айхта мо:нсе "никого нет", айхта мо:н хиа:та "никто не пришел".

К данному разряду следует отнести и местоимение мон билipi "ничто", "ничего".

Неопределенные местоимения

К неопределенным местоимениям М.А.Кастрен относил образования с русским заимствованием "-нибудь", а именно: айг=n'ebut "кто-нибудь", йина=n'ebut "что-нибудь" и бил'ау=n'ebut "какой-нибудь". Представляется целесообразным отнести к данному разряду еще неопределенно-определяющее местоимение бар/бар:г "все", "всё" и неопределенные местоимения йолау "немного", "мало", йолау наго "меньше", минтуш "немного", рајау "много", рајау наго "больше", которые употреблялись, очевидно, атрибутивно перед именами существительными в отличие от омонимичных наречий, употреблявшихся с глаголами.

Г Л А Г О Л

Строение глагольной словоформы

Коттский глагол имеет, как и в других енисейских языках, очень сложное морфологическое строение, обнаруживая большое разнообразие типов спряжения. В свое время А.П.Дульзон, указывая на своеобразие морфологического строения глагола в кетском языке, отмечал, "что он одновременно использует последовательно разработанную систему суффиксации, префиксации, отчасти также и инфиксации ... В обычной схеме типологической классификации кетский язык не находит себе места: это язык аффригирующий агглютинативного типа, но его нельзя наз-

вать ни суффигирующим, ни префигирующим, ни инфигирующим, так как в нем разработаны все эти три приема выражения грамматических значений с высокой степенью совершенства и используются почти в равной мере" /Дульзон 1962 : 4/. Эта характеристика, как выше уже отмечалось, справедлива и в отношении коттского языка, хотя в нем явно превалирует суффиксация над префиксацией прежде всего в связи с тем, что в нем лично-субъектные глагольные показатели, как правило, не префигируются, как в кетском и югском языках, а суффигируются, сравним:

Коттский язык	Югский язык	Перевод
u.ki	urguŋ	"мыться, мыть"
urka:k=ŋ	d=uraddy?ŋ	"моюсь"
urka:k=u	k=urakku?ŋ	"моешься"
urka:k=	d=urajagu?ŋ	"моется (он)"
urka:k=	da=urajagu?ŋ	"моется (она)"
urka:gan=toŋ	d=uradŋgu?ŋ	"моемся"
urka:gan=oŋ	k=uragŋgu?ŋ	"моетесь"
urka:gan=	d=urajŋgu?ŋ	"моются"

В целом порядковсе членение коттских глагольных словоформ зависит от типа спряжения, и говорить о единой структурной модели в такой ситуации не приходится. Анализ коттских глагольных словоформ показывает, что среди ее строевых элементов можно, как и в кетском и югском языках /Крейнович 1966 : 9-II/, выделить: корневые морфемы, аффиксальные морфемы (деривационные и реляционные), детерминативы и интерфиксы. Корневые морфемы могут состоять из одной или нескольких фонем, например:

=a= "уходить" (ij=a=ŋ "ухожу", ij=a=u "уходишь", oŋ=a=toŋ "уходим");
 =in= "идти" (oŋ=in=toŋ "идем", i=in=aŋ "иду", i=in=u "идешь");
 =fi= "гасить", (o:=fi=aŋ "гашу", o:la=fi=aŋ "я гасил");
 =fe:l= "расти" (i=fe:l=aŋ "расту", ali=fe:l=aŋ "я рос").

Очень важными строевыми элементами коттской глагольной словоформы являются лично-субъектные и лично-объектные показатели. Как уже отмечалось, лично-субъектные показатели, как правило, суффигируются к глагольной словоформе, а лично-

объектные - инфигируются^{*}. В отличие от кетского и югского языков, коттский язык обнаруживает меньше рядов этих показателей. Приведем таблицы этих показателей в югском и коттском языках:

1. Показатели серии Б (югский язык)

Число	Лицо, класс	I ряд	II ряд	III ряд	IV ряд
Ед. число	I-е	ba	bo	ba	bo
	2-е	ku	ku	ku	ku
	3-е м. кл.	a	o	bu	bu
	ж. кл.	i	u	bu	bu
	в. кл.	i/∅	u	∅	∅
Мн. число	I-е	dлэ	dлэ	dлэ	dлэ
	2-е	клэ	клэ	клэ	клэ
	3-е невестн.	аэ	оэ	бу	бу
	вестн. кл.	i/∅	u	∅	∅

2. Показатели серии Б (коттский язык)

Число	Лицо, класс	Субъектный ряд	Объектный ряд
Ед.	I-е	= (a) э	= а э =
число	2-е	= u	= u =
	3-е м. кл.	= ∅	= a =
	ж. кл.	= ∅	* = i =
	в. кл.	= ∅	* = i =

* Термин "инфиксация" употребляется нами традиционно, но при этом разделяем взгляд на природу инфиксации, изложенный в /Володин, Храковский 1975 : 170-196/.

Мн.	1-е	=toŋ	=oŋ=
число	2-е	=oŋ	=oŋ=
	3-е неведн. кл.	=∅	=aŋ=
	ведн. кл.	=∅	*=1=

Субъектно-объектные показатели в кетском языке впервые разделил на класс Б и класс Д Карл Боуда /Боуда 1957 : 98/, исходя из показателей I-го лица единственного числа. Е.А.Крейнович развил это положение К.Боуда в стройную теорию о группе показателей Б и группе показателей Д, в каждой из которых им было выделено по четыре ряда показателей /Крейнович 1966 : 23/. Принимая схему Е.А.Крейновича, мы используем, однако, термин "серия", т.к. показатели Б и Д употребляются в двух различных сериях глагольных форм во всех енисейских языках. Это условное разделение субъектно-объектных показателей на серии Б и Д сохраняется нами поэтому и в отношении коттского языка.

Сравнение рядов субъектно-объектных показателей серии Б в югском и коттском языках показывает, что в коттском языке различия между рядами $vo=о=и$ и $ba=a=i$ стерлись и все ряды унифицированы по ряду $ba=a=i$, который в коттском языке представлен как ряд $aŋ=a=i$, т.е. по тем показателям, которые совпадают с формантами родительного падежа (см. склонение коттских личных местоимений). Сохранились в коттском языке лишь некоторые различия между субъектным и объектным рядами показателей серии Б: во-первых, в субъектном ряду не представлены показатели для 3-го лица единственного и множественного числа, а во-вторых, в объектном ряду показатель I-го лица множественного числа, потеряв инициальный согласный $t=$, совпал с показателем 2-го лица множественного числа $=oŋ=$.

3. Показатели серии Д (югский язык)

Число	Лицо, класс	I ряд безударн. префиксы	II ряд префиксы под удар.	III ряд (инфиксы)	IV ряд (инфиксы)	V ряд (суффиксы)
-------	-------------	--------------------------------	---------------------------------	----------------------	---------------------	---------------------

I	2	3	4	5	6	7
Ед. чис-ло	1-е	/t=	di:=/di=	=di=/=d= =t=	=di= =d=/=t=	=di?
	2-е	gi=/g=/k=	ku:=/ku=	=ku=/=gu= =k=	=ku=/=k= =gu=/=k=	=k=/=ku?
	3-е м.кл.	di/d=/t=	du:=/du=	=a=/o=	∅	=du?
	ж.кл.	da=	dɣ:=/dɣ=	=i=/u=	∅	=da?
	в.кл.	b=, ∅, da=	bi=, ∅	=b=∞=m=	=b=∞ =m=	=ε? < *am < *ab
Мн. чис-ло	1-е	di=/d=/t=	di:=/di=	=dɣ=/ =dɣ=	=dɣ=/ =dɣ=	=dɣ:ɣ
	2-е	gi=/g=/k=	ku:=/ku=	=kɣ=/=gɣ= =gɣ=	=gɣ= =kɣ=	=kɣ:ɣ
	3-е нев.кл.	di=/d=/t=	du:=/du=	=aɣ=/=oɣ=	=aɣ=/=oɣ=	=ε:ɣ
	вещн. кл.	b=, ∅, da	bi=, ∅	=b=∞=m=	=b=∞=m=	=ε:?? < *am < *ab

4. Показатели серии Д (коттский язык)

Число	Лицо, класс	Префиксальный	Инфиксальный	Суффиксальный
		ряд	ряд	ряд
Ед. число	1-е	i=	=i=	=taɣ
	2-е	i=	=i=	=u
	3-е м.кл.	d'a=	=a=	=tu
	ж.кл.	*d'i=	*=i=	=ta
	в.кл.	b=∞m=	*=b=∞=m=	=a (<am < *ab)
Мн. число	1-е	oɣ=	=oɣ=	=toɣ
	2-е	oɣ=	=oɣ=	=oɣ
	3-е невещн. кл.	d'aɣ=	=aɣ=	=aɣ/=(j)aɣ
	вещной кл.	*b=∞m=	*=b=∞=m=	=a (<am < *ab)

Мы включаем в серию показателей Д также лично-предикативные суффиксы (5 ряд), т.к. этот ряд во многом совпадает в

кетском и югском языках со 2-м рядом Д, с которым восходит к единому источнику /Вернер 1984а : 9/. См. также /Крейнович 1968б : 142-143/.

Нетрудно заметить, что различие между отдельными рядами показателей той и другой серий во многих случаях незначительно. Все ряды показателей Д при строгом анализе оказываются одним и тем же рядом. В единственном числе 2-й и 5-й ряды фактически полностью совпадают, а 1-й ряд отличается от них лишь фонетически: показатели этого ряда всегда безударны. 3-й и 4-й ряды носят смешанный характер: в 1-м, 2-м и в 3-м лице вещного класса показатели этих рядов полностью совпадают с показателями 1-го или 2-го рядов, а в 3-м лице мужского и женского классов представлены показатели серии Б (3-й ряд) или нулевые показатели (4-й ряд). Во множественном числе показатели 1-го и 2-го рядов полностью совпадают с показателями единственного числа. Одни и те же показатели представлены также в 3-м лице единственного числа и множественного числа вещного класса, а другие показатели рядов 3, 4, 5 во множественном числе полностью совпадают с соответствующими показателями серии Б. С другой стороны, среди показателей серии Б фактически представлено три ряда: ряд $ba=a=i$, ряд $bo=o=u$ и ряд $ba/bo=bubu$, хотя последний ряд имеет два варианта - ba и bo . Таким образом, оказывается, что в кетском и югском языках фактически представлено в двух сериях субъектно-объектных глагольных показателей не более 4-5 рядов.

Сравнивая показатели таблиц 3 и 4, нетрудно заметить, что более или менее полно совпадает в югском и коттском языках лишь суффиксальный ряд показателей Д. В других рядах коттских показателей серии Д в 1-м и 2-м лице единственного числа обобщены показатели 1-го лица, а во множественном числе - показатели 2-го лица. Можно думать, что коттские показатели Д 1-го лица единственного числа i (префиксальный и инфиксальный ряды) и $ta\eta$ (суффиксальный ряд) восходят, в отличие от соответствующих югских и кетских показателей, к разным источникам. Показатель i можно возводить к форме основного падежа личного местоимения "я" (ai), точно также, как югско-кетский показатель di возводится к местоимению at (< adi) "я". А что касается коттского показателя $ta\eta$,

то, как выше уже отмечалось, его можно возводить к старой эксклюзивной форме местоимения "мы" в отличие от инклюзивной формы этого же местоимения, которая сохранилась в виде показателя *toŋ* для 1-го лица множественного числа.

Коттские показатели серии Д для 3-го лица единственного числа тоже не совпадают в трех рядах, представленных на таблице 4. Показатели инфиксального ряда *=a=*, **=i=* точно совпадают с соответствующими показателями Ш ряда серии Д в югском и кетском языках, где они тоже являются инфиксами. Собственно говоря, этот ряд является смешанным: в кетском и югском языках он в 1-м лице единственного числа и в 3-м лице единственного и множественного числа вещного класса представлен показателем серии Д, а во всех других случаях — показателями серии Б 1-го ряда (ср. таблицу I); в коттском языке он совпадает с объектным рядом показателей серии Б, кроме 1-го и 2-го лица единственного числа и 3-го лица вещного класса в единственном и множественном числе. Коттский префиксальный ряд показателей Д отличается от инфиксального ряда лишь тем, что показатели 3-го лица единственного числа мужского и женского классов, а также показатель 3-го лица множественного числа невестного класса осложнены детерминативом *d'* в препозиции. Этот детерминатив не может сопоставляться с инициальным *t=* в лично-предикативных показателях *=tu* (мужской класс), *=ta* (женский класс), но не исключено, что он восходит к единому источнику с детерминативом кет. *t/d/r*, югск. *t'/d'*, который сочетается с объектным показателем 3-го лица женского класса в парадигме определенной группы кетско-югских глаголов, причем в формах прошедшего времени, например:

кет. <i>te:lona</i>	"толкнул=его"	<i>t :litna</i>	"толкнул=ее"
<i>kona</i>	"разрезал=его"	<i>kitna</i>	"разрезал=ее"
<i>harol'a</i>	"разрезал=его"	<i>hadditl'a</i>	"разрезал=ее"
<i>dol'doq</i>	"я=его=съел"	<i>diril'doq</i>	"я=ее=съел"
югск. <i>do:ntet</i>	"он=его=бил"	<i>did'i:ntet</i>	"он=ее=бил"
<i>dbuone</i>	"он=нес=его"	<i>dbud'it'n'e</i>	"он=нес=ее"

и т.д.

С другой стороны, сравнивая коттские примеры типа *vari* "(это) созревает" — *d'arijaŋ* "я созреваю", *d'ari* "он, она созревает", можно бы предполагать, что *b=* как показа-

тель вещного класса противопоставлено d' = как показателю одушевленности. Показательны в данном случае, на наш взгляд, и югские формы типа:

durd'ajg'in	"я=мою=его"
durd'ijg'in	"я=мою=ее"
durd'anag'in	"я=мою=их"
но: durag'in	"я=мою=это (вещь)"

Однако в целом природа показателя d' в коттском глаголе остается неясной.

Общее построение коттской глагольной словоформы зависит, как и в кетском и югском языках, от типа глагольной основы. Хотя аранжировка субъектно-объектных и других грамматических показателей в структуре глагольных словоформ отличается от кетских и югских глагольных слов, в целом, в коттском языке можно выделить те же типы глагольных основ, которые Е.А. Крейнович выделил для кетского языка /Крейнович 1968 : II-13/, а именно:

1) глаголы с непрерывной корневой основой: =in= "идти" (i:nag < i=in=ag "иду", i:nu i=in=u "идешь", d'a=in=i "идеи", on=in=top "идем", on=in=on "идете", d'ag=in "идуи"), =t^hak= "прыгать, скакать" (i=t^hak=ŋ "прыгаю", i=t^hag=u "прыгаешь", d'a:=t^hak "прыгает", on=t^hag=an=top "прыгаем", on=t^hag=an=on "прыгаете", d'a:n=t^hak "прыгают"), =kai= "возвращаться" (i=kaj=ag "возвращаюсь", i=kaj=u "возвращаешься", d'a:=kai "возвращается", on=kaj=an=top "возвращаемся", on=kaj=an=on "возвращаетесь", d'a:n=kai "возвращаются");

2) глаголы с прерывной основой, представленной корневой морфемой в начале слова и служебной в середине или конце слова: a:jaŋ --- k "играть" (a:jaŋ:ku "играю", a:jaŋ:ku "играешь", a:jaŋolo:ku "я=играл", a:jaŋolo:ku "ты=играл" и т.д.), ana:ai --- k "думать" (ana:ja:ku "думаю", ana:ja:ku "думаешь", ana:ja:k "думает", ana:jaolo:ku "я=думал" и т.д.), akf --- tek "поставить" (akfa:teku "ставлю", akfuiteku "я=ставил" и т.д.);

3) глаголы с прерывной основой, представленной служебной морфемой (превербом) в начале слова и корневой морфемой в середине или конце слова: na --- si:p "покрыть" (na:si:paŋ "покрываю", na:si:paŋ "я=покрывал" и т.д.), t^ha --- pi:l

"достигать" ($t^h a \bar{a} p a r i : l a \bar{a}$ "достигаю", $t^h a l a p a r i : l a \bar{a}$ "я-достиг" и т.д.), $a \bar{a}$ --- $a i$ "восходить" ($e : g \bar{a} a \bar{a} \bar{a} i$ "солнце восходит", $e : g \bar{a} a \bar{a} n a i$ "солнце взошло"), r --- $t a i$ "висеть" ($f o : t a : j a \bar{a}$ "вишу", $f o : l a t a : j a \bar{a}$ "висел" и т.д.);

4) глаголы с прерывной основой, представленной двумя корневыми морфемами: $k i$ --- $r a$ "платить" < $k i$ "цена" + $r a$ "делать" ($k i t^h a \bar{a} r a j a \bar{a}$ "плачу", $k i t^h a l a r a j a \bar{a}$ "я=платил"), $a : r$ --- $r a$ "обманывать" < $a : r u$ "коварный, хитрый" + $r a$ "делать" ($a : r a : t^h a \bar{a} r a j a \bar{a}$ "обманываю", $a : r a : t^h a l a r a j a \bar{a}$ "я=обманывал"), $\bar{a} a : \bar{a}$ --- $r a$ "проверять, пробовать на вкус" < $\bar{a} a : \bar{a}$ "пробование" + $r a$ "делать" ($\bar{a} a : n t^h a \bar{a} r a j a \bar{a}$ "я=пробую", $\bar{a} a : n t^h a l a r a j a \bar{a}$ "я=пробовал" и т.д.) /Крейнович 1968 : 44/.

Различные варианты типов спряжения указанных структурных разновидностей коттских глаголов подробно рассматриваются ниже.

Структурные модели коттских глаголов

Хотя коттская глагольная словоформа строится в целом по принципу агглютинации, нельзя, как уже отмечалось, говорить о едином порядке расположения ее строевых элементов. Этим обстоятельством осложняется анализ коттских глаголов методом порядкового членения (грамматики порядков). Так, если в словформах типа $a k \bar{a} g a : k \bar{a}$ "хромаю=я" субъектный показатель расположен в конце словоформы, то в примерах типа $e : n e p a i \bar{a}$ "я=забываю" он расположен в середине, а в примерах типа $o n k a j a n t o \bar{a}$ "мы=возвращаемся" - и в начале и в конце словоформы. Разумеется, этот факт сам по себе еще не противоречит тому, что словоформа представляет собой упорядоченную последовательность элементов плана выражения, но позволяет заключить, что в коттском языке последовательность строевых элементов в глагольной словоформе не носит характера единообразной модели для всех глаголов, и, рассматривая порядковое членение глаголов коттского языка, надо выделить множество структурных моделей, каждая из которых имеет свою особую порядковую структуру. В первом приближении это сделал интуитивно уже М.А.Кастрен, выделивший по особенностям формообразования три группы коттских глаголов, а внутри

каждой, особенно первой, ряд типов и подтипов.

М о д е л и т и п а $\sqrt{\text{---}}\text{СК}^*$

По материалам М.А.Кастрена устанавливается, что наиболее распространенной в коттском языке была модель с основой $\sqrt{\text{---}}\text{к}$ (во мн. числе $\sqrt{\text{---}}\text{ган} \sim \text{кан}$), которая точно соответствует югской модели $\sqrt{\text{---}}\text{гет} \sim \text{кет}$ (во мн. числе $\sqrt{\text{---}}\text{ген} \sim \text{кен}$), определяемой нами как наиболее продуктивной в югском языке, т.к. даже подавляющее большинство глаголов, заимствованных из русского языка образуются именно по ней (любить, работать, пахать, хвалить и т.д.). И в коттском и в югском языках эта модель была представлена непереходными и переходными типами спряжения.

Непереходная словоформа этой модели строилась в коттском языке по схеме К-В-СК-ЧСд-Сб (корневая морфема-видо-временной показатель-служебная корневая морфема-показатель числа субъекта действия-лично-субъектный показатель). Приведем в качестве образца парадигму спряжения коттского глагола "думать" в сравнении с парадигмой спряжения югского глагола "стригать":

anaɟaɟa:kɟ	"думаю=я"
anaɟaɟa:ku	"думаешь=ты"
anaɟaɟa:k	"думает=он/она"
anaɟaɟa:ɟantɔɟ	"думаем=мы"
anaɟaɟa:ɟanɔɟ	"думаете=вы"
" anaɟaɟa:ɟan	"думают=они"
anaɟaɟolo:kɟ	"думал=я"
anaɟaɟolo:ku	"думал=ты"
anaɟaɟolo:k	"думал=он/она"
anaɟaɟolo:ɟantɔɟ	"думали=мы"
anaɟaɟolo:ɟanɔɟ	"думали=вы"
anaɟaɟolo:ɟan	"думали=они"
tn'ɛ n'bed'aget	"я=стригаю"
kn'ɛ n'bed'aget	"ты=стригаешь"
tn'ɛ n'bed'aget	"он=стригает"

* СК - корневой элемент, условно обозначаемый нами вслед за Е.А.Крейновичем /Крейнович 1968 : 109/ как служебная корневая морфема.

dan'ɛ n'bed'aget	"она=стряпает"
tn'ɛ n'bed'agen	"мы=стряпаем"
kn'ɛ n'bed'agen	"вы=стряпаете"
tn'ɛ n'bed'agen	"они=стряпают"
tn'ɛ n'bed'o:rget	"я=стряпал"
kn'ɛ n'bed'o:rget	"ты=стряпал"
tn'ɛ n'bed'o:rget	"он=стряпал"
dan'ɛ n'bed'o:rget	"она=стряпала"
tn'ɛ n'bed'o:rgen	"мы=стряпали" и т.д.

Коттская модель отличается от аналогичной югской следующими особенностями: (а) расположением лично-субъектных показателей в исходе словоформы; (б) отсутствием лично-субъектных показателей в 3-м лице единственного и множественного числа; (в) отсутствием морфоэлемента =eʔ в служебной корневой морфеме форм единственного числа.

По данным М.А.Кастрена, к указанному типу спряжения относились следующие коттские глаголы:

- аргичить (кочевать): ait^hoga:kɥ "кочую=я", прет. ait^holo:kɥ, имп. ait^ha:lʃek;
- болеть: hoa:kɥ "болею=я", прет. ho:ʔolo:kɥ, имп. ho:a:lʃek;
- бороться: šijiča:kɥ "борюсь=я", прет. šijičolo:kɥ, имп. šijiča:lʃek;
- бояться: amalaɣa:kɥ (=kaɣ), прет. amalaɣolo:kɥ (*=kaɣ), имп. amalaɣa:lʃek;
- воевать: hala:kaɣ, *hala:kɥ, ha:la:kɥ "воюю=я", прет. halolo:kɥ, имп. hala:lʃek;
- гостить (быть в гостях): šaɣa:kɥ "в гостях=я (нахожусь)", прет. šaɣolo:kɥ, имп. šaɣa:lʃek;
- греться: hataga:kɥ (=kaɣ) "греюсь=я", прет. hatagolc:kɥ, имп. hataga:lʃek;
- днеть: i:griga:kɥ "днюю=я", прет. i:grigolo:kɥ, имп. i:griga:lʃek;
- добывать (охотой): ašaɣa:kɥ "добываю=я", прет. ašaɣolo:kɥ, имп. ašaɣa:lʃek;
- дремать: šaɣala:kɥ "дремлю=я", прет. šaɣalolo:kɥ, имп. šaɣala:lʃek;
- думать: anaɣaɣa:kɥ "думаю=я", прет. anaɣaɣolo:kɥ, имп. anaɣaɣa:lʃek;

- есть: to:pa:ky (=кап) "ем=я", прет. to:polo:ky,
ИМП. to:pa:lček;
жиреть: fa:liga:ky "жирею=я", прет. fa:ligolo:ky,
ИМП. fa:liga:lček;
заблудиться: šujeda:ky "зублужусь=я", прет. šujecolo:ky,
ИМП. šujera:lček;
зевать: hon'aŋa:ky "зеваю=я", прет. hon'aŋolo:ky,
ИМП. hon'aŋa:lček;
играть: ajaŋa:ky (=ġaŋ) "играю=я", прет. ajaŋolo:ky
(=кап), ИМП. ajaŋa:lček;
идти (шествовать): foro:gana:ky "шествую=я", прет.
foro:ganololo:ky, ИМП. foro:gana:lček;
капать: urt'ekpa:ky "капаю=я", прет. *urt'ekpolo:ky
(у М.А.Кастрена дана форма urt'ekpola:ky), ИМП. urt'ekp-
a:lček;
ковать: afua:ky (=кап) "кую=я", прет. afuololo:ky*,
ИМП. afua:lček, пасс. afuola:ʔuki;
лентяйничать: haraŋfuna:ky "лентяйничает=я", прет.
haraŋfunololo:ky, ИМП. haraŋfuna:lček;
лечь: uša:ky, *utšakky "ложусь=я", прет. ušolo:ky,
ИМП. uša:lček;
медлить (колебаться): ha:raʔa:ky "медлю=я", прет.
ha:raʔololo:ky, ИМП. ha:raʔa:lček;
молиться: haprena:ky "молюсь=я", прет. haprenololo:ky,
ИМП. haprena:lček;
молчать: atrifuna:ky "молчу=я", прет. atrifunololo:ky,
ИМП. atrifuna:lček;
мочиться (отправлять свои естественные потребности):
šašua:ky "мочусь=я", прет. šašuilolo:ky, ИМП. šašua:lček;
мучиться: miŋħaŋera:ky "мучаюсь=я", прет. miŋħaŋerololo:
lo:ky, ИМП. miŋħaŋera:lček;
мыться: urka:ky "моюсь=я", прет. urkololo:ky, ИМП.
urka:lček;

---

* В парадигме, приведенной М.А.Кастреном на стр. 108 /Кас-
трен 1956/, даны, видимо, ошибочно формы прошедшего времени
с огласовкой =2=: перед видс-временным показателем
afua:lolo:ky "ковал=я", afua:lolo:ku "ковал=ть" и т.д.

- оправляться (отправлять свои естественные потребности):
fagua:кꞑ прет. faguolo:кꞑ, имп. fagua:l̥ɛk;
отдыхать: tenega:кꞑ (=каꞑ) "отдыхаю=я", прет. tenero-
lo:кꞑ, имп. tenega:l̥ɛk;
отправляться (нем. sich aufmachen): hejaṇa:кꞑ "от-
правляюсь=я", прет. hejaṇolo:кꞑ, имп. hejaṇa:l̥ɛk;
пахать (борснить): šavaṇṇa:кꞑ "пахую=я", прет.
šavaṇṇolo:кꞑ, имп. šavaṇṇa:l̥ɛk;
плевать: tuka:кꞑ "плюю=я", прет. tukolo:кꞑ, имп.
tuca:l̥ɛk;
плевать: hujuṇa:кꞑ "плюю=я", прет. hujuṇolo:кꞑ, имп.
hujuṇa:l̥ɛk;
покупать (торговать): hara:кꞑ "покупаю=я", прет.
haro:lo:кꞑ, имп. hara:l̥ɛk;
пошевелиться: ko:raṇa:кꞑ "шевелюсь=я", прет. ko:raṇ-
olo:кꞑ, имп. ko:raṇa:l̥ɛk;
прясть: hitafuṇa:кꞑ "прячу=я", прет. hitafuṇolo:кꞑ,
имп. hitafuṇa:l̥ɛk;
работать: šod̥ia:кꞑ (*=каꞑ), šod̥'a:кꞑ "работаю=я",
прет. šodiolo:кꞑ, имп. šodia:l̥ɛk, пасс. šcdiola:ʔuki;
радоваться: faṣa:tna:кꞑ "радуюсь=я", прет. faṣa:tn-
olo:кꞑ, имп. faṣatna:l̥ɛk;
слезать: t^hagina:кꞑ "слезаю=я", прет. t^haginolo:кꞑ,
имп. t^hagina:l̥ɛk;
стрелять: hitṣa:кꞑ "стреляю=я", прет. hitṣo:lo:кꞑ,
имп. hitṣa:l̥ɛk;
торопиться: hiṣi:na:кꞑ "тороплюсь=я", прет. hiṣi:po:=
lo:кꞑ, имп. hiṣi:na:l̥ɛk;
удить (рыбу): turiṇa:кꞑ "ловлю=я (рыбу удочкой)",
прет. turiṇolo:кꞑ, имп. turiṇa:l̥ɛk;
учиться: šitātiga:кꞑ, *šitātia:кꞑ "учусь=я", прет.
šitātigolo:кꞑ, имп. šitātiga:l̥ɛk;
хромать: akvaṇa:кꞑ (=каꞑ), *avvaṇa:кꞑ "хромаю=я",
прет. akvaṇolo:кꞑ (=каꞑ), имп. akvaṇa:l̥ɛk;
шаманить (колдовать): še:naṇa:кꞑ (*=каꞑ) "шаманю=я",
прет. še:naṇolo:кꞑ, имп. še:naṇa:l̥ɛk.

По особому варианту этого типа спряжения спрягается не-
большая группа глаголов, у которых в форме прошедшего вре-
мени перед видо-временным показателем =l= исчезает гласный

=о= в отличие от предыдущей группы коттских глаголов. Эта особенность была отмечена М.А.Кастреном /Кастрен 1858 : 109/. Это следующие коттские глаголы:

выть: rapēja:кҭ "вою=я", прет. rapēilo:кҭ, имп. rapēja:lǽк;

говорить: d'ila:кҭ "говору=я", прет. d'illo:кҭ, имп. d'ilalǽк;

грести (геслом): šareja:кҭ "гребу=я", прет. šareilo:кҭ, имп. šareja:lǽк;

закататься: kalakaja:кҭ, *kalakeja:кҭ "заикаюсь=я", имп. kalakaja:lǽк, прет. kalakailo:кҭ;

звонить (колокольчиком): koņorošēja:кҭ, koņorošēja:кҭ "звоню=я", прет. koņorošēilo:кҭ, имп. koņorošēja:lǽк;

кашлять: hatameja:кҭ "кашляю=я", прет. hatameilo:кҭ, имп. hatameja:lǽк;

кричать: hujeja:кҭ "кричу=я", прет. hujeilo:кҭ, имп. hujejalǽк!

петь: ulaja:кҭ, "пою=я", прет. ulailo:кҭ, имп. ulaja:lǽк;

прясть: ulšuia:кҭ, "пряду=я", прет. ulšuilo:кҭ, имп. ulšujalǽк;

сохнуть: šigalaišeja:кҭ, *ši:galaišeja:кҭ "сохну=я", прет. šigalaišeilo:кҭ, имп. šigalaišeja:lǽк;

шагать: kaneja:кҭ "шагаю=я", прет. kaneilo:кҭ, имп. kaneja:lǽк;

шуметь (стучать): katteja:кҭ "стучу=я", прет. katteilo:кҭ, имп. katteja:lǽк;

шуметь: kutereja:кҭ (=каҭ) "шумлю=я", прет. kutereilo:кҭ, имп. kutereja:lǽк.

Особую группу образуют глаголы, являющиеся в семантическом отношении переходными, т.к. они имеют показатель каузатива (фактитива) =t^h=, но оформляющиеся как непереходные, т.к. в структуре соответствующих словоформ отсутствует объектный показатель. Строятся эти глагольные словоформы по общей схеме К-М-В-СК-ЧСд-Сб. Эта схема отличается от предыдущей наличием модификатора (М), т.е. показателя каузатива (фактитива). Приведем в качестве образца парадигму спряжения коттского глагола "ковать":

afut ^h a:кҭ	"кую=я"
afut ^h a:gu	"куешь=ты"
afut ^h a:k	"кует=он/она"

afut ^h a:gantop	"куем=мы"
afut ^h a:ganop	"куете=вы"
afut ^h a:gan	"куут=они"
afut ^h olo:kp	"ковал=я"
afut ^h olo:gu	"ковал=ты"
afut ^h olo:k	"ковал=он/она"
afut ^h olo:gantop	"ковали=мы"
afut ^h olo:ganop	"ковали=вы"
afut ^h olo:gan	"ковали=они"

В данную группу входят следующие коттские глаголы:

- бодрствовать: афро:t^ha:kp "бодрствую=я", прет. афро:t^holo:kp, имп. афро:t^ha:lcek, пасс. афро:t^hola:ʔuki;
- боронить: boronit^ha:kp "бороню=я", прет. boronit^holo:kp, имп. boronit^ha:lcek;
- голодать: kajanta:kp "голодаю=я", прет. kajantolo:kp, имп. kajanta:lcek;
- греть: hatakt^ha:kp "грею=я", прет. hatakt^holo:kp, имп. hatakt^ha:lcek, пасс. hatakt^hola:ʔuki;
- делить: taxt^ha:kp, ataxt^ha:kp "делю=я", прет. taxt^holo:kp, имп. taxt^ha:lcek, пасс. taxt^hola:ʔuki;
- добывать (охотой): асант^ha:kp "добываю=я", прет. асант^holo:kp, имп. асант^ha:lcek, пасс. асант^hola:ʔuki;
- думать: анаrait^ha:kp "думаю=я", прет. анаrait^holo:kp, имп. анаrait^ha:lcek, пасс. анаrait^hola:ʔuki;
- ковать: аfut^ha:kp "кую=я", прет. аfut^holo:kp, имп. аfut^ha:lcek, пасс. аfut^hola:ʔuki;
- копать: е:nt^ha:kp (=кап), *е:ant^ha:kp "копаю=я", прет. е:nt^holo:kp, имп. е:nt^ha:lcek, пасс. е:nt^hola:ʔuki;
- красть: rare:nukat^ha:kp (=кзп) "краду=я", прет. rare:nukat^holo:kp, имп. rare:nukat^ha:lcek, пасс. rare:nukat^hola:ʔuki;
- красть: у:t^ha:kp (=кап) "краду=я", прет. у:t^holo:kp (=кап), имп. у:t^ha:lcek, пасс. у:t^hola:ʔuki;
- пахать (вспахивать): ъэвансant^ha:kp "вспахиваю=я", прет. ъэвансant^holo:kp, имп. ъэвансant^ha:lcek, пасс. ъэвансant^hola:ʔuki;
- рубить (дрова): агат^ha:kp (=кап) "рублю=я", прет. агат^holo:kp (=кап), имп. агат^ha:lcek, пасс. агат^hola:ʔuki;

смотреть: $kareit^h a: k\eta$ "смотрю=я", прет. $kareit^h olo: k\eta$,
 имп. $kareit^h a: l\check{e}k$, пасс. $kareit^h ola: ?uki$;

торговать (покупать, продавать): $hapit^h a: k\eta$ "торгую=я",
 прет. $hapit^h olo: k\eta$, имп. $hapit^h a: l\check{e}k$, пасс. $hapit^h ola: ?uki$;

хотеть взять: $fakt^h a: k\eta$ "хочу=я взять", прет. $fakt^h olo: k\eta$,
 имп. $fakt^h a: l\check{e}k$;

читать: $ka\check{c}eit^h a: k\eta$ "читаю=я", прет. $ka\check{c}eit^h olo: k\eta$,
 имп. $ka\check{c}eit^h a: l\check{e}k$, пасс. $ka\check{c}eit^h ola: ?uki$.

И, наконец, переходный тип спряжения глаголов рассматриваемого класса отличается тем, что в структуре словоформы представлен не только модификатор $=t^h$, но и показатель объекта действия (Об). Строятся эти глагольные словоформы по общей схеме К-Об-М-В-СК-ЧСд-Сб. Приведем в качестве образца парадигму коттского глагола "любить", а для сравнения - парадигму соответствующего югского глагола, являющегося русским заимствованием:

Коттский	Югский	Перевод
$hama?at^h a: k\eta$	$dil'ubitboaget$	"я=люблю=себя"
$hama?ant^h a: ku$	$gil'ubitboaget$	"ты=любишь=меня"
$hama?ant^h a: k$	$dil'ubitboaget$	"он=любит=меня"
$hama?ant^h a: k$	$dal'ubitboaget$	"она=любит=меня"
$hama?ant^h a: kano\eta$	$gil'ubitboagen$	"вы=любите=меня"
$hama?ant^h a: kan$	$dil'ubitboagen$	"они=любят=меня"
$hama?ut^h a: k\eta$	$dil'ubitkuaget$	"я=люблю=тебя"
$hama?at^h a: ku$	$gil'ubitkuaget$	"ты=любишь=себя"
$hama?ut^h a: k$	$dil'ubitkuaget$	"он=любит=тебя"
$hama?ut^h a: k$	$dal'ubitkuaget$	"она=любит=тебя"
$hama?ut^h a: kanto\eta$	$dil'ubitkuagen$	"мы=любим=тебя"
$hama?ut^h a: kan$	$dil'ubitkuagen$	"они=любят=тебя"
$hama?at^h a: k\eta$	$dil'ubitoaget$	"я=люблю=его"
$hama?at^h a: ku$	$gil'ubitoaget$	"ты=любишь=его"
$hama?at^h a: k$	$dil'ubitoaget$	"он=любит=его"
$hama?at^h a: k$	$dal'ubitoaget$	"она=любит=его"
$hama?at^h a: kanto\eta$	$dil'ubitoagen$	"мы=любим=его"
$hama?at^h a: kano\eta$	$gil'ubitoagen$	"вы=любите=его"
$hama?at^h a: kan$	$dil'ubitoagen$	"они=любят=его"

*hama?it ^h :kɲ	dil'ubituaget	"я=люблю=ее"
*hama?it ^h a:ku	gil'ubituaget	"ты=любишь=ее"
*hama?it ^h a:	dil'ubituaget	"он=любит=ее"
*hama?it ^h a:k	dal'ubituaget	"она=любит=ее"
*hama?it ^h a:kantɔŋ	dil'ubituagen	"мы=любим=ее"
*hama?it ^h a:kanɔŋ	gil'ubituagen	"вы=любите=ее"
*hama?it ^h a:kan	dil'ubituagen	"они=любят=ее"
hama?ont ^h a:kɲ	dil'ubitkanɲaget	"я=люблю=вас"
hama?ont ^h a:ku	gil'ubitdanɲaget	"ты=любишь=нас"
hama?ont ^h a:k	dil'ubitdanɲaget	"он=любит=нас"
hama?ont ^h a:k	dal'ubitdanɲaget	"она=любит=нас"
hama?ont ^h a:kantɔŋ	dil'ubitkanɲagen	"мы=любим=вас"
hama?ont ^h a:kanɔŋ	gil'ubitdanɲagen	"вы=любите=нас"
hama?ont ^h a:kan	dil'ubitdanɲagen	"они=любят=нас"
hama?ant ^h a:kɲ	dil'ubitonaget	"я=люблю=их"
hama?ant ^h a:ku	gil'ubitonaget	"ты=любишь=их"
hama?ant ^h a:k	dil'ubitonaget	"он=любит=их"
hama?ant ^h a:k	dal'ubitonaget	"она=любит=их"
hama?ant ^h a:kantɔŋ	dil'ubitonagen	"мы=любим=их"
hama?ant ^h a:kanɔŋ	gil'ubitonagen	"вы=любите=их"
hama?ant ^h a:kan	dil'ubitonagen	"они=любят=их"
hama?ant ^h olo:ku	gil'ubitboorget	"ты=любил=меня"
hama?ant ^h olo:k	dil'ubitboorget	"он=любил=меня"
hama?ant ^h olo:k	dal'ubitboorget	"она=любила=меня"
hama?ant ^h olo:kanɔŋ	gil'ubitboorgen	"вы=любили=меня"
hama?ant ^h olo:kan	dil'ubitboorgen	"они=любили=меня"
hama?ut ^h olo:kɲ	dil'ubitkuorget	"я=любил=тебя"
hama?ut ^h olo:k	dil'ubitkuorget	"он=любил=тебя"
hama?ut ^h olo:k	dal'ubitkuorget	"она=любила=тебя"
hama?ut ^h olo:kantɔŋ	dil'ubitkuorgen	"мы=любили=тебя"
hama?ut ^h olo:kan	dil'ubitkuorgen	"они=любили=тебя"
hama?at ^h olo:kɲ	dil'ubitoo:rget	"я=любил=его"
hama?at ^h olo:ku	gil'ubitoo:rget	"ты=любил=его"
hama?at ^h olo:k	dil'ubitoo:rget	"он=любил=его"

hama?at ^h olo:k	dal'ubitoo:rget	"она=любила=его"
hama?at ^h olo:kantog	dil'ubitoo:rgen	"мы=любили=его"
hama?at ^h olo:kanog	gil'ubitoo:rgen	"вы=любили=его"
hama?at ^h olo:kan	dil'ubitoo:rgen	"они=любили=его"

hama?ont ^h olo:ky	dil'ubitkano:rget	"я=любил=вас"
hama?ont ^h olo:ku	gil'ubitdano:rget	"ты=любил=нас"
hama?ont ^h olo:k	dil'ubitdano:rget	"он=любил=нас"
hama?ont ^h olo:k	dal'ubitdano:rget	"она=любила=нас"
hama?cnt ^h olo:kanog	gil'ubitdano:rgen	"вы=любили=нас"
hama?ont ^h olo:kantog	dil'ubitkano:rgen	"мы=любили=вас"
hama?ont ^h olo:kan	dil'ubitdano:rgen	"они=любили=нас"

hama?ant ^h olo:ky	dil'ubitogo:rget	"я=любил=их"
hama?ant ^h olo:ku	gil'ubitogo:rget	"ты=любил=их"
hama?ant ^h olo:k	dil'ubitogo:rget	"он=любил=их"
hama?ant ^h olo:k	dal'ubitogo:rget	"она=любила=их"
hama?ant ^h olo:kantog	dil'ubitogo:rgen	"мы=любили=их"
hama?ant ^h olo:kanog	gil'ubitogo:rgen	"вы=любили=их"
hama?ant ^h olo:kan	dil'ubitogo:rgen	"они=любили=их"

Из коттских глаголов, спрягающихся по этому типу, М.А. Кастреном зафиксированы следующие:

догнать: t^harila:t^ha:ky, *t^harila?at^ha:ky "догоняю=его=я", прет. t^harila:t^ho:lo:ky, имп. t^harila:t^ha:ldek, пасс. t^harila:t^ho:la:uki;

знить (огорчать): i:laqa:t^ha:ky "злю=его=я", прет. i:laqa:t^ho:lo:ky, имп. i:laqa:t^ha:ldek, пасс. i:laqa:t^ho:la:uki;

кормить (вскармливать): harajana:t^ha:ky, *harajana?at^ha:ky "кормлю=его=я", прет. harajana:t^ho:lo:ky, имп. harajana:t^ha:ldek, пасс. harajana:t^ho:la:uki;

любить: hama?at^ha:ky "люблю=его=я", прет. hama?at^ho:lo:ky, имп. hama?at^ha:ldek;

перевернуть (повернуть): e:pera:t^ha:ky, *e:pera?at^ha:ky "переверну=его=я", прет. e:pera:t^ho:lo:ky, имп. e:pera:t^ha:ldek, пасс. e:pera:t^ho:la:uki;

порицать: šama:t^ha:ky, šama?at^ha:ky "порицаю=его=я", прет. šama:t^ho:lo:ky, имп. šama:t^ha:ldek;

просить: $ha:ra:t^h a:ky$, * $ha:ra?at^h a:ky$ "прошу=его=я", прет. $ha:ra:t^h o:lo:ky$, имп. $ha:ra:t^h a:l\check{e}k$, пасс. $ha:ra:t^h ala:?uki$;
ругать: $pa:ga:ja:t^h a:ky$, * $pa:ka:ja?at^h a:ky$ "ругаю=его=я", прет. $pa:ga:ja:t^h o:lo:ky$, имп. $pa:ga:ja:t^h a:l\check{e}k$;
сбить с пути: $\check{s}u:je:ra:t^h a:ky$, * $\check{s}u:je:ra?at^h a:ky$ "сбиваю=его=с пути=я", прет. $\check{s}u:je:ra:t^h o:lo:ky$, имп. $\check{s}u:je:ra:t^h a:l\check{e}k$, пасс. $\check{s}u:je:ra:t^h cla:?uki$;

торопить: $hi\check{c}i:na:t^h a:ky$ (-ка) "тороплю=его=я", прет. $hi\check{c}i:na:t^h o:lo:ky$, имп. $hi\check{c}i:na:t^h a:l\check{e}k$;
угощать (гостя): $\check{c}a:ra:t^h a:ky$, * $\check{c}a:ra?at^h a:ky$ "угощаю=его=я", прет. $\check{c}a:ra:t^h o:lo:ky$, имп. $\check{c}a:ra:t^h a:l\check{e}k$, пасс. $\check{c}a:ra:t^h ola:?uki$;

хвалить: $bak:t^h i:ra:t^h a:ky$ "хваляю=его=я", прет. $bak:t^h i:ra:t^h o:lo:ky$, имп. $bak:t^h i:ra:t^h a:l\check{e}k$;

Особняком стоят следующие два глагола, имеющие несколько иную огласовку в формах прошедшего времени:

таять: $ult^h a:ky$ "таю=я", $ult^h a:x$ "таст=он/она", прет. $ult^h ona:ky$ "таял=я", $ult^h ona:x$ "таял=он/она";
топить (печь): $ha:ra:sa:ky$ "топлю=я", прет. $ha:ra:sa:ky$, имп. $ha:ra:l\check{e}k$.

О различном построении форм настоящего и прошедшего времени свидетельствуют парадигмы следующих двух коттских глаголов:

покрыть: $ha:sa:pt^h a:ky$ "покрываю=я", прет. $ha:sa:pt^h a:ky$, имп. $ha:l\check{e}k$;

вставать: $fa:ta:ga:ky$ "встаю=я", прет. $fa:ta:ga:ky$, имп. $fa:ta$.

Не исключено, что в отдельных случаях для парадигмы настоящего времени использовалась иная структурная модель, чем для парадигмы прошедшего времени, что нередко наблюдается и в кетско-югск й глагольной системе.

В последнем примере для форм прошедшего времени использована структурная модель $\sqrt{\quad} \text{---} aj \rightsquigarrow ej \rightsquigarrow gej$, получившая в глаголе коттского языка довольно широкое распространение. Строилась она для переходных и непереходных глаголов по тем же общим схемам, что и модель $\sqrt{\quad} \text{---} k$:

бросать: $ha:no:ja:ky$ "бросаю=я", прет. $ha:no:ja:ky$, имп. $ha:na:r\check{e}$, пасс. $ha:nora:gi$;

жевать (грызть): t^hamo:jaŋ "жуу=я", прет. t^hamo:lajaŋ,
имп. t^hama:lœ(i);

идти: eŋxe:jaŋ "иду=я", eŋxeu "идешь=ты", eŋxe:x
"идет=он/она", eŋxentŋ "идем=мы", eŋxetŋoŋ "идете=вы",
eŋxetn "идут=они", прет. eŋlaxe:jaŋ, имп. eŋlxeg;

изгонять: d'a:jaŋ, *ad'a:jaŋ "изгоняю=я", прет. d'o:-
najaŋ, имп. d'anœ, пасс. d'ona:ge;

класть: e:ŋtajaŋ "кладу=я", прет. e:ltajaŋ, имп. e:ltæ;

лизать: alu:pt^hagejaŋ "облизываю=я", прет. alu:pt^hala-
gejaŋ, имп. alu:pt^halgex;

носить(одежду): d'igät^hagejaŋ "ношу=я", прет. d'igät^ha-
lagejaŋ, имп. d'igät^hagex, пасс. d'igät^holagi;

отвязать: ŋuno:jaŋ "отвязываю=я", прет. ŋuno:lajaŋ,
имп. ŋuna:lœi, пасс. ŋunola:gi;

писать: eaŋo:jaŋ "пишу=я", прет. eaŋo:lajaŋ, имп.
eaŋa:lœ, пасс. eaŋo:lagi;

послать: t^ha:jaŋ, at^ha:jaŋ "пошлю=я", прет. t^ho:lajaŋ,
имп. t^ha:lœ, пасс. t^hola:gi;

починить (нем. bessern): ŋiŋo:jaŋ "починяю=я", прет.
ŋiŋo:lajaŋ, имп. ŋiŋa:lœ, пасс. ŋiŋo:lagi;

смеяться; ŋaka:jaŋ "смеюсь=я", прет. ŋako:lajaŋ, имп.
ŋaka:lœi;

спрашивать: t^ho:jaŋ "спрашиваю=я", прет. t^ho:lajaŋ,
имп. t^ha:lœ, пасс. t^hola:gi.

В качестве образца четко оформленной переходной модели
глаголов этого класса может служить парадигма глагола "по-
звать":

позвать: aŋa:?a:jaŋ "зову=его=я", прет. aŋa:?a:lajaŋ,
имп. aŋa:?a:lœ, пасс. aŋa:?a:lagi;

aŋa:?a:jaŋ	"зову=его=я"
aŋaŋa:n	"зовешь=меня=ты"
aŋaŋa:x	"зовет=меня=он/она"
aŋa:?a:?intŋ	"зовем=его=мы"
aŋaŋa:?intŋ	"зовете=меня=вы"
aŋaŋa:?in.	"зовут=меня=они"
aŋu:?a:jaŋ	"зову=тебя=я"
aŋoŋa:jaŋ	"зову=я=вас"
aŋaŋa:jaŋ	"зову=их=я"
aŋa:?a:lajaŋ	"звал=его=я"

ačara:lau "звал=меня=ты"

ači:a:lajaŋ "звал=тебя=я"

ačora:lajaŋ "звал=вас=я"

ačara:lajaŋ "звал=их=я"

формы императива:

ačara:lčex "позови меня!" ačora:lčex "позови нас!"

ača:ʔa:lčex "позови его!" ačara:lčex "позови их!"

Из других структурных моделей этого типа в глаголе котского языка выделяются следующие:

модель $\sqrt{\quad}$ --- ki:t:

вытереть (полотенцем): faŋoki:taŋ, *faŋo:ki:taŋ "вытираю=я", прет. faŋo:laki:taŋ, имп. faŋalki:t, пасс. faŋola:ki:t;

мазать (намазать): t^hačaki:taŋ "мажу=я", прет. t^hala:ki:taŋ, имп. t^halki:t, пасс. t^hala:ki:t;

топтать: šikŋ fo:ki:taŋ "топчу=я", прет. šikŋ fo:la:ki:taŋ, имп. šikŋ fo:lki:t, пасс. šikŋ fo:laki:t;

строгать: ago:ki:taŋ "строгаю=я"; прет. ago:laki:taŋ, имп. agalki:t, пасс. agola:ki:t;

модель $\sqrt{\quad}$ --- pa (j):

вычистить: o:paŋaŋ "вычищаю=я", прет. o:laraŋaŋ, имп. a:la, пасс. ola:pi;

заплатить: kit^hačaraŋaŋ "плачу=я", прет. kit^halaraŋaŋ, имп. kit^hala, пасс. kit^hala:pi;

обманывать (вводить в заблуждение): ara:t^hačaraŋaŋ "обманываю=его=я", прет. a:ra:t^halaraŋaŋ, имп. a:ra:t^hala, пасс. a:rut^hala:pi;

попробовать: ša:nt^hačaraŋaŋ "пробую=я", прет. ša:nt^halaraŋaŋ, имп. ša:nt^hala, пасс. ša:nt^hala:pi;

ранить: šeja a:paŋaŋ "раню=я", прет. šeja a:laraŋaŋ, имп. šeja a:la;

модель $\sqrt{\quad}$ --- pit:

доить: t^ho:pi:taŋ "дою=я", прет. t^ho:laritaŋ, имп. t^ha:lpit, пасс. t^hola:pit;

давить: hačaritaŋ "давлю=я", прет. huipitaŋ, имп. hipit, пасс. hala:pit;

модель $\sqrt{\quad}$ --- ši ~ šin:

огонь развести: hata:čiaŋ "развожу=я огонь", прет. hata:načiaŋ, имп. hata:nče(i), пасс. hatona:še(i);

- оторвать: šumašiaŋ "отрываю=я", прет. šumanašiaŋ, имп. šumanše, пасс. šumana:še(i);
- портить: haŋo:šinaŋ "портчу=я", прет. haŋo:lašinaŋ, имп. haŋalšen, пасс. haŋola:šen;
- скрести (царапать): eaŋo:šiaŋ "скребу=я", прет. eaŋo:lašiaŋ, имп. eaŋa:lše(i), пасс. eaŋola:ši(e);
- собирать (ягоду и т.д.): imašinaŋ "собираю=я", прет. imalašinaŋ, имп. imalšin, пасс. imala:šen;
- шить: falaŋo:šiaŋ "шью=я", прет. falaŋo:lašiaŋ, имп. falaŋa:lše(i), пасс. falaŋola:ši(e);
- модель $\sqrt{\text{---}} \text{ } \check{c}e \sim \check{c}i \sim \check{c}in$:
- втыкать: axta:šeaŋ "втыкаю=я", прет. axto:lašiaŋ, имп. axtalšex;
- потерять: ait^ho:šinaŋ "теряю=я", прет. ait^ho:lašinaŋ, имп. ait^ha:lšen, пасс. ait^hola:paš;
- починять (нем. flicken, bessern): ičant^ha:šeaŋ "починяю", прет. ičant^ho:lašeaŋ, имп. ičant^ha:lšex;
- резать: t^ho:po:šeaŋ "режу=я", прет. t^ho:po:rašeaŋ, имп. t^hona:ršex, пасс. t^honora:šex;
- тесать (обтесать): ha:raŋo:šeaŋ "обтесываю=я", прет. ha:raŋo:lašeaŋ, имп. ha:raŋa:lšex, пасс. ha:raŋola:šex;
- топтать: šikŋbašeaŋ "топчу=это=я", прет. šikŋbalašeaŋ, имп. šikŋgalšex, пасс. šikŋbala:šex;
- убивать: oga?a:šeaŋ "убиваю=его=я", прет. oga?a:lašeaŋ, имп. oga?a:lšex, пасс. ogala:šex.

Можно предполагать широкое распространение в коттском языке и других структурных разновидностей общей модели

$\sqrt{\text{---}}$ СК, хотя они не представлены в материалах М.А.Кастрена большим количеством примеров, например:

- модель $\sqrt{\text{---}} \text{ } t^hi$:
- сломать: akŋušt^hiaŋ "ломаю=я", прет. akŋult^hiaŋ, имп. akŋult^hi, пасс. aŋona:t^hi;
- модель $\sqrt{\text{---}} \text{ } ki$:
- мыть: uro:kiaŋ "мою=я", прет. uro:lakiaŋ, имп. uroalki(e), пасс. urola:ki;
- модель $\sqrt{\text{---}} \text{ } uk$:
- сеять: ašo:ʔukŋ "сею=я", прет. ašo:laʔukŋ, имп. ašalšuk, пасс. ašola:ʔuki;
- модель $\sqrt{\text{---}} \text{ } ik$:

толкать: ušikr "толкаю=я", прет. ulikr, имп. ulšik.

Модели типа $\sqrt{\text{---}}\sqrt{\text{---}}$

От вышеописанных разновидностей общей модели $\sqrt{\text{---}}\sqrt{\text{---}}$ СК мы склонны отличать в коттском языке модели типа $\sqrt{\text{---}}\sqrt{\text{---}}$, в которых представлена в первой части словоформы не служебная корневая морфема, а полнозначная, хотя в ряде случаев провести грань между служебными и неслужебными корневыми морфемами в структуре коттских глагольных словоформ не так просто, как представляется на первый взгляд. Так, морфемы $=t^hi=$, $=ki:t=$, $=ra(j)=$ и др., встречаясь в глаголах типа $a:t^hijaŋ$ "бью=я", $baraŋaŋ$ "делаю=это=я", $baŋitaŋ$ "тру=это=я", выступают в качестве семантической корневой морфемы простых глаголов, и, следовательно, должны бы и в составе глаголов со сложной основой рассматриваться как неслужебные морфемы. Тем не менее они определяются нами в последнем случае как служебные корневые морфемы, так как выступают в подобных примерах в целой группе глаголов, образуя устойчивый семантический ряд по типу так называемых полуаффиксов. В историческом плане глаголы модели $\sqrt{\text{---}}\sqrt{\text{---}}$ СК составляют единый тип с глаголами модели $\sqrt{\text{---}}\sqrt{\text{---}}$; лишь наметившаяся в глаголах модели $\sqrt{\text{---}}\sqrt{\text{---}}$ СК десемантизация второй корневой морфемы заставляет нас выделить их в особый тип.

Из зафиксированных М.А.Кастреном коттских глаголов к типу $\sqrt{\text{---}}\sqrt{\text{---}}$ можно, на наш взгляд, отнести следующие:

аргитить (кочевать): $ait^hašo:kr$ "кочую=я", прет. $ait^hlo:kr$, имп. $ait^halo:x$;

бить: $ašat^hatajaŋ$ "бью=его=я", прет. $aša:t^hu:rtajaŋ$, имп. $aša:tan$;

вылить: $atra:kr$ "выливаю=я", прет. $atriakr$, имп. $atiax$, пасс. $a^t ia:tax$;

ловить: $huto:ttaŋ$ "ловлю=я", прет. $hutoa:ttaŋ$, имп. $hute$;

мочить: $utote:raŋ$ "мочу=я", прет. $utorate:raŋ$, имп. $uta:rte:r$, пасс. $utora:te:r$;

напугать: $aša:ʔa:t^hakra$ "пугаю=его=я", прет. $aša:ʔuit^hakra$, имп. $aša:ʔait^haŋ$;

нырять: $hiltuo:t^hekr$ "ныряю=я", прет. $hiltuant^hekr$, имп. $hiltuo:n'ek$;

одеваться: а́alt^ho:ttaj "одеваюсь=я", прет. а́alt^hoai:ttaj, имп. а́alt^he;

открыть (вскрыть): у́ро:ttaj, *у́ро:ttaj "открываю=я", прет. у́ро:ttaj, имп. у́ре;

перевозить (на другой берег): t^hata: d'e:ginaj "перевожу=я", прет. t^hata: d'e:naginaj, имп. t^hata: d'e:nčín;

поднимать: а́ро:ʔičaj "поднимаю=я", прет. а́ро:raʔi-šaj, имп. а́ра:riš, пасс. а́ро:ra:gaš;

показать: halant^ho:ttaj "показываю=я", прет. halant^ho:attaj, имп. halant^he, пасс. halant^hola:pi;

покрываться: d'ugo:ttaj "покрываюсь=я", прет. d'ugo:ttaj, имп. d'egeš;

поставить: akfa:tekj "поставлю=я", прет. akfuittekj, имп. akfa:jek, пасс. akfuja:teki;

втыкать: u:ʔotekj "втыкаю=я", прет. u:antekj, имп. u:op'ek, пасс. u:ana:tek;

разрезать: tont^ha:tajaj "разрезаю=я", прет. tont^hu:rtajaj, имп. tont^ha:n, пасс. tont^hora:tai;

рассыпать: atte:šujaj "рассыпаю (рассеиваю)=я", прет. atte:luaj, имп. atte:lšu;

сны видеть: šamaifuit^ha:raj "вижу=я сны", прет. šamaifuit^holo:raj;

ступать: t^he:nfe:šukraj "ступаю=я", прет. t^he:nfe:rūkraj, имп. t^he:nfe:rčukj.

Общая схема построения переходных и непереходных словоформ этих глаголов полностью совпадает со схемой, приведенной выше для глаголов модели $\sqrt{\text{---}}$ СК. Приведем в качестве образца парадигму переходного глагола "пугать":

а́а:ʔa:t ^h akj	"пугаю=его=я"
а́аја:t ^h agu	"пугаешь=меня=ты"
а́аја:t ^h ax	"пугает=меня=он/она"
а́а:ʔa:t ^h agantoj	"пугаем=его=мы"
а́аја:t ^h aganoj	"пугаете=меня=вы"
а́аја:t ^h agan	"пугают=меня=они"
а́а:а:t ^h akj	"пугаю=тебя=я"
а́оја:t ^h akj	"пугаю=вас=я"
а́аја:t ^h akj	"пугаю=их=я"
а́а:ʔuit ^h akj	"пугал=его=я"
а́аʔuit ^h akj	"пугал=тебя=я"

aʃoʔuit ^h akɤ	"пугал=вас=я"
aʃaʔuit ^h akɤ	"пугал=их=я" и т.д.
aʃa:ʔait ^h ax	"пугай=его!"
aʃaʔ:ʔait ^h ax	"пугай=их!" и т.д.

М о д е л и   т и п а   P V --- √ *

Глагольные словоформы этих моделей образуются по общей схеме СК(PV)=B=K=ЧСд=Сб для непереходных глаголов и СК(PV)=Об=B=K=ЧСд=Сб для переходных глаголов (например, aʃt^ha:tajaɤ "бью=я" - непереходная словоформа, aʃat^ha:tajaɤ "бью=его=я" - переходная словоформа). По своей структуре они сходны с глаголами типа √---√, и иногда трудно провести различие между ними. Так, глагол alt^hatajaɤ "вынимаю (наружу)=я" (прет. alt^hu:rtajaɤ, имп. alt^ha:n, пасс. alt^hora:tai), возникший, видимо, из словосочетания al "наружу" (ср. кет. al, югск. эр, "наружу", кет. alga, югск. эргеј "снаружи") + t^hatajaɤ "вытащу" (< преверб t^ha + tajaɤ), следовало бы скорее рассматривать как глагол модели √---√, хотя, с другой стороны, если alt^ha рассматривать как сложный преверб, его можно бы отнести к глаголам модели P V --- √.

Другой пример: морфозаэлемент ʃ= не зафиксирован в роли преверба, однако, сравнивая глаголы aɤganaɤ "варю=я" (прет. alaɤganaɤ, имп. alaɤgan) и ʃaɤganaɤ "горю=я" или, может быть, "жгу=я"^{ЖК} (прет. ʃalaɤganaɤ, имп. ʃalaɤgan), его можно бы рассматривать как преверб.

Модели типа P V --- √ представлены в коттских материалах М.А.Кастрена следующими глаголами:

бить: aʃta:tajaɤ "бью=я", прет. aʃtu:rtajaɤ, имп. aʃta:n, пасс. aʃtora:tai;

* P V - Преверб (нем. Präverb, см. /Боуда 1937 : 52/).

ЖК Правда, во втором случае у М.А.Кастрена следовало бы ожидать немецкий перевод verbrennen вместо brennen; но у М.А.Кастрена встречаем еще глаголы hat akfa:teɤɤ "горю=я", "зажигаю=я", hataʃei "развести (зажечь) огонь", hata:ʃiaɤ "развожу (зажигаю)=я огонь".

братъ: fo:gaŋ "беру=я", прет. fora:gaŋ, имп. fa:raŋ,
пасс. fora:ga(i);

вернуться (повернуть обратно): ho:fiar "поворачиваю=я
обратно", прет. ho:lafiar, имп. halfi, пасс. hola:fi;

взвесить: fešta:jaŋ "взвешиваю=я", прет. felta:jaŋ,
имп. feltai;

взвесить: fo:ta:jaŋ "взвешиваю=я", прет. fo:lata:jaŋ,
имп. faltai, пасс. fo:la:tai;

видеть: t^ha:ŋar "вижу=я", прет. t^holo:ŋar, имп.
t^ha:lar, пасс. t^halari;

вить: fo:fu:jaŋ "вьжу=я", прет. fo:nafu:jaŋ, имп.
fanfui, пасс. fo:nafui;

гнуть: d'o:kiar "гну=я", прет. d'o:nakiar, имп.
d'anki, пасс. d'ona:ki;

делать (приготовлять /пищу/): t^ho:šinar "готовлю=я",
прет. t^ho:našinar, имп. t^hanšen/t^ha:nšen, пасс.
t^hona:šen;

достигать: ho:ttar "достигаю=я", прет. huittar, имп.
apu;

достигать: t^hašari:lar "добираюсь=я", прет. t^halari:lar,
имп. t^halpil, пасс. t^hala:pil;

закрывать: haš:rar "закрываю=я", прет. halaš:rar, имп.
halš:rp;

залезть (взобраться): he?u:tar "взбираюсь=я", прет.
he:na?u:tar, имп. he:nčut;

мотать (пряжу): fo:šagarar "мотаю=я", прет. fo:laša-
garar, имп. fa:lšagar, пасс. fala:šagar;

надеть: ho:šekŋ "надену=я", прет. ho:lašekŋ, имп.
halšek, пасс. ho:la:šek;

надеть: ho:šikŋ "надену=я", прет. ho:lašikŋ, имп.
halšik;

наряжаться: d'ašiar, *d'a:šiar "наряжаюсь=я", прет.
d'alaišiar, имп. d'alše(i);

обдирать: t^ha:ga:kŋ "обдираю=я", прет. t^ho:wa:kŋ, имп.
t^ha:nax, пасс. t^ho:na:ge;

отставать (нем. zurückbleiben): t^higa:jaŋ "отстаю=я",
прет. t^haliga:jaŋ, имп. t^haligai;

падать (слезать с ...): t^he:ginar "падаю=я", прет.
t^he:lagnar, имп. t^he:lin;

подпоясаться: fo:ta:kp, *fota:kp "подпоясываюсь=я",
прет. fo:nata:kp, имп. fantax;
покрыть: hači:kp (hači:gap) "покрываю=я", прет. hala-
čik, имп. halčik, пасс. hala:čik;
порвать: d'o:šiaḡ "рву=я", прет. d'o:lašiaḡ, имп.
d'a:lše(i), пасс. d'ola:še(i);
посылать: t^he:šujaḡ "пошляю=я", прет. t^he:lujaḡ,
имп. t^ha:lše;
преследовать (по следу): t^huḡure:jaḡ "преследую=я",
прет. t^hulupe:jaḡ, имп. t^hulupei;
приклеить: d'o?u:taḡ "приклеиваю=я", прет. d'o:na?u:-
taḡ, имп. d'a:nčut, d'ančut, пасс. d'ona:ʔut;
солить: d'āšt^hiaḡ "солю=я", прет. d'ālat^hiaḡ, имп.
d'ālt^hi, пасс. d'āla:t^hi;
сочувствовать (жалеть): he:šua:jaḡ "сочувствую=я", прет.
he:lua:jaḡ, имп. he:luaḡ;
стрелять: fo:teky "стреляю=я", прет. fuiteky, имп.
fajek, пасс. fuja:teki;
хлестать (бичом): d'o:t^hiaḡ "хлещу=я", прет. d'o:la-
t^hiaḡ, имп. d'alt^hi, пасс. d'ala:t^hi;
целиться: t^hašijaḡ "цельюсь=я", прет. t^halujaḡ, имп.
t^haluḡ.

В качестве образцов приведем парадигмы спряжения глаголов
"сочувствовать" и "повернуть обратно" (возвратиться):

he:šua:jaḡ	"сочувствую=я"
he:šua:ju	"сочувствуешь=ты"
he:šua:j(i)	"сочувствует=он/она"
he:šua:jantōḡ	"сочувствуем=мы"
he:šua:janōḡ	"сочувствуете=вы"
he:šua:jan	"сочувствуют=они"
he:lua:jaḡ	"сочувствовал=я"
he:lua:ju	"сочувствовал=ты"
he:lua:j(i)	"сочувствовала=он/она"
he:lua:jantōḡ	"сочувствовали=мы"
he:lua:janōḡ	"сочувствовали=вы"
he:lua:jan	"сочувствовали=они"
ho:fiāḡ	"возвращаюсь=я"

ho:fiu	"возвращаешься=ты"
ho:fi	"возвращается=он/она"
ho:finton	"возвращаемся=мы"
ho:finon	"возвращаетесь=вы"
ho:fi/hofinan	"возвращаются=они"
ho:lafiay	"возвращался=я"
ho:lafiu	"возвращался=ты"
ho:lafi	"возвращался=он/она"
ho:lafinton	"возвращались=мы"
ho:lafinon	"возвращались=вы"
ho:lafi/ho:lafinan	"возвращались=они"

М о д е л ь   т и п а   = $\sqrt{\quad}$ =

Коттские глаголы моделей типа = $\sqrt{\quad}$ = соответствуют кетско-югским простым глаголам с основой в конце слова (в коттском языке они предстают как глаголы с основой в конце слова только в 3-м лице единственного числа, так как у этих форм отсутствуют суффиксы, выражающие субъекта действия). Они могут быть подразделены на следующие структурные модели:

I. Модель переходно-непереходного типа, оформляющаяся по общей схеме В=К=ЧСд=Сб. Сюда можно отнести следующие коттские глаголы:

бить: a:t^hijay "бью=я", прет. a:nat^hijay, имп. a:nt^hi, пасс. ana:t^hi;

варить: aугanaay "варю=я", прет. alaугanaay, имп. alaугan;

качать: ou:naay "качаю=я", прет. o:lau:naay, имп. a:lčun;

класть: a:ttay "кладу=я", прет. ontay, имп. an'er;

клеить: fi:t o:ginaay "клею=я", прет. fi:t o:laginaay, имп. fi:t alčen/a:nčen, пасс. fi:t o:lagin/o:na:gin;

отпустить: a:še:taay "отпускаю=я", прет. onše:taay, имп. a:nše:t;

охотиться: a:pe:jaay "охочусь=я", прет. a:lape:jaay, имп. a:lpei, пасс. ala:pei;

перемешивать (мешать): ou:naay "мешаю=я", прет. onau:naay, имп. ančun, *a:nčun, пасс. onau:n;

нить: о:paд "пью=я", прет. ола:paд, имп. ал'сeр;
плести: о:fu:jaд "плету=я", прет. о:naфу:jaд, имп.
anfui, пасс. о:na:fui;
погасить: о:fiаd "погашу=я", прет. о:lafiаd, имп.
alfi, пасс. о:ia:fi;
привязать: о:jaд "привязываю=я", прет. о:la:jaд, имп.
о:laд, пасс. о:la:pe;
причесаться: о:šiaд "причесываюсь=я", прет. о:našiaд,
имп. a:nše, пасс. она:ši(e);
прыгать: а'што:кq "прыгаю=я", прет. alto:кq, имп.
altoх;
рожать: agejaд "рожаю=я", прет. anagejaд, имп. anei;
сверлить (крутить): ofu:laд "сверлю=я", прет. о:lafu:-
laд, о:naфу:laд, имп. alful, anful, пасс. ana:ful;
точить (на точилье): о:šalaд "точу=я", прет. о:naša-
laд, имп. anšal, пасс. она:šal;
угощать: а:šiaд "угощаю=я", прет. а:lašiaд, имп.
a:lše.

2. Модель переходного типа, оформляющаяся по общей схеме
Об=В=К=ЧСд=Сб. Как правило, сюда относятся глаголы, зафик-
сированные М.А.Кастрёном с объектным показателем вещного
класса b=:

делать: bapajaд "это=делаю=я", bape:ntаd "это=делаем=
мы", bape:tnоd "это=делаете=вы"; имп. ала, пасс.
bala:pe;

делать: bafutaд "делаю=это=я", прет. balafutaд, имп.
alfut, пасс. bala:futi;

держать: bafa:kq, *baga:kq "держу=я", прет. bala:kq,
имп. алах;

дуть: bafujaд "дую=я", bafu "дуешь=ты", bafu "дует=
сн/она", bafuntoд "дуем=мы", bafunoд "дуете=вы", bafu-
nan "дут=они"; прет. balafujaд, имп. alfu, пасс.
bala:fu;

хдять: bafo:taд "хду=это=я", прет. balafo:taд, имп.
alfo:t, пасс. ала:fo:t;

искать: bagi:taд, *bagitaд "ищу=я", balagi:taд имп.
alše:t, пасс. bala:git;

класть: ba:ttаd "кладу=это=я", прет. ma:ntаd, имп.
an'ep, *an'e:p, пасс. an'e:panоd;

клевать (толкать): bat^hiaŋ "клюю=я", прет. manat^hiaŋ,
имп. ant^hi(e);

кровать: baša?u:čaŋ "крою=это=я", прет. bala?u:čaŋ,
имп. ala?uš, пасс. bala:?uš;

найти: barukŋ "найду=я", прет. ma:trukŋ;

расколоть: battajaŋ "это=расколю=я", прет. barttajaŋ,
имп. arta, пасс. baro:ua;

скоблить (чистить): baše:raŋ "скоблю=я", прет. bala-
še:raŋ, имп. alšer, пасс. bala:še:r;

сосать: ba?u:taŋ "сосу=это=я", прет. bala?u:taŋ, имп.
alšut, пасс. bala:?ut;

тереть: bašerəŋ "тру=это=я", прет. balašerəŋ, имп.
alšer, пасс. balašerə(i);

тереть: baki:taŋ, *bakitaŋ "тру=это=я", прет. bala-
ki:taŋ, имп. alki:t, пасс. bala:ki:t;

трясти: bat^haraŋ "трясу=я", прет. balat^haraŋ, имп.
alt^har, пасс. bala:t^har;

тянуть: barujaŋ "это=тяну=я", прет. buirujaŋ, имп.
igi, пасс. buja:pui.

3. Модель непереходного типа, оформляющаяся по общей схе-
ме Сб=В=К=ЧСд=Сб. Среди глаголов этой модели можно выделить
несколько подтипов.

В первый подтип нами включены глаголы, имеющие в своих
словоформах настоящего времени инициальный показатель d',
который можно рассматривать в качестве субъектного, дубли-
рующего субъектные показатели в исходе соответствующих сло-
воформ. Факты коттского языка типа d'arijaŋ "созреваю=я"
- vari "это=созревает" позволяют заключить, что показатель
d' указывал на одушевленного субъекта действия или состоя-
ния в отличие от неодушевленного, который мог в начале гла-
гольной словоформы обозначаться показателем вещного класса
b=*. С этой точки зрения не понятны приведенные М.А.Кастре-
ном параллельные формы d'agejaŋ "гнию=я" - ba:gejaŋ
"гнию=я", которые исключают друг друга. Форма ba:gejaŋ
оправдана лишь, если она обозначает не "я=гнию", а "я=делаю
это=гнилым". Обобщенный субъектный показатель одушевленного
класса d' не указывал на различия в лице, за исключением

---

* Такое толкование допускается нами и в отношении стоящего
особняком глагола be:gara: "течет=это" - be:ləgara: "тек-
ло=это".

тех случаев, когда 1-е и 2-е лицо выражалось специальными показателями в начале словоформы, а 3-е лицо - показателем d'=. Параллельные формы типа d'a:felaŋ "я=расту" - iŋe:laŋ "я=расту" при d'afel "он/она=растет" в том и другом случае только подтверждают высказанное предположение о характере субъектного показателя d'=. Он может, таким образом, восходить к состоянию, когда выражалось не лицо носителя действия или состояние, а его классная характеристика.

К первому подтипу нами отнесены следующие глаголы:

войти: d'ʔso:kŋ, *d'ʔs:kŋ "вхожу=я", прет. i:so:kŋ, имп. i:sox;

гнить: d'agejaŋ "гнию=я", прет. ara:gejaŋ, имп. aregeu;

гремять (громом): d'at^heŋaŋ, *d'at^heŋaŋ "гремлю=я", прет. ala^heŋaŋ, имп. alt^heŋ;

гребти (веслом): d'ʔgi:čaŋ, *d'ʔagi:čaŋ "гребу=я", прет. alaŋi:čaŋ, имп. alciŋ;

жить (сидеть): d'aujaŋ "живу=я", прет. alaujaŋ, имп. al'ek;

лягать: d'ʔsaŋaŋ, d'ʔsaŋaŋ "ляю=я", прет. alʔsaŋaŋ, имп. al'saŋ;

плыть (вниз по течению): d'ʔsa:kŋaŋ "плыву=я", прет. alʔsa:kŋaŋ, имп. al'sa:kŋ;

расти: d'a:felaŋ "расту=я", прет. alife:laŋ, имп. alfe:l;

сказать: d'ʔsa:gaŋaŋ, d'ʔsa:gaŋaŋ "скажу=я", прет. alʔsa:gaŋaŋ, имп. al'sa:gaŋ, пасс. ala:sa:gaŋ;

созревать: d'apijaŋ "созреваю=я", прет. anapijaŋ, имп. anpi;

созревать: bari "это=созревает", прет. manapi;

стоять: d'ʔatekŋ, d'ʔatekŋ, d'ʔatekaŋ "стою=я", прет. alatekŋ (=kaŋ), имп. altek;

умирать: d'axajaŋ "умираю=я", прет. d'axontaŋ, "умираем=мы, прет. onxajaŋ, имп. anxa.

В качестве образца приведем парадигму спряжения глагола "умирать":

d'axajaŋ	"умираю=я"	onxajaŋ	"умер=я"
d'axau	"умираешь=ты"	onxau	"умер=ты"
d'axax	"умирает=он/она"	onxax	"умер=он"

d'axontoj	"умираем=мы"	oxxontoj	"умерли=мы"
d'axotnoj	"умираете=вы"	oxxotnoj	"умерли=вы"
d'axotn	"умирают=они"	oxxotn	"умерли=они"

В особый подтип следует выделить небольшую группу коттских глаголов, которые в отличие от предыдущего подтипа обнаруживают в формах множественного числа осложнение корневой основы. У глаголов "плакать" (d'äçe:naɣ "я=плачу", d'äçe:naɣ=antoj "мы=плачем", alaɣenaɣ "я=плакал", alɣen "плачь!", aläçe:naɣantoj "плачьте!"), "высыхать" (d'äši:galaj "я=высыхаю", d'äši:galajantoj "мы=высыхаем", üši:galaj "я=высох") основа осложняется, как можно предполагать, за счет показателя множественного числа =aɣ=, а у глагола "спать" ("лежать") за счет морфоэлемента =naɣ=, рассматриваемого М.А.Кастреном как дополнительный инфикс; сравним формы единственного и множественного числа этого глагола:

d'a:taɣ	"я=сплю"	ala:taɣ	"я=спал"
d'a:tu	"ты=спишь"	ala:tu	"ты=спал"
d'a:t	"он/она=спит"	ala:t	"он/она=спал"
d'atamantoj	"мы=спим"	alatamantoj	"мы=спали"
d'atamanoj	"вы=спите"	alatamanoj	"вы=спали"
d'ataman	"они=спят"	alataman	"они=спали"

Формы императива: alat "спи!", alatnoj "спите!".

Следующий подтип характеризуется тем, что в препозиции представлен еще один ряд субъектных показателей с дифференциацией по лицам и числам; общая же схема построения словоформы у глаголов данного подтипа не отличается от предыдущей (Сб=В=К=ЧСд=Сб)*. М.А.Кастрен привел следующие парадигмы спряжения этих глаголов:

1) рождаться:

igejaɣ	"я=рождаюсь"	anigejaɣ	"я=родился"
igeju	"ты=родишься"	anigeju	"ты=родился"
d'a:gei	"он/она=рождается"	ana:gei	"он=родился"
oɣejantoj	"мы=рождаемся"	anoɣejantoj	"мы=родились"
oɣejanoj	"вы=рождаетесь"	anoɣejanoj	"вы=родились"
d'a:ɳei	"они=рождаются"	ana:ɳei	"они=родились"
императив:	anigei "родись!",	anoɣejanoj	"родитесь!"

2) сесть:

i:ɣpanaɣ	"я=сяду"	ani:ɣpanaɣ	"я=сел"
i:ɣɣɳu	"ты=сядешь"	ani:ɣpanu	"ты=сел"

* В формах прошедшего времени реализуется модель В=Сб=К=ЧСд=Сб.

d'aurap	"он/она=сядет"	anaurap	"он/она=сел"
omraptoŋ	"мы=сядем"	anomraptoŋ	"мы=сели"
omratnoŋ	"вы=сядете"	anomratnoŋ	"вы=сели"
d'aumratn	"они=сядут"	anaumratn	"они=сели"

императив: ani:graŋ "сядь!", anomratnoŋ "сядьте!".

3) уйти:

ijaj	"я=уйду"	u:ijaj	"я=ушел"
ijau	"ты=уйдешь"	u:ijau	"ты=ушел"
d'a:ga	"он/она=уйдет"	u:ija:ga	"он=ушел"
oŋatoŋ	"мы=уйдем"	u:joŋatoŋ	"мы=ушли"
oŋoŋ	"вы=уйдете"	u:joŋoŋoŋ	"вы=ушли"
d'a:pa	"они=уйдут"	u:ija:pa	"они=ушли"

императив: aŋu "уйди!", oŋoŋ "уйдите!".

4) идти:

i:naŋ	"я=иду"	aligi:naŋ	"я=шел"
i:nu	"ты=идешь"	aligi:nu	"ты=шел"
d'ai:ni (d'ai:ni)	"он/она=идет"	ala:gin	"он/она=шел"
oŋintoŋ	"мы=идем"	alonoŋtoŋ	"мы=шли"
oŋinoŋ	"вы=идете"	alonoŋoŋ	"вы=шли"
d'a:ŋin	"они=идут"	ala:gin	"они=шли"

императив: alta "иди!", oŋinoŋ "идите!".

5) лечь:

ite:naŋ	"я=лягу"	alte:naŋ	"я=ложился"
ite:nu	"ты=ляжешь"	alte:nu	"ты=ложился"
d'ä:te:n	"он/она=ляжет"	ala:te:n	"он=ложился"
onte:naŋantoŋ	"мы=ляжем"	alonte:naŋantoŋ	"мы=ложились"
onte:naŋanoŋ	"вы=ляжете"	alonte:naŋanoŋ	"вы=ложились"
d'änte:naŋan	"они=лягут"	alante:naŋan	"они=ложились"

императив: alte:n "ляг!", alonte:naŋanoŋ "лягте!".

6) приходиться:

itc:jaŋ	"я=прихожу"	haito:jaŋ	"я=пришел"
itou	"ты=приходишь"	haitou	"ты=пришел"
d'a:ta	"он/она=приходит"	hia:ta	"он/она=пришел"
oŋaitoŋ	"мы=приходим"	hioŋaitoŋ	"мы=пришли"
oŋajoŋ	"вы=приходите"	hioŋajoŋ	"вы=пришли"
d'a:ŋai	"они=приходят"	hia:ŋai	"они=пришли"

императив: ota "приходи!", oŋajoŋ "приходите!".

7) прыгать:

it ^h akŋ	"я=прыгаю"	ant ^h akŋ	"я=прыгнул"
---------------------	------------	----------------------	-------------

it ^h agu	"ты=прыгаеш"	ant ^h agu	"ты=прыгнул"
d'a:t ^h ax	"он/она=прыгае"	ana:t ^h ax	"он=прыгнул"
ont ^h agantop	"мы=прыгаем"	anont ^h agantop	"мы=прыгнули"
ont ^h aganop	"вы=прыгаеце"	anont ^h aganop	"вы=прыгнули"
d'a:ntax	"они=прыгаюць"	ana:t ^h ax	"они=прыгнулі"
императив:	ant ^h ax "прыгни!", ant ^h aganop		"прыгніце!".

8) возвратиться:

ika:jaŋ	"я=возвращусь"	anika:jaŋ	"я=возвратился"
ika:ju	"ты=возвратишься"	anika:ju	"ты=возвратился"
d'a:kai	"он/она=возвратится"	ana:kai	"он=возвратился"
onka:jaŋtop	"мы=возвратимся"	anonka:jaŋtop	"мы=возвратились"
onka:janop	"вы=возвратитесь"	anonka:janop	"вы=возвратились"
d'a:nkai	"они=возвратятся"	ana:nkai	"они=возвратились"
императив:	anikai "возвратись!", anonka:janop		"возвратитесь!".

Очевидно, по этой модели спрягались и другие глаголы. Полагаем, что сюда следует отнести из зафиксированных глаголов глагол *ife:laŋ* "расту=я" (*d'afel* "он/она=растет", *alife:=laŋ* "я=рос", *afe:l* "расти!"), который, как уже отмечалось, мог оформить свои словоформы и по другому типу (ср. *d'afe:laŋ* "расту=я").

У некоторых глаголов этого подтипа вместо субъектных префиксов, дублирующих субъектные суффиксы, появляются субъектные инфиксы, причем более последовательно в формах множественного числа:

1) уносить:

pe:t'aŋ/pe:tiaŋ	"я=унесу"	pe:tuijaŋ	"я=унес"
pe:t'au/pe:tiau	"ты=унесешь"	pe:tuijaŋ	"ты=унес"
pete:ga	"он/она=унесет"	pe:tuija:ga	"он=унес"
petoŋatop	"мы=унесем"	pe:tuijoŋatop	"мы=унесли"
petoŋop	"вы=унесете"	pe:tuijoŋop	"вы=унесли"
pete:ŋa	"они=унесут"	pe:tuija:ŋa	"они=унесли"
императив:	pe:tɲu "унеси!", pe:tɲoŋop		"унесите!".

2) давать:

hipe:naŋ	"я=даю"	hihipe:naŋ	"я=давал"
hipe:nu	"ты=даешь"	hihipe:nu	"ты=давал"
hi:pe:n	"он=дает"	hihi:pe:n	"он=давал"
hiompe:ntop	"мы=даем"	hihiompe:ntop	"мы=давали"
hiompe:ncɲ (=pe:tɲɲ)	"вы=даете"	hihiompe:ncɲ	"вы=давали"

hiampe:n "они=дают" hilampe:n "они=давали"

императив: hil'en "давай!", hil'enoŋ "давайте!".

И, наконец, следует указать еще на один подтип глаголов рассматриваемой модели, у которых показатели лица субъекта и видо-временные показатели инфигированы вовнутрь прерывной основы. У М.А.Кастрена находим следующие глаголы этой группы:

1) забывать:

e:neŋiŋe	"я=забываю"	e:niŋiŋe	"я=забыл"
e:niŋiŋe	"ты=забываешь"	e:ni?iŋe	"ты=забыл"
e:na?aiŋe	"он=забывает"	e:nauiŋe	"он=забыл"
enoŋaiŋe	"мы=забываем"	enoŋuiŋe	"мы=забыли"
enoŋaiŋe	"вы=забываете"	enoŋuiŋe	"вы=забыли"
enaŋaiŋe	"они=забывают"	enaŋuiŋe	"они=забыли"

императив: enuiŋe "забуди!", enoŋaiŋe "забудьте!".

2) жаждать (хотеть пить):

ulapaŋai	"я=хочу пить"
ulipuiŋai	"ты=хочешь пить"
ulapa?ai	"он=хочет пить"
ulapoŋai	"мы=хотим пить"
ulapoŋai	"вы=хотите пить"
ulapaŋai	"они=хотят пить"

ulapo: hala?utaŋ	"я=хотел пить"
ulapo: hala?utu	"ты=хотел пить"
ulapo: hala?ut	"он=хотел пить"
ulapo: halautntoŋ	"мы=хотели пить"
ulapo: halautnoŋ	"вы=хотели пить"
ulapo: halautn	"они=хотели пить"

3) хотеть спать:

uŋa: galaŋai	"я=хочу спать"
uŋa: galu?ai	"ты=хочешь спать"
uŋa: gala?ai	"он=хочет спать"
uŋa: galoŋai	"мы=хотим спать"
uŋa: galoŋai	"вы=хотите спать"
uŋa: galaŋai	"они=хотят спать"

uŋo: hala?utan	"я=хотел спать"
uŋo: hala?utu	"ты=хотел спать"
uŋo: hala?ut	"он=хотел спать"
uŋo: halautntoŋ	"мы=хотели спать"
uŋo: halautnoŋ	"вы=хотели спать"

и́со: halautn "они=хотели спать"

4) перевезти (на другой берег):

t^hateŋ a:t^ha "я=перевожу"

t^hatu a:t^ha "ты=перевозишь"

t^hata a:t^ha "он=перевозит"

t^hatoŋ a:t^ha "мы=перевозим"

t^hatoŋ a:t^ha "вы=перевозите"

t^hataŋ a:t^ha "они=перевозят"

t^hateŋ a:lat^ha "я=перевозил"

t^hatu a:lat^ha "ты=перевозил"

t^hata a:lat^ha "он=перевозил"

t^hatoŋ a:lat^ha "мы=перевозили"

t^hatoŋ a:lat^ha "вы=перевозили"

t^hataŋ a:lat^ha "они=перевозили"

императив: t^hatu a:lt^ha "перевези!", t^hatoŋ a:lt^ha
"перевезите!".

Заканчивая обзор структурных типов коттских глаголов, необходимо еще остановиться на некоторых аналитических глагольных формах, которые для кетского языка определялись Е.А.Крейновичем /Крейнович 1968 : 97/ как составные глаголы (кстати, Е.А.Крейнович впервые указал на наличие и в коттском языке составных глаголов /Крейнович 1968 : 98, 219/).

Кетские составные глаголы рассматривались Е.А.Крейновичем как ступень в развитии сложных глаголов. Он предполагал, что кетские аналитические формы типа a'tatij boYot'n' "я=стыжусь" вначале употреблялись в прямом смысле "к стыду я иду" (s'tatij "стыд" + boYot'n' "я=иду"); но постепенно полнозначный глагол в таких словосочетаниях десемантизировался и превращался в служебный, хотя в самостоятельном употреблении продолжал выступать как обычный полнозначный глагол, например: qorun boYot'n', bap' boYot'n' "я=боюсь, я не пойду" /Крейнович 1968 : 98/.

В коттском языке наблюдается аналогичная ситуация: глаголы fo:gaŋ "беру=я" (fo:gaŋ "брал=я", fa:raŋ "бери!"), a:ttaŋ "положу (сделаю)=я", battaŋ "положу (сделаю)=это=я" (ma:ntaŋ "положил=я=это", an'ar "положи!" "сделай!"), e:štajaŋ "кладу=я" (e:ltajaŋ "клал=я", elta "клади!") десемантизируются, когда выступают в составе аналитических глагольных форм, ср. следующие примеры:

1) šilpaŋ 'o:gaŋ "лето провожу=я", ke:te fo:gaŋ "зиму провожу=я" и т.д.

2) d'ekrai e:štajaŋ "глотаю=я", kalpi e:štajaŋ "хороню=я", pulai e:štajaŋ "треножу (коня)=я";

3) e:seraja a:ttajaŋ "напою=я", haipičapa:ja a:ttajaŋ "рассержусь=я", t^heg^a a:ttajaŋ "опрокидываю=я", d'a:na:pa a:ttajaŋ "обменяю=я";

4) hukai ba:ttajaŋ "грею=это=я", šigalai ba:ttajaŋ "сущу=это=я", šurumai ba:ttajaŋ "покрашу=это=я", t^he:g ba:ttajaŋ "опрокину=это=я", t^he:gama: ba:ttajaŋ "белю=это=я", d'ekrai ba:ttajaŋ "проглочу=я=это", pigai ba:ttajaŋ "пожарю=я=это".

По данному принципу построены и следующие аналитические формы: šiku fo:ki:taŋ "топчу=я", šiku ba:šeaŋ "топчу=это=я", fi:t o:gi:naŋ "клею=я", fi:t u:fo:teku (d'ššo:ku) "спрячусь=я", he:jaŋo: ha:ša?utaŋ "ехать хочу=я", patia ha:ša?utaŋ "принести хочу=я", fa:go: ha:ša?utaŋ "взять хочу=я" и т.д.

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ КОТТСКИХ ГЛАГОЛОВ

Выделение именных форм глагола в традиционном их понимании - инфинитив, причастия, деепричастия - оказалось в отношении енисейских языков проблематичным /Дульзон 1968 : 140/. В лучшем случае исследователями енисейских языков условно выделяется инфинитив, под которым понимались все возможные именные формы глагола /Успенский 1968 : 205/. Относительно коттского языка М.А.Кастрен отметил, что основа глагола представлена глагольным именем (*Nomen verbale*), которое выступает одновременно как инфинитив, причастие и императив /Кастрен 1855 : 104/. Но в действительности ситуация несколько сложнее, о чем свидетельствуют вышерассмотренные типы глагольных основ. Нам представляется, что для коттского языка можно в целом принять определение инфинитива, сформулированное Э.И.Велимовым для кетского языка: "Под инфинитивом в кетском языке мы понимаем особое глагольное слово, обладающее значением имени действия и не имеющее в своем составе показателей времени, лица и числа субъекта действия" /Велимов 1973 : 5/. В соответствии с этим определением следует,

например, при анализе форм глагола "строгать" - $ago:ki:ta\eta$ "я строгаю", $agolaki:ta\eta$ "строгал", $agalkit$ "строгай" и т.д. вычленить в качестве инфинитива форму $axki:t \sim agki:t$ "строгать; строгание" /Кастрен 1858 : 196/ $a:x \sim ag$ "лес" + $ki:t$ -- глагольная корневая основа, обозначающая движения, производимые на поверхности какого-либо предмета (ср. $ba-ki:t=at\eta$ "это=тру=я"). Очевидно, в коттском языке инфинитив можно было легко получить в сочетании с $karak$ "надо; необходимо", например, $afu\ karak$ "звать надо (необходимо)", ср. нем. перевод у М.А.Кастрена: "*man muss schmieden*" (Schmieden ist notwendig). Кроме того, аналогично фактам кетского языка /Поленова 1983 : 129-137/, инфинитив мог в коттском языке выступать в роли предикатного актанта при глаголах определенных смысловых групп, например: $t^henta\ ma:ntta\eta$ "я=положил варить"*^ж, $a\acute{e}pot\ d'illo:ky$ "я=приказал бодрствовать" или "бодрствовать приказал=я", $a\acute{e}a\eta$ $apara:ja:ky$ "думаю охотиться (поохотиться)", $falan\acute{e}\ apa\eta=aja:ky$ "думаю шить (пошить)", $\acute{e}odio\ apa\eta\ ajak\eta$ "думаю работать (поработать) /Кастрен 1858 : 104-105/. Легче всего инфинитив можно вычленить в тех случаях, когда глагольная основа представлена непрерывной корневой морфемой, например, $\acute{e}aka:ja\eta$ "смеюсь", $\acute{e}ako:laja\eta$ "я=смеялся" и т.д., где вычленяется основа $\acute{e}ak = \sim \acute{e}ake$ "смех, смеяться". Гораздо сложнее это сделать у глаголов с прерывными основами: у них сочетание морфем, входящих в основу, не всегда представлено как самостоятельное имя действия типа $axki:t$ "строгание". Чаще соответствующее имя действия или инфинитив, представленный в коттском словаре М.А.Кастрена, не включает в себя все составляющие компоненты глагольной основы, сравним: ait^hox "аргиш; аргить", но $ait^hoga:ky \sim ait^ha\acute{o}:ky$ "я=аргишу", $ait^holo:ky$ "я=аргишил" - основа ait^hog --- k ; $agat$ "рубка (леса); рубить (лес)", но $agat^ha:ky < agat^ha:ky$ "я=рублю (лес)", $agat^holo:ky < agat^holo:ky$ "я=рубил (лес)" - основа $agatt^h$ --- k ; $a\acute{e}uk$ "бить; битье", но $a\acute{e}ta:taja\eta$

* У М.А.Кастрена ошибочно дан перевод "он положил варить" ("*er legte zu kochen*"), "он приказал бодрствовать" ("*er befahl zu wachen*").

"обю", aštu:rtajaŋ "я=бил" - основа ašt --- taj; a:ruri "обман; обманывать", но a:ra:t^hačarajaŋ "я=обманываю", a:ra:t^halərajaŋ "я=обманывал" - основа a:ra:t^h --- pa. В последних двух примерах в структуре финитных глагольных форм появляются строевые элементы, которые в соответствующей глагольной основе (инфинитиве) вообще отсутствуют. Особого внимания в данном случае заслуживают образования на =ri: ša:ri "проба (на вкус); пробовать (на вкус)", kiri "оплата; оплатить", hari "торговля; торговать", šeiri "ранение; ранить", širi "очищение; очищать", а также, видимо, širei "охота; охотиться", t^harei "преследование; преследовать". Сравнение парадигм сложных глаголов на =bät (кетский язык), =bet' (югский язык) и =pa (коттский язык) позволяет заключить, что морфоэлемент =ri в вышеприведенных словах восходит к pa ~ rei "делать", и, следовательно, коттские имена действия на =ri соответствуют кетским и югским на =bät, =bet' типа кет. ilbät, югск. ilbet' "ломать; сломанный"; кет. anibät, югск. anibet' "думать; думающий"; кет. al'bät, югск. arbet' "обман; обманывать; обманывающий" (ср. кот. a:ruri "обманывать; обман") и т.д. Обращает на себя внимание сходство парадигм спряжения глагола "делать" в коттском, югском и кетском языках, ср.:

Коттский	Югский	Кетский (бак.)	
ba=pa=j=aŋ*	di=b=bət'	di=b=bət	"я=это=делаю"
ba=pa=u	ku=b=bət'	ku=b=bət	"ты=это=делаешь"
be=pa=x>**	du=b=bət'	du=b=bət	"он=это=делает"

* Коттскую форму следует буквально переводить: "это=делаю=я".

** На наличие звука "х" в форме 3-го лица единственного числа указано М.А.Кастреном /Кастрен 1956 : II7/, но это не показатель 3-го лица единственного числа, а исчезнувший в других формах конечный согласный восстанавливаемого морфоэлемента =рах, который входил составной частью в основу глагола со значением "делать". Коттские формы множественного числа приводимого глагола позволяют восстановить исходную основу брахэт, отсутствующую в югском в be:t'.⁴ с четвертым слоговым тоном. Однако формы севернокетского и среднекетского диалек-

ba=paх=	da=b=be t'	da=b=bet	"она=это=делает"
ba=pe:n=taḡ	di=b=bet'n	di=b=betin	"мы=это=делаем"
ba=pe:tn=oḡ	ku=b=be t'n	ku=b=betin	"вы=это=делаете"
ba=pe:tn=	du=b=bet'n	du=b=betin	"они=это=делают"
ba=la=pa=j=aḡ	di=b=i:r=get'	=b:i:l'=i=bet	"я=это=делал"
ba=la=pa=u	gi=b=i:r=get'	=b:i:l'=i=Yit	"ты=это=делал"
ba=la=paх=	di=b=i:r=get'	=b:i:l'=i=bet	"он=это=делал"
ba=la=paх=	da=b=i:r=get'	da=b:i:l'=i=bet	"она=это=делала"
ba=la=pe:n=toḡ	di=b=i:r=get'n	=b:i:l'=a=Y=itn	"мы=это=делали"
ba=la=pe:tn=oḡ	gi=b=i:r=get'n	=b:i:l'=a=Y=itn	"вы=это=делали"
ba=la=pe:tn=	di=b=i:r=get'n	=b:i:l'=a=Y=itn	"они=это=делали"

Коттские варианты paх <pa?, pei*** pi глагола "делать", представленные в формах единственного числа, напоминают фо-

ЖЖ тов be:r'i, be:də позволяют реконструировать исходную форму этой глагольной основы в виде *beḡad'ə, что подтверждает ранее высказанное нами предположение об исторических звуковых преобразованиях в кетских и югских словах с 4-м слоговым тоном /Вернер 1976 : 37-38/, а именно: *beḡad'ə > *be?əd'ə > be:də. В приведенной же коттской парадигме в формах единственного числа представлена основа paх <pa?, а в формах множественного числа - pe:t= (в форме I-го лица **множ. числа =t=** основы выпало в силу диссимилятивного воздействия начального **t=** показателе субъекта =toḡ).

ЖЖЖ Ср. например, кот. i:taḡrajaḡ "я=измеряю" (букв. "делаю измерение"), но: i:taḡpeiḡi "мера", где вычленяется морфема =pei=, представляющая собой форму родительного падежа от pe/pi.

негические варианты *bät, vät, vet, vit* этого же глагола в кетском языке, например, *qot=ba=tis'=vät* "мне=даст=он=дорогу", *don=s'i=vit* "нож=я=делаю", *don=l'i=vit* "нож=я=делал".

Коттские формы *bari* "это зреет", *małari* "это=созрело" /Кастрен 1858 : 118/ не противоречат нашей интерпретации морфоэлемента *-ri*, так как они должны фактически переводиться как "это делается (становится) само по себе", "это сделалось (стало) само по себе" и точно соответствуют кетским образованиям типа *l'ovät bimbat* "работа делается". Ср. кот. *d'ari=jaž* "я делаюсь (становлюсь) зрелым", где в инициальной позиции исчез показатель класса вещей *ba=* и появился показатель невещного класса *d'a=*.

Сходная картина обнаруживается при анализе коттских именных глагольных форм на *-t^{hi}*, например, *d'at^{hi}* "хлестать; хлестание", *d'aät^{hi}* "солить; соление; засолка", *šit^{hi}* "бить; битье", *šeti(e)* "толкать", "хлопать; хлопанье (птиц)", *agant^{hi}* "делить; деление". Полагаем, что морфоэлемент *-t^{hi}* восходит к глаголу со значением "бить", а соответствующие имена действия напоминают кетско-югские образования типа сул. *dontät* "колоть ножом" (букв.: "бить ножом"), *solomtät* "толкать", *uštät* "расколоть", *attät* "дробить кости" и т.д. /Крейнович 1968 : 158/. В качестве дальнейших аргументов в пользу данного предположения сравним спряжение глагола "бить" в коттском, югском и кетском языках. Из коттского языка нами берутся для сравнения парадигмы глаголов "бить" /Кастрен 1858 : 118/ и "толкать, клевать" /Кастрен 1858 : 121/, которые, на наш взгляд, являются одним и тем же глаголом "бить", но с различными объектными показателями: в первом случае *a=* (показатель мужского класса), а во втором *ba=* (показатель вещного класса); они приводятся нами как единая парадигма (формы, восстановленные нами, помечены звездочкой впереди):

Коттский	Югский	Кетский	
<i>a:t^{hi}jaž</i>	<i>dijačet'</i>	сул. <i>diYätät</i>	"бью=его"
<i>bat^{hi}jaž</i>	<i>di:ptet'</i>	<i>diptät</i>	"бью=это"
* <i>iat^{hi}jaž</i>	<i>dijtet'</i>	<i>di:tät</i>	"бью=ее"
* <i>uat^{hi}jaž</i>	<i>di:ktet'</i>	<i>di:ktät</i>	"бью=тебя"
* <i>ağat^{hi}jaž</i>	<i>dağatet'</i>	<i>dağatät</i>	"бью=их"
* <i>oğat^{hi}jaž</i>	<i>digaņtet'</i>	<i>diYąņtät</i>	"бью=вас"

*aŋat ^h ix	duttet'	duttät	"он=бьет=меня"
*oŋat ^h ix	dudaŋtet'	dur'aŋtät	"он=бьет=нас"
*bat ^h i:ntoŋ	di:ptigyn	куп. di:ptaYin	"мы=бьем=это"
*bat ^h i:noŋ	ku:ptigyn	ku:ptYin	"вы=бьете=это"
*bat ^h i:tn	du:ptigyn	du:ptaYin	"они=бьют=это"
manat ^h iaŋ	dibi:ntet'	dbi:ntet	"я=бил=это"
a:nat ^h ijaŋ	do:ntet'	do:ntet	"я=бил=его"
*inat ^h ijaŋ	did'i:ntet'	diruntet	"я=бил=ее"
*oŋnat ^h ijaŋ	dingaŋtet'	dingaŋtet	"я=бил=вас"
*oŋnat ^h ix	dindaŋtet'	dindaŋtet	"он=бил=нас"
*aŋnat ^h ix	linditet'	dinditet	"он=бил=меня"
*ur ^h at ^h ix	dingitet'	dingutet	"он=бил=тебя"
*manat ^h i:ntoŋ	dibi:ntigyn	dbi:ntaYin	"мы=били=это"
*a:nat ^h i:ntoŋ	dontigyn	dontaYin	"мы=били=его"

Интересно, что в диалектах кетского языка формы множественного числа могут иметь в исходе не только компонент =taYin, но и варианты типа du:tin "побьют=они=тебя", dütitn "побьют=они=меня", duuntenin "побьют=они=вас" /Дульзон 1968 : 329/, напоминающие соответствующие формы в приведенной коттской парадигме, восстановленной, в основном, по аналогии с парадигмой глагола переходной семантики aš^h-a:tajaŋ "бить" /Кастрен 1868 : 135/.

Коттские материалы позволяют, таким образом, при учете форм единственного и множественного числа, восстановить глагольную основу *t^hixət ~ t^haxət ~ t^hiʔət ~ t^haʔət со значением "бить", которая в югском языке имеет своим соответствием форму ta^h:t⁴, в южнокетском диалекте tar⁴, в севернокетском ta:z'i, в среднекетском ta:də, позволяющие реконструировать общенисейскую форму *tagədʷə ~ *tigədʷə ~ *taʔədʷə ~ *tiʔədʷə "бить".

В целом в коттском языке можно, говоря об инфинитивах, выделить, как и в кетском языке /Белимов 1973 : 7-14/, простые, производные и сложные образования, представляющие собой именные формы глаголов.

Простые (непроизводные) инфинитивы по структуре представляют собой, как правило, односложные или двусложные слова: eaŋ "копать", aŋu "ковать", oŋu "качать", haŋi "война ; воевать", ha:ra "медлить, колебаться", haŋi "тор-

говля; торговать", ha:ni "бросать" и т.д.

В качестве производных инфинитивов можно по аналогии с кетским и южским языками выделить:

1. Инфинитивы, образованные с помощью суффиксов видового значения: предельность выражается суффиксом =ax (=ak), например, hatax "нагреть", hu:ax "войти" < hu:š "цум; жилище" + ax, а неопределенность - суффиксами ai ~ ei ~ gei, например, hataei "кашлять", anaai "думать", uša:galapai - "хотеть спать", kuterei "думеть" и т.д.

2. Инфинитивы, образованные с помощью суффикса =šei залогового значения: hatašei "развести огонь", hu:kaišei "нагревать", šurumašei "красить" (или: šurumaš battaš с тем же значением), šigalašei "сушить" (ср. šigal "сухой", šigalai "сохнуть").

3. Инфинитивы, образованные с помощью превербов, которые в большинстве случаев являются уточнителями действия, его направления или способа протекания. обстоятельный анализ коттских превербов произвел К.Боуда /Боуда 1937 : 52-57/. Выделяются, как уже выше отмечалось, следующие коттские превербы:

fe = ~ fa = ~ fo =, указывающий на направление и способ протекания действия; представлен в примерах fa=fui "крутить, вертеть", fa=šagar* "наматывать (нити, пряжу)", fa=taga:kq "встаю", fa:kkit "вытирать" (по К.Боуда < fa + aq "нос" + kit "мазать" /Боуда 1957 : 53/, fo:kkit (šikq fo:kkit "ступать");

he = ~ ha = ~ ho; hašik ~ hašip "накрыть"^{жж}, hapit "давить, нажимать" (ha=sa=pit=aq "я=нажимаю"), ho:fi= "возвращаться" (ho:=fi=aq "возвращаюсь", ho:=la=fi=aq "я=возвращался", ha=l=fi "возвратись!"), а также, как предполагает К.Боуда в слове hipen= "давать" /Боуда 1937 : 53/;

* fašagar "наматывать" < fa + šagar "сказать"; К.Боуда приводит типологическую параллель из ингушского языка uvc "плести, рассказывать" /Боуда 1937 : 53/.

жж Ср. южск. da:d'if "закрою", ka:d'if "закроешь", da:d'if "он=закроет", daa:d'if "она=закроет", a:n'd'if "закрой!" и т.д., где представлена эта же корневая морфема =d'if (кот. šip), но без преверба.

$t^h_a \sim t^h_o \sim t^h_e \sim t^h_i$ "сверху вниз": t^h_{agin} "спуститься" ($< t^h_a + g + in$ "идти"), t^h_{akit} "мазать" ($< t^h_a + kit$ "тереть, мазать"), t^h_{auk} "упасть", t^h_{agai} "остаться", $*t^h_{apil}$ "достигнуть" ($t^h_a\text{-}\check{s}a\text{-}pil\text{-}ap$ "достигну", $t^h_a\text{-}la\text{-}pil\text{-}ap$ "я достиг", t^h_{alpil} "достигай!"); не исключено, что этот преверб связан по происхождению с показателем каузатива (фактитива) $-t^h$, который, возможно, кроме данного значения, мог указывать на направленное действие в отличие от ненаправленного, как это наблюдается в кетско-югской глагольной системе /Дульзон 1968 : 145/;

$d^h_a \sim d^h'o \sim d^h'o$: d^h_{ax} "изгонять" ($< d^h_a + ax$), $d^h_{a\check{s}}$ "чистить, украшать" ($< d^h_a + \check{s}e$), $d^h_{at^h_i}$ "хлестать" ($d^h'o\text{:}t^h_i\text{-}a\check{a}$ "хлещу", $d^h'o\text{:}la\text{-}t^h_i\text{-}a\check{a}$ "хлестал"), $d^h'o\text{:}\check{s}i$ "разорвать" ($d^h'o\text{:}\check{s}i\text{-}a\check{a}$ "разрываю", $d^h'o\text{:}la\text{-}\check{s}i\text{-}a\check{a}$ "разорвал"). Можно согласиться с К.Боуда в том, что $d^h_a \sim d^h'o$ выступает в этих случаях как преверб, поскольку он сохраняется во всех формах глагола (в отличие от омонимичного морфоэлемента $d^h' \sim d^h_a$, о котором выше уже упоминалось); однако едва ли можно согласиться с мнением К.Боуда о том, что он соответствует югскому $u\check{s}a$ "вверх" или $\check{s}o\check{a}$ "вверху"; скорее его можно возводить к версионному превербу, который когда-то указывал на направленность действия за пределы активного актанта, как это предполагается для некоторых кетских превербов /Цавленко 1986 : 14-15/.

$a\check{s}$: $a\check{s}a\check{a}$ "восходит" (e.g. $a\check{s}a\check{a}$ "солнце восходит"), $a\check{s}^h_a\text{:}ta\check{a}j$ "бить" ($a\check{s}^h_a\text{:}ta\check{a}ja\check{a}$ "я бью", $a\check{s}^h_u\text{:}rtaja\check{a}$ "я бил", $a\check{s}^h_{an}$ "бей!"), $a\check{s}o\check{a}t$ "сторожить".

Очень часто в препозиции форм инфинитива встречается морфоэлемент $\check{s}i$, который К.Боуда тоже склонен рассматривать как преверб /Боуда 1937 : 57/, отождествляя его с предикативным (а в ряде случаев и словообразовательным) суффиксом $=\check{s}e$ в примерах типа $ap\check{s}e$ "мой", $hitap\check{s}e$ "человеческий", $urki\check{s}e$ "мыло", $\check{s}i\check{c}al\check{s}e$ "точило", $\check{s}i\check{c}er\check{s}e$ "скребок" и т.д. Учитывая разные порядки, которые префикс $\check{s}i$ и суффикс $=\check{s}e$ занимают в словоформах (ср. $\check{s}i\text{-}\check{c}al\text{-}\check{s}e$ "точило" от $\check{s}i\text{-}\check{c}al$ "точить", $\check{s}i\text{-}\check{c}er\text{-}\check{s}e$ "скребок" от $\check{s}i\text{-}\check{c}er$ "скрести") едва ли можно говорить о тождестве функций. Префикс $\check{s}i$ в кетских инфинитивах ($\check{s}iti$ "бить", $\check{s}igap$ "пить", $\check{s}ikit$ "тереть", $\check{s}igi\check{s}$ "грести веслом",

šigit "искать", šičaŋ "мять" и т.д.) очень напоминает по своей функции кетско-югский показатель =esaŋ, о котором выше уже говорилось; он особенно часто присоединяется к инфинитивам, образуя формы, которые Э.И.Белимов был склонен рассматривать в качестве форм супина /Белимов 1973 : 21/: югск. tad'esaŋ "бить чтобы", d'oueŋaŋ "тесать чтобы", faŋejeŋaŋ "пилить чтобы" и т.д.

4. Производные инфинитивы, в которых аффиксальный компонент восходит исторически к самостоятельному глаголу:

а) инфинитивы на =ra ∼ =ri ∼ =rei: kipi "платеж; платить" (ср. kit^hačarajaŋ "плачу"), aŋiri "обман; обманывать" (ср. a:ra:t^hačarajaŋ "обманываю"), atri "слушать", šeiri "ранить" (ср. šeja a:rajaŋ "я раню"); как уже отмечалось, коттские инфинитивы на =ri соответствуют кетско-югским на =bet ∼ =vet; nānbet "хлеб стряпать", aŋeŋbet "думать", al'bet "обманывать" *;

б) инфинитивы на =t^hi ∼ =t^he: aŋant^hi/aŋant^he "делить, отделять", d'mät^hi "солить", aŋjušt^hi "ломать" (aŋjušt^hi = t^hiaŋ "ломаю", aŋjušt^hiaŋ "я ломал"); как выше уже отмечалось, эти инфинитивы соответствуют кетским на =tet, югским на =tet' ∼ =tat' "бить";

в) инфинитивы на =kit: aŋkit "строгать" (aŋ "деревья" + kit), alurkit "лизать" (alur "язык" + kit), faŋkit "вытирать" (fa + aŋ "нос" + kit**); точные соответствия этой модели имеются в кетском и югском языках /Белимов 1973 : 13/;

г) коттские инфинитивы на =šex, соответствующие югским

* Очевидно, к этой разновидности примыкают и коттские инфинитивы на =i типа hałani "показывать", ha:ni "бросать", но с потерей показателя вещного класса =r= (т.е. =ri > =i). В данном случае можно бы в качестве аналогичных форм с потерей показателя вещного класса привести югские формы типа xouŋed'esaŋ "заживлять чтобы" (ср. xouŋesaŋ "заживать чтобы"), satejed'esaŋ "стыдить" (ср. satejesaŋ "стыдиться"), в которых =ed' = < bed' (ср. n'e'n'bed'esaŋ "хлеб чтобы стряпать") получает оттенок значения залогового характера (каузативности).

** В интерпретации К.Бюда (см. об этом выше).

на d'ou, кетским на do (ср. югск. d'ouesaq "тесать чтобы"): нагапсех "строгать, тесать", оксех "убивать", ахсех "колоть, втыкать", аксех "поставить";

д) инфинитивы на =at, тоже имеющие соответствие в кетском и югском языках: кот. agat югск. axat "дрова рубить (заготавливать)";

е) инфинитивы на =ox: ait^hox "аргин; аргинить", eaɔ:ɔx "писать" (ср. eaɔ "копать", eaɔ:ʃi= "скрести");

ж) инфинитивы на =ʃin: ixʃin "собирать" (ягоду, грибы и т.д.), imaʃin= (imaʃin=aɔ "собираю орехи"); эти глаголы, очевидно, имеют сходную семантику с югскими глаголами на =ʃeɟ (fiʃeɟ "черемуху собирать", ʒamʃuʃeɟ "ягоду собирать", ʋolʋaʃeɟ "грибы собирать", tuletʃeɟ "красную смородину собирать" и т.д.) и кетскими на =tij (hitij "черемуху собирать" и т.д.);

з) инфинитивы на =ki; в материалах М.А.Кастрена зафиксирован лишь глагол urki "мыть" (ur "дождь"), который можно сопоставлять с югским глаголом urɔuɔ "мыть, мыться" (см. выше);

и) инфинитивы на =ʃin: ait^haʃin "терять" (ait^ho:ʃinaɔ "я теряю", ait^ho:laʃinaɔ "я терял" и т.д.);

к) инфинитивы на =uk: aʃalt^hauk "одевать", aʃo:ʔuk "сеять", aʃuk "быть", uʃfauk "открывать".

Можно предполагать, что все эти инфинитивы восходят к сложным словам типа uʃuɔ "купаться, плавать" uɔ "вода" + ʃuɔ "плавать"; во всяком случае в некоторых из них четко вычленяются составные компоненты, которые представлены в кетском словаре как самостоятельные слова. В таких случаях, естественно, трудно говорить о словообразовательных аффиксах, ср. ажит "строгать" < ах "деревья, дерево (собирает.)" + kit "тереть" (см. инфинитивы ʃikit "тереть", t^hakit "мазать", в которых ʃi= является префиксом, t^ha= - превербом, а =kit - корневой морфемой).

В некоторых случаях в кетском, как и в кетском и югском, вычленение основы (включая корневую систему) весьма затруднительно. Так, К.Боуда был склонен вычленить у глагола "идти" корневую основу in= /Боуда 1937 : 54/, которая, однако, сохраняется не во всех формах этого глагола, ср.: i:naɔ "иду", alignaɔ "шел", но: alta "иди!". Еще трудней

вычленить корневую морфему у глагола "уходить":

ijaŋ	"я=ухожу"	uijaŋ	"я=ушел"
ijaŋ	"ты=уходишь"	uijaŋ	"ты=ушел"
d'aga	"он/она=уходит"	uijaga	"он/она=ушел"
oŋator	"мы=уходим"	uijoŋator	"мы=ушли"
oŋor	"вы=уходите"	uijoŋator	"вы=ушли"
d'a:ŋa	"они=уходят"	uija:ŋa	"они=ушли"
anu	"уходи!"	oŋor	"уходите!"

Морфозлемент *ija-*, который можно бы вычленить в качестве корневой морфемы, сохраняется не во всех формах, а в формах 1-го и 2-го лица множественного числа она становится прерывной, т.к. в нее инфигируется показатель *-oŋ-*. Вероятнее всего поэтому, что в качестве корневой морфемы выступает элемент *=a-*.

Как уже отмечалось выше, инфинитив не всегда совпадает с глагольной основой в структуре финитных форм. В данном случае можно выделить следующие две возможности:

1) не все компоненты инфинитива повторяются в глагольной основе финитных форм: *huŋax* "входить, войти", но: *d'aŋo:ky* "вхожу", *i:ŋo:ky* "я=вошел", *i:ŋo:x* "входи!"; *ŋiax* "держат", но: *ba?a:ky* "я=держу=это", *ba:ŋa:ky* "я=держал=это", *altax* "держи!"; *aŋik* "бить", но: *aŋta:tajaŋ* "я=бью", *aŋtu:rtajaŋ* "я=бил", *aŋta:n* "бей!";

2) в глагольной основе финитных форм часто представлены компоненты, отсутствующие в структуре инфинитива: *a:jaŋa:ky* "я=играю", *a:jaŋolo:ky* "я=играл" - основа *a:jaŋ* --- к, инфинитив - *a:jaŋ* "играть", "игра"; *afut^ha:ky* "я=кую", *afut^holo:ky* "я=ковал" - основа *afut^h* --- к, инфинитив - *afu* "ковать".

Эти особенности коттского глагольного словоизменения, очевидно, и побудили М.А.Кастрена написать, что зная основу еще не образует глагола (т.е. финитных форм - Г.В.), ибо от одной и той же основы можно образовывать различные глаголы; необходимо хотя бы знать форму настоящего времени в изъявительном наклонении, но, даже зная ее, не всегда поймешь в достаточной мере как спрягается соответствующий глагол /Кастрен 1955 : 104/.

О функциях коттского инфинитива в работе М.А.Кастрена нет прямых сведений, а имеющиеся косвенные данные позволяют

предполагать состояние, сходное с ситуацией в современном кетском и югском языках. Следовательно, функции, установленные Э.И.Белимовым /Белимов 1973 : 20/ для кетского и югского, были свойственны и коттскому инфинитиву.

Именные черты инфинитива в енисейских языках проявляются прежде всего в том, что в них инфинитив – имя действия, которое характеризуется категорией числа, падежа, притяжательности и класса (вещной класс).

Как правильно отметил Э.И.Белимов /Белимов 1973 : 8/, в кетском языке имя действия может встречаться в форме единственного и множественного числа, и показатели множественного числа =n, =ŋ выступают при этом как показатели множественности действия (например, югск. xoʔt, мн. число хотп "карить на сковородке"; bɛ:t', мн. число bet'n "делать"; dɬk, мн. число dɬkɬ "падать" и т.д.); в тех же случаях, когда в качестве инфинитива выступает только форма множественного числа соответствующего имени, показатели =n, =ŋ приобретают видовое значение (вид неопределенного множественного действия), например, югск. saʔr "табак", "курево" – загуз "курить", aʔuɬ "игра" – aʔuɬuɬ "играть", кет. iɐ' "еда; рыба" – iɐan "готовить пищу".

Сходную картину обнаруживаем в коттском языке, например, tox ~ to:kɬ "прыгать", но: aʔaɬ "играть", aʔaɬ "ловить (добывать)", ʃu:ʃeɬ "заблудиться", tuɬuɬ "удить"^{*}, представляющие собой формы множественного числа от соответствующих имен, в которых суффикс =ŋ имеет уже видовое значение.

О наличии в коттском языке притяжательных форм инфинитивов типа южнокетских ptaɬ' "мое избиение", ktaɬ' "твое избиение" и т.д. свидетельствуют приводимые М.А.Кастреном коттские формы ɬaiteɬan ~ aiteɬan "я=хочу" (букв. "мое желание"), ~a:liga ~ *ɬa:liga "я=знаю" (букв. "мое знание"), в которых, как уже отмечалось, ɬ= (или носовой призвук ~=)

---

^{*} Можно предположить, что tuɬuɬ является формой множественного числа от *tuɬ (ср. югск. duʔr, мн. число duʔuɬ "уда"), а во вторичной форме множественного числа tuɬuɬaɬ (от tuɬuɬ "уда") наблюдается плеоназм в выражении множественности.

является притяжательным префиксом I-го лица единственного числа, восходящим к показателю родительного падежа =*ɲ* в форме *aiɲ* от местоимения *ai* "я".

Об употреблении различных падежных форм коттских инфинитивов М.А.Кастрен упоминает на стр. 104-105 своей монографии /Кастрен 1858 /, приводя примеры типа *aɓaɲ* (основной падеж) или *aɓaɲiga* (дательный падеж) *u:ja:ʔa* "он пошел охотиться", *ʃodio* (основной падеж) или *ʃodioiga* (дательный падеж) *hia:ta* "он пришел, чтобы работать" (эти примеры позволяют, кстати, заключить, что инфинитивы, или имена действия, воспринимались как имена вещного класса, так как получали падежные показатели, свойственные последним). Он рассматривал подобные образования как формы супина в коттском языке. В случае субстантивации инфинитивы, несомненно, имели полную парадигму склонения, как обычные предметные имена. В форме основного падежа инфинитив и имя действия формально никак не различались, образуя по существу омонимичные ряды, например, *agat* "рубка (леса)" - *agat* "рубить", *pagai* "ругань" - *pagai* "ругать", *a:rupi* "обман" - *a:rupi* "обманывать" и т.д. М.А.Кастрен в подобных случаях, как правило, дает перевод в виде немецкого субстантивированного инфинитива: *axkit* "Schnitzen, Hobeln" ("строгание"), *eaɲ* "Graben" ("копание; копка"), *ixʃin* "Sammeln" ("собрание; сбор") и т.д., а инфинитивом переводит финитные формы I-го лица единственного числа: *eaɲo:x* "Schreiben" ("писание"), но *eaɲo:=jaɲ* "schreiben" ("писать" вместо "я=пишу"); *ou:n* "Schaukeln" ("качание"), но *ou:naɲ* "schaukeln" ("качать" вместо "я=качаю"). Но наблюдаются в его коттском словаре и случаи, когда подобные слова коттского языка переведены и субстантивированным инфинитивом, и соответствующим именем действия, например, *hanpen* "Beten, Gebet" ("моление", "молитва"), *ajaɲ* "Spielen, Spiel" ("играние" "игра"), *hujei* "Schreien" ("кричание; крик") и т.д. А в отдельных случаях перевод с коттского языка на немецкий дан только с помощью имени действия: *ula:i* "Lied, Gesang, Sang" ("песня; пение"), *ʋe:naɲ* "Zauberei" ("колдовство; камлание"), что как раз и позволяет сделать вывод о наличии омонимичных рядов "инфинитив" : "имя действия"; то есть соответствующие коттские слова могли

выступать и как имя действия, обладая значением предметности (выражали действие как предмет), и как инфинитив, выражая действие как процесс (или, иначе говоря, именные слова выражали наличность бытия, а глагольные - проявление бытия /Чеснокс 1967 : 152/). Это подтверждают очень редкие примеры, когда имя действия и инфинитив различаются по своему внешнему оформлению, ср.: *hataŋ* "кашель" - *hatamei** "кашлять" (*hatameja:ky* "я=кашляю"), *harai/herai* "хлеб" (видимо "корм", "пища", т.к. для "хлеб" есть специальное коттское слово *itpak/iptak*) - *herajaŋ* "кормить" (*herajaŋa:t^ha:ky* "я=кормлю").

Глагольные черты коттского инфинитива проявляются наиболее четко в том, что он может выступать в качестве составной части глагольного сказуемого: *hejaŋo: haŋa?utaŋ* "хочу поехать", *patija haŋa?utaŋ* "хочу принести", *ra:go: haŋa?utaŋ* "хочу взять".

Приведенный М.А. Кастреном пример *a?:attejaŋ* "выбиваю=его=я" /Кастрен 1858 . 33/ не оставляет сомнений в том, что в коттском употреблялись и притяжательные формы инфинитивов типа кет. *ptar'* "меня=бить", *ktar'* "тебя=бить" и т.д.

Именные черты коттский инфинитив обнаруживает в своем независимом употреблении, выступая в качестве подлежащего или дополнения: *afu karak* "ковать=необходимо", *aŋro:t d'illo:ky* "спорожить он приказал", *aŋaŋ anaŋaja:ky* "думаю поохотиться", *ŋalaŋŋe anaŋaja:ky* "думаю пошить", *ŋodio anaŋaja:ky* "думаю поработать", *t^henta (< t^hentaiga)* *ŋa:xtaŋ* "он пожелал прийти".

В некоторых примерах, приведенных М.А. Кастреном, коттский инфинитив выступает в роли различных обстоятельств: *aŋaŋ* (или *aŋaŋiga* форма дательного падежа) *uŋa?:a* "он пошел охотиться", *ŋodio* (или формы дательного падежа *ŋodioiga*) *nia:ta* "он пошел работать" (чтобы поработать), *ti:ne e:jaŋo:jaŋ* "стоя пишу я" (букв. "стоять г пишу я"), *ŋufo:t d'aujaŋ* "ожидая живу я" (букв. "ожидать живу я"), *ŋufo:t uŋa?:a*

---

* Как выше уже отмечалось, и суффикс *-ei*, и суффикс *-ŋ*, восходящий к показателю множественного числа, имеет видовое значение (непредельность).

"подождав, ушел он" (букв. "подождать ушел он"). По М.А.Кастрену, это формы герундия.

Употребляясь в препозиции к имени существительному, коттский инфинитив выступает в роли определения настоящего и прошедшего времени: a:jaŋ=het "игрок" (букв. "играющий/игравший человек"), e:nʔekp=hit "забывающий/забывавший человек", hi:si:n=hit "торопящийся/торопившийся человек", ʃe:naŋ=hit "шаман" (букв. "камлающий/камлавший человек") и т.д. Не исключено, что в коттском, как и в кетском языке, инфинитивы переходной семантики могли иметь не только активное значение (например: u:ti=het "вор", букв. "ворующий человек"; a:fu=hit "кузнец", букв. "кующий человек" и т.д.), но и страдательное (ср. кет. daqqot bɫʔn "жареная утка", haŋo da:n "скошенная трава" и т.д. /Белимов 1973 : 21/). В некоторых случаях М.А.Кастрен перевел подобные коттские инфинитивы немецким причастием I (причастием настоящего времени): okʃek/okʃex "tötend" ("убивающий"), ɯ "sitzend, lebend" ("сидящий, живущий").

Значение страдательных причастий имели, очевидно, в большинстве случаев и употребленные в атрибутивной функции инфинитивы на =pi, точно соответствующие кетско-югским формам на =bet типа ilbet ilbetɬi "сломанный", например: a:ŋpi "обманывать; обман; обманутый"; ki:pi "торговать; торговля; проданный (герм. "купленный")"; ʃe:pi "ранить; ранение; раненный"; ʃi:pi "чистить; чистка; вычищенный"; ʃi:pi "делать; делание; сделанный" (ср. югск. betɬi "сделанный"); a:pi "услышать; весть/новость (букв. "услышанное"); услышанный"; ʃa:pi "пробовать; пробование; испробованный" и т.д.

Особым случаем в коттском языке являются отмеченные М.А.Кастреном пассивные причастия, образуемые от формы прошедшего времени, например, uŋola:ki "помытый", ola:kiti "измазанный" и т.д. /Кастрен 1858 : 139-140/.

В связи с рассматриваемым вопросом об именных формах коттского глагола очень важным нам представляется еще следующее замечание М.А.Кастрена: "Точно также в **адъективном** употреблении может встречаться форма 3-го лица претерита глаголов, например, onka "мертвый", maŋari "созревший" /Кастрен 1858 : 39/. Это замечание М.А.Кастрена позволяет заклю-

чить, что глагольные формы 3-го лица единственного числа, лишённые в коттском языке лично-субъектных показателей, могли свободно употребляться в атрибутивной функции, выступая в качестве причастий. То же самое, как известно, наблюдается в кетском и югском языках: югск. ku:l'dobind'ou ket "по-бритый человек", югск. fa:d'ou vaʒar, кет. ʒarə va:r "колотый (резанный) сахар", кет. hal'diʃ oks' "изогнутая палка", югск. us'nintet' aʔx "расколотые дрова" и т.д.

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ

М.А.Кастрен выделял в коттском языке две временные формы глагола - презенс и претерит - , для образования которых используются следующие 4 возможности:

- 1) с помощью чередования гласных;
- 2) с помощью показателя =r= в претеритальных формах;
- 3) с помощью показателя =n= в претеритальных формах;
- 4) с помощью показателя =l= в претеритальных формах.

В действительности же в каждом из этих четырех случаев наблюдается множество вариантов образования форм презенса и претерита, а показатели r, n, l вовсе не являются узкограмматическими показателями прошедшего времени. Рассмотрим сначала все варианты образования форм времени в коттском языке.

1. При выражении временных отношений с помощью чередования гласных наподобие тому, как это происходит, по замечанию М.А.Кастрена, в образовании форм множественного числа имени, наблюдаются следующие варианты:

1) а: (презенс) - ui (претерит): akfa:tekn "я=поставлю" - akfuitekn "я=поставил", а́а:ʔa:t^hаку "я=пугаю-его" - а́а:ʔuit^hаку "я=напугал=его";

2) а: (презенс) - ia (претерит): atra:kn "я=выливаю" - atriakn "я=вылил";

3) о: (презенс) - ui (претерит): fo:tekn "я=стреляю" - fuitékn "я=стрелял";

4) а (презенс) - ui (претерит): vaɾiʒaɾ "я=тяну=это" - viɾiʒaɾ "я=тянул=это";

5) о: (презенс) - а: (претерит): а́алт^hо:ttar "я=одеваюсь" - а́алт^hоа:ttar "я=одевался"; uʃro:ttar "я=

открываю" - иъро:ttaj "я=открыл" (открывал?);

6) o: (презенц) - ui (претерит): ho:ttaj "я=достигну" - huittaj "я=достиг";

7) ø (презенц) - ui (претерит): ijaз "я=ухожу", oпatoз "мы=уходим" - uijaз "я=ушел", uijoпatoз "мы=ушли";

8) a (презенц) - u (претерит): e:neпaйё "я=забываю", eпoпaйё "мы=забываем" - e:niпyйё "я=забыл", eпoпyйё "мы=забыли".

В некоторых случаях соответствующий гласный в форме настоящего или прошедшего времени сопровождается согласным:

1) d'a (презенц) - i: (претерит): d'aço:kп "я=вхожу" - i:ço:kп "я=входил (вошел)";

2) d'a (презенц) - u (претерит): d'ǎi:galaз "я=высыхаю" - uǎi:galaз "я=высох";

3) e:t (презенц) - ei (претерит): re:ttо:jaз "приношу" - reitо:jaз "приносил (принес)";

4) с различной огласовкой в формах единственного и множественного числа и с появлением в формах претерита согласного =h=, сравним:

презенц		претерит	
ito:jaз	"я=прихожу"	haitо:jaз	"я=пришел"
itou	"ты=приходишь"	haitо	"ты=пришел"
d'a:ta	"он/она=приходит"	hia:ta	"он/она=пришел"
oпaitо	"мы=приходим"	hioпaitо	"мы=пришли"
oпajо	"вы=приходите"	hioпajо	"вы=пришли"
d'a:пai	"они=приходят"	hia:пai	"они=пришли"

5) aça (презенц) - ui (претерит): хабаритаз "я=даю" - huipитаз "я=давал".

П. Случаи, когда в образовании претеритальных форм участвует показатель =r=:

1) ø (презенц) - ra (претерит): utote:raз "я=намочу" - utorate:raз "я=намочил";

2) ø ø (презенц) - ra (претерит); но со смещением длительности с первого слога словоформы на второй: fo:газ "я=беру" - fo:ra:газ "брал";

3) a: (презенц) - ur (претерит): alt^ha:tajaз "я=вынимаю" - alt^hu:rtajaз "я=вынимал"; tont^ha:tajaз "я=разрезаю" - tont^hu:rtajaз "я=разрезал";

4) d' (презенс) - ar (претерит): d'a:gejaŋ "я=гнию" - ara:gejaŋ "я=гнил", но: bā:gejaŋ "гнию" - baга:gejaŋ "я=гнил" (возможно, "я=гноил", "я=гною").

5) ∅ (презенс) - r (претерит): battajaŋ "расколю; раскальваю" - barttajaŋ "раскальвал";

6) l (презенс) - a:...r (претерит): hiu:jaŋ "я=бросаю" - ha:uo:raŋ "я=бросал";

7) š (презенс) - r (претерит): t^he:nfe:šukjaŋ "я=ступаю" - t^he:nfe:rukjaŋ "я=ступал".

Ш. Случаи, когда в образовании претеритальных форм участвует показатель =n=:

1) š (презенс) - n (претерит): e:gā ašcaī "солнце восходит" - e:gā ašnaī "солнце взошло";

2) ∅ (презенс) - an (претерит): igejaŋ "рождаюсь" - anigejaŋ "я=рождался"; сравним также формы парадигмы спряжения глагола "прыгать":

презенс		претерит	
it ^h akŋ	"я=прыгаю"	ant ^h akŋ	"я=прыгнул"
it ^h agu	"ты=прыгаешь"	ant ^h agu	"ты=прыгнул"
d'a:t ^h ax	"он/она=прыгает"	ana:t ^h ax	"он=прыгнул"
ont ^h agantoy	"мы=прыгаем"	anont ^h agantoy	"мы=прыгнули"
ont ^h aganoy	"вы=прыгаете"	anont ^h aganoy	"вы=прыгнули"
d'a:nt ^h ax	"они=прыгают"	ana:nt ^h ax	"они=прыгнули";

3) o (презенс) - an (претерит): u:ʔotekŋ "я=втыкаю" - u:antekŋ "я=воткнул";

4) o: (презенс) - an (претерит): hiltuo:t^hekŋ "я=ныряю" - hiltuant^hekŋ "я=нырнул";

5) a (презенс) - a:m < a:n (претерит): varukŋ "я=найду" - ma:mpukŋ "я=нашел";

6) ∅ (презенс) - na (претерит): fo:ta:kŋ "подпоясываюсь" - fo:nata:kŋ "я=подпоясался"; появление показателя =na= в форме претерита может сопровождаться удлинением предшествующего гласного, например, ofu:laŋ "я=кручу, сверлю" - o:nafu:laŋ "я=просверлил, скрутил";

7) d' (презенс) - na (претерит): d'arīaŋ "я=созреваю" - anarīaŋ "я=созрел";

8) ∅ (презенс) - on (претерит): ulta:kŋ "я=таю" - ultona:kŋ "я=растаял";

9) а: (презент) - он (претерит): а:še:taŋ "я=отпустил" - онše:кŋ "я=отпустил"; в другом варианте в форме настоящего времени после долгого /а:/ происходит геминация согласного, например, а:ttaŋ "я=положу" - онtaŋ "я=положил";

10) d'a (презент) - он (претерит): d'aхажаŋ "я=умираю" - онхажаŋ "я=умер";

11) а:g (презент) - о:n (претерит): t^hа:ga:кŋ "я=сдираю (кожу)" - t^hо:na:кŋ "я=содрал (кожу)" (с появлением интерфикса =g= в презенте);

12) а: (презент) - с:na (претерит): d'a:jaŋ "я=изгоняю" - d'o:najaŋ "я=изгнал";

13) ∅ (презент) - n (претерит): ba:ttaŋ "я=кладу" - ma:ntaŋ "я=положил" (с изменением удвоенного =tt= в форме прошедшего времени).

IV. Чаще всего в образовании форм прошедшего времени участвует однако показатель =l=. В материалах М.А.Кастрена представлены следующие варианты образования форм прошедшего времени с этим показателем:

1) ∅ (презент) - al (претерит): ife:laŋ "я=расту" - alife:laŋ "я=рос";

2) ∅ (презент) - l (претерит): ba?a:кŋ/baga:кŋ "я=держу" - bala:кŋ "я=держал" (с исчезновением интерфикса ?/g); о:рајаŋ "я=чищу" - о:laraјаŋ "я=чистил"; fata:ga:кŋ "я=встаю" - faltaјаŋ "я=вставал" (с перестройкой основы в форме прошедшего времени);

4) ∅ (презент) - la: (претерит): о:паŋ "я=привязываю" - о:la:паŋ "я=привязывал"; иногда удлиняется в форме прошедшего времени не гласный в показателе =la=, а предшествующий показателю =la= гласный, например, ои:паŋ "я=качаю" - о:laи:паŋ "я=качал";

5) ∅ (презент) - li (претерит): hiре:паŋ "я=даю" - hiliре:паŋ "я=давал";

6) ѣ̃ ѣ̃ (презент) - l (претерит): aitoѣ̃:кŋ "я=аргишу" - aitolо:кŋ "я=аргил (кочевал)";

7) ѣ̃ (презент) - la (претерит): d'а̃t^hiaŋ "я=солю" - d'а̃lat^hiaŋ "я=солил";

8) ѣ̃ (презент) - le (претерит): huŋti "он/она=понимает" - hu:leti "он/она=понял" (с удлинением гласного в

предшествующем слоге в форме прошедшего времени);

9) a: (презенс) - olo: (претерит): aksa:ɣ:ɣɔ: "я=хромаю" - akxa:ɣ:ɣo:kn "я=хромал"; aitoɣa:kn "я=кочую" - aitololo:kn "я=кочевал" (с выпадением интерфикса =g=);

10) d' (презенс) - la (претерит): d'atekn "я=стою" - alatekn "я=стоял";

11) d' (презенс) - al (претерит): d'aujaɣ "я=сизу" (живу) - alaujaɣ "я=сидел (жил)";

12) d' (презенс) - li (претерит): d'a:feɣaɣ "я=расту" - alife:ɣaɣ "я=рос" (с перемещением длительности на корневую морфему в форме прошедшего времени);

13) i (презенс) - olo: (претерит): šamaifuit^hiɣaɣ "я=вижу сны" - šamaifuit^holo:ɣaɣ "я=видел сны";

14) a: (презенс) - o:la (претерит): šaka:jaɣ "я=смеюсь" - šako:ɣaɣ "я=смеялся";

15) сравним временные формы в парадигмах глагола "идти":

i:naɣ	"я=иду"	aligi:naɣ	"я=шел"
i:nu	"ты=идешь"	aligi:nu	"ты=шел"
d'aiɣi	"он/она=идет"	ala:gin	"он/она=шел/шла"
oɣintɔɣ	"мы=идем"	alɔɣintɔɣ	"мы=шли"
oɣinoɣ	"вы=идете"	alɔɣinoɣ	"вы=шли"
d'aɣin	"они=идут"	ala:ɣin	"они=шли"

и глагола "лечь":

ite:naɣ	"я=ложусь"	alte:naɣ	"я=ложился"
ite:nu	"ты=ложишься"	alte:nu	"ты=ложился"
d'ɣ:te:n	"он/она=ложится"	ala:te:n	"он=ложился"
onte:naɣantɔɣ	"мы=ложимся"	alonte:naɣantɔɣ	"мы=ложились"
onte:naɣanoɣ	"вы=ложитесь"	alonte:naɣanoɣ	"вы=ложились"
d'ɣ:nte:naɣaɣ	"они=ложатся"	alante:naɣaɣ	"они=ложились"

У этих глаголов настоящее время выражено, как кажется, только в формах 3-го лица, и в целом, учитывая все вышеприведенные случаи выражения категории времени в системе коттского глагола, можно заключить, что последовательно маркированным членом временной оппозиции "презенс : претерит" является форма прошедшего времени. Настоящее же время, если и выражено, то довольно расплывчато, трудно выделить формант, который бы последовательно выражал настоящее время. Чаще всего эту роль выполняет, кажется, формант =a=, реже в этой функции появляются форманты =ɣ= =č=, o, i, d'.

Факт наличия такого множества морфологических вариантов выражения категории времени в системе коттского глагола уже сам по себе свидетельствует о том, что глагольное формобразование еще не выработало устойчивой, однозначной и экономной системы, что в целом подтверждает предположение о том, что категория времени у коттского и - шире - енисейского глагола - это сравнительно поздняя инновация /Иванов 1984 : 18; Крейнович 1968 : 14-18/. Собственно, уже М.А.Кастрен /Кастрен 1858 : 57/ высказывал предположение о том, что в енисейских языках когда-то была представлена лишь одна временная форма глагола, которая по условиям контекста могла выражать настоящее, прошедшее или будущее время. Особого внимания заслуживают в этом отношении консонантные глагольные показатели $-l=$, $-r=$, $-n=$, участвующие, как показывают вышеприведенные материалы, в выражении категории прошедшего времени.

Р.С.Гайер, впервые обратившая внимание на характер коттских показателей $-l=$, $-r=$, $-n=$, совершенно справедливо, на наш взгляд, определила их как показатели видо-временного характера /Гайер 1960 : 167/, указав, что различие между $-l=$ и $-r=$ с одной стороны, и $-n=$ - с другой, основывается на тех же семантических принципах, что и различие между показателями l , n в кетском языке (r , n в югском языке).

Известно, что кетские показатели $-l=$, $-n=$ определялись А.П.Дульзоном как показатели вида; по его мнению, $-l=$ чаще всего обозначает множественность или длительность действия, а $-n=$ - момент, единичность, кратковременность, достижение результата /Дульзон 1968 : 182/.

Другого мнения придерживался по этому вопросу Е.А.Крейнович, полагавший, что в кетском языке в плане выражения завершенности действия располагается прошедшее время, а в плане выражения незавершенности действия - будущее и настоящее-будущее. В соответствии с этим показатели $-l=$, $-n=$ рас-

-----
предположениям относительно его природы, которые были высказаны выше. Весьма интересно, что он участвует в оформлении временных оппозиций, в оформлении различий по лицу и классу, а также - оппозиции "одушевленный" : "неодушевленный".

сматривались им как показатели завершенности действия (перфекта), а не времени /Крейнович 1968 : 14-15/. Однако этот вывод не согласуется с примерами типа югск. boade "я=иду", boonde "я=пошел", boorde "я=шел"; кет. diroq "я=лечу", dindoq "я=летел" (полетел), но: tajdoq "я=летаю", toldoq "я=летал"; югск. digibe:t "я=собираю (это)", digibre:t "я=собирал (это)", digimne:t "я=собрал (это)"; югск. destaby? "я=стреляю", destobury? "я=стрелял", diki:bdax "я=стрельну", dikibyndax "я=стрельнул" и т.д., из которых видно, что с завершенностью действия увязывается однозначно лишь показатель =n=; формы же типа n'an'destol't "хлеб размешала", qykt dovil'da "ложку положил", dl:nol'da "сварила (это)", v'ul'il'vit "нарту сделал" и т.д., если судить по их переводу на русский язык, тоже как будто выражают завершенность действия, но это не соответствует реальному положению вещей в кетском языке. В действительности точный перевод этих форм на русский язык должен бы гласить: "хлеб размешивала", "ложку клал", "варила (это)", "нарту делал". Наиболее показательны в этом отношении глаголы, противопоставленные по признаку предельности-непредельности: предельные глаголы всегда получают показатель =n=, а непредельные - =l= (югск. =r=), например, югск. diseste "я=сиду", taeorte "я=сидел", но: ditka:p "я=сяду (сажусь)", din:diga:p "я=сел"; di:bget "я=это=ищу", dibi:rget "я=это=искал", но: dibin'gk "я=это=нашел", dibbak "я=это=найду" и т.д. Следовательно, можно заключить, что глагольные показатели =l=, =n= в функциональном плане не сводимы к показателям, выражающим оппозицию завершенный : незавершенный; наряду с данной оппозицией они еще выражают предельность/непредельность, многократность/однократность, мгновенность/немгновенность и т.д. Мы разделяем по этому вопросу в целом мнение Р.С.Гайер: "... глаголы, образующие формы прошедшего времени и императива с показателем =n= означают, как правило, предельное действие, достижение результата или переход в другое состояние; единичность или многократность, разовость или повторность действия или достигнутого состояния при этом не играют существенной роли... =n= в глагольных формах означает предел, завершенность каждого в отдельности акта, который обычно является кратковременным, кроме того, в них

предполагается конкретный или воображаемый одушевленный деятель или носитель состояния... Глаголы с видо-временным показателем =1=, =1(r)= объединяются семантикой неопределенного, продолжающегося действия, близкого к состоянию, или действия, представленного как процесс. Исторически это глаголы состояния. Степень активности деятеля (субъекта) здесь минимальная, приближающаяся к медиальности..." /Гайер 1980:167/. Коттский материал полностью укладывается в эту схему, и, следовательно, можно сделать вывод о том, что категория времени у коттского глагола еще не отделена четко от категории вида и от других качественных глагольных классификаций, например, от залога. Как полагал Е.А.Крейнович, временная оппозиция прошла в своем развитии в кетском языке четыре этапа: (1) отсутствие форм времени, наличие лишь форм завершенности/незавершенности действия; (2) развитие форм настоящего-будущего времени с показателем =в=; (3) развитие временных форм с показателем =а= для настоящего-будущего времени и показателем =о= для прошедшего времени; (4) отграничение форм настоящего времени с показателем =в=, =а=, =о= (ноль) от форм будущего времени, для чего было использовано различие между однократным, неоднократным и начинательными способами действия /Крейнович 1968 : 15-18/. Факты коттского языка не укладываются в эту схему так же строго, как факты кетского языка; кроме того, нельзя не учитывать точку зрения А.П.Дульзона, определявшего глагольный показатель =в= как показатель медиального залога /Дульзон 1968 : 141/. Тем не менее вывод Е.А.Крейновича о том, что соотношение видовых форм используется для выражения временных отношений, в известной мере справедливо и для коттского языка. Во всяком случае формы коттского глагола, указанные М.А.Кастреном как формы будущего времени /Кастрен 1858 : 140-142/, скорее аналогичны формам кетско-югского инхоатива или ингрессива, ср.:

югск. axtasin bagaxan	"поправляться я=стану", "поправляться я=начну"
axtasin bagoxon	"поправляться я=стал", "поправляться я=начал"
axtasin kugaxan	"поправляться ты=станешь", "поправляться ты=начнешь"

axtasin kugoxon	"поправляться ты=стал", "поправляться ты=начал"
axtasin agaxan	"поправляться он=станет", "поправляться он=начнет"
axtasin agoxon	"поправляться он=стал", "поправляться он=начал"
axtasin igaxan	"поправляться она=станет", "поправляться она=начнет"
axtasin igoxon	"поправляться она=стала", "поправляться она=начала"
axtasin dɔgaxan	"поправляться мы=станем", "поправляться мы=начнем"
axtasin kɔgaxan	"поправляться вы=станете", "поправляться вы=начнете"
axtasin aɔgaxan	"поправляться они=станут", "поправляться они=начнут" и т.д.
югск. xɔ? di:je	"расту", "большим стану"
xɔ? ku:je	"растешь", "большим становишься"
xɔ? du:je	"растет=он", "большим он=становится"
xɔ? s :je	"растет=она", "большой она=становится"
	и т.д.
кот. pai d'ɔjaɔ	"богатым буду=я"
pai d'ɔu	"богатым будешь=ты"
pai d'ɔx	"богатым будут=он/она"
pai d'ɔjekantɔɔ	"богатыми будем=мы"
pai d'ɔjekanoɔ	"богатыми будете=вы"
pai d'ɔjekan	"богатыми будут=они"
pai o:niɔɔ	"богатым становился=я"
pai o:niu	"богатым становился=ты"
pai o:n'e	"богатым становился=он/она"
pai o:n'eganɔɔ	"богатыми становились=мы"
pai o:n'eganɔɔ	"богатыми становились=вы"
pai o:n'egan	"богатыми становились=они"

КАТЕГОРИЯ ЛИЦА

О грамматических средствах выражения категории лица в коттском языке выше уже упоминалось в связи с характеристической субъектно-объектных показателей серии Е и серии Д.

Специфика коттского языка заключается в том, что у большинства глаголов в субъектном ряду показателей Б, которые в отличие от кетско-югских показателей суффигируются, не выражается 3-е лицо (в некоторых диалектах кетского языка, наоборот, наблюдается тенденция к исчезновению показателей субъекта в 1-м и 2-м лицах при сохранении их в 3-м лице; правда, в данном случае речь идет о показателях серии Д). Сравним парадигмы спряжения глагола "играть" в коттском и югском языках:

Коттский язык	Югский язык	Перевод
ајаа:k=η	d=afyɲi:sti?	"я=играю"
ајаа:k=u	k=afyɲi:sti?	"ты=играешь"
ајаа:k=	d=afyɲi:sti?	"он=играет"
ајаа:k=	da=afyɲi:sti?	"она=играет"
ајаа:gan=toη	d=afyɲi:sti:n	"мы=играем"
ајаа:gan=oη	k=afyɲi:sti:n	"вы=играете"
ајаа:kaп=	d=afyɲi:sti:n	"они=играют"

Иное положение обнаруживается в коттском языке в ряду глагольных объектных показателей, где всегда четко выражено и 3-е лицо; эти показатели, как правило, инфигируются в глагольную словоформу:

а́саа:t ^h ax	"он (она)=пугает=меня"
а́бу:a:t ^h ax	"он (она)=пугает=тебя"
а́са:a:t ^h ax	"он (она)=пугает=его"
а́соа:t ^h ax	"он (она)=пугает=нас"
а́соа:t ^h ax	"он (она)=пугает=вас"
асаа:t ^h ax	"он (она)=пугает=их"

У нескольких коттских глаголов, отмеченных М.А.Кастреном, лично-субъектные показатели инфигируются наподобие лично-объектных и тоже представлены во всех трех лицах. Приведем в качестве примера парадигму глагола "забывать":

e:nepaɲiǽ	"я=забываю"	e:niɲiǽ	"я=забыл"
e:niɲiǽ	"ты=забываешь"	e:niʔiǽ	"ты=забыл"
e:naʔiǽ	"он=забывает"	e:naɲiǽ	"он=забыл"
e:ɲoɲiǽ	"мы=забываем"	e:ɲoɲiǽ	"мы=забыли"
e:ɲoɲiǽ	"вы=забываете"	e:ɲoɲiǽ	"вы=забыли"
e:naɲiǽ	"они=забывают"	e:naɲiǽ	"они=забыли"

Все лица выражены также в ряду субъектных предикативных суффиксов, относящихся к серии показателей Д. Как уже отмечалось, особенность этих суффиксов состоит в том, что они

могут присоединяться к инфинитивам, наречиям, прилагательным, числительным, местоимениям и даже к именам существительным в основном или некоторых других падежах^ж, например:

paɪtaɟ	"я=богатый"	paɪtoɟ	"мы=богатые"
paɟu	"ты=богатый"	paɟoɟ	"вы=богатые"
paɪtu	"он=богатый"	paɪʔiaɟ	"они=богатые"
paɪta	"она=богатая"		

В коттском глаголе точно также, как в кетско-югском, может быть представлено два ряда личных показателей (см. выше приведенный глагол "пугать"), а иногда и три. Загадочными представляются личные показатели коттских глаголов, которые префигируются к глагольной словоформе, дублируя лично-субъектные суффиксы. Приведем в качестве примера парадигму глагола "родиться":

i=g=ej=ap**	"я=рождаюсь" ^{жжж}	ap-i-g-ej=ap	"я=родился"
i=g=ej=u	"ты=родишься"	ap-i-g-ej=u	"ты=родился"
d'a:=g=ei=	"он=рождается"	ap-a:=g=ei	"он=родился"
oɟ=ej=an-toɟ	"мы=рождаемся"	ap-oɟ=ej=an-toɟ	"мы=родились"
oɟ=ej=an-oɟ	"вы=рождаетесь"	ap-oɟ=ej=an-oɟ	"вы=родились"
d'a:ɟ=ei	"они=рождаются"	ap-a:ɟ=ei	"они=родились"

В коттском языке тоже наблюдается, таким образом, явление, широко распространенное в кетском и югском языках, когда лично-субъектные показатели Б дублируются показателями Д в этой же функции. Е.А.Крейнович писал по этому поводу: "Исторически личные показатели группы Б, по-видимому, предшествовали по-

* В современном кетском и югском языках чаще всего оформляется предикативными суффиксами форма локатива имен существительных (югск. хивкеjdu? "он=в=чуме", хивкjeda? "она=в=чуме" и т.д.); нами не обнаружены случаи оформления существительных этими суффиксами в форме основного падежа, хотя М.А.Кастрен приводит в своих материалах такие формы, например, ʃɒmbadi "я=тунгус", ʃɒmbagu "ты=тунгус", ʃɒmbadu "он=тунгус, ubdi "я=отец", urku "ты=отец" и т.д. /Кастрен 1858 : 100-103/.

^{жж} =g= является, на наш взгляд, интерфиксом, не имеющим прямого отношения к значимым строевым элементам глагольной словоформы.

^{жжж} Немецкий перевод М.А.Кастрена "ich werde geboren"

явлению личных показателей группы Д. Это предположение вызывается тем обстоятельством, что перед непереходными глаголами, начинающимися с личных показателей группы Б, в потоке речи могут появляться еще личные показатели ряда d/d, словно первых показателей недостаточно, для выражения значения субъекта действия, например: *duptar batabdaq* "перемет (рыболовную снасть) я вытащу", *duptan' dbatavij* "переметы я вытаскиваю" /Крейнович 1968 : 23-24/. В одной из наших работ это явление объясняется сменой типологического состояния енисейских языков, развитием в них черт номинативности /Вернер 1974 : 42/. В кетском и югском языках это связано с общим переосмыслением показателей Б и Д и вытеснением показателей Б в роли лично-субъектных /Вернер 1964 : 60/; в коттском языке у абсолютного большинства глаголов именно показатели Б сохраняются в роли лично-субъектных, и только у 10-15 глаголов, зафиксированных М.А.Кастреном, они дублируются в позиции субъектными показателями Д. Этот факт, несомненно, свидетельствует о том, что в коттском языке исконный енисейский языковой тип, который характеризовался чертами активного строя, перестраивался иначе, чем в кетско-югском. В связи с тем, что субъектные показатели Б оказались в коттском языке более устойчивыми, можно бы именно для коттского языка предполагать в прошлом этап перестройки активного строя в посессивный, сменившийся затем номинативным строем. В кетско-югском, как известно, предполагалось рядом исследователей сходное развитие на том основании, что показатели Б развились из посессивных префиксов. "... генетически показатели группы Б (в кетском языке - Г.В.) указывали не на субъект действия, а на принадлежность действия лицу: *batabdaq* "мое=вытаскивание=этого" (а не "я=вытащу=это"), подобно тому, как префикс I-го лица единственного числа именной категории "ритяжательности" указывает на принадлежность вещи лицу: *vam* также *avam* "моя мать" (*am* "мать") и т.д." /Крейнович 1968 : 24/. Но Е.А.Крейнович не учел при этом, что в кетско-югской глагольной системе показатели Б

означает "я рождаюсь" или "мё (я) рожают", но не "я рожаю", как это понял Е.А.Крейнович /Крейнович 1968 : 32/.

представлены двумя различными рядами - 'ba-a-i и 'bo-o-u -, из которых только первый ряд может возводиться к единому источнику с притяжательными префиксами имени. В коттском же языке эти два ряда показателей Б представлены лишь одним рядом, который, кстати совпадает с бывшими притяжательными префиксами, и, следовательно, предположение Е.А.Крейновича о выражении принадлежности действия лицу в целом согласуется с фактами коттского языка.

Давно выдвинуто предположение, что показатели Б и Д в енисейских языках местоименного происхождения /Кастрен 1858 : 60; Каргер 1934 : 235/. При этом предполагалось, что показатели Д восходят к личным, а показатели Б к посессивным местоимениям. Но нельзя в данном случае не вспомнить мысль К.Е. Майтинской о том, что к моменту возникновения спряжения притяжательных местоимений могло еще не быть в данном языке /Майтинская 1969 : 210/, и, следовательно, вопрос о происхождении личных глагольных показателей намного сложнее. Выдвинутое положение осложнено еще и тем фактом, что личные глагольные показатели теснейшим образом связаны с выражением классов в языке, что может объясняться, по мнению Г.Т. Живовой, исконным классовым характером этих показателей, восходящих наряду с основными разрядами местоимений (указательных, личных и вопросительных) к первичным дейктическим словам /Живова 1978 : 18-19/. То есть местоимения должны были вычлениваться постепенно из массы первичных слов-классификаторов дейктического характера, и именно с этим процессом можно связывать и развитие классовых экспонентов, которые на более поздней стадии развития языка были переосмыслены как лично-субъектные и лично-объектные глагольные показатели /Вернер, Живова 1981 : 34-37/. Интересно в связи с этим отметить, что в коттской глагольной системе, как и в кетско-югской, в силу особенностей морфологии показатели лица, времени и класса не всегда четко вычлениются. Сравним следующие парадигмы в коттском и югском языках:

Югский язык

di:ptet'	"я=бью=это"	dibi:ntet'	"я=бил=это"
dijtet'	"я=бью=ее"	did'i:ntet'	"я=бил=ее"
dijatet'	"я=бью=его"	do:ntet'	"я=бил=его"
du:ptet'	"он=бьет=это"	dibi:ntet'	"он=бил=это"

du:tet'	"он=бьет=ее"	did'i:ntet'	"он=бил=ее"
duatet'	"он=бьет=его"	do:ntet'	"он=бьет=его"
daɣatet'	"я=бью=их"	doɣo:ntet'	"я=бил=их"
duaɣtet'	"он=бьет=их"	doɣe:ntet'	"он=бил=их"

Коттский язык

i:ɣanɔɣ	"я=сажусь"	но: ite:naɣ	"я=ложусь"
i:ɣɔnu	"ты=садишься"	ite:nu	"ты=ложишься"
d'aɣraɣ	"он (она)= сидится"	d'ɣ:te:n	"он (она)= ложится"
ani:ɣranɔɣ	"я=сел"	alte:naɣ	"я=ложился"
ani:ɣranu	"ты=сел"	alte:nu	"ты=ложился"
anaɣraɣ	"он (она)=сел"	ala:te:n	"он (она)=ложил- ся"

Таким образом, в коттском глаголе в большинстве случаев находят выражение 1-е, 2-е и 3-е лицо в формах единственного и множественного числа. Следов выражения эксклюзивности/ин-ксклюзивности, кроме предполагаемых реликтов, о которых выше уже говорилось, в коттских глагольных формах не обнаружено.

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

В круг вопросов, касающихся выражения категории числа в структуре коттских и - шире - енисейских глагольных словоформ, мы не включаем видовую оппозицию "однократный-неоднократный" способ действия, ограничиваясь рассмотрением оппозиции единственное число:множественное число в ряду лично-субъектных и в ряду лично-объектных показателей и общим выражением числа субъекта действия в структуре глагольных словоформ; не рассматриваются здесь и формы множественного числа корневых глагольных основ-инфинитивов, так как последняя особенность, как уже отмечалось, в целом носит тоже видовой характер.

В коттском глаголе, как в кетско-югском, общее выражение числа субъекта действия осуществляется нулевым показателем при наличии единичного субъекта действия и показателем =n/ =an ∞ =on при наличии множественного субъекта действия:

ǰodia:k=ŋ	"я=работаю"
ǰodia:k=u	"ты=работаешь"
ǰodia:k=	"он/она=работает"

šodia:g=an=toŋ	"мы=работаем"
šodia:g=an=oŋ	"вы=работаете"
šodia:g=an=	"ни=работают"
šodiolo:k=n	"я=работал"
šodiolo:g=u	"ты=работал"
šodiolo:k=	"он/она=работал"
šodiolo:g=on=toŋ	"мы=работали"
šodiolo:g=on=oŋ	"вы=работали"
šodiolo:g=an=	"они=работали"

В приведенной парадигме число субъекта действия выражено в 1-м и 2-м лице дважды, т.к. лично-субъектные показатели глагола уже сами по себе различаются и по лицу и по числу. Третье лицо представлено нулевым лично-субъектным показателем у приведенного глагола, но у некоторых глаголов, как уже отмечалось, представлены и показатели для 3-го лица, например: d'a:ta "он=приходит" - d'a:ŋai "они=приходят", hia:ta "он=пришел" - hia:ŋai "они=пришли" и т.д. У некоторых коттских глаголов число субъекта действия выражено в 1-м и 2-м лице даже трижды: ite:naŋ "я=ложусь" - ite:ni "ты=ложишься" - d'a:te:n "он=ложится", но: on=te:naŋ=an=toŋ "мы=ложимся" - on=te:naŋ=an=oŋ "вы=ложитесь" - d'a:n=te:naŋ=an= "они=ложатся".

В структуре глагольных слов переходной семантики, где представлен и объектный ряд личных показателей, выражено также число объекта действия (см. вышеприведенную парадигму глагола "пугать"), если он не относится к вещному классу: в коттском, как и в кетско-югском, ни в парадигме спряжения, ни в парадигме склонения вещной класс не обнаруживает различий по числу. В глаголе коттского языка прямых указаний на этот счет, правда, нет, поскольку имеющиеся материалы очень ограничены, и соответствующий вывод делается нами по аналогии с кетско-югскими данными. Как известно, в кетско-югском ни субъект действия, ни объект действия не обнаруживают различий по числу, если они относятся к вещному классу, например: югск.

oksy bɪmba:x	"палка гниет" (оксу "палка" - вещной класс)
aʔx bɪmba:x	"палки гниют"
oksy ɖu:ja:x	"дерево гниет" (оксу "дерево" - муж-

	ской класс)
a?x du:jaxn	"деревья гниют"
at čy?v di:ptet'	"я камень бью" (čy?v "камень" - вещ- ной класс)
at čl?ŋ di:ptet'	"я камни бью"
at bu dijatet'	"я его бью"
at beig dəpatet'	"я их бью"

Некоторые косвенные данные позволяют предполагать аналогичную ситуацию и для коттского языка.

В кетском и югском языках в ряде случаев наблюдается еще такой архаизм как супплетивизм глагольных форм, связанный с выражением числа субъекта действия, ср. югские формы от глагола dɬ?x "жить", kl?j "ходить":

dijadax	"я=живу"	diju:n	"мы=живем"
kuadax	"ты=живешь"	kuŋy:n	"вы=живете"
duadax	"он=живет"	duy:n	"они=живут"
dičajge	"я=хожу"	tčadaŋot	"мы=ходим"
dičor:ge	"я=ходил"	tčordəŋot	"мы=ходили"

Похоже, что в некоторых случаях это явление наблюдалось и в коттском языке, ср.:

i:jaŋ	"я=ухожу"	ɕŋatəŋ	"мы=уходим"
i:jau	"ты=уходишь"	ɕŋop	"вы=уходите"
d'a:ga	"он=уходит"	d'a:ŋa	"они=уходят"
ito:jaŋ	"я=прихожу"	ɕŋaitəŋ	"мы=приходим"
itou	"ты=приходишь"	ɕŋajəŋ	"вы=приходите"
d'a:ta	"он=приходит"	d'a:ŋai	"они=приходят"

Единичность и множественность самого действия выражается в енисейских языках нередко формами единственного и множественного числа корневой глагольной основы, напоминая формы единственного и множественного числа существительных. В коттском языке на наличие в системе глагола этой особенности указывают примеры типа tox "прыгать" (форма ед. числа) - to:ky "прыгать" (форма мн. числа). В кетском и югском языках это явление встречается довольно часто, о чем в разделе об инфинитиве уже говорилось, ср. югск. bɛ:t' мн. число bət'n "делать". Но часто в таких случаях употребляется в качестве инфинитива только форма множественного числа, и можно согласиться с мнением Э.И.Белимова о том, что показатель множественности в последнем случае приобретает видовое зна-

чение неопределенности действия /Белимов 1973 : 8/. Такая интерпретация соответствует, на наш взгляд, и характеру коттских инфинитивов, представляющих собой формы множественного числа, например: *šakč* "ехать вниз по течению", *tuřuř* "удить (рыбу)" и т.д.

Однотипность субъектно-объектных показателей множественного числа в сериях Б и Д, а также их полное совпадение в некоторых рядах показателей Д с показателями единственного числа (см. вышеприведенные таблицы этих показателей), может свидетельствовать об их более позднем происхождении, чем показателей единственного числа, и о том, что поначалу в глаголе число субъекта и объекта не выражалось /Шабаев 1980 : 229/. По вопросу о происхождении показателей множественного числа в коттском и других енисейских языках мы разделяем предположение А.П.Дульзона о том, что они восходят к классным показателям совокупности одушевленного множества и собирательности предметов /Дульзон 1972 : 4-5/. Это относится в равной мере к показателям множественности как у глагола, так и у имени.

КАТЕГОРИЯ КЛАССА

Поскольку коттский, как и другие енисейские языки, сохранил классную систему, то необходимо при ее написании различать, с одной стороны, соответствующую дифференциацию именной лексики (именные классы), а с другой - грамматическое выражение этих классов в структуре различных частей речи, прежде всего в структуре слов, согласующихся с существительными (грамматические классы).

В современных енисейских языках - кетском и югском - наиболее полное выражение грамматических классов установлено в глагольной системе /Крейнович 1968б/, в частности, в лично-субъектных и лично-объектных показателях 3-го лица: в показателях единственного числа выражены мужской, женский и вещной классы, а в показателях множественного числа - вещной и невестной классы. Понятно, что в коттском языке следы классных различий можно обнаружить только в структуре тех глаголов, у которых имеются субъектные и объектные показатели 3-го лица. Так, по образцам парадигм коттских переходных глаголов,

приведенных М.А.Кастреном /Кастрен 1858:118, 132-139/, устанавливается, что лично-объектные показатели 3-го лица единственного числа выражали мужской, женский и вещной классы. Вещной класс четко выражался в этих глаголах показателем =b= точно соответствующим кетско-югскому =b= ∞ =v=, ср. парадигмы спряжения глагола "делать" в коттском и югском языках:

Югский язык	Коттский язык	Перевод
di=b=bet'	ba=pa=j=aŋ	"я=делаю=это"
ku=b=bet'	ba=pa=u	"ты=делаешь=это"
du=b=bet'	ba=pa=x=	"он=делает=это"
da=b=bet'	ba=pa=x=	"она=делает=это"
di=b=bet'n	ba=pe:n=taŋ*	"мы=делаем=это"
ku=b=bet'n	ba=pe:tn=on	"вы=делаете=это"
du=b=bet'n	ba=pe:tn	"они=делают=это"

Интересно также сопоставить кетские формы bimba "станет (будет)=это", bimna "стало=это" с коттскими vari "созревает=это", manari "созрело=это", где показатель вещного класса b=∞m= уже выступает в роли субъектного показателя.

В материалах М.А.Кастрена имеются и примеры, когда показатель класса вещей b= противопоставлен показателю неведущего класса d'=. В кетском и югском языках в таких случаях представлен вместо коттского обобщенного показателя d'= лично-субъектный ряд показателей Д, сравним: кот. vari "это=созревает" - d'arijaŋ "я=созреваю", d'ariu "ты=созреваешь", d'arix= "он (она)=созревает" и т.д.; кет. bitl:l' "это=замерзает" - dutl:l' "он=замерзает", dət:l'l' "она=замерзает", ditl:l'l' "я=замерзаю", kutl:l'l' "ты=замерзаешь" и т.д.; югск. bimba:x "это=гниет" - dija:x "я=гнию", kuja:x "ты=гниешь", duja:x "он=гниет", daja:x "она=гниет" и т.д. Непонятными остаются коттские формы d'a:gejaŋ "я=гнию" и ba:gejaŋ "я=гнию". Очевидно, последняя форма записана по ошибке вместо ожидаемой формы *bage(j) "это=гниет".

В глагольных словформах переходной семантики в ряду объектных показателей у М.А.Кастрена представлен еще показатель мужского класса =a= в единственном числе и показателем

* Почему-то М.А.Кастрен приводит форму bape:ntaŋ вместо ожидаемой формы bape:nton < *bape:ntnoŋ.

тель неведного класса $-a\eta \sim \sim -an$ во множественном числе: $hama? = a = t^h a : k\eta$ "я=люблю=его", $hama? = an = t^h a : k\eta$ "я=люблю=их". Форма, которая в данном случае должна содержать объектный показатель женского класса $=i =$ (* $hama? = i = t^h a : k\eta$ "я=ее=люблю") у М.А.Кастрена отсутствует, однако, она может быть легко реконструирована, если учесть, что этот ряд лично-объектных показателей полностью совпадает с показателями родительного падежа у имени и местоимений, где в роли соответствующего падежного показателя женского и вещного класса выступает $=i =$. Следовательно, женский и вещной класс в подобных случаях неотдифференцированы; только в формах 3-го лица множественного числа, очевидно, вещной класс сохранял показатель $=i =$, как это характерно для парадигмы склонения, а женский класс совпадает с мужским, выражаясь показателем $-a\eta \sim \sim = an$ обобщенного неведного класса. По аналогии с рассмотренным случаем можно также восстановить:

форму * $e : ni(?) ai\dot{s}$ e "она=забывает" наряду с имеющимися формами $e : na? ai\dot{s}$ e "он=забывает", $e : ni ai\dot{s}$ e "ты=забываешь", $e : ne? ai\dot{s}$ e "я=забывал", $e : na? ai\dot{s}$ e "они=забывают" и т.д., $e : ni? ui\dot{s}$ e "ты=забыл", $e : na? ui\dot{s}$ e "они=забыли" и т.д.;

форму * $ulari(?) ai$ "она=пить=хочет" наряду с $ulara? ai$ "он=пить=хочет", $ulurui ai$ "ты=пить=хочешь", $ulara? ai$ "я=пить=хочу" и т.д.;

форму * $u\dot{s}a : gali(?) ai$ "она=спать=хочет" наряду с $u\dot{s}a : gal = a? ai$ "он=спать=хочет", $u\dot{s}a : galu? ai$ "ты=спать=хочешь", $u\dot{s}a : gala? ai$ "я=спать=хочу" и т.д.

форму * $\dot{a} : i : te : n$ "она=ложится" наряду с $d' a : te : n$ "он=ложится", $ite : na\eta$ "я=ложусь", $ite : ni$ "ты=ложишься" и т.д.

Наиболее полно классная дифференциация проведена, однако, в ряду предикативных суффиксов серии Д, которые могут, как уже сообщалось, присоединяться к инфинитивам, наречиям, прилагательным, местоимениям, числительным и даже к существительным, оформляя именное сказуемое: $inita\eta$ "я=здесь", $iniu$ "ты=здесь", $initu$ "он=здесь", $inita$ "она=здесь", $ini(g)a$ "это=здесь" и т.д.

КАЧЕСТВЕННЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ

Что касается качественных глагольных классификаций в кот-

тском языке, то можно выделить категории переходности, залога, вида и склонения.

Переходность/непереходность определяется, как правило, рядами лично-субъектных и лично-объектных глагольных показателей в структуре глагольных словоформ: при наличии лишь субъектного ряда показателей соответствующая парадигма характеризуется непереходной семантикой, а при наличии субъектного и объектного рядов показателей - переходной семантикой. Сравним две парадигмы глагола "бить":

аѣт ^h а:та=ј=аѣ	"я=бью"
аѣт ^h а:та=у	"ты=бьешь"
аѣт ^h а:тах=	"он (она)=бьет"
аѣт ^h а:тан=тоѣ	"мы=бьем"
аѣт ^h а:татн=оѣ	"вы=бьете"
аѣт ^h а:тн=	"они=бьют"
аѣт ^h у:рта=ј=аѣ	"я=бил"
аѣт ^h а:рта=у	"ты=бил"
аѣт ^h у:ртах=	"он (она)=бил"
аѣт ^h у:ртан=тоѣ	"мы=били"
аѣт ^h у:ртатн=оѣ	"вы=били"
аѣт ^h у:ртатн=	"они=били"

аѣ=а=т ^h а:та=ј=аѣ	"я=бью=его"
аѣ=у:=т ^h а:та=ј=аѣ	"я=бью=тебя"
аѣ=о:=н=т ^h а:та=ј=аѣ	"я=бью=вас"
аѣ=а:=н=т ^h а:та=ј=аѣ	"я=бью=их"
аѣ=а:=т ^h у:рта=ј=аѣ	"я=бил=его"
аѣ=у:=т ^h у:рта=ј=аѣ	"я=бил=тебя"
аѣ=о:=н=т ^h у:рта=ј=аѣ	"я=бил=вас"
аѣ=а:=н=т ^h у:рта=ј=аѣ	"я=бил=их"
аѣ=ан=т ^h а:та=у	"ты=бьешь=меня"
аѣ=ен=т ^h а:та=	"он (она)=бил=меня" и т.д.

Сходная ситуация наблюдается и в системе кетско-югского глагола, хотя в кетском и югском непереходность маркируется нередко добавлением к соответствующей глагольной основе показателя =а=, например, югск. di=ki:=p=tiѣ "я=качу=это", но: ki=b=а=tiѣ "это=катится". Однако и в кетско-югском и в коттском языках переходная семантика может быть обусловлена появлением некоторых показателей видового или залогового

характера. В коттском языке это показатель t^h , имеющий фактитивное значение, ср.:

hió:na:kp	"спешу=я"	-	hió:na:t ^h a:kp	"тороплю=я=его"
šujəa:kp	"заблужусь"	-	šujəa:t ^h a:kp	"ввожу=его=в= заблуждение"
naɲəpa:kp	"молюсь=я"	-	naɲa:t ^h a:kp	"прошу=я=его"
ašəpa:kp	"охочусь=я"	-	ašant ^h a:kp	"добываю= охотой=я"
šəpa:kp	"я=нахожусь= в=гостях"	-	šəpat ^h akp	"я=угощаю" и т.д.

Глаголы переходной семантики легко опознаются по наличию в их структуре объектного показателя класса вещей b , как правило, в инициальной позиции: $baɲa:kp$ "держу=я=это", $baɲukp$ "найду=я=это", $bašə:gaɲ$ "скоблю (щипу)=я=это", $bašəpaɲ$ "тру=я=это", $baɲagaɲ$ "трясу=я=это" и т.д. Исключением являются глаголы типа $baɲi$ "созревает=это", в которых показатель b указывает на субъект действия или состояния.

По аналогии с кетско-югскими глаголами можно предполагать, что в тех случаях, когда субъект совершает действие над самими собой, соответствующие коттские глагольные словоформы могли оформляться как возвратные типа югских $dittet'$ "я=быю=себя" (ср. $di:ptet'$ "я=быю=это", $dijətet'$ "я=быю=его", $diktet'$ "я=быю=тебя", $daɲətet'$ "я=быю=их" и т.д.). Правда, у М.А. Кастрена обнаруживаем примеры и переводы типа кот. $naɲa?at^h a:kp$ "я=люблю=себя (его)", $naɲa?at^h o:lo:kp$ "я=любил=себя (его)", $ašat^h a:taɲaɲ$ "я=быю=себя(его)", но думается, что эти формы были однозначными и должны переводиться как "я=люблю=его", "я=любил=его", "я=быю=его".

Переходными были, очевидно, в коттском языке и глаголы с показателем $šei$ залогового значения, например, $hukaɲšei$ "нагревать", $šurumašei$ "красить", $šigalašei$ "сушить" и т.д.

В целом, однако, для коттского, как и для других енисейских языков, противопоставление глагольных лексем (основ) по признаку переходности/непереходности нехарактерно и является, несомненно, поздней инновацией, возникшей в связи с перестройкой языкового типа от языка активной типологии к языку номинативной типологии, когда семантической детерминантой ста-

новится противопоставление субъектного и объектного начал и структура языка в целом ориентирована на передачу субъектно-объектных отношений. Именно поэтому образование в коттском языке переходных и непереходных глагольных форм зависит не столько от семантики соответствующей глагольной лексемы (основы), сколько от характера соответствующего предложения, от количества актантов при предикате. Наличие в коттском языке двух развернутых рядов глагольных показателей - субъектного и объектного - как раз позволяет говорить о категории переходности/непереходности.

Видовые значения выражаются в коттской глагольной системе как лексическими, так и грамматическими средствами. Уже при рассмотрении инфинитива было отмечено, что некоторые словообразовательные аффиксы имеют видовое значение. Так, суффикс $-ax \sim -ak$ выражает предельность ($ni\acute{x}ax$ "войти"), а суффиксы $-ai, -ei \sim -gei$ - неопределенность ($kuterei$ "шуметь", $hatamei$ "кашлять"). Неопределенное длительное действие выражают также суффиксы $-n, -\eta$, восходящие к показателям множественного числа ($tu\eta\eta$ "удить", $a\acute{b}a\eta$ "добывать охотой"). Соответствующие кетские формы определялись А.П.Дульзоном как формы квантитатива /Дульзон 1968 : 265/.

Как уже отмечалось, видовые значения выражают в коттском языке и видо-временные глагольные показатели $=n=, -l=, -r=$. Показатель $=n=$ выражает оттенки значения типа недлительности (терминативности), однократности, мгновенности, результативности, предельности, завершенности, а показатели $-l=, -r=$ - длительности (дуративности), многократности, неопределенности, незавершенности и т.д., например: $ba\eta\eta k\eta$ "найду=я=это" - $ma:\eta\eta k\eta \leftarrow ba:\eta\eta k\eta$ "нашел=я=это", $ba\eta i:ta\eta$ "ищу=я=это" - $ba\eta i:ta\eta$ "искал=я=это". При выяснении значения данных коттских глагольных показателей нельзя исходить из перевода соответствующих словоформ на русский язык, так как в силу семантических расхождений между русским и енисейскими языками русский перевод не всегда передает адекватно все нюансы енисейского языкового сознания /Вернер 1962 : 128-129/. Так, если исходить из русского перевода примеров типа югск. $\acute{d}ifattex$ "я=встану" - $\acute{d}ifurdites$ "я=встал", то следует заключить, что показатель $-r=$ в фор-

ме прошедшего времени выражает завершенность, предельность, результативность действия, в действительности же точный перевод этой глагольной словоформы должен означать "я=вставал", "я=был в состоянии вставания", и, следовательно, никакого значения предельности, завершенности, результативности показатель **=г=** не выражает. Это хорошо подтверждают примеры типа югск. *boade* "я=иду" - *boonde* "я=пошел (ушел)" - *boorde* "я=шел". Мы полагаем, что в семантике коттских показателей **=п=**, с одной стороны, и **=л=**, **=г=** - с другой, доминирующей является видовая оппозиция однократности/неоднократности и завершенности/незавершенности, как например, в кетских формах: *ha:ntet* "сломал" - *ha:ltet* "ломал". Для установления видовых различий в формах настоящего времени коттский материал почти не дает никаких оснований, хотя в формах типа *a:t^ha:tajaŋ* "был=я" (прошедшее время *a:t^hu:rtajaŋ* "бил=я") - *a:št^hijaŋ* "был=(ударю)=я" (прошедшее время *a:nat^hijaŋ* "ударил=я") подобные различия как-будто надульваются.

Было уже было отмечено, что некоторые коттские формы, обозначенные М.А.Кастреном как формы будущего времени, можно по аналогии с соответствующими кетскими и югскими формами рассматривать в качестве инхотативных. Не исключено, что в коттском языке формы инхотатива образовывали такую же развернутую систему, как в кетском и югском, но в материалах М.А.Кастрена представлены лишь некоторые формы настоящего и прошедшего времени /Кастрен 1858 : 141-142/: *hama:d'ajaŋ* "хорошим=стану=я" (или "хорошим=становлюсь=я" (?)), *hama:d'au* "хорошим=станешь=ты" (или "хорошим=становишься=ты" (?)), *hama:d'ax(g)* "хорошим=станет=он/она" (или "хорошим=становится=он/она" (?)), *hama:d'ajekantoŋ* "хорошими=станем=мы" (или "хорошими=становимся=мы" (?)), *hama:d'ajekanəŋ* "хорошими=станете=вы" (или "хорошими=становитесь=вы" (?)), *hama:d'ajekan* "хорошими=станут=они" (или "хорошими=становятся=они" (?)).

М.А.Кастрен больше склонялся, видимо, к первому варианту предложенного перевода данных коттских форм, поскольку характеризовал их как формы будущего времени; при такой интерпретации они как раз и напоминают кетско-югские формы инхотатива (югск. *daŋq* *ɔgaħan* "жить стану", "жить начну"). Если же

предпочесть второй вариант перевода, приведенного в скобках, а он правомерен в такой же мере, как и первый вариант, то было бы целесообразней рассматривать подобные коттские формы как формы ингрессива типа югск. $x\epsilon?di:je$ "я=большим=становлюсь" ("я=расту"), $x\epsilon?ku:je$ "ты=большим=становишься" ("растешь") и т.д.

Соответствующие формы прошедшего времени переведены М.А. Кастреном выражением типа "я=стал" ("ich wurde"): $rai\ o:nia\eta$ "я=стал богатым" и т.д. (полная парадигма приведена выше). Эти формы можно, видимо, как уже отмечалось, сопоставлять с югскими типа $x\epsilon?di:n'e$ "я=стал большим" ("я=вырос"), $x\epsilon?ku:n'e$ "ты=стал большим" ("ты=вырос") и т.д.

О наличии в коттском языке залоговых форм с каузативным (фактитивным) значением позволяют говорить примеры типа $ul\check{s}uja:ky$ "я=плаваю" - $ul\check{s}uja:t^h a:ky$ "я=заставляю (побуждаю)=его=плавать" (у М.А.Кастрена: "schwimmen lassen"), $\check{s}uje\eta a:ky$ "заблужусь" - $\check{s}uje\eta a:t^h a:ky$ "заведу=его=я (чтоб заблудился)", $hi\check{c}i:na:ky$ "тороплюсь, спешу" - $hi\check{c}i:=na:t^h a:ky$ "тороплю=его=я (побуждаю его поторопиться)" и т.д. Правда, указанная оппозиция выражена не всегда так четко, как в приведенных примерах. Сравним следующие пары коттских глагольных словоформ: $afua:ky$ "я=кую" - $afut^h a:ky$ "я=кую" (очевидно, "скую" (?)), $a\eta a\eta a:ky$ "я=думаю" - $a\eta a\eta a:t^h a:ky$ "я=думаю" (может быть, "я=задумую")*, $\check{y}aba-n\check{s}a\eta a:ky$ "я=пашу" - $\check{y}aban\check{s}ant^h a:ky$ "я=пашу" (очевидно, "я=вспахую"), $hara:ky$ "я=торгую" - $harit^h a:ky$ "я=торгую" (возможно, "я=куплю" ~ "я=продам") и т.д. Не исключено, что именно последние примеры побудили А.П.Дульзона рассматривать показатель $=t^h$, представленный в этих словоформах, в качестве показателя направленного действия /Дульзон 1970 : 84/ аналогично соответствующим глагольным формам в кетском языке, например: кет. $va\check{r}atet$ "он=шагает" - $vaqtatet$ "он=топает" /Дульзон 1968 : 145/. Правда, А.П.Дульзон допускает, что в этой же функции может выступать и показатель $=q$, который в кетском языке обычно употребляется в формах каузатива: $at\ qivi\eta$ "я=говорить=буду, спрашивать" (для себя,

* Не исключено, что перевод М.А.Кастрена дан обобщенно; скорее всего формы с $=t^h$ следует переводить "заставляю", "заставляю думать" и т.д.

чтобы мне узнать)/Дульзон 1968 : 145/. Сравните также кет. ul'qij "воду=зачерпывать" (для себя, для хранения). Словом, кетские примеры не убеждают в том, что коттский показатель $=t^h$ - это показатель направленности действия. Да и кетские примеры с показателем $=t$ могут восходить к побудительным формам в прошлом, тем более, что в ряде случаев функции показателя $=t$ близки к функциям показателя $=q$. Заметим, кстати, что и в коттском языке иногда встречаются формы с $=k \sim =g$, близкие по своей семантике к формам с показателем $=t^h$, например, urki "мыть", urka:kp "моюсь", uro:kiap "мою, стираю", hataga:kp "греюсь", šitšitiga:kp "я=учу", t^ha:ga:kp "я=обдираю", fataga:kp "я=встаю". (Но при такой интерпретации показателя $=k \sim =g$ остается непонятной форма hatakt^ha:kp "я=грею", где рядом оказываются оба показателя - $=k$ и $=t^h$). Видимо, А.П.Дульзон исходил именно из подобных примеров, предполагая, что в коттском языке показателем фактитива является $=g(k)$ /Дульзон 1970 : 83/. Если в коттских примерах типа aŋu:kp "я=кую" - aŋut^ha:kp "я=кую" показатель $=t^h$ действительно как бы указывает на предельность и направленность действия, то в примерах ulšija:kp "я=плаваю" - ulšija:t^ha:kp "я=заставляю=его=плавать" он может рассматриваться только как показатель каузатива, очень напоминая формы понудительного залога в тюркских языках, ср. древнетюркские формы sala-t- "вести в поход", bin-tür "приказывать сесть верхом" и т.д. /Кондратьев 1970 : 25/. Можно предположить, что исконное значение показателя $=t^h$ терминативного характера (действие, направленное к достижению определенного результата, имеющее определенный предел) начинает в коттском языке переосмысливаться как каузативно-побудительное (действие, производимое опосредствованно, то есть реальный производитель действия не совпадает с подлежащим при таких глаголах).

Как уже отмечалось в разделе об инфинитиве, в коттском глаголе нередко встречается словообразовательный суффикс $=šei$ залогового характера: hukaišei "греть", šigaišei "сушить", šurmaišei "красить". Любопытно, что вместо этих глаголов с показателем $=šei$ могут употребляться аналитические образования с ba:ttaŋ: šigaišei ba:ttaŋ "сушить", hukai ba:ttaŋ "греть", šurmaišei ba:ttaŋ "красить". Если

bat̪taʒ наряду с baraʒaʒ перевести выражением "это=делая=я", то коттские образования с этим глаголом можно сопоставить с югскими глаголами на =get' ~ =et' (=ed') залогового характера, например, югск. satejesaʒ -- "стыдиться чтобы" - satejed'esaʒ "стыдить чтобы", tugunejesaʒ "причесаться чтобы" - tugun'ged'esaʒ "причесать чтобы", хонг "заживать" (о ране) - хонред' "заживлять" (о ране) и т.д.

Именно от таких югских глаголов образуются формы каузатива: tared' "остудить" - tarxebut "остужу", tarxa:bdɪ? "остужаю"; fobed' "чистить" (рыбу) - fobet'xait "очищу=его" (осетра), fobet'xajdi? "чищу=его" (осетра). Но в югском языке показателем каузатива может быть не только =x=, но и =č= (на это указывал уже А.П. Дульзон /Дульзон 1968 : 397/), что можно бы тоже сопоставлять с коттскими глаголами на =čei: d'ančei "обменять, сменить", d'ekraičei "проглотить", pigačei "жарить", evesaičei "спить" (вином), hatačei "огонь развести" и т.д. Сравним, впрочем, следующие югские глаголы, где появляется показатель =čej типа соответствующего коттского показателя: ugdīčej "удлинить", enģičej "чесать, скрести", fen'n'ačej "уменьшать", uščejesaʒ "потушить чтобы", axtačej "выздоровливать", aščej "мешать" (воду), "рыть" (землю), fačej "порвать" и т.д. Сравним еще следующие югские парадигмы, не оставляющие сомнения в том, что югский каузатив имел и показатель =x= (< =q=), и показатель =č=:

disidlxait	"я=научу=его"	daxtačait	"я=похваляю=его"
disidlxait	"я=научу=ее"	daxtačeit	"я=похваляю=ее"
disidlxajdi?	"я=учу=его"	daxtačajdi?	"я=хваляю=его"
disidlxijdi?	"я=учу=ее"	daxtačijdi?	"я=хваляю=ее"

Интересно, что в югском языке на уровне морфонологии =č= чередуется иногда с =k=, сравним: fičej "собирать черемуху", fygčej "собирать бруснику", bolbačei "собирать грибы" и т.д., но: fuskij "собирать чернику".

В случае, если коттский глагол urki "мыть" соответствует югскому глаголу ured' = "мочить" < urged' =, то можно для коттского, действительно, восстанавливать показатель =k= (=g=) с каузативным значением, как это предполагал А.П. Дульзон. Эти различия в технике выражения каузатива в югском и коттском языках, возможно, восходят к состоянию, когда

фактитив как форма или лексическое значение глагола, выражавший непосредственное побуждение к действию, был противопоставлен каузативу, указывавшему лишь на причину соответствующего действия. Разные тенденции в развитии коттского, югского и кетского языков привели к разным результатам, что подтверждает различие в значении показателей $-t-$, $-b-$, $=q(x)$, $=k = \infty = g =$ в данных языках.

ПРОБЛЕМА ПАССИВА В КОТТСКОМ ЯЗЫКЕ

Из форм с залоговым значением М.А.Кастрен выделял в коттском языке в отличие от енисейско-остяцкого (кетского и югского) формы пассива. Вопрос о пассиве в кетском языке был поднят двадцать лет тому назад в работах А.П.Дульзона, Е.А.Крейновича, Б.А.Успенского, и поскольку до сих пор нет единого мнения по вопросу о наличии пассивного залога в кетском и югском языках, то проблема пассива в коттском языке приобретает особую актуальность, ибо она может пролить дополнительный свет на природу пассива в кетском и югском языках.

В обобщающей монографии А.П.Дульзона по кетскому языку находим широкую трактовку пассива в этом языке /Дульзон 1968/ По его мнению, показателем пассива в кетских глагольных словоформах всегда выступает показатель $-b-$, если его наличие никак не связано с выражением вещного класса в субъектном или объектном рядах личных глагольных показателей. Среди глагольных форм с данным показателем $-b-$ А.П.Дульзон выделяет формы пассива действия, формы пассива состояния, каузативно-пассивные и медио-пассивные формы.

В подходе Е.А.Крейновича к проблеме пассива в глагоде кетского языка привлекает стремление скрупулезно разобраться в специфике активно-пассивной залоговой оппозиции. Сравнивая примеры типа $vi? avoj$ "оленья шкура линяет" - $tip' dajoj$ "собака линяет", с одной стороны, и $un'aj avun'$ "сеть поставленная" - $un'aj davun'$ "сеть он ставит", Е.А.Крейнович делает вывод о том, что если первые два предложения тождественны по своей структуре, то во втором случае представлены две разные структуры предложения: в предложении $un'aj avun'$ "сеть поставленная" $un'aj$ "сеть" - подлежащее, а в предложении $un'aj davun'$ "сеть он ставит" $un'aj$ -

"сеть" - прямое дополнение, выражающее объект, подвергаемый действию; в первом случае *un'iq* "сеть" - это объект, испытывавший на себе действие и характеризующийся в результате этого определенным признаком. "... непереходно-пассивные глаголы в кетском языке - это глаголы, выражающие пассивное состояние, испытываемое подлежащим как следствие осуществленного в отношении его действия" /Крейнович 1968 : 249/. Это как бы ^{не}переходная пассивная конструкция, и Е.А.Крейнович отмечает: "Каждому предложению с пассивным глаголом-сказуемым в кетском языке противостоит предложение с глаголом-сказуемым, которое выражено активным переходным глаголом. Все глаголы с пассивным значением являются производными от переходных глаголов с активным значением" /Крейнович 1968 : 250/. Собственно, Е.А.Крейнович развивает мысль в этом вопросе В.А.Успенского о том, что кетский глагол меняет в подобных случаях свое оформление, становясь оформленным по непереходной парадигме /Успенский 1968 : 206/; это аналогично соответствующим явлениям в языках эргативного строя /Успенский 1964/.

Для нас в связи с рассматриваемым вопросом особый интерес представляют кетские примеры типа *kir'a av l'ayunas' bimba-vät* "это моими руками сделано", *dup'iq davär'ij qimnä l'ayunas'* "дымокуры положены руками женщин", указывающих на возможность пассивного преобразования структуры предложения, при котором наблюдается переход в позицию подлежащего лексема из ликвидируемой позиции прямого дополнения (с элиминацией агента), причем лексема, переходящая из позиции прямого дополнения в позицию подлежащего, занимает маргинальную левую позицию в предложении: то есть при активной конструкции предложения эту позицию занимает агент (*qimnä dup'iq dovil'dan*) "женщины дымокуры положили"), а при пассивной конструкции - пациенс (*dup'iq davär'ij qimnä l'ayunas'av* "дымокуры положены женскими руками").

В плане выражения интересно, что у пассивных форм, в отличие от соответствующих активных, исчезают, как правило, лично-субъектные показатели и инфигируется показатель пассива и непереходности =a=, сравним следующие примеры Е.А.Крейновича /Крейнович 1968 : 251/:

ba v'ul' dubbät "он нарту делает" - *v'ul' bimbävät*

"нарта сделанная"*, bu s'ul' dbil'vät "он нарту сделал" - s'ul' bil'avät "нарта сделанная"; divr'äq "я это мну" - bimbr'äq "это мятое", dbil'däq "я это мял" - bil'är'äq "это было мятое" и т.д.

Факты кетского языка показывают, что в нем, в отличие от языков эргативного строя, изменилось смысловое значение члена предложения, выражающего активного деятеля (агента): если в эргативных языках это всегда реально действующий субъект, то в кетском языке - это грамматический субъект, то есть и субъект действия в предложении активной конструкции, и субъект состояния, испытывающий или испытывавший действие со стороны, в предложении пассивной конструкции, что характерно для языков с залоговой оппозицией актив : пассив /Вернер 1984а : 7/.

Коттский пассив в плане выражения характеризуется прежде всего, как и кетско-югский (во всяком случае у большинства глаголов), инфиксом =a=** ou:nag "я=мешаю"(перемешиваю), пасс. on=a=?u:n; batarag "я=трясу=это", пасс. bala:tar < bala=a=tar; ofulag "кручу (сверлю)=я", пасс. ana:ful. Однако в коттском почти в 70% зафиксированных М.А.Кастреном формах пассива встречается еще суффикс =i= =e. Нам представляется, что природу этого суффикса можно понять, если учесть, что он представлен и в примерах bari "это=созревает" - manari (< banari) "это=созрело". В кетском и югском языках с этими коттскими формами сопоставляются примеры bimba "это=станет (будет)" - bimn'a "это=стало"; сопоставляя коттскую форму manari с кетской bimn'a нетрудно

* На наш взгляд перевод должен быть следующим: "нарта делается (кем-то)", "нарта делалась(кем-то)", "это мнется (кем-то)", "это мялось (кем-то)". Но как указывает Е.А.Крейнович, страдательными причастиями перевод осуществляли сами кеты /Крейнович 1968 : 250/.

** Исключениями являются формы alu:rolagi (вместо ожидаемой alu:pola:gi < alu:pola=a=gi) от alu:pt^hagejan "я=облизываю", d'igät^holagi (вместо ожидаемой d'igät^hola:gi < d'igät^hola=a=gi) от d'iga^ht^hagejan "ношу=я (одежду)", а также форма baroua от battajan "я=расколю", в которой аффикс пассива находится в исходе.

заклучить, что кетское префиксальное *bi-* соответствует коттскому морфоэлементу *=pi* в постпозиции, и, следовательно, *-i* в коттских формах пассива восходит к *-i* в морфоэлементе *=pi*. Это тем более вероятно, что, как отмечает Е.А.Крейнович для кетского языка /Крейнович 1968 : 251/, пассивные формы тождественны по своему строению со структурой непереходного глагола. Сравним следующие примеры Е.А.Крейновича:

	<i>divr'äŋ</i>	"я=это=мну" (шкуру)
	<i>dbil'däŋ</i>	"я=это=мял" (шкуру)
	<i>bimbär'äŋ</i>	"это=мятое", "это=мнется (кем-то)"
	<i>bil'är'äŋ</i>	"это=было=мятое", "это=мялось (кем-то)"
(dux)	<i>bimbäta</i>	"крик=раздается"
(dux)	<i>bil'äta</i>	"крик=раздавался"

Последние четыре формы идентичны по своей структуре, но различны по значению: первые две являются формами пассива, а две последние - активные формы непереходного глагола. Если исходить из того, что в коттском языке пассивные формы от переходных глаголов оформлялись, как и в системе кетско-югского глагола, по типу активных форм непереходных глаголов, то вполне реально сопоставление морфоэлемента *=pi* в формах *bari* "это=созревает", *šaparī* "это=созрел" с *=pi* в формах пассива следующих глаголов:

<i>o:rajaŋ</i>	"я=чищу", пасс.	<i>ola:pi</i> ;
<i>baraŋaŋ</i>	"я=делаю=это", пасс.	<i>bala:pe</i> ;
<i>kit^häbärajaŋ</i>	"я=оплачиваю", пасс.	<i>kit^häla:pi</i> ;
<i>šant^häbärajaŋ</i>	"я=пробую", пасс.	<i>šant^häla:pi</i> ;
<i>a:ra:t^häbärajaŋ</i>	"я=обманываю=его", пасс.	<i>a:ru:t^häla:pi</i> ;
<i>halant^hottaŋ</i>	"я=показываю", пасс.	<i>halant^hola:pi</i> ;

У этих глаголов сохраняется в формах пассива *-p-* в морфоэлементе *=pi*, поскольку они имеют в своей структуре, кроме последнего глагола, компонент *-pa-*, восходящий, как выше уже отмечалось, к глаголу со значением "делать" и соответствующий кетско-югскому *ber', be:d, be:t'* "делать". При учете этого факта можно бы также предположить, что *=pi* в перечисленных шести формах пассива соответствует *-bet* в кетско-югских формах на *-bet* ~ *-vät*, например, кет. *bim-^hävat* "это=сделанное", *bil'^hävat* "это=было=сделанное" (о соответствии кет. *-pa* ~ *-pi* кетско-югскому *-bet* см. выше;

в коттском в формах единственного числа исчез конечный согласный =t). У других глаголов =r= выпало, и остался лишь морфологический элемент =i в исходе форм пассива, который соответствует показателю пассива =b= в кетско-югских глаголах. Как уже отмечалось, показатель =i появляется не во всех формах пассива; тоже самое наблюдается и в отношении показателя =b= в кетском и югском языках. Появление коттского =i и кетско-югского =b= зависит от типа глаголов. Так, например, глаголы на =kit не получают этих показателей*: кет. *ɕʃta:ʃɔvit* "это=облизанное", "это=облизано" (кем-то), кот. *baki:taɟ* "я=тру=это" - пассив. *bala:ki:t < bala=a:ki:t*; кот. *ago:ki:=taɟ* "я=строгаю" - пассив. *agola:ki:t*, но: кет. *bil'avət* "это=сделано (кем-то)", "это=сделанное", кот. *baraɟaɟ* "я=это=делаю" - пассив. *bala:pe*; кет. *bu at botajboks'ivit* "он меня богатым сделает" - *botajboks'ajvət* "богатым=я=сделанный", "богатым=я=сделан (кем-то)", кот. *a:ra:t^haɕara:ɟaɟ* "я=его=обманываю" - пассив. *a:rut^hala:pi*; кет. *aŷvavəraɟ* "он=стрелянный", "он подстрелен (кем-то)", кот. *fo:tekr* "я=стреляю" - пассив. *fuja:teki* и т.д. В целом можно по особенностям образования пассива выделить в коттском языке следующие группы глаголов:

I. Глаголы с основой $\sqrt{\text{---}t^h\text{ak}}$, имеющие в пассиве инфикс =a= и суффикс =i: *agat^ha:kr* "я=рублю (готовлю) дрова" - пассив. *agat^hola:ʔuki*; *afut^ha:kr* "я=кую" - пассив. *afut^hola:ʔuki*; *aɕant^ha:kr* "я=ловлю" - пассив. *aɕant^hola:ʔuki* и т.д. По этому же типу образуют пассив глаголы: *ʃodia:kr* "я=рыболовлю" - пассив. *ʃodiola:ʔuki*; *aɕo:ʔukr* "я=сею" - пассив. *aɕo:la:ʔuki*; *d'a:naɟa a:ttaɟ* "я=обменял" - пассив. *d'anaɟ^hola:ʔuki*. Интересно, что в глагольных парах типа *anaɟa:kr* - *anaɟait^ha:kr* "я=думаю", *ʃabaɟaɕa:kr* - *ʃabaɟaɕa^ha:kr* "я=пашу" формы пассива имеют только глаголы на =t^ha:kr= (каузативно-переходные)**.

* Но см. кот. *o:kitaɟ* "я=мажу" - пассив. *ola:kiti*.

** Правда у глаголов *afua:kr/afut^ha:kr* М.А.Кастреном указана одинаковая форма пассива *afut^hola:ʔuki*, но, возможно, это ошибка: думается, что эта форма пассива имеет отношение только ко второму глаголу на =t^ha:kr=.

2. С этими же показателями образуют формы пассива:

глаголы на $-t^{hi} = a:t^{hi}a\eta$ "я=был" - пассив. $ana:t^{hi}a\eta = a-t^{hi}$;

глаголы на $-t^{h}age: d'igät^{h}ageja\eta$ "я=ношу (одежду)" - пассив. $d'igät^{h}olagi$;

глаголы на $-ši \sim -ši: ea\eta o:šia\eta$ "я=скребу" - пассив. $ea\eta ola:ši(e)$;

глаголы на $=ki: uro:ki a\eta$ "я=мою" - пассив. $uro:la:ki$;

глаголы на $=fi: ho:fi a\eta$ "я=поверну" - пассив. $ho:la:fi$;

глаголы на $=tek: fo:teku$ "я=стреляю" - пассив. $fuj:t:teki$;

глаголы на $=pa: bara:ja\eta$ "я=делаю=это" - пассив. $bala:pe$;

глаголы на $=fu: o:fu:ja\eta$ "я=плету" - пассив. $o:pa:fu$;

глаголы на $=pu: baru:ja\eta$ "я=тяну=это" - пассив. $bu:ja:pu$;

глаголы на $=ta:fo:ta:ja\eta$ "я=взвешу" - пассив. $fo:la:ti$;

глаголы на $=ga: t^{h}aga:ja\eta$ "я=оставляю" - пассив. $t^{h}ola:gai$;

глаголы на $=pe: a:pe:ja\eta$ "я=охочусь" - пассив. $aia:pei$;

и другие глаголы, например, глаголы с основой $\sqrt{\quad}$ - СК:

$ha:po:ja\eta$ "я=бросаю" - пассив. $ha:po:agi$, $ea\eta o:ja\eta$ "я=

пишу" - пассив. $ea\eta o:lagi$, $šišo:ja\eta$ "я=улучшаю" - пассив.

$šišo:lagi$, $t^{h}a:ja\eta$ "я=посылаю" - пассив. $t^{h}ola:gi$, $oašena\eta$

"я=тру" - пассив. $balašene(i)$, $t^{h}o:ja\eta$ "я=спрашиваю" - пассив.

$t^{h}ola:gi$ и т.д.

3. С помощью инфикса $=a-$, но без суффикса $=i$, образуют свои формы пассива следующие хоттские глаголы:

глаголы с основой $\sqrt{\quad}$ - $še: oga:fa:šea\eta$ "я=убиваю=его" -

пассив. $ogala:šex$, $ha:ra:po:šea\eta$ "я=обтесываю" - пассив.

$ha:ra:po:šex$;

глаголы на $-šina \sim -šin: ha:jo:šina\eta$ "я=погублю" - пассив.

$ha:jo:la:šen$;

глаголы на $=ki:t: fa:oki:ta\eta$ "я=вытираю" - пассив.

$fa:ola:ki:t$;

глаголы на $=pit: t^{h}opita\eta$ "я=дою" - пассив. $t^{h}ola:pit$;

глаголы на $=ut; =uš \sim =uš: ba?u:ta\eta$ "я=сосу" - пассив.

$bala:ʔut$;

глаголы на $=šik; =šek: hašik:ka\eta$ "я=покрываю" - пассив.

$ha:la:šik$, $hoše:ka\eta$ "я=надеваю" - пассив. $ho:la:šek$;

глаголы с основой $\sqrt{\quad}$ - $\sqrt{\quad}$, например: $ait^{h}o:šina\eta$ "я=

терю" - пассив. $ait^{h}ola:raš$, $ašro:ʔiša\eta$ "я=поднимаю" -

пассив. $ašro:ra:gaš$, $utote:ra\eta$ "я=могу" - пассив. $utote:ra:t$;

глаголы с основой $\emptyset$ — $\sqrt{\quad}$, например: d'ačagaŋaŋ "я=говору" - пасс. ala:čagaŋ;

некоторые другие глаголы: ofulaŋ "я=сверлю" - пасс. ala:ful, t^hačari:laŋ "я=достигаю" - пасс. t^hala:piŋ и др.

Следует отметить, что в коттском языке точно так же, как в кетском и югском, в пассивных формах отбрасываются показатели лично-субъектного ряда. Интересно также, что М.А.Кастрен в нескольких случаях перевел формы пассива причастием II немецкого языка: urola:ki "gewaschen" ("помытый"), ola:ki:ti "beschmiert" ("вымазанный"), d'ala:t^hi "gereitscht" ("исхлестанный"). Е.А.Крейнович тоже дает зафиксированные им пассивные формы кетских глаголов в переводе на русский язык причастиями, указывая, что такой перевод дали ему сами кеты /Крейнович 1968 : 250/. Однако, М.А.Кастрен приводит для коттских глаголов только претеритальные формы пассива, тогда как у Е.А.Крейновича приведены и формы настоящего и формы прошедшего времени: s'ul' bimäwät "нарта сделанная", но: s'ul' bil'äwät "нарта была сделана"; tal'tär xal'ävRut "кольцо для лыжной палки согнутое", но: tal'tär xal'vilRut "кольцо для лыжной палки было согнутое" и т.д. Правда, в § 179 М.А.Кастреном отмечается, что некоторые пассивные формы могут спрягаться, имея одновременно значение и презенса и претерита /Кастрен 1858 : 139-140/. Так, например, от глагола "вымазать, обмазать, намазать" (o:ki:taŋ "я=обмазываю", o:laki:taŋ "я=обмазывал", o:laki:t "он/она=обмазывал") образуется пассивная форма ola:ki:ti "обмазанный" ("beschmiert"), от которой образуется следующая парадигма спряжения.

aliki:taŋ "я=обмазанный, обмазан", "я=был=обмазан (ный)";

aliki:tu: "ты=обмазан (ный)", "ты=был=обмазан (ный)";

ola:ki:t "он/она=обмазан (ный)", "он/она=был=обмазан (ный)";

aliki:ntoŋ "мы=обмазаны (ные)", "мы=были=обмазаны (ные)";

aliki:tncŋ "вы=обмазаны (ные)", "вы=были=обмазаны (ные)";

ala:nki:t "они=обмазаны (ные)", "они=были=обмазаны (ные)";

Кроме данной парадигмы, М.А.Кастрен приводит еще следующие:

а) от формы d'alati "высеченный (бичом)", (нем. "gereitscht"):

d'aliti:ay "я=высечен(ный)", "я=был=высечен(ный)";
d'aliteu "ты=высечен(ный)", "ты=был=высечен(ный)";
d'ala:te "он/она=высечен(ный)", "он/она=был=высечен(ный)";
d'alitti:ntoy/ "мы=высечены(-ные)", "мы=были=высечены(-ные)";
d'alo:tti:ntoy
d'alitti:noy/ "вы=высечены(-ные)", "вы=были=высечены(-ные)";
d'alo:tti:noy
d'ala:nte "они=высечены(-ные)", "они=были=высечены(-ные)";

б) от формы urola:ki "помытый" (нем. "gewaschen"):
uralaki:ay "я=помытый", "я=был=помыт(ый)";
uralakeu "ты=помыт(ый)", "ты=был=помыт(ый)";
urola:ke "он/она=помыт(ый)", "он/она=был=помыт(ый)";
uralaki:ntoy "мы=помыты(е)", "мы=были=помыты(е)";
uralaki:noy "вы=помыты(е)", "вы=были=помыты(е)";
urala:nke "они=помыты(е)", "они=были=помыты(е)";
в) от формы hajola:ßen "испорченный" (нем. "verdorben")*

hajelaßi:nay "я=испорченный", "я=был=испорченный";
hajelaßi:nu "ты=испорченный", "ты=был=испорченный";
hajola:ßen "он/она=испорченный", "он/она=был=испорченный";

hajelaßi:ntoy "мы=испорченные", "мы=были=испорченные";
hajelaßi:tnoy "вы=испорченные", "вы=были=испорченные";
hajola:nßen "они=испорченные", "они=были=испорченные";

г) от формы "срубленный" agatola:ʔuki (нем. "gehauen"):
agatalikia "я=срублен(ный)", "я=был=срублен(ный)";
agatalikiu "ты=срублен(ный)", "ты=был=срублен(ный)";
agatola:ʔuki "он/она=срублен(ный)", "он/она=был=срублен(ный)";
agataliki:ntoy "мы=срублены(-ные)", "мы=были=срублены(-ные)";
agataliki:tnoy "вы=срублены(-ные)", "вы=были=срублены(-ные)";

---

* У М.А.Кастрена дан немецкий перевод "verdorben" вместо "verdorben", видимо, по ошибке, так как "verdorben" - это форма инфинитива; но во всех других случаях в переводе приведены причастия прошедшего времени.

agatola:ʔunki "они=срублены(-ные)", "они=были=срублены (-ные)!"

Приведенные парадигмы показывают, что в коттском языке пассив образовывался от форм прошедшего времени, но мог, видимо, употребляться как страдательное причастие настоящего и прошедшего времени, хотя по структуре был именно страдательным причастием прошедшего времени. Эти парадигмы также показывают, что приведенные М.А.Кастреном формы пассива являются по существу формами 3-го лица единственного числа.

Сопоставление коттских форм пассива с соответствующими формами кетско-югского глагола позволяет заключить, что их семантика и типология была в южных и северных енисейских языках идентичной: это были формы, образованные от глаголов переходной семантики и напоминавшие по своей структуре непереходные глагольные словоформы. Следовательно, можно предполагать, что в коттском языке пассивные формы глаголов выражали пассивное состояние, испытываемое подлежащим как результат осуществленного в отношении него действия.

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ

В коттском, как и в кетском и югском языках, представлено четыре наклонения: индикатив, императив, ирреалис и эксортатив, из которых два последних выражаются аналитически.

Ирреалис выражается с помощью частицы *ʃum*, употребляемой перед соответствующими глагольными формами: *aɪ ʃum fo:raɪp* "я бы взял", *au ʃum fo:raɪu* "ты бы взял" и т.д. Интересно, что в коттском, как и в кетском и югском, ирреалис образуется, как правило, только от форм прошедшего времени.*

Эксортатив (побудительно-пермиссивное наклонение) выражается в коттском языке, по данным М.А.Кастрена, с помощью частицы *be:gä*, употребляемой после соответствующей глагольной формы: *aɪ fo:kraɪp be:gä* "пусть я возьму" (нем. перевод М.А.Кастрена: "mag ich nehmen"), *aɔɔɔ hapita:gantɔɔ be:gä* "пусть мы купим" (нем. перевод М.А.Кастрена: "mögen

---

* Замечание А.П.Дульзона о том, что кетские формы ирреалиса образуются с помощью частицы *v'im*, которая ставится перед глагольными формами и настоящего и прошедшего времени

wir kaufen"). Замечание М.А.Кастрена о том, что подобные коттские аналитические формы являются одновременно и формами конъюнктива ("...da zugleich den Conjunctivcharakter ausmacht"), возможно, связано с тем, что они типологически на-поминают по значению презенс конъюнктив в немецком языке в функции выражения косвенного повеления, например, er komme sofort. "пусть он сейчас же придет"*.

В кетском языке данным коттским формам точно соответствуют аналитические образования с qan, а в югском - с xan, например: кет. bu qan lobedabet "пусть он работает", аq qan lobedabet "пусть я буду работать", югск. xan sitige "проснись!" (букв. "пусть проснешься"), xan watejkuqala "красней!" (букв. "пусть покраснеешь") и т.д. По собранным нами фактам устанавливается, что в кетском и югском эксортатив образуется только от форм настоящего-будущего времени (очевидно потому, что действие, к которому побуждается действующее лицо должно еще только совершиться). Необходимо еще отметить, что в кетском и югском языках форма эксортатива характерна не для всех глаголов, а лишь для определенной группы непереходных /Крейнович 1968 : 268/. Судя по примерам, приведенным М.А.Кастреном с частицей be:ga в коттском языке этих ограничений не было.

Что касается индикатива, то замечание А.П.Дульзона о том, что в кетском языке этому наклонению присущи все возможные формы глагола (выраженные, как правило, синтетически) /А.П. Дульзон 1968 : 141/, в равной мере относится и к коттскому языку. Формы этого наклонения были приведены выше при рассмотрении различных структурных типов коттских глаголов, здесь же перейдем к описанию императива.

В коттском, как и в кетском и югском языках, императив образуется по-разному в зависимости от типов глаголов. В большинстве случаев в формах императива представлены видо-временные показатели -1- или -2- в сочетании с гласным -a-, и можно бы в целом заключить, что в коттском языке

(at a'im dibbet "я бы это сделал в будущем", at a'im bil'et "я бы это сделал в прошлом") нашими материалами не подтверждаются /Дульзон 1968 : 142/. Нами отмечены лишь формы прошедшего времени с частицей a'im.

* Эти явления коттского языка вполне соответствуют общей

наблюдается аналогично с кетским и югским языками процесс развития этих форм: если в формах прошедшего времени эти показатели означают "в прошлом совершал", "в прошлом совершил", то в формах императива они первоначально могли означать "в будущем совершай", "в будущем соверши" /Крейнович 1968 : 208/. Такое толкование подкрепляется тем фактом, что во многих случаях в коттском, как и в кетском и югском языках, сопровождающий в формах императива видо-временные показатели =l=, =n= гласный =a= представлен и в формах настоящего времени, ср. ајаја:кү "играю=я", ајајоло:кү "играл=я", ајаја:lčк "играй!"; d'ахајај "умираю=я", опхајај "умер=я", апха "умри!" и т.д.

В целом можно указать на следующие способы выражения императива в коттском глаголе:

1. Появление в формах императива видо-временных показателей =l=, =n= в сочетании с показателем настоящего времени =a=; при этом с помощью показателей =l=, =n= образуются формы с предельным и неопредельным значением. В зависимости от семантического класса глагола могла быть образована либо только одна из двух форм, либо обе, как, например, у глагола со значением "сверлить": ofu:laј "сверлю=я", o:lafu:laј "сверлил=я", o:nafu:laј "сверлил=я" (полагаем, что точный перевод во втором случае должен быть: "просверлил=я"), aiful "сверли!" aiful "сверли!" (то есть "просверли!").

2. Появление в формах императива только видо-временных показателей =l=, =n=, например: u:ʔotekү "втыкаю=я", u:ol:к "воткни!", hiltuo:t^hekү "ныряю=я", hiltuo:n'ek "ныряй!", učikү "толкаю=я", ulčik "толкай!", t^he:ginај "падаю=я", t^he:lin "падай!" и т.д.

3. Появление в формах императива морфологического элемента =i= без видо-временных показателей =l=, =n=: барујај "это=тяну=я", иги "тяни!"; d'ačo:кү "вхожу=я", i:čo:x "войди!"; аса:ʔa:t^hакү "его=пугаю=я", асаʔait^hах "пугай=его!" и т.д.

4. У ряда глаголов вместо видо-временного показателя =l= появляется показатель =r=: fo:gaј "беру=я", fora:gaј "взял=я", fa:рах "возьми!"; ha:no:јај "бросаю=я", ha:no:рајај "бросал=я", ha:na:rče "бросай!" и т.д.

5. Случай, когда образование форм императива связано с чередованием t:j, например: akfa:tekү "ставлю=я",

akfa:ʒək "ставь!"; fo:teku "стреляю=я", faʒək "стреляй!" и т.д.

6. Случай, когда образование форм императива связано с чередованием гласных типа *u:e, o:ea*, например: d'ugo:ttaj "покрываюсь=я", d'ugoa:ttaj "покрылся=я", d'egoa "покройся!".

7. Случай, когда в формах императива появляется показатель 2-го лица единственного или множественного числа: d'agaʒaj "гнию=я", aga:geʒaj "гнил=я", d'ageu "гниешь=ты", aga:=geu "гнил=ты", agegeu "сгнивай!"; iʒaj "ухожу=я", iʒau "уходишь=ты", uʒaj "ушел=я", uʒau "ушел=ты", au "уйди!"; hi:e:naʒ "даю=я", hi:e:nu "даешь=ты", hi:li:e:=naʒ "давал=я", hi:li:e:nu "давал=ты", hi'eu "дай!". У глагола "забыть" наблюдается полное совпадение форм императива с формами настоящего времени: epiʒiʒe "забудь!", epiʒaʒiʒe "забудьте!" (ср.: e:peʒaʒiʒe "я=забуду/забываю", e:piʒaʒiʒe "ты=забудешь/забываешь", epiʒaʒiʒe "вы=забудете/забываете").

Нередко в формах коттского императива появляется морфо-элемент *-ɕ-*, отсутствующий в формах индикатива, ср.: aʒaʒa:ʒək "думаю=я", aʒaʒolo:ʒək "думал=я", aʒaʒa:l=ɕək "думай!". Сравнение фактов коттского языка с фактами вгского позволяет заключить, что коттское *-ɕ-* соответствует в формах императива вгскому *-d'*, ср.:

Коттский	Вгский	Перевод
aʒa:ʒa:ʒaj	dʒsatej	"позову=его"
*aʒiʒa:ʒaj	dʒjstej	"позову=ее"
aʒaʒa:ʒaj	dʒsantej	"позову=их"
aʒa:ʒa:lɕex*	sataɖ'iʒ	"позови=его!"
*aʒiʒa:lɕex	eistad'iʒ	"позови=ее!"
aʒaʒa:lɕex	santad'iʒ	"позови=их!"

В других случаях *-ɕ-*, наоборот, исчезает в формах императива (a:ra:t^haʒaʒaj "обманываю=я", aʒa:t^hala "обманывай!"; kit^haʒaʒaj "плачу=я", kit^hala "плати!"; ʒa:nt^haʒaʒaj "пробую=я", ʒa:nt^hala "пробуй!" и т.д.),

* У М.А.Кастрена приведена также форма aʒa:ʒa:lɕe, и можно заключить, что конечный *-x* в коттских формах — это результат реализации гортанного смычного *ʒ* в исходе словоформ.

так как у подобных глаголов =č- выражает настоящее время и заменяется в форме прошедшего времени на =l- (a:ra:t^halara:βaβ "обманывал=я" и т.д.). Лишь у глаголов, у которых =č- выступает в качестве строевого элемента корневой морфемы, он сохраняется как в формах индикатива, так и в формах императива, например, у глаголов на =čex (t^ho:pa:ɾčex "режь!", t^ho:po:če=αβ "реку=я", t^ho:po:rače=αβ "резал=я"), на =ček ~ =čik (halčik "покрой!", hačik=ɳ "покрываю=я", halačik=ɳ "покрывал=я"), на =čip (halčip "закрой!", hači:p=αβ "закрываю=я", halači:p=αβ "закрывал=я") и др.

Можно, таким образом, заключить, что часто кот. =č- выступает как показатель императива, дублируясь видо-временными показателями =l-, =p=: ou:paβ "качай=я", o:lau:paβ "качал=я", a:lčup "качай!"; baʔu:taβ "это=сосуд=я", ba:ʔu:taβ "это=сосал=я", a:lčut "соси!" и т.д.

Коттские глаголы образуют только две формы императива - для 2-го лица единственного и множественного числа. Форма множественного числа получает, в отличие от формы единственного числа, общий показатель множественного числа субъекта действия =αβ и показатель субъекта 2-го лица множественного числа: urka:lček "мойся!" - urka:lčeganop* "мойтесь!", a:ʔa:β:lček "играй!" - a:ʔa:β:lčeganop "играйте!", šodia:lček "работай!" - šodia:lčeganop "работайте!". Во второй группе глаголов, выделенной М.А.Кастреном по структурным особенностям глагольных словоформ, нередки случаи, когда императивные формы единственного и множественного числа в структурном отношении совершенно различны, например: αβ "уйди!" - opop "уйдите!", αta "иди!" - opipop "идите!", ota "приходи!" - opa:βop "приходите!".

Как отмечает М.А.Кастрен, отрицательные формы глагола образуются аналитически, а именно: перед формами индикатива в настоящем и прошедшем времени употребляется отрицательная частица mo:n (mo:n fo:gaβ "не возьму=я", mo:n fo:gu "не возьмешь=ты", mo:n fo:k "не возьмет=он/она"^{жж}), а в формах

---

* У М.А.Кастрена эта форма приведена в следующем виде: urka:lčeganop.

^{жж} Во всех других случаях, как уже выше отмечалось, тоже выступает в качестве отрицания частица mo:p ~ mo:n "не",

императива - во:, причем, в качестве формы императива в таких случаях употребляется форма настоящего времени во 2-м лице единственного и множественного числа: во: fo:gu "не бери!" - во: fo:ganop "не берите!".*

У переходных глаголов формы императива различаются в коттском, как и в кетско-югском, по лицу и числу объекта действия; такие глаголы могут иметь 10 переходных форм императива /Гайер 1973 : 10/. Приведем формы императива глагола "любить":

hama?ant ^h a:lček	"люби=меня!"
hama?ant ^h a:lčekanop	"любите=меня!"
hama?at ^h a:lček	"люби=его!"
hama?at ^h a:lčekanop	"любите=его!"
*hama?it ^h a:lček	"люби=ее!"
*hama?it ^h a:lčekanop	"любите=ее!"
hama?ont ^h a:lček	"люби=нас!"
hama?ont ^h a:lčekanop	"любите=нас!"
hama?ant ^h a:lček	"люби=их!"
hama?ant ^h a:lčekanop	"любите=их!"

Заканчивая обзор повелительного наклонения в коттском языке, укажем еще на одну особенность образования форм императива, полностью совпадающую с соответствующим явлением в кетском и югском языках, а именно - на выпадение показателя класса вещей -b-, =p- в формах императива /Крейнович 1968 : 269/. По этому признаку можно легко отличать показатель класса вещей и омонимичный детерминатив =p- от звуков b, p, которые появляются в глагольной словоформе как строевые

например: mon ašix "никто", mon šina "ничто", mon bil'ug "ничто", mon bili "нигде", mon bilt'ug "никуда", mon bel'em "никогда". М.А.Кастрен отмечает, что местоимение при этом может получать предикативный суффикс =ta, например: ašixta mon или mon ašixta (ašixta mon hia:ta "никто не пришел"). В системе глагола форме hišo:ga "есть, имеется" противостоит отрицательная форма mo:pša "нет, не имеется" (ср. также: ašixta mo:pša "никого нет").

* Факты коттского языка соответствуют, таким образом, общей теории прохибитива, изложенной в работе /Храковский, Володин 1986, гл. IV/.

элементы корневых или деривационных морфем, ср.:

(1) *bara*jaŋ "это=тяну=я", *igi* "тяги!"; *batta*jaŋ "это=раскалываю=я", *arta* "раскалывай!"; *bara*jaŋ "это=делаю=я", *ala* "делай!"; *šeja a:ra*jaŋ "рано=я", *šeja a:la* "рани!"; *kit^hašara*jaŋ "плачу=я", *kit^hala* "плати!" и т.д.;

(2) *a'ari*jaŋ "созреваю=я", *apri* "созревай!"; *o:ra*ŋ "дою=я", *ašer* "пей!"; *hašipta:kŋ* "закрываю=я", *hal=šip* "закрой!"; *t^ho:pita*ŋ "дою=я", *t^ho:larita*ŋ "дсил=я", *t^ha:lrit* "дои!"; *a:re:ja*ŋ "преследую=я (на охоте)", *la:rei* "преследуй!" и т.д.

Прилагательное

Выделение класса прилагательных в коттском языке, его отграничение от других частей речи, прежде всего от имени существительного и наречия, связано с определенными трудностями, о чем писал уже М.А.Кастрен. Дело в том, что прилагательное, в отличие от существительного и глагола, не обладает специфическими грамматическими категориями на уровне морфологии, а на уровне синтаксиса свойственная прилагательному функция определения может выполняться и другими частями речи - существительным, глаголом, числительным, местоимением. В неатрибутивной функции (функции подлежащего, дополнения) в коттском языке могло, очевидно, употребляться субстантивированное прилагательное; на это указывает замечание М.А.Кастрена о том, что в коттском языке не было простых прилагательных, которые не могли бы употребляться одновременно и как существительные /Кастрен 1858 : 33/. Можно, таким образом, для коттского языка предполагать ситуацию, наблюдаемую в современном кетском и югском языках, где прилагательные легко субстантивируются и признаком субстантивации является их способность склоняться по падежам. Приведем следующие примеры из югского языка:

Падежи	Атрибут. прилагательное.	Существительное
Сем.	<i>ku:l'šouŋ ke?t</i>	"бородатый человек"
Род.	<i>ku:l'šouŋ kedda</i>	"бородатого человека"
Дат.	<i>ku:l'šouŋ keddaŋ</i>	"бородатому человеку"
Иск.	<i>ku:l'šouŋ keddau:r</i>	"от бородатого человека"
Назн.	<i>ku:l'šouŋ keddət</i>	"для бородатого человека"

Совм.	ku:l'čouŋ ketfa:s	"с бородатым человеком"
Лиш.	ku:l'čouŋ ketfan	"без бородатого человека"
Зват.	ku:l'čouŋ ketó!	"бородатый человек!"

Падежи	Субстантивированное прилагательное	
Осн.	ku:l'čouŋ	"бородатый"
Род.	ku:l'čouŋda	"бородатого"
Дат.	ku:l'čouŋdaŋ	"бородатому"
Иск.	ku:l'čouŋdaŋu:r	"от бородатого"
Назн.	ku:l'čouŋdat	"для бородатого"
Совм.	ku:l'čouŋfa:s	"с бородатым"
Лиш.	ku:l'čouŋfan	"без бородатого"
Зват.	ku:l'čouŋó!	"бородатый!"

Во множественном числе прилагательное в атрибутивной функции нередко получает показатель множественного числа (югск. *ke? ke?t* "большой человек", *keŋ d'g'ŋ* "большие люди"), но чаще не оформляется в таких случаях показателем множественного числа (*ku:l'čouŋ ke?t* "бородатый человек", *ku:l'čouŋ d'g'ŋ* "бородатые люди"); однако субстантивированные прилагательные всегда оформляются показателем множественного числа как и имена существительные: *ku:l'čouŋuŋ* "бородатые", *ku:l'čouŋuŋna* "бородатых", *ku:l'čouŋuŋnaŋ* "бородатым", *ku:l'čouŋuŋnaŋu:r* "от бородатых", *ku:l'čouŋuŋfa:s* "с бородатыми" и т.д.

Для коттского языка М.А.Кастрен представил аналогичное состояние, хотя не привел конкретных примеров. Он писал: "Если случается, что прилагательное употребляется без существительного, то оно склоняется полностью как существительное. И тогда склонение полностью зависит от того, какое существительное подразумевается. Если это одушевленный предмет, то прилагательное склоняется по схеме для одушевленных предметов, но в противном случае — как неодушевленные предметы" /Кастрен 1858 : 40/. Далее М.А.Кастрен отмечает, что в падежах во множественном числе прилагательное может в таких случаях принимать показатель множественного числа.

Из этих кратких замечаний М.А.Кастрена видно, что при субстантивации прилагательное характеризуется всеми грамматическими категориями существительного, то есть категориями рода (класса), падежа и числа (категория посессивности,

видимо, тоже не должна исключаться).

М.А.Кастрен исходил из того, что все корневые слова коттского языка, включая прилагательные, восходят к существительным /Кастрен 1858 : 38/. Как подтверждение этой точки зрения он приводил примеры коттских слов, находящихся в отношении конверсии, например: *čai* "холод", "холодный"; *ho:* "болезнь", "больной"; *a:ŋu* "хитрость", "хитрый"; *šui* "луна", "желтый"; *ui* "длина", "длинный", "вдоль"; *pe:* "ветер", "чужой", "по", "вследствие" (частица, выражающая следствие). Точно такие же случаи в кетском и югском языках (югск. *i?r* "петь", "песня", "певчий"; *ałʔx* "жить", "жизнь" и т.д.) рассматриваются нами как случаи лексико-грамматической омонимии, которая восходит к синкретизму частей речи на более раннем этапе развития енисейских языков. Сходные явления обнаруживаются и во многих других языках /Панфилов 1977 : 151-152/.

Среди коттских прилагательных выделяются простые (*t^hui* "дешевый", *bik* "твердый", *ki* "новый", *t^ha* "сырой", *ŋaŋ/p^huŋ* "ясный, прозрачный" и т.д.), производные и сложные типа *t^hum-t^hegam* "серый" (букв. "черный-белый"), *š:ikp^hia* "дорогой" (< *š:ikp^h* "тяжелый" + *ki* "цена" + *a* - словообразовательный суффикс).

Что касается производных прилагательных, то М.А.Кастрен перечислил следующие случаи их образования в коттском языке:

а) с помощью суффикса =*a*, например: *ke:ja* "крылатый" (*ke:* "крыло"), *e:ka* "волосатый" (*e:k* "волосы"), *šea* "каменный" (**š:š* "камень", мн. число *šeŋ*), *hu:paŋa* "дырявый" (*hu:* "дыра", мн. число *hu:paŋ* и т.д.;

б) с помощью суффикса =*še* образуются, как отметил М.А.Кастрен, так называемые притяжательные прилагательные: *šeaŋaše* "общий" (*šeaŋ* "люди", *šeaŋaŋ* - форма родительного падежа), *a:miše* "материнский", "матери принадлежащий" (*a:ma* "мать", *a:mi* - форма родительного падежа);

---

* Возможно, в данном случае более точным был бы перевод "каменистый", как предложил М.А.Кастрен /Кастрен 1858 : 39/, тем более, что понятие "каменный" скорее всего передавалось в коттском, как и в кетском и в югском языках сложным существительным, где в качестве первого компонента выступало

в) с помощью *-fun*: это формы лишительного падежа имен существительных, которые широко употреблялись в коттском, как и в кетском и югском языках в атрибутивной функции, например: *šinšə:tfun* "несоленный" (букв. "без соли"), *tagaifun* "безголовый" (букв. "без головы"), *tešfun* "слепой" (букв. "без глаза") и т.д.;

г) с помощью *hapo* образуются диминутивные прилагательные.

Нетрудно заметить, что во всех этих случаях речь идет, собственно, об образовании относительных и относительно-притяжательных прилагательных. Можно предполагать, что в коттском, как и в других енисейских языках, в частности в кетском и югском, в большинстве случаев роль относительных прилагательных выполняли соответствующие имена существительные в препозиции к другим именам в составе определительных словосочетаний или сложных слов, например: кот. *kola-ton* "медный нож", югск. *ə doʔn* "железный нож", югск. *y:d' beʃ* "весенний ветер", кет. *v'əpaʃ tuʔv'* "шаманский камень" и т.д.

М.А.Кастрен различал у коттских прилагательных определенную и неопределенную формы, которые в свете современных данных по енисейскому языкознанию представляют собой формы атрибутивного и предикативного употребления. В атрибутивной функции коттские прилагательные выступали фактически как неизменяемая часть речи, а в предикативной - оформлялись, видимо, с одной стороны, общим предикативным суффиксом *-šə* ~ *-š'i*, мн.число *-š'in*, отражающим лишь различия по числу, а с другой, полным рядом суффиксов, дифференцированных по лицу, числу и классу (роду): *-taʃ* (1-е лицо, ед. число), *-u* (2-е лицо, ед. число), *-tu* (3-е лицо, ед. число, муж. класс), *-ta* (3-е лицо, ед. число, жен. класс), *-a* (3-е лицо, ед. число, вещной класс), *-toʃ* (1-е лицо, мн. число), *-oʃ* (2-е лицо, мн. число), *-əaʃ* ~ *-iaʃ* (3-е лицо, мн.

слово *š'iʃ* "камень" (ср. югск. *š'uʔə' xov'* "каменный дом"). Об употреблении подобных образований в коттском языке свидетельствуют примеры М.А.Кастрена типа *kola-ton* "медный нож", *ke:ti-i:ʒ* "зимний день" и т.д.

число, невещной класс), =а (3-е лицо, мн. число, вещной класс).

Суффиксом =ъ ~ =ъе ~ =ъі оформлялись в коттском языке, как позволяют заключить материалы М.А.Кастрена, не только прилагательные, но и формы родительного падежа местоимений (например, аяъе "мой", мн. число аяі:п от аі "я", род. падеж ай), существительных (ъ:раъе "отцовский", "отцу принадлежащий", о:рапаяъе "отцам принадлежащий" от ~о:р "отец", мн. число ~о:рап ~ ~о:рап родительный падеж ~о:ра: мн. число ~о:рапая), а также порядковые числительные (һуъра "один раз" - һуърав "первый"). У имен существительных и инфинитивов данный суффикс выступал как словообразовательное средство, присоединяясь к форме основного падежа: уг ~ у:г "дождь" - угъе, мн. число угъап "бобр"; ул "вода" - улиъ ~ улиъе ~ улиі, мн. число улиіп "водяной"; урки "мыть" - уркиъе "мыло" и т.д.

М.А.Кастрен не приводит примеров оформления прилагательных суффиксом =ъе ~ =ъі в коттском языке; для кетского и югского языков он приводит лишь единичные примеры. Однако, учитывая полную аналогию в использовании предикативного суффикса =ъе ~ =ъі в кетском, югском и коттском для оформления местоимений, имен существительных и именных форм глаголов, можно и для коттских прилагательных предполагать наличие предикативных форм типа кетских и югских səjl kə?t "плохой человек", но: ki:t kə?t səjlsi "этот человек плохой"; hol' kə?t "жирный человек", но: tur' kə?t hol'si "этот человек жирный"; kat окву "старое дерево", но: ki:t окву katsi "это дерево старое" и т.д.

Личными предикативными суффиксами оформлялись в коттском, как и в других енисейских языках, прилагательные, наречия, местоимения, числительные, именные формы глагола и существительные. Приведем в качестве примеров лично-предикативные формы коттских прилагательных һама: "хороший", раі "богатый", бік "крепкий", кавах "здоровый":

һама:тағ	"хороший=я"	біктағ	"крепкий=я"
һама:у	"хороший=ты"	біку	"крепкий=ты"
һама:ту	"хороший=он"	бікту	"крепкий=он"
һама:та	"хорошая=она"	біқта	"крепкая=она"
*һама:га	"хорошее=оно"	біка	"крепкое=оно"

hama: ton	"хорошие=мы"	bikton	"крепкие=мы"
hama: on	"хорошие=вы"	bikon	"крепкие=вы"
hama: ?an/ hama: gian	"хорошие=они"	biki?ian	"крепкие=они"

raifan	"богат=я"	kasaxtañ	"здоров=я"
raju	"богат=ты"	kasagu	"здоров=ты"
raitu	"богат=он"	kasaxtu	"здоров=он"
raita	"богата=она"	kasaxta	"здорова=она"
raiton	"богаты=мы"	kasaxton	"здоровы=мы"
rajon	"богаты=вы"	kasagon	"здоровы=вы"
rai?ian	"богаты=они"	kasak?ian	"здоровы=они"

Как можно заключить по описанию М.А.Кастрена /Кастрен 1858 : 39/, эти формы прилагательных были в коттском очень употребительны. Особенно часто встречались формы 3-го лица вещного класса типа ul raia "вода теплая", i:g baia "день холодный", ton e:tiga* "нож острый" и т.д. От собственно глагольных словоформ, оформленных лично-субъектными суффиксами, приведенные предикативные формы прилагательных отличались тем, что в них в качестве лично-субъектных суффиксов выступали показатели серии Д, тогда как у первых всегда представлены показатели серии Б, ср. глагольные и предикативно-именные формы с основой аксах "хромой" (аксах het "хромой человек"):

aksaga:kñ	"хромаю=я"	aksaxtañ	"хромой=я"
aksaga:ku	"хромаешь=ты"	aksagu	"хромой=ты"
aksaga:k=	"хромает=он"	aksaxtu	"хромой=он"
aksaga:k=	"хромает=она"	aksaxta	"хромая=она"
aksaga:kanton	"хромаем=мы"	aksaxton	"хромые=мы"
aksaga:kanon	"хромаете=вы"	aksagon	"хромые=вы"
aksaga:kan=	"хромают=они"	aksak?ian	"хромые=они"

Степени сравнен^я коттских прилагательных образуются, как и в других енисейских языках, аналитически. Для коттского языка можно, хотя и с некоторой натяжкой, говорить о трех степенях сравнения - положительной, сравнительной, превосходной, из которых первая (основная) указывает на признак или качество предмета безотносительно к тем же признакам или качествам других предметов; она в коттском языке никак внешне не выражена. Сравнительная степень выражается особой

* У М.А.Кастрена ошибочно (возможно, это опечатка) дана форма e:tigan.

конструкцией, в которой прилагательное само по себе не изменяется (то есть остается в форме положительной степени), а существительное, обозначающее предмет сравнения, употребляется в форме исходного падежа. Сходное явление М.А.Кастрен впервые обнаружил и у кетско-югского прилагательного: *beästeŋa:r eäi' fän'ädu* "соболь меньше зайца" (букв. "от зайца соболь маленький есть"), *kida čuʔs kada čuvdiŋu:r tymeʔ* "этот камень черней того камня" (букв. "этот камень от того камня черный есть"). Интересно, что соответствующее прилагательное оформляется в этой конструкции лично-предикативными суффиксами. Из коттского языка М.А.Кастрен не приводит примеров, отмечая лишь наличие аналогичной конструкции. Основываясь на этом замечании М.А.Кастрена можно бы соответствующую конструкцию в коттском языке реконструировать в следующем виде: **rešičaŋ fugaʔiše kišlatu* "соболь меньше зайца", **in'u šī:š un'a šī:šičaŋ tʰuša* "этот камень черней того камня".

Другим способом образования сравнительной степени коттских прилагательных является присоединение к ним служебного слова *haŋo* (о:šal *haŋo* "довольно плохой", "более плохой"), хотя, как указывает М.А.Кастрен, слово *haŋo* придавало прилагательному, как правило, оттенок уменьшительности. В предикативном употреблении *haŋo* получает всегда суффикс *-šä* (*haŋošä*), а предмет сравнения в таких случаях отсутствует.

Превосходная степень образуется также, как сравнительная степень, но кроме того, коттский язык, по замечанию М.А.Кастрена, использовал еще следующие способы ее выражения:

а) с помощью *baraŋcaŋ* "из всех"; не исключено, что этот способ был индуцирован русскими языковыми образцами типа "самый красивый из всех". М.А.Кастрен приводит лишь пример такого образования превосходной степени прилагательных из югского: *ku:ʔon byl'änaŋa:r aitei at'e:r* "росомаха - самый плохой зверь" (букв. "росомаха из всех плохой зверь"). Соответствующую коттскую конструкцию можно восстановить в следующем виде: **feštar baraŋcaŋ äšä:m šeli* "росомаха - самый плохой зверь".

б) с помощью слова *i:mal* "очень", "сильно" (кет. и югск. и: "очень", например, и: *aŋteŋ* "очень плохой"; или югск.

хе?, кет. qa "большой", например, хе? аҗтеҗ "очень плохой").

Таким образом, в качестве прилагательных в коттском языке (при учете лексико-грамматической омонимии типа кот. апаҗаҗ "думать" - "дума" - "ум", югск. і?г "песня" - "петь" - "певчий" и т.д.) могут быть выделены слова, означающие признак (качество, свойство) предмета, выступающие в своей основной функции приименного определения и обладающие грамматическим признаком степеней сравнения.

Следует еще отметить, что в плане выражения один и тот же признак мог в коттском языке выражаться разными прилагательными в зависимости от классной характеристики имени, с которым прилагательное сочеталось; сравним следующие примеры:

- (1) аіріѣ "старый" (о живых существах), но: раҗаѣ "старый" (о вещах);
- (2) ѣікҗ "толстый" (о круглых предметах), но: риҗаҗ "толстый" (о плоских);
- (3) t^ha:ge, t^heu:r "тонкий" (о круглых предметах), но: гаҗаҗ "тонкий" (о плоских предметах) и т.д.

Н а р е ч и е

В отличие от прилагательных в качестве наречий могут быть выделены в коттском языке слова, означающие "признак признака" /Потебня 1958 : 127/, действия, состояния, степень качества, выступающие в функции обстоятельств и обладающие (хотя и слабовыраженным) грамматическим признаком степеней сравнения, о чем свидетельствуют примеры типа раҗаҗ "много" - раҗаҗ наҗо "больше", ѣо:лаҗ "мало" - ѣо:лаҗ наҗо "меньше".

Опираясь лишь на формально-грамматический критерий отграничения прилагательных от наречий, Е.А.Крейнович выдвигал, например, в отношении кетского языка положение о том, что качественные наречия не могут быть выделены в особую грамматическую категорию, так как они совпадают по форме с атрибутивными формами качественных прилагательных: аҗтѣ "хорошо" и "хороший", аҗ "велико" и "большой", иҗд' "длинно" и "длинный", хо' "коротко" и "короткий", в'ε'1 "плохо" и "плохой", вут "крепко" и "крепкий" и т.д. /Крей-

нович 1966а : 469/. Сходной точки зрения придерживался А.П. Дульзон, отмечавший, что функцию качественных наречий в кетском языке могут выполнять все прилагательные в атрибутивной форме /Дульзон 1968 : 568/. Такое совпадение форм качественных наречий и качественных прилагательных наблюдается и в коттском языке. Однако по функциональному критерию качественные наречия достаточно четко отграничены от прилагательных. Как и в других языках (ср. нем. gut "хорошо" - gut "хороший"), в коттском и в других енисейских языках следует подобные примеры рассматривать как случаи лексико-грамматической омонимии.

Коттские наречия можно подразделить на два основных типа, каждый из которых представлен несколькими разрядами; выделяются обстоятельственные и качественные (определятельные) наречия.

Среди обстоятельственных наречий, выражающих общие отношения и не вносящих каких-либо изменений, дополнений в значение слов, которым они подчинены, выделяются следующие разряды:

1. Наречия места, среди которых можно выделить следующие подразряды:

а) наречия пространственной статики: еса:l "наверху", ha:na:l "внизу", uja:l "сверху (в верховье реки)", t^higal "внизу (в низовье реки)", o:gai "вперед", p^hulit "сзади", ha:laruk "по ту сторону (реки)", ~areaʒ "внутри", ha:tuareaʒ "в середине" (форма локатива от harpu "середина"), p^hija:t ~ p^hui areaʒ "внутри" (форма локатива от p^hui "нутро"), bilɪ "где", ini, in'i "здесь", uni "там", hu:ciareaʒ "дома", i:maʒ "рядом", "вблизи", pi:l "вдали", u:ša "на стороне", ni:li "снаружи", pe:gai "где-то", pa:lakʒ "где/то", t^hategatna "рядом", ula:rui "в стороне", bilɪ bilɪ "везде", "где-нибудь", bilta: mon "нигде";

б) наречия пространственной динамики: еса:lčaʒ "сверху", еса: "вверх", ha:na "вниз", ha:na:lčaʒ "снизу", i:tal "вниз", i:talčaʒ "снизу", uja: "вверх (по течению)", uja:lčaʒ "сверху (с верховья реки)", o:gai "вперед", o:gaičaʒ "с передней части", p^hulit "назад", p^hulitčaʒ "сзади (с задней части)", ha:laruk "на ту сторону (реки)", ha:larukčaʒ "с той стороны (реки)", ~areaʒ "вовнутрь",

hартuiga "в середине" (форма дат. падежа от hartu "середина"), hartuičau "с середины" (форма иск. падежа от hartu "середина"), р^huičau "изнутри" (форма иск. падежа от р^hui "нутро"), р^huiga "вовнутрь" (форма дат. падежа от р^hui "нутро"), t^hi?gā "в сторону" (форма дат. падежа от t^hi "край, конец"), t^hi:čau "со стороны" (форма иск. падежа от t^hi "край, конец"), upeača "вдоль", t^he:te "поперек", ša:riга "в сторону", biltu? "куда", bilčau "откуда", utiga "сюда", iлčau "отсюда", hatu? "туда", илčau "оттуда", hu:čiga "домой", hu:ščau "из дома", i:šančau "с близкого расстояния", pi:l "далеко", pi:lčau "издалека", pi:la? "дальше"; и:ša "прочь", и:šaičau "со стороны", hiliga "наружу", hiličau "снаружи", šu:ka "назад", e:leičau "сзади", pe:gaičau "откуда-то", utu? "навстречу", bilt^hu? bilt^hu? "куда-нибудь", bilčau bilčau "откуда-нибудь", bilt^hunta: mon "никуда".

2. Наречия времени, среди которых можно выделить следующие подразряды:

а) наречия временного плана прошлого: ho:na? "недавно", o:gai "раньше", "сначала", "прежде", pa?aš "раньше", mo:n a:pa? "недавно", heš "недавно", hoпčig "вчера", hoпčig ilčau "позавчера", иš "уже";

б) наречия временного плана настоящего: eača "сейчас", iпа? "сегодня";

в) наречия временного плана будущего: he:m "потом", ša:na ~ čau ~ ča:n "позже", "после", e:pa? "скоро", t^hušan "завтра", t^hušan hu:šag "послезавтра", he'l'em he'l'em "когда-нибудь", he'l'emta mon "никогда";

г) наречия времени, не связанные со шкалой времени: he'l'em "когда", e:pašak "тотчас", "сразу", ha:pa? "долго", mo:n e:pa? "редко", ишa "часто", "всегда", ho:pea? "вечером", pi:čig? "вечером"*, t^hančau "днем", "снова", "опять", koča "медленно", feača: "сначала".

---

* Кот. pi:čigā "вечером" может рассматриваться как наречие pi:š < *pi:či "вечером", оформленное предикативным суффиксом вещного класса -(g)a; оно может переводиться как "вечером-то-есть".

Очевидно, в коттском, как и в других енисейских языках, в качестве наречий времени могли выступать слова, омонимичные названиям времен года и частям дня и ночи: pi:š "вечер", "вечером", i:g~i:x "день", "днем", šitman~šitma:n "утро", "утром"^ж, a:li:x~a:li:g "полдень", "в полдень", šig~šix "ночь", "ночью",^ж i:ji "весна", "весной", šilpaŋ "лето", "летом"; ho:ri "осень", "осенью"; ke:ti "зима", "зимой"; šušig "полночь", "в полночь". Трудно предположить для коттского языка иную ситуацию, чем в кетском и югском, в которых наблюдаем именно такое употребление указанных слов, например: сур. y:da aqtaŋ "весной хорошо" (y:da "весна"), кур. y:r'i us'am "весной тепло" (y:r'i "весна"), кел. s'i:l' bək ul'as' oYat "летом все время идет дождь" (s'i:l' "лето"), бак. tuda oby'l'de.kə:te "это было зимой" (kə:te "зима"), сур. bi:s' et dis'qo:l'e= Yattin i:s' "вечером мы ловили рыбу" (bi:v' "вечер") и т.д.

3. Наречия меры и степени, количества и градуационные слова: bilipei "сколько", hātepei "столько", hātepejo:k "именно столько", pa:jaŋ "много", šo:laŋ "мало", mintuŋ "немного", talai "достаточно", i:mal "очень", inipei "только", al'āin "один раз", i:nfa, i:npa "дважды", to:mra to:mra "трижды", d'o:naš "в большом количестве", arai "едва", d'askar "сильно" ("очень"). По другим классификациям этот разряд наречий относится к определительным.

4. Наречия совместности/несовместности: hu:braŋ "вместе", palakŋ "отдельно", "особо".

5. Наречия цели: u:traŋ "зря", d'egu:traŋ "напрасно".

6. Наречия причины: šena o:jaŋ, u:po:, u:po:jaŋ "почему", ша e:jaŋ "потому", ina o:jaŋ "по этой причине" (нем. "aus dieser Ursache").

Бреди определительных наречий коттского языка, определяющих качество самого действия, можно выделить:

I. Качественные наречия, характеризующие действие или состояние с качественной стороны: ha:gāi "хорошо", šam, šamigā "плохо", t^hui, t^huigā "легко", a:jaŋo: "намеренно" ("играя"), u:to: "тайно", art^ha, art^haga "истинно", "прямо", kasakki:t "в добром здравии", d'o:ša a:saŋ "счастливо" и т.д. Очевидно, всем качественным прилагательным соответствовали качественные наречия типа koaš "красиво",

^ж Дачный перевод этих коттских слов, сделанный М.А.Кастреном,

h'al, fal "тепло", fo:ge, p^ho:ge "глубоко" и т.д.

2. Наречия образа действия и способа действия: bil'au "как", h'ateau "так", h'ateau:k "точно так же", bil'au bil'au "как-нибудь", hu:so: "верхом", bil'au "пешком" и т.д.

Как выше уже отмечалось, в предикативном употреблении наречия оформляются в коттском языке лично-предикативными суффиксами, подобно прилагательным, местоимениям и другим частям речи. Приведем по работе М.А.Кастрена предикативные формы наречий ini "здесь" и hu:sa:au "дома":

initau	"здесь=я"	hu:sa:antau	"дома=я"
iniu	"здесь=ты"	hu:sa:ra:au	"дома=ты"
initu	"здесь=он"	hu:sa:santu	"дома=он"
inita	"здесь=она"	hu:sa:anta	"дома=она"
iniga	"здесь=оно"	hu:sa:aua	"дома=оно"
initou	"здесь=мы"	hu:sa:antou	"дома=мы"
iniou	"здесь=вы"	hu:sa:auou	"дома=вы"
inijau	"здесь=они"	hu:sa:auau	"дома=они"

Ряд наречий мог, видимо, употребляться в коттском, как и в кетском и югском языках, в роли послелогов, о чем выше уже говорилось.

Не исключено, что качественные наречия коттского языка, кроме вышеуказанного случая (ra:au "много" - ra:au ha:ou "больше"), могли образовывать сравнительную степень, как соответствующие кетские и югские наречия, с помощью конструкции исходного падежа, например, кур. bu l'obedavet abil' aqam "он работает лучше меня" (соответствующее наречие принимает предикативную форму с показателем вешного класса =h ~ =am). Аналогичную коттскую фразу можно бы восстановить в следующем виде: *uju h'odia:k, ain'au (an'au) ha:uiga "он работает лучше меня" (букв. "он работает от меня хорошо").

Ч и с л и т е л ь н о е

Коттские числительные описаны М.А.Кастреном достаточно подробно. В соответствующем разделе его книги представлены такие разряды числительных как количественные, порядковые, кратные, дробные и другие.

как раз подтверждает выдвинутое предположение.

Количественные числительные грамматически оформляются как прилагательные: в атрибутивном употреблении (в позиции перед исчисляемым существительным) они не изменяются, а в предикативном — могут принимать предикативные суффиксы. При счете неодушевленных предметов в коттском, как и в кетском и югском языках, количественные числительные до 30, кроме числительного 20, оформлялись предикативным суффиксом вещного класса =a:

1	ku:ča	50	xe:g t ^h ukŋ
2	i:na	60	xelu:š t ^h ukŋ
3	to:ŋa	70	xeli:n t ^h ukŋ
4	še:ga	80	xalt ^h o:n t ^h ukŋ
5	xe:ga	90	čumna:x t ^h ukŋ
6	xelu:ča	100	uja:x
7	xeli:na	200	i:n uja:x
8	xalto:ŋa	300	to:ŋ uja:kŋ/uja:x
9	čumna:ga/čunna:ga*	400	še:g uja:kŋ/uja:x
10	ha:ga	500	xe:g uja:kŋ
11	ha:gal hu:ča	600	xelu:š uja:kŋ
12	ha:gal i:na	700	xeli:n uja:kŋ
20	i:nt ^h ukŋ	800	halto:ŋ uja:kŋ
30	i:nt ^h ukŋu:ča	900	čumna:x uja:kŋ
40	še:g t ^h ukŋ	1000	ha:x uja:x

Кроме uja:x, М.А.Кастрен приводит еще для числительного 100 форму aštamše, например: aštamše kumuš "сто копеек" (один рубль), aštamše šagan "сто белок". В материалах XVIII века многие из данных числительных зафиксированы в другой форме, а именно: čega "4", kega "5", xeluča "6", kelina "7", hučabunaga "9", tontukn "30", čejtukn "40", keitukn "50", hučabunaga tukn "90", alčín tamši "100", hag palčín tamši "1000".

При счете одушевленных предметов (существ) количественные числительные получали предикативный суффикс 3-го лица множественного числа одушевленного класса =aŋ, кроме числительного "один", например: i:niaŋ "два", "двое", to:ŋiaŋ "три", "трое", šegiaŋ "четверо", "четыре", xe:giaŋ "пять", "пятеро", xe:lu:čiaŋ "шесть", "шестеро", i:nt^hukŋiaŋ "двадцать", uja:kiaŋ "сто" и т.д.

*čumna:ga < huča + mon + ha:ga.

При общей системе счета, когда различие между одушевленными и неодушевленными предметами не проведено, количественные числительные оформлялись в коттском языке общим предикативным суффиксом =ǝ ∞ =aǝ, который связывался М.А.Кастреном с показателем совместного падежа, например: i:naǝ "2", to:ŋaǝ "3", ǝe:gǝǝ "4", xe:geǝ "5", xelu:ǝaǝ "6", int^hukŋaǝ "20", uja:kaǝ "100" и т.д. Любопытно, что этот предикативный суффикс появляется и в виде варианта множественного числа =ǝi:n, например: inǝi:n "оба", to:nǝin "все трое" (нем. "alle drei"), ǝe:gǝi:n "все четверо" (нем. "alle vier") и т.д. В отличие от коттского языка в кетском и югском предикативный суффикс =aǝ не присоединяется к числительным от 2 до 5.

Итеративные формы коттских числительных образовывались с помощью показателя =p^ha ∞ =fa, который присоединялся к основе количественных числительных:

alǝin/huǝra	"один раз"	ǝe:gra/ǝe:gfa	"четыре раза"
i:nra/i:nfa	"два раза"	xe:gra/xe:gfa	"пять раз"
to:mra/to:mfa*	"три раза"	xa:kpa	"десять раз"

и т.д.

От итеративных форм образовывались коттские порядковые числительные с помощью общего предикативного суффикса =ǝ:

1-й huǝraǝ/feapa:, p ^h eaapa:	10-й ha:kpa:ǝ
2-й i:nra:ǝ	11-й ha:gal u:ǝra:ǝ
3-й to:mra:ǝ	12-й ha:gal u:ǝra:ǝ
4-й ǝe:gra:ǝ	20-й int ^h ukmra:ǝ*
5-й xe:gra:ǝ	21-й int ^h ukŋ huǝra:ǝ
6-й xelu:ǝraǝ	30-й to:n t ^h ukmra:ǝ*
7-й xeli:nra:ǝ	40-й ǝe:g t ^h ukmra:ǝ*
8-й halto:mra:ǝ*	50-й xe:gt ^h ukmra:ǝ*
9-й ǝumkpa:ǝ	100-й uja:kpa:ǝ/uja:kpa:ǝ*

Как отметил М.А.Кастрен /Кастрен 1858 : 47/, в формах на =t^hukŋ= согласный /ŋ/ мог исчезать.

Присоединением показателя =fa к данным порядковым числительным образовывались в коттском языке формы с темпоральным значением типа i:nra:ǝfa "второй раз", "во второй раз", to:mra:ǝfa "третий раз", "в третий раз", ǝe:gra:ǝfa "чет-

* В этих формах наблюдается обычный случай ассимиляции ŋ > m перед губными согласными.

вертый раз", "в четвертый раз" и т.д. Порядковое числительное $tsa: / p^{he}a:$ имело не только значение "первый", но могло также означать "в первый раз", "первый раз".

Кратные числительные коттского языка могли образовываться с помощью компонента $e:lak\eta$, который рассматривался М.А. Кастреном как прилагательное, восходящее к слову $e:lak\eta$ "складка, сборка (одежды)". Например: $hu:\ddot{e}:lak\eta$ "простой; одинарный", $i:ne:lak\eta$ "двойной, двукратный", $to:\eta:lak\eta$ "тройной, троекратный" и т.д.

Дробные числительные образовывались двумя способами: половина передавалась словом ai^* , которое присоединялось к соответствующему порядковому числительному ($i:pra:\ddot{s}ai$ "два с половиной", $to:pra:\ddot{s}ai$ "три с половиной", $\ddot{e}:gra:\ddot{s}ai$ "четыре с половиной" и т.д.), а во всех других случаях использовалось слово ki "часть", например: $to:pra:\ddot{s} ki$ "третья часть", $\ddot{e}:gra:\ddot{s} ki$ "четвертая часть" и т.д.

Анализ коттских числительных показывает, что все они были производными или составными, кроме числительных первой пятерки, числительного 10 и числительного 100. Как отметил уже М.А. Кастрен /Кастрен 1853 : 46/, коттские числительные с шести до восьми образованы по общей схеме $5 + 1, 5+2, 5+3$, то есть $xeli:\ddot{c}a^{**}$ "6" < $xe:g\ddot{a}$ "5" + $hu:\ddot{c}a$ "1", $xeli:na$ "7" < $xe:g\ddot{a}$ "5" + $i:na$ "2", $xalto:\eta$ "8" < $xe:g\ddot{a}$ "5" + $to:\eta$ "3", а числительное $\ddot{c}umna:ga$ "девять" < $hu:\ddot{c}a$ "1" + mon "не, без" + $haga$ "10" (букв. "без одного десять").

При счете одушевленных предметов числительное "один" оформляется в коттском и югском языках лично-предикативными показателями мужского и женского классов, например: югск. $xive$ "одно", но: $xogdu$ "один", $xogda$ "одна". Для коттского языка эти формы не обнаружены, но, учитывая форму $hautu$ "один" из близкого к коттскому ассанского языка, можно наличие форм $*hautu$ "один", $*hauta$ "одна" предполагать и для коттского. Соответственно можно для коттского языка

* Предположение М.А. Кастрена о том, что ai возникло из $halar$ "половина" /Кастрен 1858 : 13/, ошибочно, т.к. это два различных слова.

** О чередовании $g : l$ в структуре числительного "5" см. /Вернер 1980 : 212-213/.

восстановить атрибутивную форму числительного "один", которая употреблялась перед одушевленными существительными в виде *hau (кет. *qok*, югск. *хок*, например, югск. *хок хе?* "один человек", *хок хеш* "одна женщина").

Что касается вопроса о склонении коттских числительных, то они, по замечанию М.А.Кастрена, склонялись как прилагательные, то есть только в случае их субстантивации. Интересны приведенные в книге М.А.Кастрена формы единственного числа дательного падежа некоторых числительных, которые использовались в качестве атрибутивных (распределительных) числительных: *i:na:?a* "по два", *to:pa:?a* "по три", *ʒe:ga:?a* "по четыре", *xe:ga:?a* "по пять" и т.д. (в югском языке, в отличие от коттского, эту дистрибутивную функцию выполняет показатель локатива: *dylgej* "по ребенку", *ungej* "по два", *do:ngej* "по три" и т.д.).

Замечено, что енисейские числительные первого десятка совпадают во всех енисейских языках только от единицы до пяти. Это может, наряду с некоторыми другими факторами (например: несовпадение слов для "двадцать", "сто", свидетельствовать о том, что енисейские системы числительных сложились окончательно уже после того, как древнеенисейские диалекты стали развиваться обособленно, хотя совпадение во всех енисейских языках числительного "10" говорит о реальности существования зачатков десятичной системы счисления у енисейцев уже в общенисейскую эпоху. На материале енисейских языков можно проследить, как пятиричная система счисления заменяется семиричной, а позднее - десятичной /Вернер 1960 : 210-216/.

С о ю з ы

Хотя М.А.Кастрен приводит для коттского языка четырнадцать союзов, в целом статус союзов в енисейских языках как части речи остается проблематичным. Из приведенных четырнадцати союзов пять заимствованы из русского языка, а один - из тюркских языков:

- da* (русск. да): *huʒ da t^h₁:ga* "конь да корова";
- ʒe* (русск. же);
- bet* (русск. ведь);

опа:ко (русск. однако);

=во --- =во (русск. либо --- либо);

=о:k ∞ =ок (тюркск.) "и".

Собственно коттские союзы восходят к частицам, последогам и наречиям, которые стали употребляться в роли союзов с развитием коттского гипотаксиса:

=во вопросительная частица: huḡbo "лошадь?", aḡibbo "собака?";

=ta частица в роли союза "но": auta "но ты", eaḡata "как раз сейчас";

=baḡa - энклитика (или падежный показатель) "подобно";

=ta - энклитика "только если";

=la - энклитика "только";

=ḡum "если";

=beḡ "хотя".

Можно предполагать, что данные союзы не нашли еще в коттском языке широкого употребления, так как бессоюзные конструкции, как показывают факты современных енисейских языков - кетского и югского - , были преобладающими.

Междометие

Из междометий М.А.Кастреном были зафиксированы в коттском языке следующие: ha:tola "смотри, вот!", "вот!" (указание), ha:ra (ожидание), hei (оклик), aḡa aḡa (восклицание при ощущении боли), hehe hehe (при смехе), hei (повеление), he he (предчувствие мести), he:t (удивление), a'a: (согласие), a: (вопросительное междометие).

Г л а в а Ш

С И Н Т А К С И С

Отсутствие текстов и других материалов по коттскому языку, которые позволили бы рассмотреть вопрос о построении простого и сложного предложения, заставляет нас обращаться к косвенным данным и опираться, в основном, при восстановлении основных черт коттского синтаксиса на кетско-югские параллели.

Типология элементарного предложения

Как уже отмечалось /Вернер 1984 : 58/ в коттском, кетском и югском языках синтаксической доминантой предложения является финитное глагольное сказуемое, которое в соответствии с ранговой квалификацией членов предложения обладает рангом первой величины. Его специфика определяется наличием в этих языках классно-личного субъектно-объектного спряжения, в силу которого финитное глагольное сказуемое уже само по себе представляет минимальную модель предложения, а именные члены конкретизируют различные глагольные показатели /Успенский 1968 : 196/; в глагольной словоформе наблюдается, таким образом, тенденция к отражению в ее составе наиболее важных элементов предложения, например, кот. $t^hata:d'e:naginaq$ "я=его=перевоз (на ту сторону реки)". В целом лексическая наполняемость коттского простого предложения, прежде всего число актантов при предикате, определяется содержательной валентностью глагола; ею же задается и синтаксическая структура предложения.

В решении этого сложного вопроса енисейского синтаксиса намечилось в последнее время два подхода. С одной стороны, предпринимаются попытки определить общее типологическое состояние енисейских языков, в частности коттского, кетского

и югского, с позиций контенсивно-типологической схематики /Климов 1977/ и на этой основе описать структурные типы предложений. С другой, структурные типы енисейских предложений исследуются с позиций референциально-ролевой грамматики /Ван Валин, Фоли 1980/, в частности в работах Э.И.Белимова и В.Г.Шабаева /Шабаев 1983, Шабаев 1984, Белимов 1986/. Оба подхода не исключают, а дополняют друг друга, и мы не готовы пока разделить мнение Э.И.Белимова о том, что только с позиций функционально-ролевого анализа фактов енисейского синтаксиса в плане синхронии возможно понимание их грамматического строя как целостной системы. Ввиду принципиальной важности всех этих общих вопросов для описания структурных моделей предложений конкретных енисейских языков, включая коттский язык, остановимся на них несколько подробнее.

"В пределах выявленной системы осуществляется четкое разграничение таких ролевых понятий, как активность и инактивность участников, их статичность (неподвижность) и динамичность (подвижность), опосредованность воздействия на участника и непосредственность, затронутость участника действия и незатронутость, центростремительная и центробежная направленность действия по отношению к участнику." /Белимов 1986 : 22/. Все эти различия действительно находят отражение в структуре енисейского элементарного предложения, и прежде всего в структуре финитных глагольных форм с помощью различных рядов субъектно-объектных показателей, но механизм их выражения требует некоторых пояснений. Выделяя сорок базовых структурных моделей кетско-югского предложения на основе участивных ролей и способов их выражения Э.И.Белимов опирается на описанные в кетологии ряды субъектно-объектных показателей Б и Д, число которых увеличивается им произвольно с восьми до двенадцати. Между тем, как выше уже отмечалось, даже традиционно называемое число этих рядов (восемь) в действительности сводимо к четырем-пяти рядам. Но существу представлен только один ряд показателей Д, так как наблюдающиеся различия между рядами этих показателей либо фонетического характера (ударная/безударная позиция показателей $di=du=dl$, ср. югск. $dibbet$ "делаю=это", $dubbet$ "он=делает=это", $dabbet$ "она=делает=это" и т.д., но: $di:bget < dii:bget$ "я=ищу=это", $ki:bget < kui:bget$

"ты-идешь=это" и т.д.), либо являются результатом смешения рядов Д и Б, как, например, ряды $d - a$, $d - o$.

Как отмечает Э.И.Белимов, "система обобщенных ролевых функций и закрепленных за ними рядов показателей (для кетско-югского языков - Г.В.) получает следующий вид:

- 1) агенс - показатели рядов Д - Д, ДИ - ДУ, ДА - ДА;
- 2) фактитив - показатели рядов БА - А, БО - О;
- 3) рефлексив - показатели рядов БА - ВУ, БО - ВУ, Д - Ø, Ø - Ø - АНГ;
- 4) контрагент - показатели рядов Д - А, Д - О;
- 5) пациенс - показатели рядов В - Б, Ø - Ø" /Белимов 1986 : 21/.

Опираясь в своем описании ролевых функций в кетско-югском синтаксисе на основные положения референциально-ролевой грамматики, Э.И.Белимов из выделяемых ею двух разных систем падежных ролей - базисной и производной /Ван Валин, Фоли 1980 : 384/ - берет только производную, то есть падежные роли агенса, пациенса и т.д.; между тем, более важной бинарной оппозицией партиципантов является оппозиция актора и претерпевающего (Undergoer). Отметим, кстати, что в формах типа югск. *boade* "я=иду", *kuade* "ты=идешь", *oade* "он=идет", *uade* "она=идет" и т.д. актор и агенс совпадают, что не оставляет никаких сомнений в том, что эта роль выражена рядом показателей Б $bo-o-u$; еще более показательны примеры типа югск. *baɣubder* "я=ношу=это" (одежду), *kixubder* "ты=носишь=это", *axubder* "он=носит=это", *ixubder* "она=носит=это" и т.д., в которых показатели Б ряда $ba-a-i$ в роли субъектных также выражают актора и агенса. Однако в схеме Э.И.Белимова агене может выражаться почему-то только рядами показателей Д - Д, ДИ - ДУ, ДА - ДА. Заметим, что выделение ряда ДА - ДА в кетском языке очень проблематично, если рассматривать соответствующее явление с грамматической точки зрения. Нельзя при этом не вспомнить очень важное замечание Е.А.Крейновича о том, что в структуре кетских непереходных глаголов со значением процессов, происходящих не по воле человека, появляется словообразовательный (!) префикс $da-o da-$, материально совпадающий со словоизменительным показателем субъекта действия 3-го лица единственного числа класса женщин и класса вещей. "Вполне возможно, что этот

словообразовательный префикс развился из словосизменительного вследствие отрыва последнего от соответствующей парадигмы спряжения и наделения его новой функцией. Это предположение поддерживается тем обстоятельством, что в некоторых глаголах префикс $da=$ может быть соотнесен с неопределенным местоименным субъектом действия: "нечто", "что-то" /Крейнович 1968 : 261/; ср., например, следующие предложения Е.А. Крейновича: $qam ket d\dot{a}kason\dot{a}m$ "стрела попала в человека" (досл. "стрела человек это=взяло=его") - $v\dot{r}a r'\dot{a} kajn\dot{a}m$ "я слова не мог вымолвить" (досл. "мои слова что-то взяло", "мои слова отнялись"). Префикс $da=$ в первом примере с переходным глаголом соотносится с субъектом действия, обозначенным существительным класса вещей qam "стрела"; во втором примере префикс $r'\dot{a} < da=$ ни с чем не соотносится в составе предложения, в связи с чем это предложение может быть дословно переведено только так: "мои слова $r'\dot{a} < da$ (т.е. что-то) взяло" /Крейнович 1968 : 261/. Этот префикс имеется перед глаголами независимо от того, выражено ли подлежащее существительным мужского, женского или вещного класса, следовательно, его функция не выражение субъекта действия, а указание на то, что "процесс, обозначенный глаголом, происходит в носителе признака без всякого участия его воли" /Крейнович 1968 : 264/: $d\dot{a}s'ul'ajbok's'a$ "я=краснею", $d\dot{a}s'ul'ajkuk's'a$ "ты=краснеешь", $d\dot{a}s'ul'ajok's'a$ "он=краснеет", $d\dot{a}s'ul'ajuk's'a$ "она=краснеет", $d\dot{a}s'ul'ajd\dot{a}p's'a$ "мы=краснеем", $d\dot{a}s'ul'ajk\dot{a}p's'a$ "вы=краснеете", $d\dot{a}s'ul'ajop's'a$ "они=краснеют" и т.д.

Очень проблематично и выделение в кетско-югской глагольной системе ряда показателей Б - Б для выражения пациенса /Белимов 1966 : 21-22/, и, кстати, никогда в кетологической литературе этот показатель единодушно не рассматривался как маркер вещного класса.

Обратимся прежде всего к работам Е.А. Крейновича, подробно рассмотревшего данный вопрос.

"Нередко детерминативы выступают в слове в качестве опустевших морфем, с которыми не может быть связано ни какое-либо реальное значение, ни какая-либо реальная функция. Сказанное относится глазным образом к детерминативу "б". Материальнс он проявляет некоторое тяготение к начальным

согласным вопросительных местоимений битс'а "кто=он?", бэс'а "кто=она?", но более реальна его связь с показателями класса вещей, от которых он, по-видимому, и развился" /Крейнович 1968 : 35/. Сравним следующие примеры Е.А.Крейновича:

d'ev'kava	"он=бросает=это"	d'ejvka	"он=бросает=меня"
dajvit	"я=поставлю=это"	dus'ogbit	"я=поставлю=его"
	(напр., котел)		(напр., щуку, положенную в котел)
kivraq	"кину=в=это"	baYivraq	"кинет=в=меня" и т.д.

И автор заключает: "Изложенные факты показывают, как пол-нозначная морфема класса вещей б ~ в ~ м стала опустошаться, а затем эта пустая морфема начала наделяться новым значением и выступать в новом качестве" /Крейнович 1968 : 36/. Правда, Е.А.Крейнович не говорит о том, что показатель "б" стал постепенно выполнять роль маркера не только неодушевленного, но и одушевленного пациенса, но совершенно очевидно, что его конечный вывод имел в виду именно это обстоятельство.

Сходные идеи были высказаны и А.П.Дульзоном при рассмотрении пассивных форм кетско-югского глагола. "Лучше всего пассивные формы узнаются при наличии одушевленного субъекта действия и одушевленного же объекта, так как в этом случае аффикс "б" естественно, может быть соотнесен только с одушевленным предметом... Если же объектом является название неодушевленного предмета, то... аффикс "б" легко спутать с однозвучающим показателем такого объекта" /Дульзон 1966 : 416/, т.е. А.П.Дульзон рассматривал по существу оба данных аффикса "б" как омонимичные.

Мы полностью разделяем мысли Е.А.Крейновича об историческом развитии и переосмыслении функций показателя класса вещей =b=. На наш взгляд, можно выделить несколько этапов исторического изменения функций этого показателя.

Известно, что он входит в ряды показателей серии д, которые по происхождению были маркерами различных состояний субъекта /Вернер 1974 : 36/, как это наблюдается в примерах типа югск.:

tuda bimba:x	"это=гниет"	tuda bi:ra:x	"это=гнию"
ad di:ja:x	"я=гнию"	ad di:ra:x	"я=гнил"
u ku:ja:x	"ты=гниешь"	u ki:ra:x	"ты=гнил"

bu du:ja:x "он=гниет"	bu di:ra:ix "он=гнил"
bu da:ja:x "она=гниет"	bu dai:ra:ix "она=гнила"
ətn di:jaxn "мы=гнием"	ətn di:ra:ɣn "мы=гнили"
klkɣ ku:jaxn "вы=гниете"	klkɣ ki:ra:ɣn "вы=гнили"
beɪɣ əu:jaxn "они=гниют"	beɪɣ di:ra:ɣn "они=гнили".

Такое употребление этих показателей можно считать исходным. Однако в дальнейшем в связи с общей типологической перестройкой языкового типа и его ориентации на передачу поначалу агентивно-фактитивных отношений (развитие черт эргативности), а затем субъектно-объектных (развитие черт номинативного строя), их функциональная сфера расширяется: они начинают постепенно использоваться в роли субъектных показателей не только у стативных глаголов, обозначающих то или иное состояние субъекта, но и со всеми другими глаголами, и становятся единственно продуктивными в глагольном формообразовании, особенно в кетском и югском языках /Вернер 1964 : 59-60/, оформляя глаголы как переходной, так и непереходной семантики. Кроме того, они появляются в роли объектных показателей в структуре переходных глаголов, хотя и зафиксированы в этой функции только для I-го лица ед. числа и для 3-го лица ^{ед. и} мн. числа вещного класса, например, югск.

di:ptet "я=бью=это", dibi:ntet "я=бил=это", duttet "он=бьет=меня", dinditet "он=меня=бил".

Именно с этой общей схемой развития показателей Д и следует связывать основные этапы расширения функциональной сферы показателя вещного класса =b= в структуре глагольных словоформ:

(1) его использование в качестве маркера неодушевленного объекта в построениях эргативного характера типа югск. baɣu-bder "я=это=ношу" (одежду);

(2) его использование в качестве маркера неодушевленного объекта в обычных номинативных построениях типа югск. at tuda di:ptet (< di:=b=tet) "я=это=бью";

(3) появление форм типа кет. dul'aɣatabij "я=отвязываю (выпрягаю)=его", dul'aɣatabij "я=отвязываю (выпрягаю)=их", (ср. кет. ad a:ɣa dul'tabij ~ dul'aɣatabij "я=отвязываю=веревку"), в которых показатель вещного класса =b= начинает выражать роль инструмента;

(4) выражение показателем =b= роли инструмента (средств-

ва) осуществления действия с/над одушевленным объектом: сур. ар нур апвок давеҫабуҫ "моего сына волна качает" (при дублировании роли актора-инструмента субъектным префиксом да=); сравним объектную и инструментальную роли показателя =b= в формах югских глаголов "держать" и "качать":

duṭibox	"я=держу=это"	duabuk	"я=качаю=это"
kuṭibox	"ты=держишь=это"	kuabuk	"ты=качаешь=это"
duṭajox	"я=держу=его"	duabuk	"я=качаю=его"
duṭijox	"я=держу=ее"	duabuk	"я=качаю=ее"
duṭaṭox	"я=держу=их"	duṭabuk	"я=качаю=их" [*]

(5) употребление показателя =b= в качестве маркера пациента независимо от его одушевленности/неодушевленности, например, югск. ad (doʔn, fuʔn, fuʔp) daba:x "я=(нож, дочь, сына)=ему=даю; ad (doʔn, fuʔn, fuʔp) diba:x "я=(нож, дочь, сына)=ей=даю", ad (doʔn, fuʔn, fuʔp) dbiga:x "я=(нож, дочь, сына)=тебе=даю" и т.д.

Таким образом, в процессе исторического развития семантики глагольного показателя =b= наблюдается не его "опустошение", а расширение его функций, и термин Е.А.Крейновича "пустая морфема" (детерминатив) нам представляется поэтому не совсем удачным.

Попытка Э.И.Белимова выявить четкую систему обобщенных ролевых функций на материале кетского языка и установить набор показателей для каждой из них нам представляется очень интересной, но выявленная система должна основываться на учете всех фактов языка, если она претендует на универсальность. Иначе как же согласовать, например, тезис о том, что показатели ряда ДИ - ДУ маркируют только статистический агенс, если в примерах типа югск. di:рсау "я=это=тацу (волоком)", du:рсау "он=тащит=это (волоком)", dudісау "он=тащит=меня (волоком)" и т.д. представлен динамический агенс, маркируемый показателями ряда ДИ - ДУ?

^{*} Такую же интерпретацию допускает пример Э.И.Белимова
bu at s'ujt dabaҫiptc "она (на) меня платок повязывает"
/Белимов 1986.: 24/.

Сомнение вызывает так называемая шкала активности партиципантов /Белимов 1986 : 21-22/: Характеристики, которые Э.И.Белимов пытается описать с помощью шкалы активности, связаны с такими важными понятиями континентальной типологии и референциально-ролевой грамматики как позиционные падежи /Кацнельсон 1972 : 45-46/ и прагматическая структура предложения /Ван Валин, Фоли 1980 : 389-381/, и нам представляется целесообразным рассмотреть факты енисейских языков прежде всего именно с этих позиций.

Характер позиционных падежей, отражающих способ передачи субъектно-объектных отношений действительности в данном языке, является одним из важнейших показателей его общего типологического состояния. Как уже отмечалось /Вернер 1965 : 52/ в енисейских языках, в том числе в коттском, оба позиционных падежа -- номинатив и аккузатив -- совпадают в плане выражения на уровне морфологии в так называемом основном падеже; иная ситуация наблюдается на синтаксическом уровне, в частности, если учесть порядок слов в элементарном предложении. Порядок слов в енисейских языках не так свободен, как кажется на первый взгляд. Он может варьироваться в зависимости от тех или иных факторов, например, от специфики речевой ситуации -- различного актуального членения предложения, но в обычной ситуации эти языки обнаруживают тенденцию к следующему порядку слов простого предложения: подлежащее занимает начальную (маргинальную левую) позицию, а сказуемое -- конечную (маргинальную правую); прямой объект располагается между ними, причём при наличии еще и других членов предложения он тяготеет к позиции непосредственно перед сказуемым. Правда, для коттского языка схема порядка слов $s - o - v$ принимается нами по аналогии с кетским и югским языками прежде всего на том основании, что эта схема в общем виде выдерживается и в глагольных словоформах с субъектными и объектными показателями, особенно в так называемых простых глаголах с основой в конце слова типа кет. $3i=v=r'ау$ "я-это=мну", югск. $d=a=toу$ "он-его=видит", $d=i=toу$ "он-ее=видит". В коттском языке ситуация несколько осложнена лишь тем обстоятельством, что в структуре глаголов подобного типа субъектные показатели могут быть представлены и в начале и в исходе словоформы: $i:grapaу$ "я-

сажусь=я", *omprantoj* "мы=садимся=мы", *d'aupran* "он=садится", *d'aupratn* "они=салятся" и т.д., а в большинстве случаев эти показатели суффиксированы к глагольной словоформе. Эта морфологическая особенность коттского языка является, на наш взгляд, более поздней инновацией. В зафиксированных простых коттских предложениях подлежащее всегда занимает маргинальную левую позицию: *ajoj narita:gantoj bega* "мы купим пусть", *rope:ða koaëta* "сестра красивая (есть)", *ton etiga* "нож острый (есть)". Разумеется, в условиях, когда глагольная словоформа сама по себе является минимальной моделью предложения с точным указанием на субъект и объект (кот. *ač=an=tⁿu:rtajaŋ* "их=бил=я") расположение именных членов предложения может быть более или менее свободным, а в случае их замещения местоимениями могут вообще отсутствовать; это широко распространенное явление во всех енисейских языках, например, югск. *disida:xajdi?* "я=его=учу" (вместо *at bu disida:xajdi?*), кот. *šigalai ba:ttaŋ* "сушу=это=я" (вместо *ai šigalai ba:ttaŋ*), кот. *pai on'egantoj* "богатыми=стали=мы" (вместо *ajoj pai o:n'egantoj*). Однако в тех случаях, когда глагольная словоформа сама по себе не может внести достаточной ясности об участниках ситуации, последняя достигается, например, в кетском и югском языках, словоупотреблением именных членов предложения в соответствии с общей схемой *v - o - v*. Так, в кетском предложении *qoj kε?t dugaroq* "медведь человек съест" глагольная словоформа указывает лишь на то, что какой-то денотат мужского класса единственного числа произведет действие над денотатом мужского класса единственного числа, и, чтобы не исказился смысл предложения, подлежащее *qoj* "медведь" обязательно должно предшествовать объекту *kε?t* "человека". Точно такое же состояние можно предполагать и для коттского языка.

В связи с тем, что подлежащее имеет всегда одно и то же падежное оформление в различных структурных моделях простого енисейского предложения, необходимую информацию о типологическом состоянии этих языков может дать прежде всего аранжировка субъектно-объектных показателей в структуре глагольных словоформ. Результаты специальных исследований этого вопроса в енисейских языках позволяют сделать следующее заключение.

Использование в кетском и югском языках одних и тех же показателей Д, восходящих исторически к форме основного падежа личных местоимений, в качестве субъектных у глаголов переходной семантики и в качестве объектных (в 1-м лице ед. числа и в 3-м лице ед. числа вещного класса) у глаголов переходной семантики напоминает ситуацию в эргативных абхазском и абазинском языках /Гецадзе 1979 : 12/, с той лишь разницей, что у глаголов переходной семантики при объектном показателе Д появляется в этих языках субъектный Л, выполняющий синтаксическую функцию эргативного падежа /Гецадзе 1979 : 13-15/. Функции, выполняемые в таких случаях в абхазском языке показателем Л могли бы в кетском и югском языках выполнять показатели Б, восходящие к формам родительного (геар. активного ~ эргативного) падежа личных местоимений в диахроническом плане, но единичные случаи употребления таких форм (напр., югск. $ba=xu=b=der$ "я=ношу=это") в этом отношении не показательны. Тем не менее различие в кетском и югском языках глагольных форм типа югск. $\underline{di}=jada\chi$ "я=живу" и $dudi=ca\chi$ "он=меня=тащит"(волоком), несомненно напоминают эргативное состояние абхазского языка. Подобная тенденция в развитии енисейских языков не приобрела, однако, устойчивого характера вследствие более интенсивного развития черт номинативности /Вернер 1984 : 62/.

Для понимания типологического состояния зафиксированных енисейских языков (имеются в виду в первую очередь кетский, коттский и югский, по которым представлены наиболее полно материалы, отражающие все языковые уровни) необходимо, кроме всего прочего, разобраться в природе субъектно-объектных показателей Б и Д, установить различие между ними, выяснить их происхождение. Э.И.Белимов попытался решить эту проблему с помощью представленной им шкалы активности партиципентов, в соответствии с которой получается, что наиболее активный участник ситуации - агент оформляется рядами показателей Д, менее активный - фактив, оформляется рядами показателей Б, рефлексив (еще менее активный участник ситуации) рядами Б и, частично, Д, контрагент - смешанными рядами показателей Б и Д, наконец, пациент (нулевая активность партиципанта) - рядом Б - В. Из всех перечисленных участников ситуации наиболее непонятным является в данной схеме фактив, который выглядит

как абстрактная сущность, менее активная, чем агенс. Как уже отмечалось, примеры типа югск. boade "я=иду", кет. boY=avitn "я=выберу", югск. bogojbej "я=улечу" никак не согласуются с этой трактовкой, т.к. в них показатель bo= (один из рядов показателей Б) может обозначать только агенса. А как объяснить с помощью активности полностью синонимичные формы типа кет. endis'uk/enbas'uk "я=забуду", югск. dbagato:s/dutto:s < du=di=to:s "он=меня=воспитывает", в которых использованы показатели Б и Д? Придумать для таких форм разные ролевые характеристики нетрудно, но задача заключается в том, чтобы установить истинное различие между показателями Б и Д, а для этого нужен экскурс в план диахронии.

Основываясь на материалах М.А.Кастрена /Кастрен 1858/, К.Доннера /Доннер 1930/, Н.К.Каргера /Каргер 1934/ и, возможно других исследователей енисейских языков, ак. И.И.Мещанинов выдвинул в свое время интересную гипотезу о том, что в прошлом в кетском языке, видимо, была представлена посессивная конструкция предложения /Мещанинов 1948 : 503-509/. Он исходил при этом из случаев оформления глагольных словоформ субъектными показателями серии Б, которые уже М.А.Кастрен возводил к притяжательным местоимениям и которые также употребляются (в несколько другом фонетическом варианте) в качестве притяжательных префиксов имени, ср. югск.:

b=op	"мой=отец"	ba=ga:bde	"я=слышу"
k=op	"твой отец"	ku=ga:bde	"ты=слышишь"
d=a=op	"его=отец"	a=ga:bde	"он=слышит"
d=(i)=op	"ее=отец"	i=ga:bde	"она=слышит"

Как уже отмечалось, η в примерах типа η -aiteän "я-хочу" ("мое желание") при сравнении с субъектным показателем η для I-го лица ед. числа в структуре глагольных словоформ (aja:а:k η "играю=я") у М.А.Кастрена позволяет предполагать аналогичное состояние и для исчезнувшего коттского языка с той, однако, разницей, что вместо показателя I-го лица ед. числа b= в кетском и югском, в коттском выступает η , а во вторых, в глагольных словоформах η в отличие от b=, выступая в субъектной функции, суффицируется к глагольной словоформе. Особенно показательны случаи оформления в енисейских языках указанными притяжательными префиксами гла-

гольных основ (инфинитивов) типа югских форм $ba:t$ "меня=искать", $ka:t$ "тебя=искать", $daa:t$ "его=искать", $da:t$ "ее=искать", $naa:t$ "нас=искать" или южнокетских форм $ptar'$ "меня=бить" ("мое избиеие"), $ktar'$ "тебя=бить" ("твое избиеие"), $datar'$ "его=бить" ("его избиеие") и т. д.; что наряду с другими фактами как бы позволяет утверждать, что некогда в этих языках в формах типа югск. $baga:bde$ "я=слышу", $ba:kva:r$ "я=ночую", $ba=xu=b=der$ "я=ношу=это (одежду)" и т.д. обозначалась принадлежность действия лицу /Крейнович 1968 : 121/. Но ак. И.И.Мещанинов предполагал наличие в кетском языке в прошлом посессивной конструкции предложения именно в плане контенсивной типологии, так как посессивная конструкция предложения рассматривалась им как разновидность эргативной конструкции /Мещанинов 1967 : 105/. В этом отношении только формы типа югск. $ba=xu=b=der$ "я=ношу=это" отвечают, как уже отмечалось, требованиям эргативной (гевр. посессивной) конструкции, но они не получили в енисейских языках широкого распространения. И есть еще одно обстоятельство, которое осложняет вопрос об исконном посессивном характере указанных конструкций. Из показателей серии Б с идеей посессивности увязывается лишь ряд $ba - a - i$, но не ряд $bo - o - u$, что свидетельствует о более позднем переосмыслении показателей серии Б ряда $ba - a - i$ в известных случаях в качестве посессивных.

Опираясь на материальное сходство показателей Б ряда $ba - a - i$ с формантами родительного падежа имени и местоимений, с одной стороны, и показателей Д ряда $di - du - da$ с предикативными суффиксами единственного числа (ср. югск. $=di?$, $=du?$, $=da?$), с другой, мы выдвинули в свое время предположение о том, что в основе различия между показателями Б и Д лежала древняя оппозиция активный : инактивный, отражавшая активное состояние енисейских языков в прошлом /Вернер 1974 : 38-39/: показателями Б оформлялись активные глаголы, а показателями Д стативные, выражавшие то или иное состояние участника. Это предположение подтверждается целым рядом реликтовых явлений в лексике, морфологии и синтаксисе енисейских языков /Вернер 1974/; особенно интересны реликтовые различия версионного характера на уровне глагольной морфологии /Вернер 1984 : 60/ и глагольного словообразо-

вания /Павленко 1986 : 13-17/.^{*} Изученные нами факты енисейских языков позволяют заключить, что в свое время, при активном типологическом состоянии енисейских языков в прошлом основу различий между рядами *ba - a - i* и *bo - o - u* показателей серии Б составляли явления версионного характера. Суть этих различий состояла в том, что ряд *ba - a - i* оформлял центростремительные версионные формы, а ряд *bo - o - u* - центробежные. Центростремительные версионные формы обозначали действие, замкнутое на активном актанта или происходящее на месте его пребывания, центробежные же версионные формы, напротив, обозначали действие, направленное за пределы активного актанта или от места его пребывания /Вернер 1984 : 60/. Черты этих различий сохранились в кетском и югском языках до сих пор, ср.:

югск.	<i>ba=kaa:r</i>	"я=исчуж"
кет.	<i>ba=taq</i>	"я=стану (превращусь)"
югск.	<i>ba=xu=b=der</i>	"я=ношу=это"
югск.	<i>bo=ade</i>	"я=иду", "я=пойду"
кет.	<i>bo=Yävitn</i>	"я=выбегу"
югск.	<i>bo=gojbej</i>	"я=улетел".

В котском языке эти различия не сохранились; не сохранилось в нем, как уже отмечалось, и многообразие рядов субъектно-объектных показателей. Среди показателей серии Б фактически представлен только один ряд, который в объектной функции представлен полностью, а в субъектной - только в первом и втором лицах единственного и множественного числа. Но котский язык обнаруживает следующую особенность: во всех случаях котские глагольные словоформы оформляются показателями серии Б, как в субъектном, так и в объектном рядах. Только в некоторых случаях субъектные суффиксы серии Б дублируются другими субъектными префиксами или инфиксами, видимо, серии Д: *i=t^hak=ŋ* "я=прыгаю=я", *i=t^hak=u* "ты=прыгаешь=ты", *d'a:=tax=* "он=прыгает", *on=t^hagan=ton* "мы=прыгаем=мы", *on=t^hagan=on* < *on=t^hagan=on* "вы=прыгаете=вы", *d'a:n=t^hax=* < *d'a:n=t^hax=* "они=прыгают" и т.д. (в 3-м лице, очевидно, представлены в препозиции показатели Д и Б, т.е. *d' + a:* для формы ед. числа и *d' + a:n* для формы мн. числа).^{ЖК}

^{*} О других реликтах версионного характера см./Поленова 1985 : 104-105/.

^{ЖК} Как уже отмечалось, в ряду предикативных суффиксов, которые

Сравнивая показатели серии Б в коттском и кетско-югском, нетрудно заметить полное несоответствие показателей I-го лица ед. числа: кот. аṽ, кет., югск. ба, во. Впрочем, нет полного соответствия и между соответствующими показателями серии Д (ср.: кот. таṽ, кет., югск. di, d, t).

Языки	! Единств. число		! Множеств. число	
	! Б	! Д	! Б	! Д
Коттский	аṽ	таṽ	оṽ, тоṽ	тоṽ
Кетский				
Югский	ба, во	di, d, t	дṽ	di, дṽ

Можно, однако, отметить сходство коттских показателей I-го лица в ед. и мн. числе: различие между теми и другими состоит лишь в их огласовке: показатели ед. числа имеют гласный "а", а показатели мн. числа - гласный "о". Любопытно, однако, что те и другие оформлены формантом ṽ, который во всех енисейских языках является показателем мн. числа как в сфере глагола, так и в сфере имени и местоимений. Все приведенные факты могли бы, как уже отмечалось, служить аргументами в пользу предположения о том, что коттские показатели I-го лица отражают древнюю оппозицию инклюзивной и эксклюзивной лексем местоимения I-го лица мн. числа. Видимо, в коттском языке с нейтрализацией оппозиции "инклюзивный : эксклюзивный" одно из местоимений (эксклюзивное) было обобщено и переосмыслено как показатель I-го лица ед. числа, а другое (инклюзивное) - как показатель мн. числа I-го лица. В пользу этого предположения говорит, например, одинаковая огласовка показателя I-го лица мн. числа (бывшее инклюзивное местоимение) и показателя 2-го лица мн. числа (тоṽ, оṽ), в то время как у показателя I-го лица ед. числа (бывшее эксклюзивное местоимение), наблюдается одинаковая огласовка с показателем 3-го лица мн. числа (таṽ, аṽ). Едва ли можно гетерогенность показателей I-го лица ед. числа, выража-

тоже относится к серии Д, представлен другой набор показателей для всех трех лиц (см. об этом выше).

шущая в генетической несопоставимости кот. *ay* и кетско-югск. *ba, bo*, объяснить иными факторами. В кетском и югском можно, в отличие от коттского языка, предполагать обобщение соответствующих двух местоимений (инклюзивного и эксклюзивного) как показатели I-го лица мн. числа. Небезинтересно, впрочем, отметить, что в серии Д в кетском и югском субъектные префиксы совпадают в ед. и мн. числе (см. таблицу показателей Д, приведенную выше).

В связи с тем, что в коттском языке представлен только один ряд показателей Б, полностью совпадающий с формантами родительного падежа, может возникнуть предположение о том, что в коттском посессивная конструкция предложения получила более последовательное развитие, чем в кетском и югском языках. Условиям посессивной (т.е. особой эргативной) конструкции предложения полностью соответствуют коттские формы типа *bagi:taŋ* "это=ищу=я", *baŋa:kaŋ* "это=держу=я", *baŋurkaŋ* "это=найду=я", *baŋurjaŋ* "это=тяну=я", *baŋaraŋ* "это=делаю=я", *baŋe:raŋ* "это=скоблю=я" и т.д., которые нашли в коттском языке, как можно судить по данным М.А.Кастрена, самое широкое распространение и которые точно соответствуют югским формам типа *baŋuŋder*. "я=ношу=это".

Такая интерпретация данных коттских словоформ обосновывается тем, что в них в качестве субъектных выступают показатели серии Б, полностью совпадающие с формантом родительного падежа и, следовательно, восходящие к формам родительного (гевр. эргативного) падежа соответствующих личных местоимений, а в качестве объектного выступает показатель вещного класса $b = \infty$ $ba =$ (соответствует кетско-югскому показателю $=b = \infty = v = \infty = p =$), который входит в серию показателей Д, восходящих к форме основного падежа личных местоимений. В коттских глаголах непереходной семантики показатель $b =$ мог выступать в субъектной функции, например, *baŋi* "это=зреет".

Во всех других случаях в коттском в качестве объектных выступают показатели серии Б, которые как уже отмечалось выступают и в роли субъектных. Одна из загадок показателей серии Б является их употребление в качестве объектных не только в коттском, но также в кетском и югском. Для выяснения этого факта вновь обратимся к плану диахронии.

С появлением в енисейских языках признаков выражения

субъектно-объектных отношений, что было связано с перестройкой енисейского языкового типа, с развитием в нем черт номинативности, исконная оппозиция центростремительной и центростремительной версии начинает переосмысливаться: если у интранзитивных глаголов версионные показатели рядов ба по-прежнему обнаруживают в качестве семантического инварианта замкнутость действия в его носителе, а показатели рядов во - указание на направленность действия за пределы места пребывания его носителя, то в структуре транзитивных глаголов эти же показатели в роли объектных получают следующие оттенки значения: за редкими исключениями, показатели рядов ба встречаются тогда, когда действие, направленное на объект совершается прежде всего в интересах производителя действия, тогда как при наличии показателей рядов во внимание скорее сосредотачивается на объекте действия безотносительно к позиции производителя действия, т.е. оно мыслится скорее как действие, совершаемое в интересах объекта. Особенно показательны в этом отношении следующие примеры из кетского и югского языков:

baYistog	"на=меня=он=набросится"
daŋbaYsit	"он=меня=привяжет"
baYivraq	"в=меня=он=выстрелит"
batəptät	"пристает=он=ко=мне"
baYar'o	"он=на=меня=смотрит"
bogdəptaŋ	"меня=тащит=он (на нарте)"
bogbitaŋ	"меня=он=венчает"
əetboksuro	"меня=он=лечит"
dil'ubitboaget	"любит=он=меня" и т.д.

Как нами уже отмечалось, /Вернер 1984 : 61/ эти факты очень напоминают типологически сходное явление в картвельских языках, различающих субъектную и объектную версии /Климов-Алексеев 1980 : 152-154/, /Гецадзе, Гайдарова 1982 : 170/.

Таким образом, интерпретация фактов енисейских языков в плане определения их типологического состояния должна исходить из четкого разграничения диахронии и синхронии, реликтовых явлений и поздних инноваций. Реликтовые явления позволяют предполагать такие древние этапы развития енисейских языков, когда языковой тип был ориентирован на передачу не

субъектно-объектных отношений, а активно-инактивных (активный строй языка) и в какой-то мере агентивно-факитивных (эргативный строй языка), например, в период перестройки енисейского языкового типа от языка активной типологии к языку номинативной типологии. Тот факт, что в засвидетельствованных енисейских языках доминируют черты номинативности, подтверждается: (а) смещенностью агенса в главную синтаксическую позицию /Кибрик 1980 : 90/, согласующейся с явной субъектной ориентированностью парадигматических элементов в структуре глагольных словоформ; в этом отношении следует отметить наличие четких рядов субъектных показателей, включая и последовательное выражение неодушевленного субъекта 3-го лица либо показателем класса вещей $b=$, либо показателем женского класса $da=$; (б) стиранием прежних различий между показателями B и D, что подтверждается не только синонимичностью форм типа южск. $dbagato:s/duttois$ "он=меня=воспитывает", но и наличием целых парадигм типа кет. $diYar'o/$ $ba\psi uRo$ "я=смотрю" и т.д.; (в) употреблением глагола, не оформленного объектными показателями, в роли переходного, например, $saRijis'az\ ba\psi uRo$ "гнездо белки высматриваю" /Крейнович 1968 : 87/ при употреблении транзитивного глагола, наоборот, в роли интранзитивного, например, $ba\psi uRo,$ $b\psi n' ditu\psi$ "смотрю, но не вижу" /Крейнович 1968 : 87/; (г) появлением конструкций типа $l'a?m\ ab\psi b\psi t$ "стол вытирается (кем-то), $at\ l'a?m\ dab\psi b\psi t$ "я стол вытираю", указывающих на возможность пассивного преобразования, при котором наблюдается переход в позицию подлежащего лексемы из ликвидированной позиции прямого дополнения (с элиминацией агенса). Наиболее важным нам представляется, однако, тот факт, что засвидетельствованные енисейские языки ориентированы на передачу субъектно-объектных отношений, о чем свидетельствует прежде всего категория переходности ~ непереходности; это, как известно, и является семантической детерминантой номинативного строя.

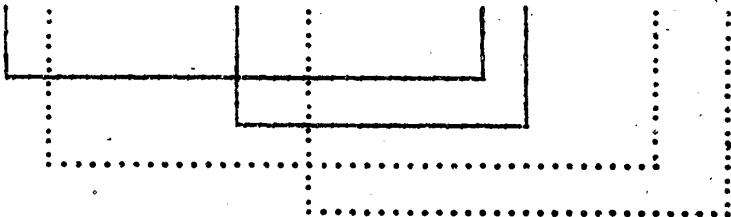
О номинативном характере енисейских языков свидетельствует и характеристика прагматической структуры простого предложения. В соответствии с воззрениями представителей референциально-ролевой грамматики /Ван Балин, Фоли 1980 : 389/ наряду с универсальной тенденцией, состоящей в том, что эле-

менты, несущие контекстуально данную информацию, предшествуют элементам, несущим контекстуально новую информацию, в элементарном предложении одна именная составляющая выделяется специальными морфосинтаксическими средствами как прагматически наиболее значимая ИГ (именная группа - Г.В.). Прагматическая значимость задается двумя взаимодействующими факторами. Ими являются, с одной стороны, выделенность в дискурсе (т.е. определенность, конкретность и данное), а с другой стороны, то, что называется "фокусом интереса" говорящего. В него попадает участник, которого говорящий считает наиболее значимым в рассматриваемой ситуации. Прагматически наиболее значимая ИГ в простом предложении называется прагматическим пиком (ПрП). В енисейских языках ПрП сигнализируется именительным падежом и позицией в начале предложения, что характерно для номинативных языков, в отличие от эргативных, в которых ПрП выражается абсолютивом /Ван Валин, Фоли 1980 : 392/. Это полностью согласуется с ранее высказанной А.Е.Кибриком идеей о том, что в эргативном языке актанта одностепенного предиката и пациенс двухместного обобщаются в одну семантическую роль фактитива, т.е. ближайшего участника ситуации /Кибрик 1980 : 80/.

Структурные модели коттского элементарного предложения

Разновидности предикатов, которые представлены в классификации референциально-ролевой грамматики /Ван Валин, Фоли 1980 : 384/ и которые можно представить в виде следующей схемы

I. Статические II. Динамические III. Неуправляемые IV. Управляемые

в коттском языке в плане выражения особо не отмечены, кроме случаев предикативно-оформленных слов (суффиксы ряда Д), например, *raitar* "я=богат", *raitu* "он=богат", *raitā* "она=богата" и т.д. Можно также отметить, что динамические и управляемые одностепенные предикаты с простой корневой осно-

вой оформляются двумя рядами показателей одновременно - префиксально-инфиксальным и суффиксальным, например, $on-t^hagan-toy$ "мы-прыгаем", $on-kajan-toy$ "мы-возвращаемся".

Таким образом структурные модели элементарного коттского предложения можно выделить только по аранжировке субъектно-объектных показателей в составе глагольной словоформы, которая определяется синтаксической валентностью глагола. Среди одноместных предикатов выделяются по материалам М.А.Кастрена следующие модели:

- 1) $\emptyset$ --- Д (тау)
- 2) $\emptyset$ --- Б ($ay \sim p-tu-ta$)*
- 3) Б --- Б ($ay \sim p-\emptyset-\emptyset$)*
- 4) Б --- Б ($ay \sim p-\emptyset-\emptyset$)*
- 5) Д ( ) --- Б ($ay \sim p-\emptyset-\emptyset$)*
- 6) --- Б ---

Первая модель представлена, как уже отмечалось, предикативно оформленными именами существительными, прилагательными, наречиями, местоимениями и числительными: $fu:p\ kajak-tu$ "сын здоров=он", $fu:p\ kajak-ta$ "дочь здорова=она", $ul\ pale$ "вода теплая=она"(оно)". В соответствующих словоформах использованы показатели Д суффиксального ряда $ta-p-tu-ta$.

Вторая модель представлена большим числом примеров; соответствующие словоформы оформлены показателями Б суффиксального ряда $ay-a-i$, но фактически представлены только суффиксы 1-го и 2-го лица: $o:\dot{s}al=ay$ "точу=я", $o:\dot{s}al=u$ "точишь=ты", $o:\dot{s}al$ "точит=он/она", $a:ua:gan-toy$ "куем=мы", $a:ua:gan-oy$ "куете=вы", $a:ua:gan$ "куют=они". Субъектный ряд представлен показателями Б ряда $ay-u-\emptyset$.

Третья модель представлена глаголами, отнесенными М.А.Кастреном ко второй большой группе, а именно, словоформами множественного числа, чаще прошедшего времени: $hi:p:na:p$ "даю=я", $hi-on-re:n-toy$ "даем=мы"; $on-t^hagan-toy$ "прыгаем=мы", $an-on-t^hagan-toy$ "прыгали=мы".

Четвертая и пятая модели представлены у этих же глаголов в формах ед. и мн. числа настоящего времени: $i:na:p < i-in-ay$ "иду=я", $on-in-toy$ "идем=мы" и т.д. Можно предположить, что в таких случаях представлен смешанный ряд показателей

*Поскольку в 3-м лице отсутствуют субъектные показатели, то модели №№ 2, 3, 4, 5 представлены еще вариантами: $\emptyset$ --- $\emptyset$, --- Б --- $\emptyset$, Б --- $\emptyset$, Д (1) --- $\emptyset$.

Д и Б: в формах ед. числа представлен ряд $i - d'a$, в формах мн. числа - ряд $o\eta - d' + a\eta$.

Шестая модель представлена формами глагола "забыть": $e\eta - e\eta = a\dot{i}\dot{e} < *e\eta = a\eta = a\dot{i}\dot{e}$ "я=забуду", $e\eta = o\eta = a\dot{i}\dot{e}$ "мы=забудем", $e\eta = a\eta = a\dot{i}\dot{e}$ "они=забудут" и т.д.

Среди двухместных предикатов можно выделить следующие модели:

1) --- Б --- Б ($a\eta \sim \eta$)

2) Д ----- Б ($a\eta \sim \eta$)

Первая модель представлена переходными глаголами с полным рядом объектных показателей (инфиксов) и с неполным рядом субъектных показателей (суффиксов), например: $o:ga?a:\dot{s}ea\eta$ ($o:g-a?a:\dot{s}e=a\eta$) "его=убиваю=я", $o:go\eta a\dot{s}ea\eta$ ($o:g=o\eta =a\dot{s}e=a\eta$) "нас=убиваю=я", $o:ga\eta =a:\dot{s}ea\eta$ ($o:g-a\eta =a:\dot{s}e=a\eta$) "их=убиваю=я" и т.д.

Вторая модель представлена глаголами, в структуре которых прямой объект маркируется показателем вещного класса $b = ba =$, который входит в серию показателей Д: $ba = ttaj = a\eta$ "это=раскальваю=я", $ba = fu\eta = a\eta$ "это=дую (раздуваю)=я", $ba = raj = a\eta$ "это=делаю=я" и т.д.

Примеров трехместных предикатов в коттских материалах М.А.Кастрена не обнаружено, кроме одного глагола, очевидно, они встречались в коттском языке так же редко, как в кетском и югском. Приведенный М.А.Кастреном глагол "давать" позволяет предполагать, что в коттском языке, как в кетском и югском, в случае трехместного предиката в соответствующей глагольной словоформе мог, кроме субъектного и объектного показателей, появляться еще показатель вещного класса $=b = \sim = p =$ для обозначения инструмента или пациенса (объекта); в последнем случае обычный ряд объектных показателей обозначал, по терминологии Э.И.Белимова, контрагента. В зафиксированных М.А.Кастреном формах глагола "давать" представлен, правда, лишь объектный показатель вещного класса $=p =$, что подтверждают формы императива, в которых, как известно, показатель вещного класса исчезает, ср.:

$hipe:na\eta$	"даю=это=я"	$hilipe:na\eta$	"давал=это=я"
$hipe:nu$	"даешь=это=ты"	$hilipe:nu$	"давал=это=ты"
$hia:pe:n$	"дает=это=он/она"	$hila:pe:n$	"давал=это=он/она"

hiompe:ntoŋ "даем=это=мы" hiompe:ntoŋ "давали=это=мы"
 hiompe:poŋ "даете=это=вы" hio:mpre:poŋ "давали=это=вы"
 hiampe:n "дают=это=они" hiampe:n "давали=это=они"
 Императив: hil'eŋ "дай!", hil'eŋoŋ "дайте!".

В формах этого глагола инфигированный субъектный показатель может, видимо, рассматриваться и как показатель контрагента, т.е. hi=a:pe:n "дает=это=он/она" или "дает=ему=это=он/она", hiompe:ntoŋ "даем=это=мы" или "даем=вам=это=мы", hiompe:poŋ "даете=это=вы" или "даете=нам=это=вы", hiampe:n "дают=это=они" или "дают=им=это=они" и т.д. Аналогичным образом могли оформляться, видимо, и глагольные словоформы типа variŋaŋ "это=тяну=я" с помощью введения показателя контрагента и с изменением значения словоформы, например, "его=этим=тяну=я".

Особую модель образуют глаголы типа vari "это=зреет", в которых реализуется схема Д — Ø, так как выступающий в данном случае в субъектной роли показатель класса вещей относится к серии Д. И, наконец, следует указать на наличие в коттском языке модели Ø — Ø, представленной, например, безличным глаголом ho:ti "слышать", "слушаться" (нем. "hören", "gehörchen"), прет. ho:lati; очевидно данные формы должны переводиться как "слышится (это)", "слушается (это)", хотя для выражения "слышится (это)", "слышно" М.А.Кастрен приводит форму atroa и аналитическое образование atrɪ be:tek (ср.: be:tek "не слышно", при atrɪ "слышать", "слух (весть)"^{*}). Но форм с лично-субъектными показателями М.А.Кастрен не привел. Это в равной мере относится к глаголам husti "понимать" (нем. "begreifen"), прет. hu:leti; ha:ŋ hajou "устать", прет. ha:ŋ hajo:lax /Кастрен 1658 : 139/. Как безличные М.А.Кастреном приведены формы ha:ga:l "переночевать", прет. ha:laxa:gal, имп. halʒagal!. Возможно, в данном случае приведены формы 3-го лица ед. числа, которые у большинства коттских глаголов лично-субъектными показателями не оформляются, и, следовательно, все оформлены по модели Ø — Ø.

Общая характеристика простого предложения

* Интересную интерпретацию этого глагола см./Иванов 1984 : 22/.

Порядок слов, очевидно, не играл при этом большой роли, напротив, интонация могла играть значительную роль.

Наличие побудительных предложений позволяет предполагать уже сама по себе развернутая система императивных форм глагола, а также возможность реконструировать для коттского языка формы вокатива существительных. В утвердительных, побудительных предложениях могли, видимо, как и в других языках, выражаться приказание, призыв, просьба, совет, разрешение, а в отрицательных - запрет, предупреждение и т.д. Как отмечает М.А.Кастрен /Кастрен 1858 : 140/, коттские отрицательные императивные формы образовывались с помощью частицы *bo*, которая ставилась не перед собственно императивными формами, а перед формами индикатива в настоящем времени, например, *bo fo:gu* "не бери!", *bo fo:ganoŋ* "не берите!" (букв. "не бери=ть", "не берите=вы"). Эти формы напоминают кетские и югские отрицательные формы типа кет. *a dejvātan'* "не трогайте=меня!", югск. *ɛdaŋɟajɛ* "не трогайте=его!", напоминающие по оформлению формы настоящего времени, но употребляющиеся без дополнительных отрицательных частиц.

Особую разновидность коттских побудительных предложений составляли предложения с формами эксортатива: *aɪ fo:kpaŋ be:gä* "Пусть я возьму!", *ajoŋ harita:ganoŋ be:gä* "Пусть мы возьмем!".

В качестве восклицательных могли, очевидно, употребляться любые коттские предложения, произнесенные с повышенной эмоциональной интонацией. Наличие значительного числа междометий, которые входили в состав восклицательных предложений и усиливали их эмоциональность, не оставляют сомнений относительно широкого употребления в речи коттов этого типа простых предложений.

По структуре коттские простые предложения могли быть, как и в других енисейских языках (см., например, /Кабанова 1975 : 13-15/), односоставными или двусоставными, а по наличию или отсутствию членов предложения - распространенными или нераспространенными; по составу (содержанию) они могли быть полными или неполными.

Двусоставные предложения типа *ajoŋ harita:ganoŋ be:gä* "Мы возьмем пусть", в которых были представлены оба главных члена - подлежащее и сказуемое -, по всей вероятности, доми-

нировали в коттском языке, но очень широко были, несомненно, распространены и односоставные предложения, в частности глагольные, поскольку, как выше уже отмечалось, глагольная словоформа сама по себе составляла элементарное предложение в силу субъектно-объектного оформления; выраженный местоимением субъект действия особенно легко отбрасывался: $t^{hik} i:kat$ $ba:ga$ "(Он) лежит на снегу", $pi:ga i ba:ttaŋ$ "(Я) жарю=это=я", $ʃi:ga i ba:ttaŋ$ "(Я) сушу=это=я". Это, по терминологии, использованной Т.А.Кабановой, так называемые включенно-личные предложения. Можно предположить, что в коттском языке были представлены и неопределенно-личные предложения типа югск. $robo:di:ŋa:r ket donad'i$, а $na:n' bə:s'i$ "Придешь с работы, а хлеба нет." с формальным подлежащим $keʔt$ "человек".

О наличии в коттском языке номинативных предложений тоже нет никаких сведений, но думается, что номинативные предложения в виде названий сказок, преданий, эпических повествований и т.д. /Кабанова 1975 : 15/, как это наблюдается в кетском языке, несомненно, были представлены и в коттском языке.

О безличных предложениях выше уже упоминалось. Если учесть, что $hi:so:ga$ "было", "есть", "будет" представляет собой предикативную форму с суффиксом вещного класса $=(g)a$, то можно по аналогии с кетским и югским языками, реконструировать для коттского безличные выражения типа $*hama:ga$ "хорошо (есть)", $*ʃami:ga$ "плохо (есть)", $*t^{hi}u:ga$ "легко (есть)" и т.д. Не исключено также, что безличные выражения типа $atpi be:tek$ "слышно" были довольно широко распространены.

Для коттского, как и для кетского /Кабанова 1975 : 7-8/ языка, можно предполагать наличие следующих видов синтаксической связи между словами в предложении: сочинение и подчинение. О существовании первой разновидности синтаксической связи мог бы свидетельствовать пример М.А.Кастрена $hi:ŋ da t^{hi}i:ga$ "конь да корова", где используется русский сочинительный союз "да". Но использование, кроме сочинительных союзов, сочинительных пауз и интонаций тоже нельзя исключать.

Подчинительная связь могла проявляться в виде согласования, управления и примыкания.

Согласование в лице, числе, классе между сказуемым, под-

лежащим и дополнением осуществлялось в коттском языке через субъектно-объектные показатели глагола, показатели числа имени и субъектные показатели предикативно оформленных слов в предложениях типа o:p ariʃtu — "Отец старий", a:ʃa parka:ta "Мать молодая", ton e:tiɣa "Нож острый", pore:ʃa koaʃta "Сестра красивая", ul pala "Вода холодная" и т.д. Примеров управления в сохранившихся коттских материалах не обнаруживается, и глагольное управление падежами именных членов предложения, а также субстантивное управление в атрибутивных словосочетаниях может предполагаться только по аналогии с кетско-югскими фактами. Что касается примыкания, то в коттском оно было, очевидно, как и в тюркских языках, широко распространено в атрибутивных словосочетаниях, когда к определяемому имени примыкали в атрибутивной функции различные части речи, например, kola=ton "медный нож" (досл. "медь=нож"), ke:ti i:g "зимний день" (досл. "зима=день").

Как и в других языках, в коттском выделяются в составе простого предложения подлежащее, сказуемое, прямое дополнение, составляющие его ядро, и второстепенные члены предложения — косвенное дополнение, определение и обстоятельство. Как уже отмечалось, факты коттского, кетского и югского языков при учете их специфики позволяют, если придерживаться вербоцентрической концепции /Теньер 1959/, выделить в качестве главного члена высшего ранга глагольное сказуемое. Оно представлено в коттском языке следующими разновидностями.

1. Простое глагольное сказуемое, выраженное финитной формой глагола в настояще-будущем или прошедшем времени в одном из вышеописанных наклонений: ai ʃuʃ fo:raɣk "Я бы взял", au ʃuʃ fo:raɣu "Ты бы взял".

2. Сложное глагольное сказуемое, состоящее из сочетания инфинитива одного глагола и финитной формы другого. В материалах М.А.Кастрена находим следующие примеры данного сказуемого: aʃaɣ anaɣa:ɣ:kɣ "думаю поохотиться" (нем. "ich denke zu jagen"), falaŋʃe anaɣa:ɣ:kɣ "думаю пошить" (нем. "ich denke zu nähen"), ʃodio anaɣa:ɣ:kɣ "думаю поработать" (нем. "ich denke zu arbeiten"); aɣro:t d'illo:kɣ "я-велел бодрствовать", tʰenta ma:ntaɣ "я-положил варить(ся)", aʃaɣ u:ɣa:?a "он-пошел охотиться", ʃodio hia:ta "он-пришел

работать" (в последних трех примерах инфинитив имеет целевое значение).

3. Именное сказуемое, выраженное любой частью речи, оформленной предикативными суффиксами: i:g čala "День холодный", ton etiga "Нож острый", fu:p kaxaktu "Сын здоров".

4. Составное именное сказуемое, выраженное именной частью (обычно прилагательным) и связочным глаголом, например, глаголом "становиться": pa:i o:niaq "(Я) богатым стал", pa:i o:n'agantox "(Мы) богатые стали" и т.д.

Подлежащее могло, очевидно, выражаться местоимением, существительным или любой другой частью речи в субстантивной репрезентации, т.е. любым словом или словосочетанием со значением предметности. Все эти слова употреблялись в роли подлежащего в основном падеже.

Примеров с прямым или косвенным дополнением в материалах М.А.Кастрена не обнаружено. Их наличие в коттском предложении можно легко установить по наличию интранзитивного и транзитивного спряжений глагола, по наличию объектных показателей в структуре глагольных словоформ и по аналогии с кетско-югским простым предложением. Факты кетского и югского языков показывают, что объект, выраженный местоимением может опускаться в тексте, но опускается он реже, чем подлежащее, выраженное местоимением. Объект, выраженный местоимением, отсутствовал в предложении, видимо, только в тех случаях, когда он инкорпорировался в глагольную словоформу, например, kitⁿ ačarajaq "уплачу=я", досл. "платеж=сделаю=я", но: ba-ra=je, "это=делаю=я" (ср. кет. don's'ivit "нож=сделаю", но: akus' dibbät "что=я=сделаю?"). Не исключено, что в коттском языке, в зависимости от глагольного управления могло вместо ожидаемого прямого дополнения употребляться косвенное, как, например, в югск. dibad'is daq/budaq "я=ругаю=его" (досл. "я=ругаю=ему"), disansygit daq/budaq "я=ищу=его" (досл. "я=ищу=ему") и т.д. При трехместном предикате, несомненно, было представлено и прямое и косвенное дополнение, выражавшееся различными косвенными падежами. О других второстепенных членах предложения – определениях и обстоятельствах – можно также сделать лишь самые общие и краткие выводы. Определение могло выражаться прилагательным, именем существительным, местоимением, инфинитивом и числительным, напри-

мер, ke:ti i:g "зимний день" (досл. "зима=день"), e:ti ton "железный нож", te:mpa:ʃ ki "третья часть", ti:m het "стоящий человек", aʃu het "кующийся человек".

Обстоятельства могли, очевидно, как и в кетском и югском языках, выражаться с помощью наречий, с помощью имен существительных в различных падежах, послеложными конструкциями, а в некоторых случаях и с помощью числительных (например, обстоятельства меры и количества). Если судить по разрядам наречий, выделенных М.А.Кастреном в коттском языке, то можно предполагать наличие следующих обстоятельств в коттском простом предложении:

- 1) обстоятельство времени,
- 2) обстоятельства места или направления,
- 3) обстоятельства образа действия,
- 4) обстоятельства причины и следствия,
- 5) обстоятельства цели,
- 6) обстоятельства меры и количества.

Проблема сложного предложения

Отсутствие необходимых данных не позволяет подробно рассмотреть вопрос о построении сложных предложений в коттском языке. Можно лишь на основе очень небольшого материала, приведенного М.А.Кастреном /Кастрен 1858 : 105/ и на основе кетско-югских параллелей сделать следующие краткие выводы:

Как правило, сложные предложения характеризовались отсутствием специальных материальных скреп между его составными частями, и объединение простых предложений в сложные осуществлялось в большинстве случаев теми же материальными средствами и теми же видами связи, которые использовались между членами простого предложения, а именно - сочинением и подчинением. Можно предполагать, что сложносочиненные предложения превалировали над сложноподчиненными: haraitopolok, ala:ten "(Он) поел, (он) лег спать"; urkolok, e:ða:npenlok "(он) помылся, (он) помолился"; ʃufo:t, ɟja:ʔa "(Он) подождал, (он) пошел". М.А.Кастрен дает и другой перевод этих предложений в виде сложноподчиненных: "После того как он поел, он лег спать"; "После того как помылся, он помслился"; "После того как он подождал, он пошел".

Вместо сложноподчиненных предложений с придаточным цели, образа действия и др. часто употреблялись, видимо, простые предложения с обстоятельствами, выраженными инфинитивами, например, а́сап ~ а́сапига (форма дат. падежа) и́жа:ʔа "(Он) пошел охотиться", ё́дио ~ ё́диога (форма дат. падежа) һи́а:та "(Он) пришел, чтобы работать", "(Он) пришел работать". В ряде случаев М.А.Кастрен перевел инфинитив в таких конструкциях как деепричастие: т́и:не е:јао:јап "Стоя, работаю" (нем. "stehend arbeite ich"), а́фо:т д'аујап "Ожидая, живу=я" (нем. "wartend lebe ich").

С развитием коттского гипотаксиса некоторые наречия и послелоги начинают употребляться в роли союзов; обращает на себя внимание тот факт, что М.А.Кастрен привел в своем очерке коттского языка, как уже упоминалось, 14 союзов, из которых, правда, третья часть заимствована из русского и других языков. Тем не менее, наличие такого большого числа союзов позволяет предполагать, что союзная связь в коттском сложном предложении занимала уже значительное место.

При учете фактов кетского и югского языков /Гришина 1979/, можно для коттского сложного предложения, кроме союзов, предполагать еще в роли скреп между главным и придаточным предложениями некоторые надежные показатели и послелоги в конструкциях типа кет. ul'ev' bæn' v'im oYon'ga, en'qoʔ vīm us'am "Если бы не шел дождь, сегодня бы (было) тепло" (в придаточном предложении к глагольной форме oYon' присоединен надежный показатель =ga, выступающий в качестве скрепы между главным и придаточным предложениями).

Однако, как уже отмечалось, в большинстве случаев вообще не было скреп указанных типов, и в таких случаях объединение простых предложений в сложные могло осуществляться с помощью интонации.

Г л а в а IV

Л Е К С И К А

Основу для описания словарного состава коттского языка составляют несколько сот коттских слов из словариков XVШ века и коттский словарь М.А.Кастрена, содержащий около 1500 лексических единиц. Все эти материалы представляют огромную ценность как источник разнообразных сведений историко-этнографического характера о коттах и других южных енисейских народах, а также сведений о структуре енисейской модели мира, о характере хозяйственной деятельности коттов, их социальной организации и т.д. Общеенисейская лексика в составе коттского словаря ценна тем, что отражает истоки формирования этноса енисейских народов, а заимствованная лексика отражает исторические контакты этих народов и их языков. С другой стороны, лексика очень важна и для понимания фундаментальных черт коттской языковой структуры в целом, поскольку "только лексика более или менее непосредственным образом связана с передаваемым в языке содержанием" и "именно в плане лексики лежат фундаментальные черты языковой структуры, обуславливающие собой максимально широкую совокупность более частных признаков-координат других уровней" /Климов 1977 : 80/.

Проблема частей речи

Как уже отмечалось, для коттского, как и для других енисейских языков, характерна диффузность, слабая расчлененность слов в общекатегориальном плане, но сам по себе этот факт едва ли может служить достаточным основанием для того, чтобы вообще отвергать наличие различных частей речи в енисейских языках /Белимов 1986 : 17-18/. Приведем в связи с данным вопросом примечательное высказывание С.Е.Яхонтова о ситуации

в китайском языке: "Вероятно, без ссылок на части речи формальное описание китайского языка было бы невозможно. В китайском языке нередко встречаются предложения, состоящие из одних только знаменательных слов без всяких служебных элементов, например: Бай² ма³ чи¹ цао³ "белизна, лошадь, еда, трава" (переведем каждое слово этой фразы существительным, чтобы "замаскировать" подлинные части речи). До тех пор пока мы не знаем какую часть речи представляет каждое слово, фразу эту невозможно разобрать грамматически, или, если угодно, ее можно пытаться разобрать шестью разными способами" /Яхонтов 1968 : 76/. Ситуация в енисейских языках, в том числе в коттском, намного прозрачней, т.к. в них целый ряд частей речи - существительное, глагол, местоимение, отчасти также числительные и прилагательные, относятся к морфологически изменяющимся классам слов, что способствует их обособлению в общекатегориальном отношении.

Рассматривая аналогичные вопросы в ительменском языке, А.П.Володин замечает, что на первый взгляд создается впечатление, как будто корни вообще не поддаются никакому членению, а представляют собой некое единое множество, элементы которого могут порождать словоформы любого грамматического класса /Володин 1976 : 82/. То же самое можно сказать и о енисейских языках, особенно, если обратиться к словам, которые находятся в отношении конверсии типа кот. а:гу (1) "хитрость", (2) "хитрый"; џа1 (1) "холод", (2) "холодный"; но: (1) "болезнь", (2) "больной"; џи1 (1) "луна", (2) "желтый"; и1 (1) "длина", (2) "длинный", (3) "вдоль". В назывной форме представлена одна и та же корневая морфема, которая, однако, в зависимости от различий в общекатегориальном плане может входить в разные парадигмы. Сравним для примера югскую корневую морфему i?r "петь", "песня", "певчий", "поющий" в составе следующих парадигм:

	I	II
di:bi:r	"я=пою"	irdit "для песни"
ku:bi:r	"ты=поешь"	irdiŋy:r "от песни"
du:bi:r	"он=поет"	irfa:s "с песней"
	III	
irdi?	"глаголющий=я"	
irgu?	"поющий=ты"	
irdu?	"поющий=он" и т.д.	

Если исходить из подобных примеров, то "может последовать вывод: принадлежность слова к той или иной части речи определяется не лексикой, не значением корня, но исключительно грамматикой, оформлением корня, сам же корень безразличен к оформлению, сочетается с аффиксом любого класса" /Володин 1976 : 83/. Но тонкое чутье лингвиста заставляет автора дополнить свой тезис следующим соображением: "И все же классы корней могут быть выделены. Классы эти семантические, но основания для классификации формальные: принадлежность корня к тому или иному классу определяется характером его сочетаемости с аффиксами. Членение корней на классы осуществляется, по-видимому, различным образом в разных языках" /Володин 1976 : 83/.

В.А.Поляков впервые рассмотревший на материале кетского и югского языков вопрос о природе слов-синкретов и их характеристике в общекатегориальном плане, нашел, как нам представляется правильное решение, определив их как лексико-грамматические омонимы типа нем. gut "хорошо" - gut "хороший", kalt "холодный" - kalt "холодно" и т.д. /Поляков 1987 : 52-58/. Думается, что подобное решение приемлемо и для соответствующих случаев в коттском языке, и в словаре они даны нами как омонимы, т.е. čal "холод", čal "холодный" и т.д. Это в равной мере относится и к примерам типа кот. асаа "лов, ловля" - асаа "ловить", югск. да?х "жизнь" - да?х "жить" и т.д., и мы не готовы принять категорическое утверждение Э.И.Белимова о том, что в енисейских языках вообще нет глагола как части речи /Белимов 1986 : 19/. Вполне приемлемым нам представляется в этом отношении вывод Г.Т.Живовой о признаках синкретизма имени и глагола /Живова 1979 : 49-54/ в исторической перспективе.

Факты енисейских языков, в том числе и коттского, дают достаточно оснований для выделения в них десяти традиционных частей речи - имя существительное, глагол, имя прилагательное, наречие, местоимение, числительное, послелог, частицы, союзы, междометия -, и при описании различных уровней коттского языка, а также при составлении русско-коттского словаря, мы исходили из этого общего вывода.

Структурная организация семантического словаря

При анализе семантического словаря коттского языка нельзя не учитывать общую схему енисейской модели мира. Словарный состав языка и его грамматический строй развиваются в течение тысячелетий, и наряду с современными представлениями о мире в них отражены и представления о мире прошлых эпох. Семантические основания тех или иных лексических или лексико-грамматических классификаций во многих отношениях могут быть уже утрачены, но структурная организация лексики может быть понята только при учете этой исторически отраженной в языке картины мира и сложившегося на ее основе типа языкового сознания.

Отраженная в семантическом словаре кетского, югского и коттского языков картина мира характеризуется определенной схемой поляризации объектов и явлений окружающей действительности на различных иерархических уровнях, которая определяла поведение, положение и действия индивида в коллективе. Можно выделить следующие иерархические уровни: сверхестественный — персонажи коттского и — шире — енисейского пантеона (добрые и недобрые духи и божества), космический (космические объекты, одухотворившиеся коттами и подразделявшиеся на благоприятствующих и неблагоприятствующих), медиумический (добрые и недобрые персонажи, выступавшие в роли шаманов и волшебников), уровень человеческого коллектива (свой — чужой, добрый — недобрый, опасный — неопасный, почитаемый — непочитаемый, большой — малый, участвующий — неучаствующий и т.д.), уровень животного мира (большой — малый, опасный — неопасный, полезный — неполезный — вредный и т.д.), уровень растительного мира (большой — малый, полезный — неполезный — вредный и т.д.) и уровень неживой природы, нейтральной в отношении поляризации ее объектов, если отвлечься от случаев одухотворения или персонификации объектов неживой природы. Эта общая иерархическая структура реализована прежде всего в корпусе именной лексики.

Что касается коттской религиозно-мифологической системы, то в дошедших до нас материалах отражены не все элементы всех ее уровней, но при учете типологических сходств у опи-

санных самодийских и енисейских систем обско-енисейского междуречья /Топоров 1969 : 126-127/ едва ли можно предполагать наличие существенных различий между коттской и, скажем, кетской системами. Различие, возможно, было только в том, что для первого (высшего) уровня коттской RS* обнаруживается два объекта е:й "бог" и а:за** "злой дух" (название второго, несомненно, является заимствованием, ср.: тоф. аза, тув. аза "черт", алт. аза "демон, злой дух", калм. аз "злой дух" /Рассадин 1971 : 157/), хотя последний объект может соотноситься и с кетскими объектами непервого уровня RS. Из названий других объектов различных уровней RS интересны кот. uliй ~ uliё ~ uliйi "водяной дух" (нем. "Wassergott"), имеющее точную аналогию в кет. ul'gus', югск. urgus с тем же значением и кот. hal'etniй ~ hal'etniё "лесной дух" (нем. "Waldgott", "Waldgeist"), которая по своему значению как будто точно соответствует кет. qajgus', югск. хajgus "леший", "лесной (горный) дух", а по этимологии первого составного компонента hal' = (ср. кот. hali "война") больше соответствует кет. kal'ee' (ср. кет. kal' "война"). ЖЖЖ

Космические объекты представлены в коттском словаре тремя названиями: йui "Луна", е:га ~ е:гй "Солнце", аlага ~ аlах ~ аlаk "звезда". Особый интерес представляет последнее слово, т.к. в нем вычленяется компонент al=, представленный во многих коттских словах следующих семантических групп: "окружающий мир, вселенная, территория, место проживания, погода, природа, животные, растения, человек, народ, род, родственники, мать, ребенок, жизнь, дыхание, духи, боги, небесные

---

*Подробнее об этом см. /Иванов - Топоров 1965/.

ЖЖу И.Е.Фишера /Потапов 1957 : 214/ приведено слово aka "черт" наряду с е:й "бог", а у Ф.И.Страленберга /Потапов 1957 : 136/ - аса, pl. asan "злой дух", из которого, по мнению Ф.И.Страленберга, произошло название ассанов, представляющее собой тунгусское название коттов.

ЖЖЖ О данной этимологии кет. kal'ee' см. /Иванов - Топоров 1969 : 150/.

тела" /Тимонина 1982 : 163/. Второй компонент коттского слова для "звезда" =aga < =haga восходит к названию сараны (haga, pl. hagan), ср. кет. qo? "звезда, сарана, рог". Исследовав коттские слова с компонентом al= типа alšir "собака", altu:ma "птичка", alit ~ ali:t "женщина", alt^{hi}:t ~ alt^{hi}t "спутник", alt^{hi}:tega ~ alt^{hi}:teka "муравей", alpuga ~ *alpuka ~ *alpaка "белка-летяга", alt^{hai} "шнепель"* и др., Л.Г.Тимонина пришла к интересному выводу, что в данном случае представлены реликты классификационной системы именной лексики, которые, возможно, восходят к древнему культу Луны и Солнца в религиозных представлениях енисейцев /Тимонина 1982 : 163/. При этом автор проводит параллель между енисейскими словами с компонентом il= ~ al=, особенно широко представленными в коттском словаре, с одной стороны, и кетско-югскими словами с компонентом es' "бог" типа an=es "утро", avvir < es + xir "куропатка", av's'el "дикий олень", "зверь" < es' + v'εl', av'pul "облако", ul'es' "дождь" < ul' + es' и т.д. /Тимонина 1982 : 164/, с другой. Обращает на себя внимание тот факт, что морфоэлементом al= оформлялись названия лишь объектов живой природы, или такие объекты неживой природы, которые в силу мировоззренческих особенностей прежних эпох одухотворялись и персонифицировались. Таким образом, эта реликтовая классификационная система связана с универсальным подразделением именной лексики по признаку "одушевленный" : "неодушевленный", которое в виде скрытой категории хорошо сохранилось в словаре всех енисейских языков. Это бинарное распределение всех имен существительных, несомненно, можно рассматривать как реликтовую черту активного строя, когда класс активных и класс ин-активных имен отражали различия между соответствующими денотатами по признаку наличия или отсутствия у них жизненной активности, жизненного цикла /Климов 1977 : 83/.

Анализ именной лексики современных енисейских языков - кетского и югского - показывает, что подавляющее большинство имен существительных относится к неодушевленным: они составляют 90% в корпусе именной лексики, в то время как на долю

---

* У М.А.Кастрена дан немецкий парезод "Schneepel"; имеется в виду одна из разновидностей уток.

одушевленных приходится около 10% /Дульзон 1964 : II/. Есть все основания для того, чтобы предполагать аналогичное состояние и в коттском языке. Кроме того, в коттском, как и в кетско-югском словаре, к одушевленным относились, видимо, и некоторые существительные, которые обозначали фактически неодушевленные предметы и явления, как, например, наименования деревьев и других объектов растительного мира, наименования некоторых культовых (сакральных) предметов, предметов домашнего обихода и хозяйственной деятельности, наименования некоторых частей тела, наименования некоторых явлений природы и космических объектов и т.д., которые одухотворялись в силу особенностей древней картины мира у енисейцев.

Важно отметить, что противопоставление коттских существительных по признаку "одушевленный" : "неодушевленный" выражено не в структуре именных основ, а в структуре различных грамматических показателей как самого имени, так и слов, согласующихся с ним. Можно утверждать, что это противопоставление пронизывает всю грамматическую систему коттского языка; оно выражено наиболее четко в следующих случаях:

1. В парадигме склонения имен, о чем выше уже говорилось: в формах мн. числа одушевленные существительные получают особые падежные показатели, в то время как у неодушевленных сохраняются показатели форм ед. числа, например:

Основной падеж: *hai* "дядя", мн. число *hajaj*;
šičalšē "точило", мн. число *šičalšī:n*;

Родит. падеж: *haja*: "дяди", мн. число *hajana:p*;
šičalšī: "точила", мн. число *šičalšī:nī*.

2. Предикативные суффиксы 3-го лица различны для ед. и мн. числа у слов, согласующихся с одушевленными именами (*initu* "он=здесь", *inīta* "она=здесь", *inijaŋ* "они=здесь"), но они совпадали, как в кетском и югском языках, у слов, согласующихся с неодушевленными именами (т.е. в ед. и во мн. числе были представлены формы на *-(g)a*, например, *etiŋa* "острый", "острие").

3. Аналогичное явление наблюдалось, очевидно, в структуре глагольных словоформ переходной семантики, в которых неодушевленный объект выражался показателем вещного класса *-b-* независимо от числа, а одушевленный объект выражался разными показателями, ср.: *aša:ʔa:jaŋ* "зову=его=я" - *ašaja:jaŋ*

"зобу=их=я".

4. Как правило, одушевленные имена существительные получают во мн. числе показатель =п, тогда как неодушевленные предпочитают показатель =з, если выбор одного из них не обусловлен фонетическими условиями /Поротова 1973 : 28/.

5. Различался счет одушевленных и неодушевленных предметов (см. раздел "Числительное").

6. На противопоставление "одушевленный : неодушевленный" указывает и ряд особенностей в системе местоимений: (а) различие между вопросительными местоимениями айх "кто?", йина ~ йена "что?" (у местоимения айх, кроме того, обнаружена форма мн. числа айган, у местоимения йина формы мн. числа нет); (б) среди личных местоимений 3-го лица нет заместителей неодушевленных имен: имеющиеся местоимения могли замечать лишь одушевленные имена существительные.

Устанавливается также, что в коттском, как и в кетском и югском языках, одушевленные существительные в своем очерде подразделяются на существительные мужского и женского класса, и, таким образом, вся коттская именная лексика представлена тремя классами - мужским, женским и вещным (неодушевленным).

Надежные средства классной дифференциации именной лексики имеются в енисейских языках, в том числе в коттском, только на уровне грамматики, что дает основание говорить о лексико-грамматических классах. За редкими исключениями, коттский язык не выработал специальных средств для классной дифференциации в структуре самих имен существительных в форме основного падежа. На уровне словообразования можно указать лишь на сравнительно небольшую группу существительных, в которой проведено формально различие между мужским и женским классами, например: hai "дядя" - ha:ja "тетя", aipič "старик" - aipičen "старуха", porer "брат" - porer:ča "сестра", fu "племянник" - fua "племянница", huš "конь" - hušen "кобыла". Пары слов типа fu:p "сын" - fun "дочь" в данном случае, как в кетском и югском языках, не показательны, так как могут восходить к сложным образованиям и скорее напоминают гетерогенные слова. Примерами подобного словосложения служат образования типа a:mañiča "мачеха" - o:pañiči "отчим", alt^hit "спутник" - alitalt^hit "спутница" и т.д.

Известно, что наиболее четкое противопоставление классов в севернонисейских языках - кетском и югском - обнаруживается в глагольной системе, в частности, в лично-субъектных глагольных показателях. В коттском языке, как уже отмечалось, следует учитывать только лично-объектные показатели, поскольку в 3-м лице в коттском лично-субъектные показатели в большинстве случаев отсутствуют. По образцам парадигм коттских переходных глаголов, приведенным М.А.Кастреном, можно легко установить, что лично-объектные показатели 3-го лица выражали оппозицию "мужской" : "женский" : "вещной", например: $va=rik=ɳ$ "это=найду=я", $hamaʔ=a=t^h a:k=ɳ$ "его=люблю=я"; форма, которая в данном случае должна содержать объектный показатель женского класса $-i-$ (* $hamaʔ=i=t^h a:k=ɳ$ "ее=люблю=я") у М.А.Кастрена отсутствует, но она может быть легко реконструирована, если учесть, что этот ряд личных глагольных показателей полностью совпадает с показателями родительного падежа имен и местоимений. Полно классная дифференциация выражена в коттском языке в предикативных формах различных частей речи, согласующихся с именем существительным ($ini=ta$ "он=здесь"; $ini=ta$ "она=здесь"; $iniga$ "оно=здесь").

Перечисленные формальные средства для выражения именных классов в коттском языке при учете общей схемы согласования соответствующих слов с именами существительными, вполне достаточны для того, чтобы установить классную принадлежность коттских существительных. Дело, однако, в том, что данные грамматические характеристики указаны не для всех зафиксированных в XVIII-XIX вв. коттских существительных, что, естественно, затрудняет распределение коттской именной лексики по трем классам. Единственной возможностью являются в данном случае зафиксированные в коттском словаре М.А.Кастрена формы родительного падежа более, чем у 70 существительных. По этим формам можно в целом, учитывая классификацию кетско-югских существительных, более или менее точно установить семантические группы коттских существительных, которые относятся к мужскому классу, а при учете оппозиции "одушевленный" : "неодушевленный" - и к женскому и вещному классам. Так, можно заключить, что к мужскому классу в коттском языке относились:

1) наименования мужчин по различным признакам (родство, возраст и т.д.): $o:p$ "отец", $hi:pa$ "дедушка", $fu:p$ "сын",

airië "старик", fu "племянник", hai "дядя", porë:ë "брат"

2) наименования различных животных, употребляемых для обозначения вида в целом: ačanë "лось" (сохатый), ko:ja "олень", bo:ri "волк", huë "лошадь", äajaj "медведь", fuka:jaë "соболь", äeli "зверь", äaga "белка", alpuga "белка-летяга";

3) наименования рыб, употребляемых для обозначения вида в целом (hu:ja "щука"), а также для выражения общеродового понятия: te:ga "рыба";

4) наименования птиц, обозначающих вид в целом: kaga:ge "ворона", hi:la "ворон", tage "орел", äu "рябчик", äiäira "трясогузка (белая)", а также общеродовое слово altu:ma "птичка";

5) наименования пресмыкающихся: d'ira "ящерица";

6) наименования деревьев: faRe "черемуха";

7) наименования божеств, духов и, возможно, наименования некоторых сакральных предметов: ä:ë "бог", a:sa "дьявол";

8) наименования некоторых насекомых: d'öga "гнида";

9) наименования некоторых предметов быта: атах "чум" (правда, М.А.Кастрен приводит для данного слова две формы родительного падежа - ataga/atagei, что говорит о колебаниях в классной характеристике слов данной семантической группы).

По аналогии с кетским и югским языками, если исходить из идентичной у кетов, югов и коттов картины мира, можно предполагать, что к мужскому классу в коттском языке относились также наименования некоторых космических объектов и явлений природы, например, Луны, грома, дождя, молнии и т.д.

К женскому классу относились в коттском языке, если исходить из вышеуказанных общих посылок:

1) наименования женщин по различным признакам:

a:ma "мать", hi:ma "бабушка", ha:ja "тетя", airiëä "старуха", alit "женщина", d'ä:leä "девочка", porë:ä "сестра", fun "дочь", fua "племянница" и т.д.;

2) наименования некоторых животных, употребляемых для обозначения вида в целом: t'igä "корова", ma:kaga "заяц" (правда, М.А.Кастрен приводит две формы родительного падежа для данного слова - ma:kaga:/ma:kagei, но, учитывая, что в кетском и югском языках соответствующее видовое понятие выражается существительным женского класса, следует предполагать,

что два варианта родительного падежа в словаре М.А.Кастрена связаны с выражением естественного пола указанной особи);

3) наименования некоторых птиц, употребляемых для обозначения вида в целом: fe:nšera "глухарь" (М.А.Кастрен приводит для этого слова две формы родительного падежа - fe:nšera:/fe:nšeraɪ, хотя противопоставляет ему слово išar "глухарь" и переводит fe:nšera как "глухарка" /Кастрен 1888 : 16/);

4) наименования некоторых рыб: mentara "налим" (правда, М.А.Кастрен приводит для этого слова две формы родительного падежа - mentara:/mentarei, но обращает на себя внимание тот факт, что в кетском и югском языках это видовое понятие выражено существительным женского класса);

5) наименования некоторых космических объектов: alaga "звезда", e:ga "солнце";

6) наименования некоторых деревьев.

По аналогии с кетским и югским языками можно предполагать, что в коттском языке к женскому классу относились также наименования некоторых пресмыкающихся и земноводных, некоторых насекомых, частей тела, отдельных культовых и бытовых предметов, некоторых географических объектов и наименования некоторых растений, корнеплодов, плодов хвойных деревьев, грибов и т.д.

Что касается наименований детенышей, то можно, учитывая оформление слов šisuk "щенок", višou "теленка" в коттском словаре М.А.Кастрена показателями родительного падежа мужского класса, предполагать для коттского языка такое же положение, какое наблюдается в кетском языке, где наименования детенышей относятся к тому же классу, что и существительные, употребляемые для обозначения соответствующего вида в целом (в отличие от югского языка, в котором наименования детенышей относятся к женскому классу).

Все наименования объектов неживой природы, абстрактные существительные, наименования частей целого, как правило, относились к вещному классу.

Что касается вопроса о соотношении класса и пола, то он должен, по всей видимости, решаться для коттского языка точно также, как он решается для кетского и югского языков, а именно: именная классификация мотивирована лишь в тех случаях,

когда в ее основе лежат реальные различия, например, денотативная соотнесенность мужского класса с существами мужского пола, женского класса с существами женского пола, вещного класса с объектами неживой природы. Во всех других случаях можно указать на следующую общую тенденцию, отмеченную также для кетского и югского языков: для обозначения вида в целом употребляется существительное мужского класса, если имеется в виду разновидность крупных животных, хищных или животных, имеющих большое хозяйственное значение в жизни данного народа, и, наоборот, существительные женского класса, если имеются в виду разнообразие некрупных, нехищных животных, или животных, не имеющих большого хозяйственного значения. Естественный пол и класс, таким образом, не всегда совпадают, но при необходимости пол находит в коттском языке достаточно четкое выражение. Можно отметить следующие способы выражения пола в этом языке:

1) использование различных типов склонения существительных - женского или мужского, например: *mankara* "зайца-самца" - *mankarei* "зайца-самки" (ср. югск. *xojdag* "к медведю-самцу", *xojdin* "к медведю-самке");

2) использование механизма согласования, например: *fu:p kasaktu* "сын здоров", *fun koas=ta* "дочь красива";

3) использование лексем-дистинктивов: *ig=šajaj* "медведь-самец", *feɸ=šajaj* "медведь-самка";

4) гетеронимия: *ig* "самец", *feɸ* "самка", *o:p* "отец", *a:ma* "мать", *fu:p* "сын", *fun* "дочь";

5) "подвижность" /Немировский 1938 : 213-14/: *hai* "дядя", *ha:ja* "тетя"; *po:ɸəj* "брат", *po:ɸə* "сестра" и т.д.

А.Шифнер в предисловии к книге М.А.Кастрена /Шифнер 1858 : ХУ/ высказал предположение с том, что морфоэлементы *al-/il-* в структуре некоторых енисейских слов, в том числе коттских, возможно, связаны с классными различиями; это предположение подтверждается лишь одной минимальной парой: кот. *ilit* "человек" - *alit* "жена" (гесп. "женщина") /Дульзон 1961 : 167, 167/, что явно не убеждает, и, видимо, права Л.Тимонина, рассматривающая эти морфоэлементы как реликтовые.

Как уже отмечалось, имя и глагол в коттском языке достаточно дифференцированы как самостоятельные части речи: они различаются достаточно отчетливо не только семантически, но также

по своей морфологической структуре и по своему синтаксическому функционированию. Лексемное различие между ними ощущается и на уровне словообразования (ср. *urki* "мыть" - *urkiĕe* "мыло", *ĭuram* "красный" - *ĭuramai* "краснеть" - *ĭuramaiĕei* "красить"). С другой стороны, глагол, как и имя, обладает своими внутренними семантическими классификациями, и в этом плане следует прежде всего отметить следующую особенность: при наличии грамматической категории переходности лексикализация глагольных слов коттского языка осуществляется не столько по признаку переходности/непереходности, сколько, может быть, по признаку активности/инактивности, напоминающему различие между одушевленным и неодушевленным действием. Интересно, что различие между коттскими глагольными словоформами типа *hataga:ku* "греюсь=я" - *hatakt^ha:ku* "грею=я", *ĭi:=galai* "сохнуть" - *ĭi:galaiĕei* "сушить" (ср. *ĭi:galai battaŋ* "сушить", досл. "сухим делать") на морфологическом и словообразовательном уровне не столько связано с дифференциацией действия по признаку переходности/непереходности, сколько с рахграничением активного действия и инактивного (стативного) с помощью средств, которые, как выше уже отмечалось, позволяют говорить о каузативе (фактитиве) в коттской глагольной системе. Подобные факты позволяют заключить, что в исторической перспективе коттская глагольная лексема не обнаруживала субъектно-объектной интенция, а обозначала лишь действие или состояние, которые определенным образом соотносились с актантами в зависимости от их активного или инактивного характера. Отсюда известная "диффузность" глагольных словоформ типа *ĭauganaŋ* "жгу ∼ горю=я", *ĭitĭtiga:ku* "учусь=я" ∼ "учу=я". Не исключено, что среди коттских глаголов, кроме активных и стативных, выделялись еще так называемые глаголы непроизвольного действия и состояния (аффективные глаголы); во всяком случае по аналогии с кетским языком, где они представлены /Крейнович 1968/, можно предполагать наличие глаголов подобной семантики и в коттском языке. В глагольной лексике коттского языка наблюдается и ряд других особенностей. Так, парадигмы некоторых глаголов обнаруживают явные рудиментарные черты противопоставления "сингулярных" и "плюральных" глагольных лексем, например:

ijaŋ	"ухожу=я"	oŋatoŋ	"уходим=мы"
ijaŋu	"уходишь=ты"	oŋoŋ	"уходите=вы"
ito:jaŋ	"прихожу=я"	oŋaitoŋ	"приходим=мы"
iton	"приходишь=ты"	oŋa:joŋ	"приходите=вы"
d'a:taŋ	"сплю=я"	d'atamantoŋ	"спим=мы"
d'a:tu	"спишь=ты"	d'atamanoŋ	"спите=вы"

В коттском языке, как и в кетском и югском, отсутствуют глагольные лексемы, передающие типичные субъектно-объектные отношения, например, глаголы обладания. Имеются лишь слова именного или наречного происхождения, которые оформляются предикативными суффиксами: niŋo:ga "это=есть (имеется)", mo:nša "этого=нет (не имеется)". В связи с отсутствием связочных глаголов соответствующие конструкции заменены предикативно оформленными словами типа het kaxaxtu "человек здоров", biŋoŋ "вы=крепкие", i:g šala "день холодный" и т.д.

Не исключается и наличие в коттской лексике глагольных дублетов типа югск. istol ujbaxot "стол стоит" - kəʔt du:fuŋ "человек стоит" - xem də:fuŋ "женщина стоит", в которых одна глагольная лексема сочетается только с активными, а другая - только с инактивными (неодушевленными) актантами. Во всяком случае, наличие сходных дублетов у коттских прилагательных делает данное предположение весьма вероятным, ср.: aipiš "старый" (о живых существах) - rapaš "старый" (о вещах).

Если в соответствии с идеей Карла Бюлера /Бюлер 1934/ о двух полях в языке - Поле Символов (Symbolfeld) и Указательного Поля (Zeigefeld) - обратиться к характеристике конститuentов дейктического поля в коттском языке, то обнаруживается любопытная особенность: противопоставление активного и инактивного начал, которое можно проследить в корпусе именной и глагольной лексики, реализовано и в структуре поля дейксиса, причем основные конститuentы ядра этого поля - указательные местоимения и личные местоимения 3-го лица - соотносятся только с активными (одушевленными) денотатами. Эта особенность проявляется в том, что в коттском языке нет соответствующих местоимений, которые указывали бы на объекты неживой природы или на объекты, представляющие собой части целого. При указании на одушевленный денотат проводится, од-

нако, различие между мужским и женским классом в ед. числе: uju "он" - uja "она", in'u "этот" - in'a "эта", ujo "тот" - un'a "та". Различие между тремя классами - мужским, женским и вещным - проведено лишь в предикативных формах указательных наречий (in'itu "он=здесь", in'ita "она=здесь", in'iga "это=здесь"), а различие по признаку "одушевленный/неодушевленный" - у вопросительных местоимений ašix "кто" - šina "что".

Другая особенность конститuentов дейктического поля в коттском языке, состояла, видимо, в том, что некогда наблюдалось лексемное противопоставление инклюзивного и эксклюзивного местоимения I-го лица мн. числа, о чем выше уже говорилось. Добавим лишь, что именно в коттском языке сохранились достоверные следы этого лексемного противопоставления, которое могло быть представлено во всех древнеенисейских диалектах.

В отличие от кетского и югского языков, в которых дейктические средства (указательные наречия и местоимения) указывают на три степени отдаленности от говорящего - ki "этот", tu "этот (подальше)", qa "тот" -, в коттском языке выражены лишь две степени: ini ~ in'i "здесь", un'i ~ un'i "там". В целом, однако, структура поля локативности в коттском языке едва ли отличалась в значительной мере от структуры соответствующего поля в кетском и югском языках. В том и другом случае оно состояло из микрополей пространственной статики и пространственной динамики, основными лексическими конститuentами которых были наречия места и наречия направления движения. Конкретные условия географической среды обитания коттов и других енисейских народностей наложила на их пространственные представления определенный отпечаток, который отразился и на их общей картине мира /Иванов, Топоров 1969 : 151-164/. Главным географическим ориентиром служила у енисейцев водная магистраль, и этот факт хорошо отражен в семантике коттских наречий и в семантике глагольных превербов (о соответствующих кетских фактах см. /Павленко 1986 : 15/).

С микрополем пространственной статики тесно связаны глаголы, характеризующиеся общим признаком статичности, т.е. глаголы, выражающие состояние или ненаправленное действие, положение объекта в пространстве или его пребывание в каком-либо конкретном месте и т.д., в то время как с микрополем

пространственной динамики сказываются связанными глаголы движения. Нетрудно заметить, что в исторической перспективе эти различия оказываются связанными с противопоставлением глагольных лексем по признаку "активный/инактивный" (стативный), о чем выше уже говорилось. В этом плане интересны реликтовые различия версионного характера у глаголов активной семантики на морфологическом и словообразовательном уровне в кетском и югском языках /Вернер 1984 : 60; Павленко 1986 : 12-16/; некоторые различия подобного рода сохранились и в коттских глагольных превербх.

Дальнейшая характеристика коттского семантического словаря может основываться на установленных в лингвистике общих типах отношений между лексическими единицами, например, на отношениях "род" - "вид", "целое" - "часть" и др., образующих различные лексико-семантические поля, которые в свою очередь состоят из ряда микрополей /Кузнецова и др. 1980 : 45 и след./. С другой стороны, может быть использован положительный опыт описания семантического словаря древних индоевропейских языков /Гамкрелидзе, Иванов 1984 : ч. II/. Наиболее полно представлены в коттском словаре следующие лексико-семантические поля:

I. Человек (het ∞ hit)

В состав данного лексического поля входят обозначения людей по самым различным признакам - возрасту (airiś "старик", airiśeñ "старуха", d'al "ребенок", d'aleñ "девочка"), полу (alit "женщина", fi: ∞ fi:=hit "мужчина"), социальному статусу (monipal "раб", hi:ji ∞ hi:je "князь", hari=het "купец"), роду занятий (afu=het "кузнец", афро:t=het "сторож", hari=het "торговец"), семейному положению (pañu:pñe "вдова"), и т.д. Особое микрополе образуют термины родства и свойства: o:p "отец", a:ma "мать", fu:p "сын", fun "дочь", fi:=pore:ž ∞ pore:ž "брат", pore:ča "сестра", hi:pa "дедушка", hi:ma "бабушка", hai "дядя", ha:ja "тетя", ani ∞ an'i "зять", aneñ ∞ an'eñ "невестка", alit=fun. "племянница", fu ∞ p^hu "племянник", alit funa (p^hua) "племянница". Из терминов некровного родства представлены следующие: o:paniçi ∞ o:pa=içi ∞ o:paçi "отчим", amaniśeñ ∞ a:ma:iśeñ ∞ a:ma:iśe "мачеха".

Благодаря записям русских служилых людей ХУП-ХІХ вв. и

ученых-путешественников, посетивших в XVIII-XIX вв. места расселения коттов, зафиксировано более двадцати мужских личных имен и названий улусов (родов), по которым можно, хотя и в общих чертах, судить о коттской антропонимической системе. Названия улусов (родов) часто имеют в исходе компонент =kat ∞ =gat, который, несомненно, восходит к кот. kat "дети" (< * "люди"); следовательно, названия типа Kamartagat, Teschirkat, Penanankat, Helapsyrkat до-словно обозначали "люди Камарта, Тешира, Пенанаса, Хелапсыра" и т.д. Личные же имена сами по себе представляли собой, очевидно, в большинстве случаев имена-клички, образованные от нарицательных имен, например, от названий животных, объектов растительного мира и др.: название улуса (рода) Урчин без компонента =kat может восходить к форме мн. числа urġān от urġā "бобр" (т.е. "бобры"); имя Тьмак сопоставимо с кот. ta:muk "табак", а Торсук (нем. Torschuk) можно перевести как "каряя грива (коса)" (ср. кот. tor "карий", ŷukai "коса"); названия улусов Tinnagan и Immenek могут соответственно переводиться как "елсвый лес" и "ореховая дорога" (ср. кот. ti:ni "ель" + a:gan форма мн. числа от a:x ∞ ag "лес"; кот. i:m мн. число i:man "орех" + hek "дорога"); название улуса Penanankat можно ориентировочно перевести как "утиные люди" (кот. pin' "утка", мн. число patn, но не исключается и форма мн. числа *pinan ∞ *penan; если последняя версия верна, то Penanap- восходит к форме родительного падежа penapan "уток") и т.д. Подобные факты показывают, что коттская антропонимическая система в целом мало отличается от соответствующей системы, выявленной в кетском и югском языках /Поляков 1987 : 71-74/.

2. Животный мир

В пределах этого лексического поля выделяется прежде всего микрополе слов, являющихся наименованиями домашних животных: alġip "собака", huġ "лошадь", t^higā "корова", e:g ∞ e:x "коза", koī "овца" и т.д. Общеродовым наименованием в данном случае является, видимо, bal "скот", но некоторые из слов этого микрополя сами могут выступать как родовые понятия по отношению к тому или иному подклассу частных наименований, например, huġ "лошадь" - tor "каряя лошадь", kaltar "каряя лошадь с белой мордой", bowarak "рыжая лошадь", а:

"пятнистая лошадь" и т.д.

Среди наименований диких животных выделяются микрополя "среднего мира", "нижнего мира" и "верхнего мира". Микрополе "среднего мира" состоит из наименований наземных животных: асапше "сохатый", ѓајаа "медведь", во:гу "волк", ѓша-рчо:гана "лиса", манкара "заяц", һи "олень" и т.д. Общеродовым было, видимо, слово ѓели "зверь".

В микрополе "нижнего мира" входят наименования пресмыкающихся, насекомых, земноводных, грызунов (кроме белки), бобр и выдры: оухои "змея", d'ira "ящерица", fagoi "муха", канчо:кше "лягушка", d'u:ta "мышь", te:g~ te:x "рыба" и т.д. Последнее слово выступает в качестве общеродового понятия по отношению ко всем наименованиям рыб: holpei "угорь", һу:ја "щука", t^hi:t "таймень", mentara "налим" и т.д.

Микрополе "верхнего мира" составляли наименования птиц: tage~ *take "орел", pin "утка", ѓi:gi "лебедь", kuri:=rax "журавль", kara:ga "ворона", hi:la "ворон", һу:пи "тетерка", iѓer "глухарь" и т.д. Коттского общеродового понятия в данном случае, видимо, не было, так как слово altu:=ma "птичка" было родовым понятием только по отношению к наименованиям мелких разновидностей птиц. В качестве родового понятия выступало и слово pin "утка" по отношению к наименованиям различных уток: alt^hax "гоголь" (*Anas clangula*), fur~p^hur "нырок" (*Mergus merganser*), aka:га "кряква" (*Anas boschas*) и т.д.

Ритуальная и культовая роль некоторых животных и птиц, несомненно, обуславливала табуистические замены их названий, о чем свидетельствуют, например, слова асапше "медведь",* "сохатый", восходящее к слову асаа "ловить", "ловля" (< "добывать", "промышлять"), и, следовательно, дословно означающее "ловимый", "добываемый" (в словаре XIX века находим, однако, кот. kaltum, асс. халтум "медведь" /Дульзон 1961: 172/); fuga?iѓe~ *fukajaѓe "соболь", восходящее к слову fugaі~ *fukai "хвост" и дословно означающее "хвостатый" (при исконном названии соболя iја, соответствующее кет. εr'~ ε:da, югск. ε:t' "соболь"); urѓа "бобр", дословно: "водяной" и др.

Как в первое, так и во второе лексическое поле входит

* Некоторые замечания об отношении коттов к медведю, которые

составной частью микрополе частей тела (человека, животного), основанное на отношении "целое" - "часть". При общем названии hitax (g) "тело" в коттском словаре представлены следующие названия частей тела: tagai ~ takai "голова", fuimur ~ p^huimur "шея", fa ~ p^ha "грудь", ti:š "глаз", aq ~ a:q "нос", hulur "борода", ke:gār "рука", pul "нога", talo:x "живот", šitar "сердце", šičil "печень", šiča:tn "легкие" и т.д.

3. Растительный мир

Внутри данного лексического поля выделяется прежде всего микрополе наименований различных деревьев: u:ša ~ *u:či "береза", ti:ni "ель", še:t "лиственница", fei "кедр", ei "сосна", i:pal "осина" и т.д. В качестве родового понятия в данном случае выступает слово atšič ~ atše "дерево"; оно же может рассматриваться как главное понятие микрополя, состоящего из названий частей дерева и основывающегося на отношении "целое" - "часть": či "комель ствол", šagal'i ~ šagal'e "пень", poišoja "гриб на стволе дерева", farax (g) ~ p^harax "кора дерева", oge ~ o:ke "ветвь", t^hempul, t^he:mpul "корень" и т.д.

Микрополе названий различных растений представлено в коттском словаре словами, обозначающими злачные растения, которые были знакомы коттам, и некоторые другие объекты растительного мира: kerič ~ kere "трава", oreāk ~ ureāk "зелень", hi:ta "конопля", šuli ~ šul'e "овес", a:reš "ячмень", "пшеница", "рожь", d'igen "белый мох", tu:roq, tu:req "черный мох", tora:x ~ tora:x(g) "мох на стволе дерева", ušartar "гриб" и т.д.*

Микрополе наименований плодов представлено в коттском словаре лишь несколькими названиями: šulpi "ягода", i:m "орех", šamar šulpi "брусника", fi ~ *p^hi "черемуха", ašār šulpi "черная смородина" (дословно "собачья ягода") и т.д.

приведены во "Введении", не оставляют сомнений в том, что у коттов, как и у кетов и угров, был широко распространен культ этого животного.

* Общенисейские параллели и этимологию данных коттских слов см. /Костяков 1982 : 116-122/.

4. Географическая среда*

В составе этого лексического поля можно выделить следующие микрополя: наименования частей ландшафта, наименования водных бассейнов, наименования метеорологических явлений. Первое микрополе представлено следующими названиями: rap "земля, страна", d'ix ~ d'i "гора", uruk "горная долина", xe:le:x ~ qe:le:g "горный хребет", a:x ~ ag "лес", ajax "еловый лес", ha:jo:nap "чаща" и т.д. Второе микрополе представлено названиями водных бассейнов и других объектов: u:l "вода", љe:t "река", љe:tok(g) "ручей", u:r-te:g ~ u:r-te:x "озеро", ul'juk "остров", hu:tn "устье", hanaq "берег" и т.д. В состав третьего микрополя входят следующие названия: pei "ветер", tantu "буря", ur ~ u:r "дождь", t^hik "снег", љai "холод", "холодный", pal-ro:jaq "жара" и т.д., pala "жарко". Как уже отмечалось, основным ориентиром на местности у енисейцев были водные артерии района их проживания, причем главным ориентиром был, видимо, Енисей. В связи с этим понятие сторон света тоже определялось течением главной водной магистрали: с Севером связывалось низовье реки, с Югом - верховье, с Востоком - восход солнца, а с Западом - закат солнца (ср. в связи с этим названия ветров: t^higal'caq pei "ветер с низовья", т.е. "северный", ujal'caq pei "ветер с верховья", т.е. "южный", e:g^h a'љai pal'caq pei "ветер со стороны восхода солнца", т.е. "восточный", e:g^hat^he:gin pal'caq pei "ветер со стороны захода солнца", т.е. "западный").

Очень важным является класс географических названий (топонимов) коттского происхождения. О названиях коттских населенных пунктов (улусов), которые, как правило, восходят к названиям соответствующих коттских родов, выше уже говорилось. Более интересны, однако, коттские гидронимы, позволяющие с большой степенью вероятности восстановить области бывшего расселения коттских племен в Средней Сибири /Дульзон 1959 : 108-109/. А.П.Дульзон описал около 50 коттских гидронимов, имеющих в качестве конечного компонента -љet ~ -љet "река". Многие гидронимы отражают в своем названии фауну южных районов Красноярского края, например: Pin'љet ~ Pen'љet "утиная

* Общий обзор лексики енисейских языков, входящей в это лексическое поле см. /Костяков 1935 : 80-86/.

речка" (кот. pin "утка"), Šigašet "лебединая речка" (кот. š:i:gi "лебедь"), Kamušet "гусиная речка" (ср. пумп. kam "гусь"), Šeršet "ящерицная речка" (кот. d'era ~ d'ira "ящерица"), Kunšet "хариусовая речка" (кот. kui "хариус", мн. число kun) и т.д. Из гидронимов, отражающих флористические особенности местности, можно назвать: Tanšet, Tenšet "еловая речка" (кот. ti:ni "ель"). Значительное число географических названий отражает особенности ландшафта, эпизоды из истории народа, оценочные характеристики рек и т.д., например: Akulšet "гнилостная речка" (кот. ake "гнилой", u "вода"), Xinšet "трупная речка" (xei "труп, мертвец", мн. число xen), Taranšet "грязная речка" (taran "грязь"), Unšat ~ Unšet "спокойная речка" (кот. un "тихий, спокойный") и т.д.

5. Хозяйственная деятельность

Лексика, отражающая хозяйственную деятельность, материальный быт и средства передвижения, представлена в коттском словаре целым рядом семантических групп, из которых можно выделить следующие:

а) терминология материального быта коттов (название жилища, предметов быта, одежды, украшений и т.д.): agel ~ ajel "село", hu:š "чум", hatal "войлок", hatijel "очаг", hataš:i:š "кремень", hat "огонь", aigan "варить", pigaišei "жарить", to:p "еда, пища", itpak "хлеб", harai, herai "хлеб, пища", u "колыбель", alaz "брюки", šu?ol "бочка", tamuk "окно", ko:nak "рубашка", uxei "мука", uk "молочный суп", hei "парка" (верхняя одежда), d'aš "украшение", kanantak "кольцо", a:pal ~ a:pul "серьга", he:š'i "ботинок" и т.д. (см. также /Костяков 1984 : 50-57/;

б) терминология средств передвижения по суше и по воде: xep ~ xe:p ~ qe:p "лодка", ša:pei "весло", šareja:k "гребти веслом", hušo "верхом", šugar ~ šukar "большая нарта", funšol ~ p^hunšol "маленькая нарта", ko:ja "ездой олень", a:gatal "седло" и т.д.;

в) терминология скотоводства: bal "скот", urkan "аркан", hušoit^hip "удила", koporoš "колокольчик" (на шею животного), bušo:u "теленка", th^higa "корова", th^harit "дойти", šoška "свинья", kulun "жеребенок", šut "моло-

ко", ho:petal "покрытие седла", irtiš "узел" и т.д.;

г) терминология охоты, рыболовства и собирательства: han "порох", hatagem "ружье", tem "пуля", хем ~ хе:m "стрела", hi: "лук", t^harei "преследовать" (зверя), асаа "ловить" (зверя), d'ida "копье", fuз "сеть" (рыболовная), ka:paз "икра" (черная), ix'in "собирать", fi:l "сок" (березовый) и т.д.;

д) терминология земледелия: ѓabanѓар "пахать", ѓaban "плуг", hi:pe:g ~ hi:pe:x "поле", hen "маховая сажень", асо?ук "сеять", ѓa:lkana "свекла", ѓifut "молоть" и т.д.;

е) терминология торговли и обмена: hari "торговля", hara:k "торговать", hari=het "торговец", ki "цена", kipi "платить", fataiѓe "пуд", t^hui "дешевый", kumiѓ "деньги" и т.д.;

ж) терминология ремесленного производства (металлы и кузнечное дело, обработка дерева, шкур и т.д.): korkotn "свинец", altun "золото", kumiѓ "серебро", bolat "сталь", t^hip "железо", kola "медь", baker "латунь", афуѓ(i) "кузнечный мех", афу=het "кузнец", афу "ковать", iѓt^hip "кузнечные клещи", urum "полотно", ѓifui "прясть", ѓiѓeр "дубить", ѓurѓmaiѓei "красить", falanѓe "шить", агат "рубить", ago:ki:t "строгать", haranѓex "тесать", ѓiful "сверлить", tarup "кожа", fi:t "клей", tu:t "шило", ѓiѓal "точить", ѓiѓalѓe "точило", ѓiѓeрѓe "скребок" и т.д.

6. Слова темпоральной семантики.

В коттском, как и в других енисейских языках, нет специальных слов для выражения понятий "время", "век", "вечный"; не исключено, что котты пользовались в таких случаях, как и современные кеты, соответствующими русскими словами (ср. югск. vreme "время", vэ?k "век"). Зато в нем хорошо представлены слова общих календарных понятий типа "год", "месяц" и "время года": ѓe:ga ~ ѓega "год", ѓilpaз "лето", ѓil "лето" (ср. югск. si:r, кет. s'i:l' ~ s'i:l'i "лето") + paз "земля", i:ji "весна", ke:ti "зима", ho:ri "осень". Название месяца ѓui совпадает в коттском, как и во всех других енисейских языках, с названием Луны, что, несомненно, связано с наблюдением Луны и счетом времени. Как отмечает

Б.А.Фролов, лунный период не случайно является самой древней календарной единицей, а первобытная мифология обращается к Луне значительно чаще, чем к Солнцу /Фролов 1974 : 120/.

С коттским словом для "месяц", очевидно, образовывались и названия всех месяцев, как в кетском и югском языках, но они, к сожалению не были зафиксированы. Не зафиксированы и слова для понятия "сутки", но представлен целый ряд слов, обозначающих различные части суток: $i:g \sim i:x$ "день", $\dot{s}i:g \sim \dot{s}i:x$ "ночь", $pi:\dot{s}$ "вечер", $\dot{s}itman \sim \dot{s}idaman$ "утро", $a:li:x \sim a:li:g$ "полдень".

Коттские наречия времени, как уже отмечалось, могут подразделяться на наречия, связанные со шкалой времени (наречия, выражающие временной план прошлого, настоящего и будущего), и не связанные со шкалой времени типа $hu:rag(x)$ "долго".

Способы номинации в коттском языке

Способы лексической номинации на материале кетского и югского языков обстоятельно рассмотрены В.А.Поляковым /Поляков 1987/; в целом они идентичны во всех енисейских языках, хотя коттский словарь позволяет говорить о некоторых специфических чертах номинации, характерных для южноенисейских языков. Это прежде всего относится к внешней номинации как способу пополнения словаря: в южноенисейских языках, в частности в коттском, представлена масса позднетюркских заимствований, которых нет в северноенисейских языках, так как прямые контакты между тюркскими языками Саяно-Алтая и кетско-югскими диалектами давно прекратились в связи с перемещением кетов в бассейн Среднего Енисея, в то время как контакты между коттскими и тюркскими языками не прекращались вплоть до полной ассимиляции коттов другими народами Сибири в XIX веке.

Обратимся сначала к вопросам образования новых номинативных единиц в коттском языке на основе внутренних ресурсов. Как и кетско-югский, коттский словарь пополнялся, с одной стороны, с помощью создания формально новых номинативных единиц в результате словообразовательной деривации, полуаффиксации, композиции и т.д., а с другой - с помощью использования уже имевшихся номинативных единиц в новой семантичес-

кой функции в результате изменения семантического объема слов, семантических переносов и создания описательных названий. Рассмотрение всех этих вопросов упирается в проблему границ слова; которая на коттском материале еще не рассматривалась.

Известно, что отграничение слова от близких к нему образований - частей слова (морфем или компонентов сложных слов), с одной стороны, и словосочетаний, с другой, - имеет немало важное значение для понимания природы тех или иных явлений на различных уровнях языка, а, следовательно, и для точного их описания и научного объяснения. В области лексики это также важно для подачи лексических единиц в словаре. К проблеме отграничения производных слов от сложных и сложных слов от словосочетаний на материале кетского и югского языков обращался ряд исследователей /Цивьян 1968; Вернер 1974; Виноградова 1981; Поляков 1987/. Все эти данные удачно обобщил В.А. Поляков, и его выводы, как нам представляется, приемлемы и для коттского материала /Поляков 1987 : 33, 43/. Так, различие между производными и сложными словами коттского языка может быть проведено по следующим дифференциальным признакам: (1) десемантизация (полная или неполная) соответствующего структурного элемента (составного компонента) слова; (2) наличие или отсутствие единого семантического ряда идентичных образований; (3) наличие или отсутствие парадигматических сходств у слов, имеющих в своем составе соответствующий компонент и т.д. Совершенно очевидно, что лексико-семантический и грамматический статус компонента =eя в примерах типа ai-piš "старик" - ai-pišeя "старуха", компонента =hič= в примерах типа o:pa=hiči "отчим" - a:ma=hičя "мачеха" или компонентов ig=, feя в примерах типа ig koi "баран", feя koi "овца" (ср. также примеры из словарика XVIII в. кот. huš "конь" - pehkuš < p^hehkuš "кобыла", igig "козел" - асс. pejeg "коза" и др.) различен: если ig и p^hehя < feя - это в коттском языке самостоятельные слова со значением "самец" и "самка", то в случае с =hič= едва улавливается связь с hitax "тело" (< hit "человек" + ax), а морфоэлемент =eя < ä < a вообще не обнаруживает связи с какой-либо лексической единицей языка.

При отграничении сложных слов от словосочетаний учитываются три группы дифференциальных признаков: (1) семантические

(смысловая цельность, наличие нового лексического значения, отличающегося от лексического значения составных компонентов соответствующего образования), (2) грамматические (структурная нечленимость, производимость, воспроизводимость в речи), (3) фонетические (централизирующее словесное ударение, тональное опрощение, редукция вокализма и ассимиляция инициалей безударного компонента) /Поляков 1987 : 43/. Такой подход вполне оправдан и при анализе соответствующих фактов коттского языка. Так, при учете перечисленных дифференциальных признаков следует образование типа $e:\dot{\text{š}}=\text{ka}\text{p}$ "царь" (российский) рассматривать как сложные слова, тогда как образования типа $e:\dot{\text{š}}\text{a}=\text{hu}:\dot{\text{š}}$ "церковь" (досл. "бога дом") следует скорее рассматривать как словосочетание, так как, во-первых, его общее значение точно соответствует сумме его составных компонентов, чего нельзя сказать об образовании $e:\dot{\text{š}}=\text{ka}\text{p}$, а, во-вторых, в нем нет признаков фонетического опрощения, что свидетельствует об отсутствии централизирующего словесного ударения. В точно таком же отношении по отношению к друг другу находятся hatkit "супруг", с одной стороны, и образования типа $\text{ka}\dot{\text{š}}\text{a}\text{p}=\text{te}=\text{hi}\text{t}$ "голодающий", $\text{afu}=\text{het}$ "кузнец" (досл. "кующий человек"), $\text{ho}:\text{=hi}\text{t}$ "больной" (досл. "болеющий человек"), $\text{har}i=\text{het}$ "торговец" (досл. "торгующий человек") и т.д., с другой. Заметим, что семантический критерий в данном случае не может считаться абсолютно надежным, так как сложные слова тоже могут выражать сумму значений их составных компонентов ($a:l=i:x$ "полдень" < $a:l$ "половина, пол=" + $i:x$ "день"), а словосочетания - новые понятия, значение которых не совпадает с суммой значений их составных компонентов ($\dot{\text{š}}u:\text{ra}\text{h}$ $\text{ba}\text{ke}\text{r}$ "медь", досл. "красная медь"; $t^h\text{e}:\text{ka}\text{h}$ $\text{ba}\text{ke}\text{r}$ "латунь", досл. "белая медь"). Следовательно, грамматический и фонетический критерии не менее важны при отграничении сложных слов от словосочетаний, чем семантический.

Как показывают факты коттского языка, система аффиксальной деривации в нем еще не выработана окончательно, хотя ряд фактов мог бы свидетельствовать о том, что коттский язык в этом отношении продвинулся значительно дальше, чем североенисейские языки. У коттского существительного можно выделить следующие словообразовательные суффиксы:

1) суффикс имен женского класса $=\text{a}\sim =\dot{\text{a}}\sim =\text{e}\dot{\text{h}}:$ $\text{pore}:\dot{\text{š}}$ "брат" - $\text{pore}:\dot{\text{š}}\text{a}$ "сестра", $\text{d}'\text{al}$ "ребенок" - $\text{d}'\text{al}\text{e}\dot{\text{h}}$ "де-

вочка", али "зять" - апей "невестка", hai "дядя" - ha:ja "тетя", huй "конь" - huçeй "кобыла" и т.д.;

2) суффикс =йе ~ =ё, идентичный с предикативным суффиксом =йе, который нейтрален в отношении лица и класса, и, следовательно, существительные с этим суффиксом - это субстантивированные предикативные формы различных частей речи; по своему значению они могут быть сгруппированы в следующие классы:

названия живых существ, которые, как и в кетском языке /Виноградова 1981 : 9/, характеризуются по каким-то признакам, по роду занятий, социальному статусу и т.д., например: urйе "бобр" (досл. "водяной"), рау:рйе "сирота", кансо:кйе "лягушка", hapалай "сыч домовый" (Athene noctua Scop) и др.;

наименования предметов, обозначающих инструменты, измерители, средство для чего-то и т.д., например: когороё "колокольчик", аётамё "рубель", hitafуйё "прялка", (ср. hita "конопля", hitafui "прясть"), ай:галё "берлога", tineйё "струнный инструмент", fataйё "безмен" (ручные весы), i:tanрейё "мера" (ср. i:tanрајау "измеряю-я");

вещественные существительные: d'ibакё "шелк", urкйё "мыло";

3) суффикс =у, который восходит к показателю мн. числа и который, очевидно, не был особенно продуктивным в коттском словообразовании; с помощью этого суффикса могли образовываться следующие группы слов:

собирательные имена типа сёау "люди", айреау "скала" (< айу "камни"), fuу "сеть" (рыболовная), hanaу "берег" (ср. кет.-югск. kлау "бусы", которое восходит к единому источнику с кот. hanaу "берег", т.е. "светлые прозрачные камни" [галька]: кет.-югск. kа?п "светлый", с чем связано слово kandeу "кеты", досл. "светлые люди", ср. также кот. hanaçeeу "арины");

собирательно-вещественные имена типа ka:naу "рыбья икра", ko:naу "мозг", аri:kу "пот", "испарина", t^heaку "иней", fenaу "зола" (ср. югск. fлуу "песок"), таку "гниль";

абстрактные имена и инфинитивы типа ајау "игра", "играть" асау "ловля, ловить", eaу "копание, копать", kiу "запах, пахнуть", йенау "камлание, колдовство", сау "пробывание в гостях, гостить", t^hау "видение, видеть";

имена, обозначающие часть от целого, или целое, образованное из частей, например: *šagaq* "рукав реки", *ataq* "огниво" (кусок камня или металла для высекания огня из кремня), *apaq* "ремень", *kaqaq* "степь", *alaq* "брошки".

У коттского глагола, как уже отмечалось в разделе, посвященном именным формам глагола, можно выделить ряд словообразовательных префиксов (превербов) и суффиксов.

В качестве превербов могут быть выделены следующие морфологические элементы /Боуда 1937 : 52-55/:

$t^h a =$ ($t^h a k i t$ "мазать", $t^h a p i t$ "дойти", $t^h a p i l$ "достигать", $t^h a p e i$ "преследовать", $t^h a u k$ "опрокидывать", $t^h a g a i$ "остаться", "возвращаться", $t^h a g i n$ "сойти", "слезать", $t^h a c i u q$ "целиться");

$h a =$ ($h a p i t$ "давить", $h a c i p$ "накрыть", $h a c a g a l$ "ночевать");

$d^h a =$ ($d^h a a$ "украшать", "чистить", $d^h a a i \sim d^h a a e$ "любовать", $d^h a t^h i$ "бичевать, хлестать", $d^h a a t^h i$ "солить", $d^h a a u t$ "прикрепить", $d^h a k i$ "гнуть" и т.д.);

$f a = \sim f o =$ ($f a f u i$ "крутить", "наматывать", $f o f u : j a q$ "вью=я"; $f a t a i$ "взвешивать", $f a c a g a r$ "наматывать", $f a t a x$ "подпоясаться", $f o : t e k q$ "стреляю=я", $f a t a g a k q$ "встаю=я", $f o r o : g a n$ "ехать");

$\dot{s} i =$ ($\dot{s} i c i$ "расчесать", $\dot{s} i c e t$ "отпустить на волю", $\dot{s} i c e r$ "скрести", $\dot{s} i c e q$ "дубить", "тереть", $\dot{s} i c a l$ "точить", $\dot{s} i p e i$ "гнать", $\dot{s} i p i$ "делать" и т.д.);

Среди словообразовательных суффиксов коттского глагола можно выделить следующие:

$= a i \sim = e i$ ($h a t a m e i$ "кашлять", $p a g a i$ "ругаться", $p a t e i$ "приносить", $p a p e i$ "выть" и т.д.);

$= c e i$ ($p i g a i c e i$ "жарить", $h u k a i c e i$ "греть", $e n e r a i c e i$ "напоить до пьяна", $\dot{s} i r g a m a i c e i$ "покрасить" и т.д.);

$= q$ ($a j a q$ "игра, играть", $a c a q$ "ловля, ловить", $t^h a q$ "видение, видеть" и т.д.);

$= a x$ ($h u c a x$ "входить", ср.: $h u : \dot{s}$ "чум");

$= a t$ ($a g a t$ "дрова готовить", ср.: $a g \sim a x$ "лес, деревья").

В качестве словообразовательного аффикса у прилагательных и наречий нередко появляется морфологический элемент $= a$ ($t e : g a \sim t e : x$ "рыба" - $t e : g a$ "рыбный", $h u : n a q$ "дыр" - $h u : n a q a$ "дырявый", "дыряво" и т.д.), который можно бы возводить к предика-

тивному суффиксу вещного класса =(g)a, тем более, что он материально с ним совпадает, однако с таким толкованием не согласуются примеры типа hatki:ta "замужняя" (от hatkit "супруг"), anaɟaɟa "умный" (от anaɟai "думать"), eɟeraɟa "пьяный" (от eɟeraɟi "пьянеть"), ho:kɟe "рогатый" (от ho:kɟ "рога"), так как у них следовало бы в таком случае ожидать предикативные суффиксы мужского и женского классов =tu, =ta.

У коттских наречий выделяется еще словообразовательный суффикс =ɟ, например: puɟaɟ "пешком" (puɟ "нога", мн. число puɟaɟ), paɟaɟ "много", aɟaɟ "цело, невредимо" и т.д.; подобные наречия представляют собой застывшие формы мн. числа от соответствующих имен подобно тому, как наречия на =o: являются формами инструктива: huɟo "верхом" (от huɟ "лошадь"), aɟko "должен" (от aɟke "долг").

Другим широко распространенным способом образования формально новых номинативных единиц в коттском языке является словосложение. К сожалению, ограниченность коттского материала не позволяет восстановить и подробно описать все разновидности сложных слов, и наличие тех или иных классов сложных слов в коттском языке можно лишь предполагать, основываясь на особенностях словосложения в современных енисейских языках /Виноградова 1981; Поляков 1987 : 35-43/. Широко представлены в сфере имени и глагола так называемые полносложные композиты типа ulɟui "купаться" (ul "вода" + ɟui "плавать"), aɟki:t "строгать" (<ах "лес, деревья" + ki:t "мазать, тереть"), uɟul "мясной суп" (<i:ɟi "мясо" + ul "вода"), ulɟuk "остров" (<ul "вода" + ɟuk восходящее, возможно, к елову ɟa:k "наст"), ɟilɟaɟ "лето" (ɟil "лето" + paɟ "земля"), funɟol "маленькая нарта" (fun "дочь" + ɟol "нарта") и т.д. Наличие неполносложных образований можно предполагать по аналогии с кетским и югским языками; кроме того, наличие в коттском языке атрибутивных словосочетаний типа e:ɟa:-hu:ɟ "церковь" (досл. "бога чум") не оставляет сомнений в том, что на их основе возникали и атрибутивные композиты, в которых в качестве определяющего компонента выступала форма родительного падежа соответствующего имени. Выдвигаемое предположение подкрепляется и образованиями типа hataɟi:ɟ "кремень" (<hat "огонь" + a + ɟi:ɟ "ка-

мень"), hatage:m "ружье" (<hat "огонь" + a + xe:m "стрела"), hatapiй "трут" (высушенный гриб-трутник, используемый для добывания огня из кремня)*.

Нельзя для коттского языка исключать и наличие копулятивных сложных слов типа тех, которые выделены Л.Е.Виноградской для кетского языка /Виноградова 1981 : 17-18/, но однозначных примеров таких образований в коттских материалах не обнаруживается.

Промежуточное положение между производными и сложными словами коттского языка занимают слова с так называемыми полуаффиксами. Основанием для выделения деривационных полуаффиксов могут служить структурно-лексические модели атрибутивного словосложения, в которых один и тот же составной компонент сложного слова выступает в целой группе слов, образуя устойчивый семантический ряд. С появлением таких рядов возникают новые словообразовательные возможности, компенсирующие отсутствие необходимых собственно деривационных моделей, которые полностью удовлетворяли бы потребности номинации. Предпосылкой для появления полуаффиксов могли, таким образом, служить в коттском, как и в других енисейских языках, с одной стороны, недостаточное развитие аффиксальной деривации, а с другой - широкое распространение атрибутивного словосложения.

По обнаруженным данным в коттском языке можно выделить следующие словообразовательные полуаффиксы:

1. Именные полуаффиксы:

=kat "дети, люди", представленный в названиях коттских улусов (родов): Tenanankat "Тупоранов улус", Teschirkat "Шалашкин улус", Nelapsyrkat "Алашпаев улус", Kamartagat "Багин улус" и т.д.; эти образования не исключают и использование в подобной функции слова hit~het "человек", когда речь шла об одном представителе соответствующего рода;

=pul "нога", например: t^hempul "корень", to:napul "травяная стелька для обуви";

=ol "оболочка, емкость", например: ta:mukol "табакерка", topol "ножны", hita=ol "могила";

=ig "самец", употреблявшийся как полупрефикс: igig~igeг "козел", ig=koi "баран", ig=huй "жеребец" и т.д.;

---

* Об этимологии морфэлемента =a= см. в разделе об историческом развитии склонения.

$f\epsilon\eta \sim p^h\epsilon\eta =$ "самка", выступавший также в роли полупре-
фикса: $f\epsilon\eta = \check{s}a\check{z}a\eta$ "медведица", $f\epsilon\eta = al\check{s}ip$ "сука"; варианты
типа $f\epsilon\eta\epsilon\ koi$ "овца", $f\epsilon\eta\epsilon\ (f\epsilon\eta\epsilon)\ bo:ru$ "волчица" мо-
гут свидетельствовать о том, что наряду со сложными словами
в коттском языке могли свободно употребляться и синонимич-
ные словосочетания (ср. аналогичную ситуацию в кетском язы-
ке: $a:\ d\check{z}?\eta$ "шесть человек", но $ar:\epsilon\eta$ "шестеро").

2. Глагольные полуаффиксы:

$=pi$ "делать" (ср. $\check{s}ipi$ "делать"): $arupi$ "обманывать"
($\langle aru$ "хитрый, коварный"), $\check{s}a:\eta pi$ "пробовать" (на вкус),
 $\check{s}ei pi$ "ранить" ($\check{s}ei$ "рана");

$=ki:t$ "мазать, тереть", например: $fa\eta ki:t$ "вытереться
(насухо)" $fa=$ (преверб) + $a\eta$ "нос" + $ki:t$ (подробней
смотри в разделе "Глагол").

3. Полуаффиксы наречий и прилагательных: $=ra\eta \sim =re\eta$

$=re\eta a$, восходящие к слову $ra\eta$ "земля", например: $pi\eta ra$
"далеко", $\check{s}il\eta ra$ "летом", $re\eta ra$ "чужой (иностранный)",
 $u:\eta ra$ "напрасно", $d'eru:\eta ra$ "зря", $hon\eta ra$ "сумерки
(сумеречно)", $\eta ire\eta a$ "вдоль" и т.д.

Само собой разумеется, что часто встречающиеся в тождест-
венной позиции компоненты сложных слов, хотя и создают в ука-
занных семантических рядах базу для образования полуаффиксов,
не могут во всех случаях рассматриваться как полуаффиксы.
Установлено, что основным критерием того, превратились ли со-
ответствующие составные компоненты сложных слов и полуаффиксы
или нет, являются изменения в значении, которые претерпели
эти компоненты по сравнению со значением, характерным для них
в самостоятельном употреблении. Для определения их в качест-
ве полуаффиксов необходимо также, чтобы они в соответствующих
семантических рядах неизменно выступали в одном и том же зна-
чении: например, в вышеприведенных названиях коттских родов
компонент $=kat$, восходящий к слову kat "дети", несомненно,
является полуаффиксом, так как, образуя единый семантический
ряд, неизменно выступает со значением "люди, члены рода", ко-
торое не совпадает со значением kat "дети". Не исключено,
что исторически слово kat совмещало в себе обе семы. По из-
ложенным соображениям в словах типа кот. $kinig$ "заря", $hon-$
 $\check{s}ig$ "вчера", $al\check{s}ig$ "полдень" и т.д. невозможно вычленить
в качестве полуаффикса компонент $=ig$, восходящий к слову
 $i:g \sim i:x$ "день".

Другим важным способом создания новых номинативных единиц является, как уже отмечалось, использование уже имеющихся в языке номинативных единиц в новой семантической функции. В этом отношении коттский материал позволяет говорить о следующих явлениях: метафорическая и метонимическая номинация, эффемизмы и другие описательные названия, изменения семантического объема слов.

I. Метафорические и метонимические переносы.

Коттский словарь содержит сравнительно немного номинативных единиц, основанных на метафорическом переносе, но они дают, тем не менее, общее представление о том, на какой основе они возникали и какое место занимали в языке. Как и в других языках, в коттском в основе этих переносов названий одних предметов или явлений на другие лежало внешнее сходство по форме или сходство по функции. Именно это сходство и было достаточной мотивировкой употребления того или иного слова в новой функции. Можно предположить, что в коттском языке чаще всего осуществлялся метафорический перенос названий частей тела для обозначения частей самых различных предметов, хотя другие виды метафорических переносов были, несомненно, тоже распространены, например: $t^h\text{ə}p\text{ul}$ "корень" (ср. $p\text{ul}$ "нога"), $a\text{m}f\text{ox}$ "сопли" $a\text{z}$ "нос", $f\text{o}:\text{x}$ "экскременты", $i\text{rti}\dot{s}$ "узел" < $i:\text{ri}$ "нитка, сухожилие", $t\dot{i}:\dot{s}$ "глаз", $alaga$ "звезда" < al (реликтовый морфозлемент), $ha\text{ga}$ "сарана", $\dot{s}amaifui$ "видеть сон" (досл. "сон плести ∞ пряхать"), $a\text{pi}:\text{k}\dot{u}$ $a\text{ugana}\dot{z}$ "потеть-я" (досл. "пот варю-я"), ki $ak\dot{s}e\text{x}$ "оценить" (досл. "цену ставить"), $ha\text{t}$ $ak\dot{s}e\text{x}$ "огонь зажечь" (досл. "огонь поставить") и т.д.

Метонимические переносы, в основе которых лежит не внешнее или функциональное сходство, а логические связи между предметами пространственного, временного, вещественного или причинно-следственного характера, были, очевидно, тоже довольно широко распространены в коттском языке. Можно привести следующие примеры подобных переносов: $u\dot{j}e\text{p}\text{ol} \infty u\dot{j}e\text{p}\text{ul}$ "комар" < ui (мн. число $u\dot{j}e\text{z}$) "длинный", $p\text{ul}$ "нога" (досл. "длинная нога"), $k\dot{u}m\dot{i}\dot{s}$ "деньги" < $k\dot{u}m\dot{i}\dot{s}$ "серебро", $bak\text{er}$ $k\dot{u}m\dot{i}\dot{s}$ "медные деньги" < $bak\text{er}$ $k\dot{u}m\dot{i}\dot{s}$ (досл. "медное серебро"), $i\dot{s}t^h\text{ip}$ "гвоздь" < $i\dot{s}$ "шпенек, шип", $t^h\text{ip}$ "железо" (досл. "липовое железо"), $p\text{ul}t^h\text{ip}$ "стремя" < $p\text{ul}$ "но-

га", t^hip "железо" (досл. "ножное железо"), hiçolt^hip "удила" < hiç "лошадь" + ol + t^hip "железо" (досл. "лошадиной морды железо"), карах=e:k "брови" карах "лоб" + e:k "волосы" (досл. "лобные волосы") и т.д.

2. Описательные названия.

В каттском словаре представлено небольшое число описательных названий, но они могли, если судить по кетско-югским данным /Поляков 1987 : 66-69/, занимать значительное место в каттском языке. По своей структуре они, как и в северноенисейских языках, представляют собой словосочетания или цельнообразованные образования, например: ахçеi heçai "висок" < ахçеi "колоться, колоть", heçai "волосы" (досл. "колющиеся волосы"), t^he:gäm korko:tn "олово" < t^he:gäm "белый", korko:tn "свинец", йу:гам baker "медь" (досл. "красная медь"), t^he:kam baker "латунь" (досл. "белая медь"), t^hum çamar çulpi "черника" (досл. "черная брусника") и т.д.

Особое место среди описательных названий занимают эвфемизмы, многие из которых - табуированные наименования животных, о чем выше уже говорилось, например: аша:мише ~ *ашамйиш "вульва" (ср. аша:ше ~ *аша:ш ~ шам "плохой"), угше "собор" (букв. "родяной"), fugaiше "соболь" (букв. "хвостатый"), hikeйше "сова" (возможно букв. "дорожный", если корневой элемент увязать со словом нек "дорога") и т.д.

3. Полисемия и проблема омонимов.

Даже беглого взгляда на каттский словарь достаточно, чтобы убедиться в широком распространении полисемии в этом языке, что характерно для всех енисейских языков. Ее наличие обусловлено прежде всего процессом номинации, использованием уже имеющих в языке номинативных единиц в новой семантической функции. При этом у полисемов выделяются основные номинативные значения, являющиеся прямыми наименованиями, и производные, т.е. вторичные наименования /Поляков 1987 : 48/. Полисемия подобного рода представлена в каттских примерах типа hei (1) "шуба", (2) "верхняя одежда"; ах ~ а:х (1) "деревья", (2) "лес"; tal (1) "сухожилие", (2) "нитка"; rei (1) "другой", (2) "чужой"; ol (1) "емкость", (2) "могила"; t^hui (1) "легкий", (2) "дешевый"; йуi (1) "Луна", (2) "месяц", (3) "желтый"; rap (1) "земля", (2) "место", (3) "страна";

jei (Ж) "дель", "трещина", (2) "рана", (3) "углубление в стволе дерева" и т.д. В таких случаях связь между прямым и производным номинативным значением еще достаточно прозрачна, что как раз способствует во многих случаях тому, чтобы рассматривать их в качестве самостоятельных слов-омонимов.

Другой источник полисемии в коттском языке восходит к неотдифференцированности слов как результату менее расчлененного отражения действительности енисейским языковым сознанием по сравнению с другими языками. Правда, состояние неотдифференцированности слов типа южк. *bivar* "брат - сестра", юст. *qal* "внук - внучка" и т.д. коттский язык миновал, так как в нем, как уже отмечалось, аффиксальная деривация позволяла развести эти понятия в плане выражения (кот. *hai* "дядя", *ha:ja* "тетя"); однако во многих других случаях ситуация в коттском языке ничем не отличается от ситуации в других енисейских языках. Это касается слов, находящихся в отношении конверсии типа *u:* (1) "длинный", (2) "длина", (3) "вдоль"; *u:ti* (1) "красть", (2) "кража", (3) "ворующий" (ср. *u:ti-het* "вор", досл. "ворующий человек"); *a:jar* (1) "играть", (2) "игра", (3) "играющий"; *hala* (1) "хороший", (2) "хорошо" и т.д. Учитывая общие лингвистические универсалии и факты дифференциации слов коттского языка в общекатегориальном плане, целесообразно, как уже отмечалось, говорить в таких случаях о лексико-грамматических омонимах, хотя они и отличаются от омонимов типа *ei* (1) "сосна", (2) "голос, звук"; *xei* ~ *qei* (1) "сбук", (2) "труп"; *ko:* (1) "овца", (2) "пустой"; *ki* (1) "часть", (2) "новый"; *e:g* ~ *e:x* (1) "коза", (2) "лишний"; *ol* (1) "лысый", (2) "емкость"; *u:* (1) "колыбель", (2) "длинный" и т.д., которые этимологически восходят к разным источникам.

Другая особенность номинации в енисейских языках, в том числе в коттском, - случай большой дробности в отражении действительности, выражающаяся нередко в отсутствии общеродовых понятий при наличии целого ряда видовых, наоборот, приводила к широкому распространению синонимии: *to:p/ai:g* "еда", *u:p/hu:*/*fuga:* "тихо", *itpak/haga:* "хлеб", *pa:ra:*/*ai:pi:* "старый", *pu:ra:*/*ai:ku:* "толстый" и т.д. Нередко синонимия была обусловлена и тем, что исконный и заимствованный из других языков номинанты сосуществовали в языке, например,

ig=huš/askar "херебец".

Стремясь найти четкие критерии для разграничения в кетском и югском языках полисемов и омонимов, А.В. Поляков предложил перечень дифференциальных признаков /Поляков 1987 : 54/, которые вполне приемлимы и для коттского словаря: (1) наличие различий в общекатегориальном плане, (2) наличие различий в денотативной соотносительности, (3) наличие отношения комплементарной дистрибуции (дополнительного распределения), (4) наличие парадигматических различий на уровне грамматики, (5) наличие объединяющей (общей) семы, (6) наличие одинаковых синонимичных и антонимичных рядов, (7) различный словообразовательный критерий, (8) наличие отношения однонаправленной детерминации, (9) наличие единого этимологического источника, (10) вхождение в разные лексико-семантические группы.

Основываясь на этих дифференциальных признаках, нетрудно заключить, что коттские слова типа *ʃei* "цель, трещина, рана, углубление в стволе дерева"; *ʃui* "месяц, Луна"; *t^hui* "легкий, дешевый" и др. - это примеры, иллюстрирующие варианты одного и того же полисема, в то время как слова типа *ʃui* "мошка", "месяц, Луна", *ʃur* "нырок" (разновидность уток), "ясный, прозрачный" и др. - это типичные омонимы.

Заканчивая обзор способов номинации, основывающихся на внутренних ресурсах коттского языка, отметим еще следующие:

1) использование антонимичных отношений в номинативных целях;

2) фонетические способы номинации.

Примерами обычной антонимии могут служить слова с противоположным значением типа *rušar/ʃukr* "толстый" - *fašam/t^ha:ge/t^heu:r* "тонкий", *u:ti* "полный" - *koɪ, hui, e:x* "пустой", *ui* "длинный" - *t^hu:ki* "короткий", *ʃikpɪa* "дорогой" (букв. "тяжелощенный", ср. *ʃikp* "тяжелый") - *t^hui* "дешевый" (букв. "легкий"), *faɫaɫ* "сладкий" - *i:lara* "горький, кислый" и т.д. Особый интерес представляют, однако, случаи, когда антонимичные отношения, выраженные на уровне морфологии, используются в словообразовательных целях, ср.: *anaɫaɟa* "умный" - *anaɫaɪfun* "глупый", *ali:ta* "женатый" - *ali:tfun* "холостой", *ʃa:ga* "сильный" - *ʃa:kfun* "бесильный", *ke:ja* "крылатый" - *ke:ifun* "бескрылый", *hatki:ta* "замужняя" - *hatki:tfun* "незамужняя" и т.д.

Что касается фонетических способов номинации, то следует прежде всего указать на слова звукоподражательного характера типа kalakai "заикаться", kara:ga "ворона", kukuka "кукушка", kuterei "колотить, шуметь" и т.д., которых в коттском словаре отражено совсем мало, но которые, видимо, использовались коттами довольно широко. Сюда относятся, конечно, и междометия коттского языка.

Из других фонетических (вернее: фонетико-фонологических) способов номинации в коттском языке следует назвать: чередование гласных аблаутного характера, чередование согласных, чередование слоговых тонов и мена словесного ударения: ulai "ребро" - ula:i "пение, песня", hoi "червь" - hui "олень", huš "лошадь" < *hu?š² - hu:š "чум" < *hu:š^I, te:g ∞ te:x "рыба" - t^he:g ∞ t^he:x "ремень", feš "бу-бен" - fe:š "крышка" и т.д.

Заемствованная лексика

Как уже отмечалось, одним из важных способов пополнения коттского словарного состава была внешняя номинация, а именно - заимствования из тюркских, монгольских, самодийских, тунгусо-маньчжурских языков; в XVII-XIX вв. непосредственные контакты коттов с русским населением Сибири обусловили и целый ряд заимствований из русского языка. Важно, однако, учитывать тот факт - на него справедливо указала Л.Г.Тимонина /Тимонина 1985 : 8-9/ -, что многие заимствования из нетюркских языков проникли в енисейские языки, прежде всего в коттский, через тюркские языки.

Первый обстоятельный анализ иноязычных заимствований в енисейских языках, в том числе и в коттском, предпринял К.Боуда /Боуда 1957/, и его работа является важным вкладом в исследование енисейской лексики, хотя многие его этимологии были сняты новейшими исследованиями (см. особенно /Тимонина 1979; Поляков 1980; Старостин 1982; Хелимский 1982/).

Одна из самых трудных проблем, возникающих при анализе коттской лексики с точки зрения ее происхождения, - это проблема отграничения собственно енисейской лексики от заимствованной, которая уходит в глубокую древность. Первые попытки решения этой проблемы были предприняты Л.Г.Тимониной. В специальном исследовании, в котором ее описаны коттские слова

енисейского происхождения в различных лексико-семантических группах, автор пишет: "В исконной лексике коттского языка выделяются группы абсолютно необходимых слов-понятий: названия частей тела человека и животных, объектов окружающего растительного и животного мира, явлений природы, названия главнейших космических понятий, термины родства. Исконная лексика отражает образ жизни и хозяйственную деятельность народа. Этот слой лексики включает названия жилища, одежды, пищи, орудий труда, домашней утвари. К этому же слою относятся личные местоимения, некоторые числительные, слова-понятия, отражающие некоторые качества, цвета, состояния" /Тимонина 1978а : 115/.

В хронологическом отношении можно, очевидно, все заимствования в коттском языке разделить на несколько исторических пластов, из которых древнейший относится к праенисейской эпохе, так как соответствующие слова входят в словарь всех енисейских языков. Эти слова, как правило, сильно адаптированы, и порой трудно отнести их к заимствованиям. Точное время их появления в енисейских языках трудно определить, но общим ориентиром в этом отношении могли бы служить выводы М.М.Костякова о времени расхождения и обособленного развития енисейских языков, сделанные на основе использования лексико-статистического метода М.Сводеша: как уже отмечалось, М.М.Костяков устанавливает время расхождения между коттским и кетско-югским в 2000-2500 лет, а между кетским и югским языками в 600-700 лет /Костяков 1979 : 125-126/. Время расхождения между коттским и кетско-югским языками, как справедливо отмечает М.М.Костяков, совпадает с эпохой экспансии племенного союза Хунну /Гумилев 1960/, с которым некоторые ученые связывают происхождение енисейских народов /Палли-блэнк 1963; Дульзон 1968б/. Во всяком случае, начало обособленного развития южных и северных енисейских языков (вернее: восточных и западных, если принять гипотезу А.П.Дульзона о том, что кеты и юги пришли на нынешнюю территорию их расселения в бассейне Среднего Енисея с Иртыша /Дульзон 1959/, в целом совпадает именно с этой эпохой, и многие древние иноязычные заимствования енисейских языков уходят в глубину доисторических эпох (в этом отношении интересны енисейско-ностратические лексические параллели /Вернер 1977 : 7-9/ и енисейско-индоевропейские /Вернер 1969/, из которых особый интерес пред

ставляют названия лошади и жилища /Гамкрелидзе, Иванов 1984 : 742, 939/.

Что касается этих древних пластов заимствованной лексики, то во многих случаях невозможно установить направление заимствования или сам факт заимствования, как например, в случае со словом для обозначения камня: совпадая по своему звуковому составу, оно широко представлено и в турецких и в енисейских языках, и говорить о турецком заимствовании в енисейских языках было бы рискованно /Вернер 1973а/. Спорными являются и многие другие турецкие заимствования, представленные не только в коттском, но и в других енисейских языках.

Если же обратиться к бесспорным турецким заимствованиям, наблюдающимся в коттском языке, то можно среди них выделить, по мнению Л.Г.Тимониной /Тимонина 1978б : 8-13/, следующие семантические группы:

1) наименования домашних животных: *hoi* "овца"^{*}, *boğa* "бык", *buşo:u* "теленок", *boğa* "свинья", *tabat* "верблюд" и т.д.; особенно широко представлены названия лошадей разной масти: *kaltar* "каря лошадь с белой мордой", *tor* "гнедой", *şar~şar* "солсвый", *şo:gor* "пятнистый, пестрый", *ala* "пегий", а также *askar* "жеребец", *kulun* "жеребенок" и т.д.;

2) терминология скотоводства, особенно коневодства и земледелия: *o:r* "табун", *bal* "скот", *kaşçı* "бич", *urkan* "аркан", *ku:ra* "ремень, веревка", *kovkun* "шлея", *kareş*, *kariş* "четверть" (мера длины) и др.;

3) наименования продуктов питания, связанных с хлебопашеством и скотоводством: *talgan* "мука", *itpak* "хлеб" *şut* "молоко", *kaşax~kaşag* "масло", *arka* "водда", *ta:muk* "табак", *şuli* "овес";

4) названия жилища, населенных пунктов и других культурных объектов: *tura~tora* "комната", *atax* "юрта, шатер", *agei~*ajel* "улус", *ko:pur~kopur* "мост", *komtu* "могила", *uruk* "долина" (турк. "дорога, тропа");

5) названия предметов быта: *d'o:rgan* "одеяло", *şirtupui~şirtafui* "подушка", *kat* "бумага", *avrak~аврах* "котел", *kukanak~ko:nak* "рубаха";

---

^{*} Соответствующие турецкие параллели см. /Тимонина 1978б : 8-13/.

6) наименования орудий труда и оружия: kaptu "ножницы", balt^hu "топор", kaleš ∼ *kališ "меч", d'ida "копье";

7) некоторые понятия из области социальной и духовной жизни также обозначались тюркскими заимствованиями: kan "хан, князь", alpan "дань", tui ∼ toi "свадьба", a:peš "священник", a:sa "черт";

8) названия металлов: altun "золото", kumiš "серебро", kola "медь", baker "медь, латунь", bolat "сталь", korko:tn "свинец";

9) наименования некоторых птиц и диких животных: bo:ru "вслк", kara:Ra "ворона", isar "глухарь";

10) наименования некоторых частей тела: kalo:x "ухо", карах "лоб", ka:šoga "лодыжка", ašar "лопатка";

11) некоторые прилагательные: pai "богатый", казах ∼ казак "здоровый", eser "пьяный", коаš "красивый", арак "худой", аrix "чистый", аксах "хромой", kalakai ∼ kalakei "заикаться" (звукосподражательное слово; не исключается, что оно заимствовано), bik "крепкий", keršo "умный" и др.;

12) некоторые наречия: utur "навстречу", ša:na ∼ ša:ne san "позже", u:ša "далеко", bar ∼ *ba:r "все", unša "всегда", be:len "готово", kolša "медленно", hašši "хорошо".

Многие из приведенных слов представлены и в словаре камасинцев, например: kubaš "красивый" (нем. hübsch), tura "комната, дом", tor "коричневый (гнедой)", askar "жеребец" аара? "котел", toi "свадьба", baltu "топор", i:prək "хлеб", kaja? "масло", syt "молоко", kanza "курительная трубка", ko:mdu "могила", šoška "свинья", tamYu "табак" и т.д. /Доннер 1944/; не исключено поэтому, что они могли проникнуть в коттский язык через камасинский: на это могло бы, в частности, указывать название табака tanYu ∼ tangu, которое по своему звуковому облику очень близко коттскому tamuk "табак".

Мы не готовы пока принять точку зрения Л.Г.Тимоновой /Тимонова 1978б : 9-12/ относительно тюркского происхождения слов ki:r "жир", ol "гроб", kanša "курительная трубка", tarei ∼ *tare:i "сухно" (ср. югск. хотар, кет. qotl'), hen "маховая сажень", t^hanšar "светлым днем", "днем" (ср. кот. t^har "видеть", =šar показатель исходного падежа, т.е. досл. "от

видения"), fo:k ~ p^ho:k "экскременты" (ср. югск. fo?x, кет. ho?q), т.к. они представлены во всех енисейских языках, а в тюркские языки Сибири могли проникнуть из того же источника, из которого они проникли в енисейские языки.

Кроме прямых лексических заимствований из тюркских языков, можно предполагать и наличие в коттском языке тюркских семантических заимствований в виде калек и индуцированных образований типа hučolt^hip "удила" (досл. "железо лошадиной морды"); tamuk "окно" < t^haŋ "видеть", "смотреть" + huk "дыра"; pul^hip "стремя" < pul "нога" + t^hip "железо" и т.д.

Рассмотренный материал показывает, что среди тюркских заимствований в коттском языке представлена не только так называемая культурная лексика, но и такие лексические группы, которые, как считается, обладают малой проницаемостью для заимствований и большой исторической устойчивостью. Сюда относятся, в частности, названия частей тела, слова, обозначающие природные явления, виды рельефа, типы растительности, обозначения цветов, размера, пространства и другие. По представленным тематическим группам, включающим культурные заимствования, можно судить, в каких сферах деятельности тюркское влияние оказалось наиболее интенсивным и оставило в енисейских языках наиболее ощутимый след" /Тимонина 1985 : 9/.

Из установленных самодийских заимствований лишь некоторые бесспорны и обнаруживают однозначную направленность заимствования, например, кот. čaŋaŋ, сельк. čo:rik ~ čo:riŋ "рукав реки"; кот. kalšu "берег реки, поросший густым кустарником", сельк. ka:lž "влажное илистое место; узкая полоса тундры с лесом по обеим сторонам"; кот. hola, эн. koja "стерлядь"; кот. šulei, караг. schilui, мат. шлэй, тайг. schlui /Хелимский 1982 : 248-249/, хотя и они не обладают такой степенью вероятности, как случаи типа кет. kätres' "кочка" - сельк. kotras "сопочка", "холмик в тундре" /Хелимский 1982 : 241/ или кет. limba "топкое место"; сельк. limba "болото" /Поляков 1980 : 221/. Большинство же слов, рассматриваемых как заимствования из самодийских и финно-угорских языков, как правило, представлены во всех енисейских языках, восходят к общенисейской эпохе, и, следовательно, могут восходить с самодийскими параллелями к единому источнику; их можно с такой же степенью вероятности рассматривать

как заимствования из енисейских языков в самодийские.*

То же самое можно сказать о большинстве тунгусо-маньчжурских заимствований в енисейских языках /Боуда 1957 : 78-79/. Интересны, однако, следующие параллели: асау "ловить (добывать охотой)", тунг. аза "гнать (добывать охотой)"; кот. $hagi:ne \sim hagin'e$ "жердь чума" (с превербом $ha-$ и инфиксом $=g=$), кет. λn (мн. число $\lambda n'e\dot{z}$), тунг. $on'e \sim un'e$ с тем же значением; кот. $\dot{s}e:t$, кет. $v'\dot{e}'s'$, югск. $sz?s$ "лиственница", гольд. $seve$ "лиственница" (*larix dahurica*); кот. $i:pal$, югск. $yfyl$, кет. $y:l'$ "осина", гольд. $polo$, тунг. $hula \sim *pula$ "осина".

Наиболее поздними иноязычными элементами в коттском словаре, несомненно, являются русские лексические и семантические заимствования: $opa:ko$ "однако, но", $kele:\dot{b}ka$ "кольцо", $\dot{s}tobu$ "чтобы", hot "хоть, хотя", $butto$ "как будто" и др. В словаре отражено сравнительно небольшое их число, можно, однако, предположить, что их число было в коттском языке значительным.

---

* Обстоятельный анализ соответствующих материалов по проблеме исторических контактов между енисейскими и самодийскими народами и их языками см. /Хайду 1953/.

РУССКО - КОТТСКИЙ СЛОВАРЬ

Предварительные замечания

Помещенный в настоящей работе русско-коттский словарь включает коттские материалы XVIII в., опубликованные А.П.Дульзоном /Дульзон 1961 : 152-189/, коттские словарные материалы М.А.Кастрена /Кастрен 1858/, а также личные имена, названия родов и населенных пунктов коттов, приведенные Л.П.Потаповым /Потапов 1957/, и собранные А.П.Дульзоном топонимы Сибири субстратного происхождения, которые легко раскрываются на основе коттского языка и, несомненно, восходят к коттам /Дульзон 1959 : 108-109/. По соображениям, изложенным во введении, материалы XVIII в. по языку ассанов не включены в русско-коттский словарь, а коттские материалы XVIII в. приводятся с пометами, данными А.П.Дульзоном, а именно: М - материалы Г.Ф.Миллера, Сл - словари пяти аринских наречий (рукописи № 7 и № 8 в указанной работе А.П.Дульзона), Ср - сравнительные словари П.С.Палласа, Кл - материалы Ю.Клапрота, Ф - материалы И.Е.Фишера, Сл 1, Сл 2 - два варианта рукописи словаря пяти аринских наречий. Материалы XVIII в., обнаруженные Е.А.Хелимским, снабжены пометой X. В тех случаях, когда написание слов из источников XVIII в. полностью совпадает с написанием этих же слов в коттском словаре М.А.Кастрена, указание на источник XVIII в. в нижеприведенном русско-коттском словаре отсутствует; вообще во всех случаях, когда приводятся материалы М.А.Кастрена, никаких помет в словаре нет.

У коттских глаголов дается инфинитив, если он имеется у М.А.Кастрена (обычно М.А.Кастрен использовал в таких случаях помету N, то есть Nomen), форма I-го лица ед. числа настоящего и прошедшего времени, формы императива и пассива; кроме того, глаголы сопровождаются цифровым индексом после формы настоящего времени, указывающим на тип глагольного спряжения

(за исключением первого типа): известно, что М.А.Кастрен указал для коттских глаголов 12 типов формообразования, а именно:

1) глаголы с основой на $=k \sim =x, =\eta, =l, =r, =p, =m$ в формах ед. числа, например: "хромао=я" aksaga:k-η;

ед. число	1 л. $=k=\eta$	мн. число	1 л. $=kan=to\eta \sim gan=$
	2 л. $=k=u$		$=to\eta$
	3 л. $=k \sim =x=$	2 л.	$=kan=op \sim =gan=op$
		3 л.	$=kan \sim =gan=$;

2) глаголы с основой на $=j$, например: "гоно=я" a:pe:jaη (a:pe:j=aη);

ед. число	1 л. $=j=a\eta$	мн. число	1 л. $=jan=to\eta$
	2 л. $=j=u$		2 л. $=jan=op$
	3 л. $=j \sim =i=$		3 л. $=jan=$;

3) глаголы с основой на эвфоническое $=j$, например: "обманываю=я" a:ra:tⁿa:sara:j=aη;

ед. число	1 л. $=j=a\eta$	мн. число	1 л. $=n=to\eta$
	2 л. $=u$		2 л. $=tn=op$
	3 л. $=x=$		3 л. $=tn \sim =taan=$;

4) глаголы с основой на $=j$, но с гортанным смычным /ʔ/ в формах мн. числа, например: "пишу=я" ea:po:j=aη;

ед. число	1 л. $=j=a\eta$	мн. число	1 л. $=?in=to\eta$
	2 л. $=u$		2 л. $=?in=op$
	3 л. $=x=$		3 л. $=?in=$;

5) глаголы с основой на $=i$, например: "царапаю=я" ea:po:ʃi=aη;

ед. число	1 л. $=i=a\eta$	мн. число	1 л. $=in=to\eta$
	2 л. $=i=u$		2 л. $=in=op$
	3 л. $=i=$		3 л. $=i \sim =inan=$;

6) глаголы с основой на $=\check{c}e \sim =\check{c}i$, например: "воткну=я" axta:ʃe=aη;

ед. число	1 л. $=\check{c}e=a\eta$	мн. число	1 л. $=\check{c}en=to\eta$
	2 л. $=\check{c}e=u$		2 л. $=\check{c}etn=op$
	3 л. $=\check{c}ex=$		3 л. $=\check{c}etn=$;

7) глаголы с основой на $=n$, например: "варю=я" auga:n=aη;

ед. число	1 л. $=n=a\eta$	мн. число	1 л. $=n=to\eta$
	2 л. $=n=u$		2 л. $=tn=op$
	3 л. $=n=$		3 л. $=tn=$;

8) глаголы с основой на $=t$, например: "это=мелю=я" ba:fut=aη;

ед. число I л. =t=аṽ	мн. число I л. =tn=toṽ
2 л. =t=u	2 л. =tn=оṽ
3 л. =t=	3 л. =tn∞ =tnan;

9) глаголы с основой на =ṣ∞ =ḡ, например: "гребу=я (веслом)" d'agiḡ=аṽ;

ед. число I л. =ṣ=аṽ	мн. число I л. =tn=toṽ
2 л. =ṣ=u	2 л. =tn=оṽ
3 л. =ḡ=	3 л. =tn;

10) глаголы с основой на =kṽ, например: "плыву=я (вниз по течению)" d'aḡakṽ=аṽ;

ед. число I л. =kṽ=аṽ	мн. число I л. =kan=toṽ
2 л. =kṽ=u	2 л. =kan=оṽ
3 л. =kṽ=	3 л. =kan=;

11) глаголы с основой на =tt, например: "это=кладу=я" batt=аṽ;

ед. число I л. =tt=аṽ	мн. число I л. =tutn=toṽ∞ =tu:tn=
2 л. =tt=u	=toṽ
3 л. =ttut∞ =tiu:t	2 л. =tutn=оṽ∞ tu:tn=
	=оṽ
	3 л. =tutn∞ =tu:tn;

12) глаголы, имеющие лично-субъектные показатели в начале и в конце словоформы; парадигмы этих глаголов приведены в разделе "Глагол", во второй главе.

Как отмечалось во второй главе, в переходной парадигме спряжения в составе глагольной словоформы представлены не только лично-субъектные, но и лично-объектные показатели (ин-фиксы); эти формы не выделяются как особый тип спряжения, так как они могли быть представлены во всех вышеперечисленных типах спряжения.

С Л О В А Р Ь

А

Агаш

имя собств., муж. /Потапов 1957 : 128/.

Акульшет

топ. в Сибири. Akulšet < аке "гнилой" + šil "вода" + šet "река".

Алашпай

имя собств., муж.; Helaršugkat "улус Алашпаев" /Потапов 1957 : 210/.

Алгашет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

ангел

šš (X).

Аракся

имя собств., муж.; Араксеев улус /Потапов 1957 : 128/.
аргишить (см. "кочевать").

арины

hapnašeen (M, Kl).

аркан

urkan, pl. urkanaš (ср. тат. arkan).

Арша (Аярша, Ярша)

имя собств., муж.; Аршин улус /Потапов 1957 : 128/.

Аршун

имя собств., муж.; Аршунов улус /Потапов 1957 : 107/.

Б

бабушка

hi:ša, pl. hi:šan; gen. hi:ši; xīša (X).

бабушкин

hi:šiše

Багин

имя собств., муж.; "улус Багина" /Потапов 1957 : 210/.

Базерек

имя собств., муж. /Потапов 1957 : 127/.

Байбаринский улус /Потапов 1957 : 138/.

Байкотовский улус /Потапов 1957 : 106/.

*baikat ∼ raikat < pai "богатый", kat "люди".

Бакчат

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

Бакчет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

балалайка

tiŋeiŋe, tiŋeiŋi, tiŋeiŋ.

баня

úrku=huŋ (М), urku=huŋ (Кл).

баран

koj (Сл, М, Кл); ig koj; koaskir < koj "овца", askur
"жеребец" (X).

Бардамов (см. "Дубинка").

Барсандаев улус /Потапов 1957 : 106/.

барсук

ha:ŋ, pl. ha:ŋan.

башмак

heŋŋaraŋ (М, Кл).

бег

ŋagant^hak.

бегать

inf. ŋagant^hak, praes. ŋa:gant^haga:kŋ, praet. ŋagant^holo:kŋ
imper. ŋagant^ha:lŋek!

бедный

munhan, munkan.

бедро (см. "поясница")

1) a:nar, pl. a:naŋar; 2) fe:par, p^he:par; anar (X).

бегать (см. "бегать")

inf. ŋa:gant^hak, praes. ŋagan eŋhe:jaŋ ∼ ŋa:gant^haga:kŋ.

без

fun, p^hun; aifun "без меня".

безглазый

te:ŋfun, teŋfun, teŋrun.

безголовый

taŋaifun.

безлесый

ol, ol.

безмен

fataiši, fataiše, pl. fataiši:n.

бел

tekam (X).

бела

tekama (X).

белейший

tik baša (X).

белить

inf. t^he:gamaičei, praes. t^he:gamai battaŋ (II).

белка

šaga (M, Cl, Kl); šaga, pl. šagan, gen. šaga:; šaka (X).

белка-летяга

alpuğa, alpuka, alpuka, pl. alpuğan, alpukan, gen. alpuğa:.

бело

inkatekama (X).

белый

tegama (M, Cl, Cp, Kl); t^he:gam, t^he:kam; tekam, ср.

tekama "бела", inkatekama "бело", tegameš "небо" (X)

< tegam + eš.

берег

hanaŋ, pl. hanapan, hanaky; pangutu (X).

берег, заросший кустарником

kalšu, pl. kalšutn, gen. kalšui.

беременная

talo:ga, t^halo:ga.

береза

uša (M, Cl, Kl); u:ša, u:či, pl. u:šan; uša (X).

береста

hi:pal, pl. hi:palan.

берлога

ši:galše, ši:galši, ši:galš, pl. ši:galši:n.

бессильный

ša:gfun, ša:grun.

бить

1) inf. šiteš šiti, praes. a:t^hijaŋ (3), a:nat^hijaŋ,
imp. a:nt^hi, pass. ana:t^hi;

2) inf. ačuk, praes. ašt^ha:tajaŋ (3), praet. ašt^hu:rtajaŋ,
imp. ašt^han, pass. ašt^hora:tai; elota "быд" (X).

Бирюса

hiǵ-ul (Ф), досл. "широкая вода".

бмч

камџи, pl. камџуан, камџитн.

ближе

i:maǵ haǵo.

близко

i:maǵ; imǵanga (X).

блоха

imǵaraxon (X).

бобр

urǵā, pl. urǵān; urǵe; pl. urǵan; urǵe (X).

бобровая течка

ka?ir, kaǵer, pl. ka?iraǵ, kaǵeraǵ.

бог

e:ǵ, pl. e:ǵan; dat. e:ǵa:, loc. eǵal, abl. eǵa:lǵaǵ, gen.

e:ǵa:?a; eǵ (X).

богатый

rai; койб. bai, сой. pai.

богатство

raǵat (X).

богатырь

baħa.

бодрствовать

aǵro:t; aǵro:t d'illo:kǵ "бодрствовать велел-я".

болезнь

ho:; хои (X).

болезненный

aǵamfun.

болезнью

inħaxogan (X).

болеть

inf. ho:, praes. ho:a:kǵ, praet. ho:?olo:kǵ, imp. ho:a:lǵek!

болото

ol-te:g, olte:x, oltex, pl. oltaǵ; oltek (X).

больше

raǵaǵ haǵo.

больной

ho:; ho:=ħit "больной человек".

большой

pačaga (Kl), pačaga (M, Cp, Cl); fača:, p^hača:, fača, p^hača.

бор сосновый (см. "луг")

ena:ī, ena:i, pl. ena:jaŋ.

боров

bojkaaskir (X).

борода

hulur (M, Cl, Cp, Kl); hulur, halur, pl. hulu:raŋ,
haluraŋ; gulub (X).

боронить (см. "пахать")

(русск. заимств.) praes. boronit^ha:ky, praet. boronit^ho:
lo:ky, imp. boronit^ha:lček!

бороться

inf. šipiš ~ šipeš, praes. šiniča:ky, praet. šiničolo:ky,
imp. šiniča:lček!

борьба

šipeš ~ šipiš, pl. šipešaŋ.

ботинок

he:či, pl. he:čaŋ.

бочка

šu?ol, pl. šu?olaŋ.

боязливый

amalapa.

боярышник

rantut ~ rantu:t, pl. rantu:taŋ.

бояться

inf. amalapa, praes. amalapa:ky ~ amalapa:kaŋ, praet.
amalapolo:ky, imp. amalapa:lček!

брань

pagai.

бранить

praes. paga:ta^h:ky ~ paga:ta^ha:ky, inf. pagai, praet.
paga:ta^holo:ky, imp. paga:ta^ha:lček!

браниться

pagajak "бранюсь" (X).

брат

roveš (Cl 2), roveš (Cl I, M, Cp, Kl); rove:š, pl.
rove:čaŋ; fi=rove:š; rove:ča:še "брату принадлежат";
roves (X).

братенич (сын брата)

tigarroves (< *tagarroves) (X).

братъ

inf. fa:x ~ fa:x ~ fo:x, praes. fo:gaŋ, praet. fora:gaŋ,
imp. fa:raŋ!, pass. fora:ge (1); forak "беру" (X).

бревно (см. "чурка")

бровь

карах=e:k, pl. каракіe:kŋ, каракі=e:kŋ.

бросание

ha:ni.

бросать

inf. ha:ni, praes. ha:no:jaŋ (4), praet. ha:no:rajaŋ,
imp. ha:na:rčel, pass. ha:no:ra:gi; putati "бросаю" (X)

брусника

čamar šulpi; čamaŋšulpi (X).

брюки

aláŋ (M, Cl, Kl); aláŋ, pl. alákŋ.

брюхо

tulók (M, Cl, Cp, Kl); см. "живот"; tolok (X).

бубен

feš ~ p^heš, pl. fe:čaŋ.

будет (есть, было)

hičo:ga; =d'šjaŋ. "буду", "стану" (см. "стать").

будто

(русск. заимств.) butto.

бумага

šaiŋ (M, Kl); kat.

Буманцет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

буран (снежный), см. "вьюга".

t^hantu, pl. t^hantutn.

Бурдамов

имя собств., см. "Хохатка".

буря

tantu (M, Cl, Cp, Kl), см. "вьюга".

бы

šum; be:gš ~ be:š (русск. заимств.).

бык

ti:g (M, Cl, Kl); boga, pl. boga:n; gen. boga:.

было (есть, будет)

hičo:ga.

быстро

byr (Ф).

быстрый (хищный)

haga:.

быстрый (стремительный)

karvagai.

В

В

вареау.

важенка (см. "олень")

gep=ko:ja.

варить

1) inf. augan, praes. auganaу (7), praet. alaуганау, imp. alaуган!

2) inf. t^henta; t^henta ma:ntaу "варить положил=я".

ватага

paenčo (X).

ваш

auonče.

вверх

eča:.

вверх по реке

uja:.

вверху

eča:l.

вверху (в верховье реки)

ujal ~ ujal.

вводить в заблуждение

1) praes. šujena:t^ha:kp ~ šujena?at^ha:kp, praet. šujena:t^ho:lo:kp, imp. šujena:t^ha:lček!, pass. šujena:t^hola:ʔuki.

2) praes. ara:t^hačapaјау (3), praet. ara:t^halapaјау, imp. a:ra:t^halal

вдвойне (вдвое)

i:ne:lakpa.

вдевать (нитку, ремешок и т.д.)

praes. anaу:о:teky.

вдова (вдовец)

paу:рђе ~ paу:рђi.

вдовец (см. "вдова")

вдоль

u; u:peaŋa.

вдоль по

ula:rui.

ведь

o:k; bet (из русск. "ведь"); ъе (из русск. "же").

езде

bili=bili.

велико

paŋaga (X).

верблюд

tabat (M, Cl, Kl).

веревка

kúra (M, Cl, Kl); ku:ra, pl. ku:rakŋ; gen. ku:rei.

вернуться

praes. ho:fiar (5), praet. ho:lafiar, imp. halfi, pass.

hola:fi.

верх

i:kat.

верхом

hušo:.

вершина (см. "конец")

hurár, pl. hurárag; aŋixar (X).

веса (см. "безмен")

весло

ŋara:i ~ ŋa:rei, pl. ŋa:pe:jaŋ.

весна

i:ji, pl. i:jaŋ ~ i:ja:ŋ; gen. i:ji:; i:j [iij] (X).

весть

atri (см. "слышать").

весь

u:t; uta:l; u:tam.

ветвь

ogé ~ ó:ge ~ óke, pl. agán ~ okan; gen. ogei; okan (X).

ветер

rei (M, Cl, Cl, Kl); re:i, pl. pe:jaŋ; t^higalŋaŋ ~

i:galŋaŋ rei "северный ветер"; ujalŋaŋ ~ ujalŋaŋ rei

"южный ветер"; e:gá t^he:gin rapíŋaŋ rei "западный ветер";

e:gá aŋŋai rapíŋaŋ rei "восточный ветер".

ветренно

pe:ja.

вечер

pičiga /"вечером"/ (М, Сл, Ср, Кл); pi:š, pl. pi:šau;
pičiga (X).

вечером

1) pi:šigā ∞ pi:šiga;

2) ho:npreaу "поздно вечером" (см. "сумерки").

взбираться

inf. hanti:у, praes. he?u:taу (8), praet. he:na?u:taу,

imp. he:nčut!

взвешивание

fatai.

взвешивать

1) inf. fatai, praes. fo:ta:jaу (2), praet. fo:la:ta:jaу,

imp. faltai!, pass. fo:la:tai;

2) praes. feštajaу (2), praet. feltajaу, imp. feltai!

взять

fo:k ∞ fa:x (см. "брать").

видение

t^hау.

видеть

1) inf. t^hау, praes. t^ha:пау, praet. t^holo:пау, imp.

t^ha:laу, pass. t^hala:pi.

2) karujak "видит", mon karujak "не видит" (ср.
/Дульзон 1961/).

видеть сон (см. "сон")

вино

araka (М, Сл, Ср, Кл), см. "водка".

висеть

inf. fatai, praes. fo:ta:jaу см. "взвешивать".

висок

axšei hepaia ∞ hepaia axšei (досл. "колющийся волос").

вить (см. "сучить")

вить (веревки, нитки)

fafui.

влажно

ura (М, Сл, Ср, Кл).

вместе

hušpaу.

ВМЕСТО

e:liǵā.

ВНЕ (снаружи) hili.

ВНИЗ

1) ha:na; 2) i:tal.

ВНИЗ по реке

t^higa.

ВНИЗУ

1) ha:nal; 2) i:tal ("под").

ВНИЗУ (в низовье реки)

t^hegāl ∼ t^higal.

ВНУК

puga (X).

ВНУЧКА

alitruga (X).

ВНУТРЬ

~арааҥ.

ВОДА

ul (М, Сл, Ср, Кл); u:l, pl. u:laaҥ; ul (X).

ВОДКА

arka, pl. arkákq; gen. arkai.

ВОДЯНОЙ (дух)

uliš ∼ uliše ∼ uliši, pl. ulišin.

ВОЕВАТЬ

inf. hali, praes. hala:kq ∼ ha:la:kq, praet. halolo:kq,

imp. hala:lček!; ср. baktur'ak "воюю" (X).

ВОЗВРАЩАТЬСЯ

1) inf. kai, praes. ikajaaҥ (I2), praet. anikajaaҥ, imp.

anikai!

2) inf. hafi, praes. hofiaaҥ (5).

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1) kai; 2) hafi.

ВОЗЛЕ

ulai ("рядом"); t^hatega:tna.

ВОИН

hali=hit; berxen (X).

ВОЙ (животных)

paҕei.

ВОЙЛОК

hatal, pl. hatálaaҥ ∼ hatala:kq.

война

hali.

войско

xali (X).

войти

praes. d'ǎco:kɨ ~ d'ǎco:kɨ, praet. i:šo:kɨ, imp. i:šo:xɨ

вокруг

e:per; e:per čagan "бегает вокруг" (см. "круг", "круглый")

волк

boru (M, Sl, Kl); bo:ru, pl. bo:ruan; gen. bo:rua;

boru (X).

волна

eɨ ~ e:n, pl. e:naɨ.

волос (pilus)

ek (M, Sl, Kl); e:k, pl. e:kán ~ e:kɨ.

волос (capillus)

hiɨajan (M, Cp, Sl I); hiɨajan (Kl, Sl 2); heɨai, pl.

heɨajaɨ; inajaɨ "волосы" (X).

волосатый

e:ka.

волость Агашская

Aigasch /Потапов 1957 : 210/.

волость Ассанская

Tschubremkat /Потапов 1957 : 210/.

волость Пеленгутская

Pelengut /Потапов 1957 : 210/.

волосы

inajaɨ (X).

волчица

feɨe bo:ru; feɨke bo:ru.

вонь

ho:k=kiɨ.

вонючий

i:ta.

вопрос (вопросительная частица)

=bo.

вор

u:ti=het.

воробей

altama (X).

воровать

inf. u:ti, praes. u:t^ha:kɯ, praet. u:t^holo:kɯ, imp.
u:t^ha:lčək!, pass. u:t^hola:ʔuki.

воровство

u:ti.

ворон

hi:la, pl. hi:lan; gen. hi:la:; xilam (X).

ворона

kara:Ra, pl. kara:Ran; gen. kara:Ra:; karaka (X).

воротник

agántan ~ agantán, pl. agantanaj.

восемь

xeltóɲa (M, Сл, Ср), gheltóɲa (Кл); xalto:ɲa ~ qalto:ɲa;
keltonče (X).

восемьдесят

xeltóntukn (M, Сл, Кл), xalto:nt^hukɯ.

восемнадцать

xagal=xeltóɲa (M), hágal=xeltóɲa (Сл).

воск

ɣkašáɕik (X).

восточный (см. "ветер")

восходить

e:ga ašcai (2) "солнце восходит"; e:ga ašnai "солнце
взошло".

восхождение (на гору)

hanti:ɲ.

восьмой

• xalto:mra:š.

вот! (смотри!)

ha:tola; ujo:la.

воткнуть

praes. u:ʔotekɯ, praet. u:antekɯ, imp. u:on'ek!, pass.
u:afa:tek.

вошь

• iki, pl. ikán.

вперед

o:gai.

впереди

ógaɟ (M, Сл, Кл); o:gai.

впередь

o:gai.

всегда

hel'am hel'em; unäa.

всеобщий

šeiṛanäe (досл. "людской").

всё

bar∞ ba:r.

вставать

inf. fatax, praes. fatagasku, praet. faltajan, imp. falta!

второй

infa:š; infa:šfa "второй раз".

втройне (втрое)

to:ne:lakra.

втыкать

1) inf. axšex, praes. axta:šeaṛ (6), praet. axto:lašeaṛ,
imp. axtalšex!

2) inf. šicir, praes. u:o:tekn (см. "воткнуть").

вутьва (см. "куннус")

1) kar, pl. karaṛ;

2) aša:mišea∞ ašamiši∞ ašamiš; gen. aša:miši:.

входить (см. "войти")

inf. hušax∞ hušak, praes. d'ašo:kṛ, praet. i:šo:kṛ,
imp. i:šo:x!

вхождение

hušax∞ hušak.

вчера

xonšig (М, Сл, Кл); houši:g∞ houši:x; ср. honšig
i:lšar "позавчера".

вы

aop (М, Сл, Кл,); auop; ср. auonäe "ваш".

выдра

tür (Ф); t^he:gär∞ t^he:ʔär, pl. t^he:gätu.

вылить (см. "пролить")

вымазанный

ola:ki:ti.

вымазать

praes. o:ki:taṛ (8), praet. o:laki:taṛ.

ВЫМЫТЫЙ

uroła:ki.

ВЫНИМАТЬ

inf. alapai, praes. alt^ha:tajaŋ (3), praet. altu:rtajaŋ,
imp. alt^han!, pass. alt^ho:ra:tei.

ВЫПОТРОШИТЬ

inf. šipi, praes. o:pajaŋ (3), praet. o:lapajaŋ, imp.
a:la!, pass. ola:pi.

ВЫПРЯМИТЬ

praes. art^ha t^ho:činaŋ.(7).

ВЫРАВНИВАТЬ

praes. re:pagan t^ho:činaŋ (7).

ВЫСОКИЙ

ešága (M, Cl, Cp, Kl). Правильный перевод должен быть:
"высоко".

ВЫСОКО

hičai; ešalo (X).

ВЫСУШИВАТЬ

praes. d'š:ši:galaŋ (I2), praet. ušigalaŋ.

ВЫСЫХАТЬ

praes. d'š:ši:galaŋ.

ВЫТИРАНИЕ (насухо)

faŋki:t.

ВЫТИРАТЬ (насухо)

inf. faŋki:t, praes. faŋoki:taŋ ~ faŋo:ki:taŋ (8), praet.
faŋo:laki:taŋ, imp. faŋalki:t, pass. faŋola:ki:t.

ВЫТЬ

inf. paŋei, praes. paŋeja:ky, praet. paŋeilo:ky, imp.
paŋeja:lček!

ВЫХЛЕСТАННЫЙ (плетью)

d'alati ~ d'alate.

ВЬЮГА (нем. Schneegestöber)

t^hantu, pl. t^hantútn.

Г

гадина

juda (X).

галка

imra karaka букв. "малая ворона" (X).

гасить (см. "тушить")

гвоздь

išt^hip, pl. išt^hipar.

где

bili.

где-либо (где-то)

1) bili bili; 2) pegai ~ pe:gai.

герой (богатырь)

baħa.

гладить

praes. pe:t=t^hačaki:taq.

гладкий

u:lam (ровный); furtagan (о железе).

глаз

tečagan (M, Sl, Kl); tien (Cp); ti:š, pl. te:čagan; teš (X).

глина

togár (M, Sl, Cp, Kl); t^hagar; tagar (X).

глотать

1) praes. d'eknai battaq (II);

2) d'eknai e:štajaq (3); ср. ganki ičot "глотая" (X).

глубина (см. "глубокий")

глубокий

foge ~ fo:ge; p^hoge ~ p^ho:ge.

глупый

aparaifun (досл. "без ума").

глухарь

1) fe:nčera ~ p^he:nčera, pl. fe:nčatn ~ fe:nčetn; gen.

fe:nčera: (m.), fe:nčera: (f.);

2) isar ~ isa:r, pl. isatn.

глух

kalku (X).

глухой

kalkul.

глядеть

kallak "гляжу" (X).

гнать (на охоте)

inf. šipei, praes. a:pe:jaq (2), praet. a:lape:jaq, imp.

a:lpei!, pass. ala:pei.

гнать (лошадь)

guštakan (X).

гнездо

hašei, pl. hašejaŋ; gačaj (X).

гнида

d'ogá, pl. d'ogán; gen. d'oga:.

гнилой

age ~ ake; t^halaga (о дереве).

гнилушка

t^halak ~ t^halah, pl. t^halagan ~ t^halaky.

гнить

1) praes. d'agejaŋ (3), praet. ara:gejaŋ, imp. aregeni!

2) praes. ba:gejaŋ (3), praet. bara:gejaŋ. Ср. barak

"гнию" (X):

гной

taky, pl. takyan.

гнуть

inf. d'aki, praes. d'o:kiay (5), praet. d'o:nakiay, imp.

d'anki, pass. d'onaki.

говорение (речь)

d'ili (ср. койб, til "язык").

говорить

1) inf. d'ili, praes. d'ila:ky, praet. d'illo:ky, imp.

d'ila:lček!

2) álčagar (M); alčagar (Сл); alčagar (Кл); alčigar

"говору" (X).

год

šega; xuš šega "один год" (M, Сл, Ср); še:ga ~ še:gā,

pl. še:ky; guš šek "один год" (X).

годный

hagše(1).

голень (берце)

pušgatken (X).

голова

tagái (M, Сл, Ср, Кл); tagái ~ takai, pl. tagajaŋ ~ takajaŋ;

tagaj (X).

головня

ataŋ, pl. atayan.

голод

kajenty (X).

голодание

kajante.

голодать

inf. kajante, praes. kajanta:ky, praet. kajantolo:ky, imp.
kajanta:l'ek!

голодный

kajante=hit "голодный человек"; kajantetaŋ "голодный=я".

голос (звук)

ei, pl. e:jaŋ.

голубой

tuma (M, Kł).

голубика (см. "черника")

голый

t^hapalo:.

гора

1) d'i:, pl. d'i:an;

2) d'ix, pl. d'ekŋ ~ d'igan (ср. койб. tax);

3) d'zi (M, Sl); d'zij (Cp); pa'aii (X) < pa'a
"большой", d'i "гора".

гореть

praes. čauganaŋ (7), praet. čalauganaŋ, imp. čalaugan!

гористый

d'i:ʔaŋa ~ d'i:aŋa.

горло

kankoi, pl. kankojaŋ; kankoŋ (X).

горностай

hulur, hulurán; xulur (X).

город

pačatura (X) < pa'a "большой", tura "комната".

горох

koroka (X).

горький

i:laŋa.

горько

ilaŋa (X).

горячий (см. "теплый")

fa ~ p^hal.

господин

hi (M, Sl, Kł); hi:ji, pl. hi:ky (см. "князь").

гостить

inf. čan, praes. čana:ky, praet. čanolo:ky, imp. čana:lček!

государь

pačajiagu (X).

готовить

inf. t^hačín.

готово

be:leŋ.

грабитель

pare:nuk-hit.

грабить (см. "красть")

inf. pare:nuk, praes. pare:nukat^ha:ky, praet. pare:nukat^holo:ky, imp. pare:nukat^ha:lček!; pass. pare:nukat^hola:ʔuki.

град

kóirat (M, Cл, Cp, Кл); tekasŷ (X).

грамотный

šitati-hit "грамотный человек".

гребень

t^hun, pl. t^hunay; tun (X).

гребля

šigiš; šarei.

гремять

praes. d'at^heŋay ~ d'at^heŋay, praet. alat^heŋay, imp. alt^hen!

гresti (веслом)

1) inf. šigiš, praes. d'agičay ~ d'agičay (9), praet. ala:gičay, imp. alčis!;

2) inf. šarei, praes. šareja:ky, praet. šareilo:ky, imp. šareja:lček!

греть

1) praes. hatakt^ha:ky, praet. hatakt^holo:ky, imp. hatakt^ha:lček!, pass. hatakt^hola:ʔuki;

2) praes. hukai ba:ttaŋ (II).

греть (топить)

praes. hatpača:ky, praet. hatpala:ky, imp. hatpalčax!

греться

praes. hataga:ky ~ hataga:kay, praet. hatagolo:ky, imp. hataga:lček!

грех

o:bal ~ o:pal, pl. o:balay ~ o:palay.

гриб

učartár ~ učuptár, pl. učartanaŋ; učatapitaren (X).

гриб ядовитый

o:, pl. o:an.

гриб на стволах деревьев

polšoja, pl. polšójan ~ polšoja:n.

грива

huje:k, pl. huje:kŋ ~ huje:kan.

гроб

ol, pl. o:laŋ.

гром

aják (M, Sl, Cp, Kl); ajak, pl. ajakan; ščatyn (X).

грохотать

praes. d'at^həraŋ ~ d'at^həraŋ, praet. alat^həraŋ, imp. alt^henl
e:š d'at^hen "гром гремит".

грудь

rfa (M, Sl, Kl); fa ~ p^ha, pl. fajikŋ; gen. fai; xanti (X).

грызть (см. "жевать")

грязь

1) t^hagar, pl. t^hagaraŋ; 2) taran, pl. tara:naŋ; gen. tara:n;
3) fago ~ p^hago; 4) ščetik (X).

губа

d'ána (M, Sl, Kl); d'an ~ d'a:n, pl. d'a:naŋ; anag
"губы" (X).

гузка (см. "зад")

густой (лес)

farán, p^haran, pl. faránaŋ.

густой (суп)

hagal ~ hakał.

гузь

šame (M, Sl, Cp, Kl); šaman (X).

Д

да

o:k.

давать

praes. hipe:naŋ (I2), praet. hilipe:naŋ, imp. hil'enl

Ср.: farak "даю" (X).

давить

inf. hapit, praes. hačapitaŋ (8), praet. huiŋpitaŋ, imp
hipit!, pass. hala:pit.

давление (давить)

hapit.

давно (ср. "недавно")

ha:paŋ ∞ ha:paχ.

далеко

u:ša; pi:lpaŋ; pi:l ∞ pil; pil'a (X).

далекий

pi:l ∞ pil.

дальше

pi:l haŋo.

дань

alpaŋ, pl. alpaŋaŋ.

два

iŋ'a (M, Sl, Cp, Kl); i:na.

дважды

i:nfa ∞ i:npa.

двадцатый

int^hukpa:š int^bukpa:š.

двадцать

irtukn (M, Sl, Kl); int^hukp; intuk (X).

две тысячи

intukn palč'in tamši (M, Sl); inmin (X).

двенадцать

hagal-iŋ'a (M, Sl, Kl); ha:gal i:na; xagalinče (X).

дверь

at^hol ∞ at^ho:l, pl. at^ho:laŋ; atol (X).

двести

inpalč'in=tamši. (M, Sl, Kl); ilabtetamši (X).

движение

ko:paŋ.

двое

i:niaŋ.

двор

čitan, pl. čitanaŋ; učanatura (X).

дева

lil'uli (M, Sl, Cp, Kl).

деверь

pateg (X).

девица

alit'ali (X).

девочка

d'ä:leñ ~ d'äleñ ~ d'aleñ, pl. d'äleñtñ; gen. d'älei.

девяносто

hučabunaga (M, Cl, Kl); čumna:x t^hukp.

девятнадцать

hagal-hučabunaga (M, Cl).

девятый

čumna:kpa:š.

девать

hučabunaga (M, Cl, Cp, Kl); čumna:ga ~ čunna:ga < huča +
mon + ha:ga; gulčanak čem (X).

девятъсот

čumna:x uja:x; čumna:x ujakp.

дед

hi:pa, pl. hi:pan; xip (X).

дедовский

hi:pa:še.

действительно

art^ha.

делать

1) inf. šipi, praes. bapajaŋ (3), praet. balapajaŋ, imp.
ala!, pass. bala:pe;

2) inf. šipi, praes. battaŋ ~ ba:ttaŋ (II), praet. ma:n-
taŋ, imp. an'ep ~ an'e:pl;

3) inf. šičei, praes. t^ho:činaŋ (7), praet. t^he:načinaŋ,
imp. t^hančen ~ t^ha:nčen! pass. t^hona:čen.

4) agarijak (X) "делаю".

деление (делить)

tax ~ tak.

делить

1) inf. tax ~ tak, praes. taxt^ha:kp ~ ataxt^ha:kp, praet.
taxt^holo:kp, imp. taxt^ha:lček!, pass. taxt^hola:ʔuki.

2) inf. agant^hi(e).

день

i:g ~ i:x, pl. eäkp.

деньги

kumyŭ (М, Кл); baker kumyŭ (медные деньги); kumyŭ (X).

деревня

imgaratura (X).

дерево

aŭi (М, Сл, Ср); atŭi ~ atŭe, pl. a:x ~ ax ~ ak; aŭi (X).

держатъ

inf. ŝlah, praes. baʔa:kŭ ~ бага:kŭ, praet. bala:kŭ, imp. alax!

десятый

ha:kpa:ŝ.

десять

haga ~ ha:ga; xakŭe (X).

дети

kat.

дешево

t^huigŭ

дешевый (легкий)

t^hui.

дивиться

ulbiŭtak "дивлюсь" (X).

дитя

rip (М, Сл, Ср, Кл); верный перевод - "сын"; arip (X).

дичь

ŝeli ~ ŝele ~ ŝel'e, pl. ŝetn; gen. ŝela:.

длина (длинный)

ui.

длинный

ui.

для

o:jaŭ.

днeвать (см. "проводить день").

дневной свет

t^hanŭar, pl. t^hanŭaran.

днем

t^hanŭar; tanŭar (X) переведено: день.

до (последог)

he:rap; hanap he:rap "до берега"; rei.

добавить (см. "приклеить")

добираться

inf. hauk.

добр

axamagit (X).

добывать охотой (см. "ловить")

догонять (см. "достигать")

дождь

ur (М, Сл, Ср, Кл); ur ~ urr, pl. usraq; ur (X).

дождливый

u:ra.

дойть

inf. t^harip, praes. t^ho:pitaq (8), praet. t^ho:lapitaq,

imp. t^halpit ~ t^ha:lpit, pass. t^ho:la:pit.

дойка

t^harip.

долг (долги)

aške ~ aški, pl. aškejaq ~ aškijaq; gen. aškei.

долго

ha:rag; ujga.

должен

aško:; aško:taq "я=должен".

долина горная

uruk; pl. urukan.

дом (чум)

huš (М, Сл, Ср, Кл). См. "чум"; guš (X).

дома

hu:šareaq ~ hu:šiareaq.

домой

hu:šiga.

дорога

itik (М, Сл, Кл); nek, pl. hajaq; huk (X).

дорогой

ši:kqkša (досл. "тяжелая цена").

доска

d'a:fał ~ d'a:foł ~ d'a:ful, pl. d'a:falaq.

достаточно

še:p; talai (чудесно); še:ptaq "достаточно для меня".

достигать

1) inf. hauk, praes. ho:ttaq (II), praet. huittaq, imp. anu!;

2) praes. t^hačari:laq, praet. t^halapi:laq, imp. t^halpi:l! pass. t^hala:pil; 3) praes. art^hat^ho:či:naq.

достигать (догонять).

inf. t^hapil, praes. t^hapila:t^ha:ky, praet. t^hapilaʔat^ha:ky, imp. t^hapila:t^ho:lo:ky, pass. t^hapila:t^hola:ʔuki.

дочери принадлежащий

fu:niʃe.

дочь

pfun (М, Кл, Сл 1); pfeum (Ср, Сл 2); fun, pl. fu:naŋ, fu:nan; pun'a (X).

дремать (см. "переночевать")

inf. Ńagal, praes. Ńagala:ky, praet. Ńagalolo:ky, imp. Ńagala:lček!. Ср.: ačagamak "дремло" (X).

дрова

ak (X).

друг

najći (X).

другой

reico re:i; reiraŋ; reiraŋiŃaŋ.

Дубинка Бардамов

имя собств., муж. /Потапов 1957 : 29/.

дубить (кожу)

praes. bačeŋaŋ (см. "тереть").

дубление (кожи)

šičeŋ~ šičaŋ.

дума (размышление)

anaŋai.

думать

1) inf. anaŋai, praes. anaŋaja:ky, praet. anaŋajolo:ky, imp. anaŋaja:lček!;

2) praes. anaŋait^ha:ky, praet. anaŋait^holo:ky, imp. anaŋait^ha:lček!, pass. anaŋait^hola:ʔuki;

3) angajak "думаю" (X).

дурак (глупец)

muntur, pl. munturanšī:n.

дурен

alugit (X).

дуть

inf. šifu, praes. bafuŋaŋ (3), praet. balafuŋaŋ, imp. alfu, pass. bala:fu.

дух

a:va "злой дух" (см. "черт").

дым

tug (М, Сл, Кл); tu, pl. tuan, gen. tui.

дымно

tua.

дыра

huk, pl. hu:naɣ.

дырявый

hu:naɣa.

дьявол

aʃa (М, Кл); aʃa (Ф). См. "церт"; aʃa (X).

дядин

haʃa:ʃe.

дядя

hai, pl. haʃan.

Е

его (принадлежащий ему)

uʃua:ʃe, pl. uʃua:ʃi:n.

еда

ʃig; to:p.

едва

araɪ.

ее (принадлежащий ей)

uʃeiʃe, pl. uʃeiʃi:n.

еже= (последлог)

-ʃog, -ʃox; e:kɣʃog "каждый день", "ежедневно".

ежевика (*Rubus saxatilis*)

altⁿʃama ʃulpi (досл. "птичья ягода").

ежедневно

e:kɣʃog.

езда

foro:gan.

ель

ti:nɪ ≈ ti:n'i, pl. ti:naɣan; tini (X).

ель серебристая

to:teʃʃ ≈ tote:ʃ, pl. to:teʃtn ≈ tote:tn.

Енисей

kem (М); paʃa=ɪɪ /досл. "большая вода"/ (М).

если

šim.

есть (было, будет)

hišo:ga.

есть (кушать)

1) bag (М, Сл, Ср, Кл);

2) inf. to:p, praes. to:pa:kq, praet. to:polo:kq, imp. to:pa:lček!;

rajbalagi, "(я ем" (X).

ехать

inf. foro:gan, praes. foro:gana:kq, praet. foro:ganolo:kq, imp. foro:gana:lček!.

ехать (подниматься в путь)

inf. hejaq, praes. hejaqa:kq, praet. hejaqolo:kq, imp. hejaqa:lček!.

ехать (?)

aloraq (М, Сл, Кл).

ехать (плыть вниз по реке)

inf. šakq, praes. d'ašakqaq ~ d'šakqaq (IO), praet. ala-šakqaq, imp. ašakq!.

ехать (верхом на лошади)

хиби ијага (М, Сл, Кл).

еще

inšo ~ inšo:x.

еще

imgaratugan (X).

Ж

жадный (скупой)

kuikan.

жаду испытывать

inf. ularaqai, praet. ularo halaqutay.

жадущий

ularaqaj (М, Сл, Кл).

жалкий (убогий)

o:šal.

жалеть (см. "сожалеть")

inf. bagai.

кар

pal=rójaŋ (Кл); pala (X).

марить

inf. pigaičei, praes. pigai battaŋ ~ pigai ba:ttaŋ (II),
pigai eštajaŋ (3).

маркий

pfoltu (M, Кл); palá (Сл, Ср); fal ~ p^hal.

жарко

fal; p^hal.

ждать

inf. šufo:t, praes. bafo:taŋ (8), praet. balaf:taŋ, imp.
alfo:t, pass. ala:fo:t.

же

še (из русск. "же").

жевать

inf. t^hamoх, praes. t^hamo:jaŋ (4), praet. t^hamo:lajaŋ, imp.
t^hama:lče(i)!

желать

paiteŋ ~ aiteŋ "хочу" (досл. "мое желание"); inkanten
< *inkaiten (X).

железо

t^hip, pl. t^hipaŋ (ср. койб. ti:mir); tip (X).

желудок

imraakar (X).

жена

1) axt (зафиксировано И.Е.Фишером, см. /Потапов 1957 :
214/).

2) alit (M, Сл, Ср); at alit (Ф); alit (см. "жен-
щина"); alit (X).

женатый

ali:ta.

жених

alitrun (X).

женщина

1) alit ~ ali:t, pl. alitn, ali:tn; 2) alit-hita;
alat < *alit (X).

жердь (чума)

hagi:ni ~ hagin'e, pl. hagi:napan.

жеребец

askúr (M, Сл, Кл); askár, pl. aska:ran; ig-huš; askur (X)

керебенок

kulun (М, Сл, Кл); kulún, pl. kulunán; kolun (X).

кець (см. "закець")

praes. hat akfa:tekq; atakpody "жгу" (X).

келтый

šui.

келць

ogár, pl. ogaraq; akar (X).

кивой

1) éditu (М, Сл, Ср, Кл); e:ti, pl. e:taq; gen. e:ti;

2) ур.

кивот

talo:x, t^halo:x, t^halo:k, pl. t^halo:gan, t^halo:ikq.

кивущий (сидящий)

ур.

кидкий

t^heu:r.

кир

1) kisr, pl. kisraq;

2) t^hemru, pl. t^hemruan, t^hemrutn (жир топлёный).

киреть

praes. fa:liga:kq, praet. fa:ligoloqkq, imp. fa:liga:lček!

кирный

fa:li, p^ha:li, fa:l'e.

кирно

karatu (X).

кито (рожь)

aryǔ (М, Сл); aryǔ (X).

кить

Ср. jam "живу" (X);

inf. ur, praes. d'aujaq (3), praet. alaujaq, imp. al'ek!

кук

xon (X).

куравль

kuri:rax, pl. kuri:ragan, kuri:rakq; imi (X).

3а (позади)

fulit, p^hulit.

заблудиться

inf. šujeŋ, praes. šujeŋa:kn, praet. šujeŋolo:kn, imp. šujeŋa:lček!.

забывать

praes. e:neŋaiše (I2), praet. enuŋuiše, imp. enuaiše!
Ср. eŋoi "забываю" (X).

забывчивость

e:někn.

забывчивый

e:někn hit "забывчивый человек".

завернуть (во что-то)

praes. haŋal o:fu:jaŋ (2).

завести (неверным путем)

praes. šujeŋa:t^ha:kn ~ šujeŋa?at^ha:kn, praet. šujeŋa:t^ho:=
lo:kn, imp. šujeŋat^ha:lček!, pass. šujeŋa:t^hola:ʔuki.

завтра

to:máne (M, Cl, Kl); t^humaŋ ~ t^huma:n.

завязка (шнурок)

i:ri, i:re (см. "сухожилие").

зад (гузка)

fogaŋ, p^hogaŋ, fo:gaŋ, pl. fogaŋaŋ, fo:gaŋaŋ; tugaŋin
/"седалище"/(X).

задний

e:lei, e:lei.

зажечь

praes. haŋ akfa:tekn (см. "поставить").

заикаться

inf. kalakai ~ kalakei, praes. kalakaja:kn, praet. kalakai=
lo:kn, imp. kalakaja:lček!.

заикающийся

kalakai, kalakei.

закончить

praes. be:len t^ho:činaŋ (7) (досл. "готовым делаю").

закрепить

praes. bik t^ho:činaŋ (7).

закрывать

inf. šičip, praes. hači:paŋ, praet. halači:paŋ, imp. hači:p!

залезать (см. "взбираться")

залив

hautu, pl. hautuán, haututn.

замужем

hatki:ta.

замша (кожа)

tarup, taru:p, pl. tarupán, tarupaj.

западный ветер

e:gã t^he:gin panícaŋ pei.

запах-1

i:t, pl. i:tn.

запах 2 (вонь)

kiŋ; ho:k=kiŋ.

запираюсь (не говорю)

monaliga (X).

запрет

bõ: (запретительная частица).

запруда

d'ega:k, d'ega:x, pl. d'eja:gan, d'akaskŋ (ср. койб. te:gan).

запрягать

praes. anaŋa u:o:tekn, anaŋa: u:o:tekn.

заря

kini:g, kini:x, pl. kini:ga:n; knik (X).

зарядить (ружье)

praes. tem u:o:tekn.

засунуть

praes. u:o:tekn, praet. u:antekn, imp. u:on'ek!, pass. u:ana:tek.

засушить (засыхать)

inf. ší:galaícei, praes. ší:galaíceja:kn, praet.

ší:galaíceilo:kn, imp. ší:galaíceja:lõek!.

затылок (см. "шея")

заходит

t^he:gin; e:gã t^he:gin "солнце заходит", e:gã t^ho:lagin "солнце зашло".

защитник

aj ogaŋ peŋ snaut (X).

заяц

témše (Кл); témše (М, Сл); 2) peš, pl. pačan;

3) mankara, pl. mankatn; gen. mankara:, mankarei;

mangara (X).

звать (позвать)

praes. ača:ʔa:jaŋ (4), praet. ača:ʔa:lajaŋ, imp. ača:ʔa:l-
čex ~ ača:ʔa:lte!, päs. ača:ʔa:lagi ~ ača:ʔa:lagai.

звезда

alagán (М, Сл, Ср, Кл); alaga, alak, alax, pl. alagan,
alaku; gen. alagei; alakan (X).

зверь

šeli (см. "диць").

звон (колокольный)

koŋorošei, koŋorošei.

звонить (в колокол)

inf. koŋorošei ~ koŋorošei, praes. koŋorošaja:kŋ ~ koŋ-
orošaja:kŋ, praet. koŋorošei:koŋ, imp. koŋorošaja:lček!.

звук (голос)

ei, pl. e:jaŋ.

здесь

ini, in'i.

здоров (в добром здравии)

kasakkit.

здоровый (небольной)

kašak, kašax.

зевать

inf. hon'aŋ, praes. hon'aŋa:kŋ, praet. hon'aŋolo:kŋ, imp.
hon'aŋa:lček!.

зевота

hon'aŋ.

зелено

šarkan (X).

зелень

orešk ~ urešk, pl. oreškan.

земля (место)

paŋ, pl. paŋán; pak < *paŋ ~ paŋ (X).

земля (почва, грунт)

šui, pl. šuan.

земляника

roksulbe (М, Сл, Кл); t^hum šulpi; karakašulpi (X).

зима

tonog (Кл); ke:ti, pl. ke:taŋ ~ ke:ta:n; gen. ke:ti::
ket[e] (X).

ДОВОДАТЬ

praes. ke:te fo:gaŋ ~ fo:kŋ, ke:ti fo:gaŋ.

СНИТЬ

inf. haipičazaičei.

СНИТЬ (огорчать)

praes. i:laqa:t^ha:kŋ.

ЗОЛОТ

haipičaŋ; moga agamit "зол" (X).

ОЖИТЬСЯ

oŋxoī, pl. oŋxōn, oŋxotn; oŋxo; (X).

ЗНАТЬ

*a:liga (< *pa:liga) "я знаю" (досл. "мое знание").

ЗВ

ače, ači.

ЗОЛ

moga agamit (X).

ЗОЛА

fenax, p^henax, finax, funax, pl. fenaxan, funaxan, funaxŋ.

ЗОЛОВА

pategaxun (X).

ЗОЛОТО

altún (M, Sl, Cr, Kl); altun, pl. altúnan; altyn (X).

ЗРЕЕТ (это)

praes. bari, praet. manari (3).

ЗРЕЛЫЙ

manari (досл. "созрело").

ЗРЕТЬ

praes. d'arijaŋ (3), praet. anarijaŋ, imp. anri!

Зря (напрасно)

d'eru:traŋ, u:traŋ.

ЗУБ

iti ~ ite, pl. itax, gen. iti:; itan (X).

ЗЯТЮ принадлежащий

an'a:še.

ЗЯТЬ

ani ~ ane, pl. anan; gen. ana:; *ani "мой зять"

(< *gani); učit (X).

И

и (союз)

- da (из русск. "да").

ива

ti:li, ti:lə ~ ti:l'ə, pl. ti:lənan.

ивняк (см. "ива")

игла

-in, i:n, pl. inəŋ, i:nəŋ; in (X).

игра

ajaŋ, pl. ajaŋan.

играть

inf. ajaŋ, praes. ajaŋa:kŋ ~ ajaŋakaŋ, praet. ajaŋolo:kŋ

ajaŋolo:kaŋ, imp. ajaŋa:lʃek!.

играючи (см. "намеренно").

ajaŋo:.

игрок

ajaŋ=het.

идти

1) anuga (M, Сл, Кл);

2) praes. i:nəŋ (I2), praet. ali:gi:nəŋ ~ aligi:nəŋ, imp. alta.

3) praes. eŋxe:jaŋ (4), praet. eŋlaxe:jaŋ, imp. eŋlaxə ~ eŋlaxeg.

4) he:jaŋ ~ hejaŋ (см. "ехать").

изба

xiš (X).

избыток

ruŋgašibarujaga (X).

изгнание

d'ax.

изгонять

inf. d'ax, praes. ad'a:jaŋ, d'a:jaŋ, d'ajaŋ (4), praet.

d'o:najaŋ, imp. d'anʃel, pass. d'onə:ge.

издалека

pi:lʃaŋ.

издали

u:šaiʃaŋ.

из-за (для)

o:jaŋ.

из-за этого (поэтому)

inao:jaŋ.

из-за (с заднего места)

p^hulitʃaŋ.

изнутри

fuiʃaŋ.

измазанный (см. "вымазанный")

измазать (см. "вымазать")

изюбр (олень)

ugum /Потапов 1957 : 212/.

икра

d'anap (М, Кл); ka:naŋ, pl. ka:naŋan.

или...или

bo ... bo.

именек

имя собств., муж. /Потапов 1957 : 128/; Imnenek (Именеков улус).

имения

ripaŋiŋkiʃobarxiʃo ж "который есть все есть" (X).

имя

ix, i:x, pl. i:kɯ, екɯ, еякɯ.

Ингар

имя собств., муж.; улус Ингара /Потапов 1957 : 107/.

Ингашет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

Инголец

имя собств., муж. /Потапов 1957 : 128/; Jingolarkat (Инголецкий улус /Потапов 1957 : 210/).

иней

t^heaŋ, t^heaŋ, pl. t^heaŋan.

иногда

hel'em hel'em (см. "когда-либо").

инструмент музыкальный (см. "балалайка")

tiŋeiʃe, tiŋeiʃi, tiŋeiʃ; gen. tiŋeiʃi:

искать

inf. ŋigit, praes. baŋi:taŋ, baŋitaŋ (8), praet. baŋaŋi:taŋ, imp. alʃe:ti, pass. baŋa:ŋi:t.

искать

agit - "ищу" (X).

испорченный

hejo:la:ʃen.

испуг

ašenša:gan.

испражняться

praes. fagua:ka, praet. faguolo:ka, imp. fagua:lšek!.

испугаться

praes. aša:ʔa:t^haka, praet. aša:ʔuit^haka, imp. aša:ʔait^hax

исток (реки)

šina, pl. šinaka.

источник

ulfatan (М, Сл, Кл).

исхлестанный (см. "выхлестанный")

их (им принадлежащий)

1) imianše, inišʔanše, pl. inišʔanši:n;

2) uniajanše, unioja:nše, pl. uniajanši:n.

К

как

bil'a; baša (подобно).

как будто (бы)

ašela.

как-нибудь

bil'aḡ bil'aḡ.

какой

1) baloma:š, biloma:š, pl. baloma:šan; gen. biloma:ša.

2) bil'aḡ, pl. bil'aḡan.

какой-нибудь

bil'aḡ n'ebut.

кал

fo:k, fo:x, p^ho:k(g), pl. fo:gan, fo:kan.

камень

šiš (М, Сл, Ср, Кл); šī:š, pl. šeḡ; šin (X).

каменный

šeḡa.

камус

še:t, pl. šataḡ.

Камышет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

Кан (река)

kaḡ (М).

Капель

urt'ekɤ.

капать

inf. urt'ekɤ, praes. urt'ekɤ:ɤ, praet. urt'ekɤolo:ɤ,

imp. urt'ekɤ:lɔk!

карась

ɕat, pl. ɕatɤ, ɕatan.

Каракуш

имя собств., муж. /Потапов 1957/.

карий (гнедой)

tor.

кафтан

toraxej (X).

качание

ou:n.

качать

inf. ou:n; ɕitar; praes. ou:naɤ (7), praet. o:lau:naɤ, imp.

каша

a:lɔun!

ha:paɤ, ha:puɤ, pl. ha:paɤaɤ.

кашель

hatam, pl. hatamaɤ.

кашлять

hataɤei.

Кебешет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

кедр

p'hej (M, Cl, Kl); fei, pl. fen.

Кермешет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

Кертыншет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

Кешет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

Кирманшет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

кислота (кислое)

i:laɤ.

кисло

tanga < *ilaɤ? (X).

кислый (горький)

i:laɣa.

кислятина

i:laɣ, pl. i:laɣan.

Кишет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

кишка

t^hutul, t^hutu:li, pl. t^hutu:laɣ; tutalan (X).

класть (см. "положить")

praes. ba:ttaɣ (II), imp. an'ep!

клевать

inf. šeti(e), praes. bat^hiaɣ (5), praet. manat^hiaɣ, imp. ant^hi(e)!

клеить

inf. fi:t o:gin, praes. fi:t o:ɣinaɣ (7), praet. fi:t o:la-ginaɣ, fi:t o:naginaɣ; imp. fi:t a:lčen, fi:t a:ncen!; pass. fi:t o:na:ɣia, fi:t o:la:gin.

клей

fi:t.

клещ

egeiki (X).

клещи (кузнечные)

išt^hip, pl. išt^hipraɣ.

клин (для колки дров)

kaltaren, pl. kaltaraɣan.

кловва

šulpi (X).

клянусь

obblɣak (X).

князь (господин)

1) hi:ji, hi:je, pl. hi:jan, hi:kɣ; 2) kan, pl. ka:naɣ;

3) š:i:raɣepšə, š:i:raɣepš, pl. š:i:raɣepš:i:n.

кобель

ig-ašip; igaalšip (X).

кобыла

penkuš (M, Cl, Kl); feɣ hušəš ~ feɣ-hušəš; hušəš; penkuš (X).

ковать

1) inf. afu, praes. afua:kɣ ~ afua:kaɣ, praet. afuo:lo:kɣ, imp. afua:lček!, pass. afuola:ʔuki;

2) praes. afut^ha:kŋ, praet. afut^holo:kŋ, imp. afut^ha:=
lček!, pass. afut^hola:ʔuki.

ковер (покрывало)

ho:petal, ho:ptal, pl. ho:ptalaŋ.

ковка (металла)

afu.

когда

hel'em.

когда-либо

hel'em hel'em.

кожа (см. "замша")

коза

eg /Иотанов 1957 : 212/; e:g ~ e:x, pl. ag ~ ax.

козел

koskun (X).

койбалы

koŋrojčien (M).

колдовать

inf. še:naŋ, praes. še:nana:kŋ ~ še:nana:kaŋ, praet.

še:naŋolo:kŋ, imp. še:nana:lček!.

колдовство

še:naŋ.

колено

arša, pl. aršán, arša:n, aransša:n; gen. aršei; arši (X).

колечко

kole:čka (русск. заиств.), pl. kole:čkan, kole:čka:n;

gen. kolečkei.

колокол (колокольчик)

koŋoroš, konkoroš.

колснок

holanka, pl. holankan ~ holanka:n.

Колончет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

колос

šičirataga (X).

КОЛОТИТЬ

praes. bat^hiaŋ (5), praet. manat^hiaŋ.

КОЛОТЬ (см. "втыкать")

1) inf. šikŋ; 2) inf. axčex, praes. axta:čeaŋ (6);

3) toŋopatuk /ср. toŋopatuk "режу ножом"/(X).

колотушка (бубна)

faituɣ, p^haituɣ, pl. faituɣan.

колыбель (детская люлька)

ui, pl. u:jaɣ.

кольшеч

huriɕ, pl. huriɕaɣ.

Кольский улус /Потапов 1957 : 106/.

кольцо

1) kanantak (М, Сл, Кл); kanant^hax, pl. kanant^hakɣ;

2) t^ha:pora, t^ha:pura, pl. t^ha:poran, =ra:n, =potn, =putn.

комар

1) e:mpul, pl. e:mpulaɣ;

2) ujemrol ~ ujomral, ujempul, pl. ujemrolaɣ, ujemrolanaɣ,
ujemrulaɣ < ui + e:ɣ ~ eaɣ + pul; ujamrulo (X).

комель (дерева)

či, pl. čan.

комната

tura, torá, pl. turakɣ.

конец

hupar, hupáraɣ.

конопля

hi:ta, pl. hi:tan; gen. hi:tei.

кончить

ba:r bapajaɣ (букв. "все сделаю").

конь

хиɕ (М, Сл, Кл); см. "лошадь".

копать

inf. eaɣ, praes. e:nt^ha:ky ~ e:ant^ha:ky ~ i:ant^ha:ky,

praet. e:nt^holc:ky, imp. e:nt^ha:lčək!, pass. e:nt^hola:ʔuki.

копейка

uɕ=kumuɕ (М, Кл).

копыто (лапа)

halči:g, halčix, pl. halčikɣ; xalčik (X).

колье

d'ida, pl. d'idan; gen. d'idei (ср. койб. d'ida);

tutontip (X).

кора (деревьев)

fapraɣ(g), p^hapraɣ, pl. fapraɣan, fapraɣan, fapraɣɣ.

корень

t'i:embulaɣ (М, Сл, Кл); l'giembulaɣ (Ср);

t^he:mpul, pl. t^he:mpulaɣ; ačigan (X).

коричнево-желтый

šar, ša:r "СОЛОВЬИ".

кормить (см. "хлеб")

inf. herajaṇ, praes. herajaṇa:t^ha:kṇ ∼ herajaṇa?at^ha:kṇ,
praet. herajaṇa:t^holo:kṇ, imp. herajant^ha:lček!, pass.
herajant^hola:?uki.

кормление

herajaṇ.

корова

t^higā ∼ t^hi?ā, pl. t^higān, t^hikṇ; tyg (X).

коровий

t^higeiše.

короста (на ране)

fini, fin'i, fin, pl. finaṇ.

короткий

t^hu:ki.

коротко

tukyga (X).

коршун (falco Milvus)

hi:gār, pl. hi:gāraṇ.

коса (волос)

šugai, šukai, pl. šugajaṇ, šukajaṇ.

косач

hu:pi, pl. hupan.

косой

kaṇur; fiafui ∼ p^hiafui.

кость

xaḡal, qaḡal, xakal, pl. xaḡalaṇ.

косуля

igig (M, Kl); piénki (M, Kl).

котел

asrák (M, Cl, Kl); asráx, asrak, pl. asrakṇ, asragan
(ср. кам. aspa?).

котрый (чей)

bilituiše; bilituiša:še, pl. bilituiša:ši:n.

коты

kottuen (M, Kl); koprojčien (Kl); koton - бурятское
название коттов; kutan /Потапов 1957 : 127-128/; kottu,
kottuen /Потапов 1957 : 215/; ko:t'u, pl. ko:t'uan.

"агульский татарин", т.е. "котт" /Кастрен 1858 : 206/.

кочевка (аргиш)

ait^hox.

кочевать (аргишить)

inf. ait^hox, praes. ait^hačö:кү ∞ ait^hoga:кү ∞ ait^hoka:кү,

praet. ait^holo:кү, imp. ait^halo:x ∞ ait^halček!.

край (кромка)

t^hi, t^he, pl. t^hikү, t^hekү; dat. t^hi?igä, loc. t^hi?areaү,

abl. t^hi:čaү.

красивый

koaš, коа:š (ср. койб. ko:s).

красно

šurama (X).

красный

šurama (M, Cl, Cp, Kl); ср. šuramai "краснеть".

красить

inf. šuramaičei, praes. šurumai ba:ttaү ∞ battaү (II),

šurumai eštajaү (3).

красть

praes. pape:nukat^ha:кү ∞ =kaү, praet. pape:nukat^holo:кү,

imp. pape:nukat^ha:lček!, pass. pape:nukat^hola:?uki.

кремень

hataši:š, pl. hatašeү.

крепить

inf. d'a?ut.

крепкий

bik.

крепко

šagarygašintu (X).

кривизна

fiafui, p^hiafui.

криво

kamura (X).

кривой

fiafui, p^hiafui.

крик

hujei.

кричать

inf. hujei, praes. hujeja:кү, praet. hujeillo:кү, imp.

hujeja:lček!. Ср. куҗејак (X).

кровля
tenpeš (X).

кровь
šur, pl. šu:raŋ; šur (X).

кроить
inf. šu?uš, praes. bača?u:čaŋ (9), praet. bala?u:čaŋ,
imp. ala?uš!, pass. bala:?uš.

кройка
šu?uš.

кроме (послелог)
hitag, hitax; baltu hitax "кроме топора".

круг
e:per.

круглый
e:per.

крутить (вить)
inf. fa:fui, praes. fofu:jaŋ (2), praet. fo:nafu:jaŋ, imp
fanfui!, pass. fo:na:fui.

крутить
praes. e:pera:t^ha:kŋ, e:pera?at^ha:kŋ, praet. e:pera:t^hola
imp. e:pera:t^ha:lček, pass. e:pera:t^hola:?uŋ.

крутить (см. "сверлить")
inf. šiful.

крутой (берег)
t^hinkálan.

крылатый
ke:ja.

крыло
kej (M, Кл); kei, pl. keaŋ; ken (X).

крышка
fe:š, p^he:š, pl. fe:čaŋ.

кряк
šu:li, šu:l'e(i), pl. šu:laŋ, šu:la:n.

кряква (утка)
agaŋa, akaŋa (aka:ŋa).

кто (который)
ašix; ašiga:še, ašigana:nše "чей" ("кому принадлежащий")

кто-нибудь
ašig n'ebut; bil'ŋ n'ebut.

куда

bilt^huŋ.

куда-либо (куда-нибудь)

pe:gai; bilt^huŋ bilt^huŋ.

кузнец

aŋu=het.

кукушка

kuku:ka, pl. kuku:kan; gen. kuku:ka:.

кулак

haŋkan, pl. haŋkanaŋ.

куннус (см. "вульва")

kar (М, Сл, Кл); ačamiš; kar.

Кунцет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

купание

ulšui.

купаться

inf. ulšui, praes. ulšujakŋ, ulšuja:kŋ, praet. ulšui:lo:kŋ,

imp. ulšuja:lček!.

купать

praes. ulšuja:t^ha:kŋ, ulšuja?at^ha:kŋ, praet. ulšujat^holo:kŋ,

imp. ulšujat^ha:lček!, pass. ulšujat^hola:ʔuki.

курица

kurejši (Сл); kurasa (X).

Курчек

имя собств., муж. /Потапов 1957 : 128/. Курчеков улус.

Курцунский улус /Потапов 1957 : 138/.

кушать (см. "есть")

Л

ладонь

ŋatar, p^hatar, pl. fataraŋ.

лай

čam, pl. čamaŋ.

лапа (см. "копыто")

латунь (см. "медь")

kolla (М, Сл, Кл); t^he:kam baker, t^he:gam kola

(досл. "белая медь").

лаять

inf. čam, praes. d'ačamaŋ, d'ičamaŋ, alačamaŋ, imp. alčam!

лгать

arugir "лгу" (X).

лебедь

š:gi, pl. š:gan; išit (X).

левый

t^hul.

легко

t^hui; t^huiŋ; tujga (X). Лёгкий t^hui.

лечь (спать)

inf. utča, praes. d'a:taŋ (I2), praet. ala:taŋ, imp. alat!

ленивый

haraŋfun, (букв. "без спины"); anšarungat (X).

ленок (разновидность рьб)

ra:t, pl. ra:tn.

лентяйничать

inf. haraŋfun, praes. haraŋfuna:kŋ, praet. haraŋfunolo:kŋ,
imp. haraŋfuna:lčeki.

лес (сосновый)

a:ax, pl. a:akŋ, a:agan.

лес

ak (М, Сл, Ср, Кл); a:x, ax, ag, pl. a:gan; ak (X).

лестница

hantunše, hantunši, pl. hantunši:n.

лететь

praes. fataga i:naŋ.

лето

šilraŋ, pl. šilraŋaŋ, šilrakŋ; šelraŋ (X).

летовать (проводить лето)

praes. šilraŋ fo:gaŋ

лечь

praes. ite:naŋ, praet. alte:naŋ, imp. alte:n!

лечь спать

inf. uča ~ utča, praes. uča:kŋ ~ utča:kŋ ~ uča:kaŋ,
praet. učolo:kŋ, imp. uča:lčeki.

леший (лесной дух)

hal'etniš, hal'etniše, hal'etniši, pl. hal'etnišin.

лёгкий (см. "дешевый").

t^hui.

лѣгкое

šiča:tn, pl. šiča:tnaŋ; šičatyn (X).

лѣд

ušo:x, ušou, pl. ušokŋ; ušoku (X).

ли

=bo; nušbo "лошадь ли?".

лизание

alu:pki;t.

лизать

inf. alu:pki:t, praes. alu:p t^hagejaŋ (4), praet. alu:p t^halagejaŋ, imp. alu:pt^halgex!, pass. alu:pt^holagi.

лисица

šumarčo:gana, šumarčo:gana, pl. šumarčo:gatn; čomorčogon (X).

лист

d'ibag (M, Sl, Kl); d'ipi, pl. d'ipaŋ; gen. d'ipi:;
iban (X).

лиственница

šet (M, Sl, Kl); še:t, pl. šat.

лицо

hóvii (Sl); pičal, pl. pičalaŋ.

лишний (оставшийся сверх)

e:g, e:x.

лоб

karax, pl. karakŋ; pičal (X).

ловить

praes. huto:ttaj (II), praet. huto:taŋ, imp. hute!.

ловить (добывать охотой)

inf. ačaj, praes. ačaja:kn, ačant^ha:kn, praet. ačapolo:kn,
ačant^holo:kn, imp. ačaja:lček, =t^ha:lček, pass. =t^hola:ʔuki.

ловля

hutomei; ačaj.

ловушка для белки

xatn, qatn, pl. xatnaŋ.

лодка

kerer (M, Sl); xer, xer, qer, pl. xaraŋ; ker (X).

лодыжка

ka:čoga, pl. ka:čogaŋ; gen. ka:čogai.

ложиться (см. "лечь спать")

ложиться II

praes. d'o:taŋ, praet. alataŋ, imp. alət!.

ЛОЖКА

xalpen (М, Сл, Кл).

ЛОКОТЬ

kenaxhatken (X).

ЛОМАТЬ

praes. акпулт^hiaп (5), praet. акпулт^hiaп, imp. акпулт^hii,
pass. агона:t^hi(е).

ЛОПАТА

kul'er, kul'e:p, pl. kul'e:paп.

ЛОПАТКА (анатом)

açar, pl. асарап.

ЛОСЬ (сохатый)

aganšī /Потапов 1957 : 212/; асанš (М, Кл); асанš
(Сл); асанše, асанši, pl. асанšin, асанši:n; gen. асанša;
асанši (X).

ЛОШАДИНЫЙ

hučanše.

ЛОШАДЬ

huš, pl. hučan; kaltar "гнедая лошадь с белой мордой";
guš (X).

ЛОЩИНА

pitaprak (X).

ЛУГ

o:x, pl. o:gaп; enai∞ ena:i (см. "бор сосновый");
pačaou (X).

ЛУК (растение)

kubúrgenaп (М); kabúrgenaп (Сл, Кл).

ЛУК (оружие)

xii' (М, Сл, Кл); hi:, pl. hi:aп, hian; xij (X).

ЛУНА (месяц)

šui, pl. šujap; tegameššga šurme (X).

ЛУЧИНА

še:ki, pl. še:kp, še:kan.

ЛУШЕ

hapo.

ЛЫЖИ

i:p, pl. iп, ep; forógan "ездить на лыжах",
praes. forogana:kp.

ЛЫСЫЙ

ol, o:l.

ЛЬЮ

atriptok (X).

любить

praes. hamaʔat^ha:ky, praet. hamaʔat^holo:ky, imp.
hamaʔant^ha:lʂek!. Cp. palanšu (X).

лягушка

kančo:kʂe, kančo:kʂi; kančēšie (X).

М

мазать

inf. t^haki:t, praes. t^hačaki:taŋ (8), praet. t^halaki:taŋ,
imp. t^halki:t!, pass. t^hala:kit.

маленький

imuraŋaŋa (M, Cl, Kl); imiraŋaŋa (Cp); kišlā.

мамина

palanšulpi (X).

мало

mintuš; šo:laŋ; inkainmarga (X).

мальчик

jakát (M, Cl, Cp, Kl); d'al (см. "ребенок", "девочка").

Мангалиев улус /Потапов 1957 : 138/.

мануфактура (шелк)

d'ibakʂe, d'ibakʂi, pl. d'ibakʂi:n.

мараю

kokæsten (X).

масло

kaják (M, Cl, Kl); kajaх, kajag, pl. kajagan, kajekp;

kajak (X).

масса (массово)

d'o:naš.

масти лошадей

ala "пегий", šar ∞ ša:r "соловый", коҗар "светло-
рыжий", боварак "рыжий", tor "гнедой", kaltar "ко-
ричневый (гнедой) с белой мордой".

материнский

a:miše; ~a:mise (< *ŋa:miše) "моей матери принадлежащий".

мать

ama (M, Cl, Cp, Kl); a:ma, pl. a:man; ~a:ma < *ŋa:ma
"моя мать"; gen. a:mi; ama (X).

мачеха

a:ma=hiča, a:ma?iča, pl. a:ma?ičän; a:ma?iče, pl. a:ma?ičän;
~a:ma=hiča < *^на:ma=hiča "моя мачеха"; monamaɣuɣ/ə/ma (X).

медведица

ɣeɣ ɟajaɣ.

медведь

kaltun (M, Cl, Kl); ɟajaɣ, pl. ɟajaɣan; ig=ɟajaɣ
"медведь-самец"; ačaɣe "большой медведь" (см. "лось");
kaltun (X).

медленно

kolča.

медлить (колебаться)

inf. ha:ra, praes. ha:ra?a:kɣ, praet. ha:ra?olo:kɣ,
ha:ra?a:lčeki.

медь

baɣur (M, Cl, Kl); ɟuraɣ baker (букв. "красная медь");
baker; ɟu:raɣ kola (букв. "красная медь"); kolá, pl.
kolákɣ; gen. kolai; baɣar (X).

между (см. "промежуток")

taɣarɟui.

мелкий (река)

ha:ɟ.

меньше

ɟo:laɣ naɣo.

меняю

janagesten (X).

мера (измеритель)

i:taɣreɟše, itaɣreɟši, itaɣreɟš, pl. itaɣreɟšin.

мерин

atúš (M, Cl, Kl).

мерить

praes. itaɣɟjaɣ (3).

мерзак

mugaɣit /ср. monomaɣit "неприятель"/(X).

место (земля)

paɣ, pl. paɣan.

место для очага (очаг)

hatijel, pl. hatijelaɣ.

месть

hehe (междометие мести).

месяц (см. "Луна")

topóg (М, Сл); šui, pl. šujaŋ; šuj (X).

мех (шуба)

hei, he:i, pl. he:jaŋ.

мех (кузнечный)

aфуše, aфуši, pl. aфуši:n.

меч

kaleš, kališ, pl. kaličaŋ.

мечтать

праев. šamaifui t^ha:ŋaŋ.

мешок

1) falaŋča:k(g), falaŋča:x, p^halaŋča:k(g), pl. falaŋča:gan, falaŋča:kŋ;

2) fantaŋa:x, p^hantaŋa:k, pl. fantaŋa:kŋ, fantaŋa:gan.

мёд

polangra [^{*}polangra] (X).

мёртвый

оŋха (М, Сл, Кл); онка, онха; hou.

мимо

ula:rui, ura:rui.

мирно (тихо)

hu:, hu:š.

мирюсь

tarababa (X).

младенец

pip.

много

pa:jaŋ; pa:jaŋ haŋo "больше".

много (слишком)

e:gšoiš.

могила

ol, pl. olaŋ; hita ol; komtú, pl. komtutn.

мозг

ko:naŋ, pl. konapan.

мой

aŋše, pl. aŋši:n; miŋšo.

мокро

botery (X).

мокрый (дождливый)

u:ra.

МОЛИТВА

hapren, pl. haprenaq.

МОЛИТЬСЯ

inf. hapren, praes. haprena:kq, praet. haprenolo:kq,

imp. haprena:lček!.

МОЛНИЯ

kanajičiban (M, Sl, Kl); kanajičiban (Cp).

МОЛОДОЙ

parka:.

МОЛСКО

šut, pl. šutn; šut (X).

МОЛСТЬ

inf. šifut, praes. bafutaq (8), praet. balafutaq, imp.

alfuti, pass. bala:futi(e).

МОЛЧАЛИВЫЙ

atpifun; atpifun het "молчаливый человек".

МОЛЧАНИЕ

atpifun.

МОЛЧАТЬ

inf. atpifun, praes. atpifuna:kq, atpifuna:kaq, praet.

atpifunolo:kq, imp. atpifuna:lček!. Cp. kobon'au "молчу" (X).

МОЛЧИ

beščagar (M, Sl); beščagar (Kl).

МОЛЯЩИЙСЯ

hapren=hit.

МОМЕНТ

ba:raŋsa:na "в самый последний момент".

МОРЕ

rešá-ul (M, Sl, Cp); rašá-ul (Kl); dolaj (X).

МОРОЗ

inka šolt'ul (X).

МОСТ

ko:pur, korur, pl. ko:purag, korurag; kobur (X).

МОТАТЬ (нитки)

inf. fašagar, praes. fo:šagaraq (Cp.: d'ašagaraq "скажу")

МОХ

d'igen, pl. d'igenaq.

МОХ (на деревьях)

tora:k, tora:x, pl. tora:gan, tora:kan.

МОЧА

šāš.

МОЧИТЬ (см. "НАМОЧИТЬ")

МОЧИТЬСЯ

praes. šāšua:ky, praet. šāšuolo:ky, imp. šāšua:lček!

МОШКА

šui, pl. šun; šun (X).

МОЮ

urkijaŋ (X).

МУК

hatkit (М, Сл, Ср, Кл); hatkit, pl. hatkitn; xatkit (X).

МУЖЕСТВЕННЫЙ

xitogoxit (X).

МУЖЧИНА

fi:, pl. fan; gen. fi:a; fi:=hit; pijal (X).

МУЙНАЧКА Сагалов

имя собств., муж. /Потапов 1957 : 29/.

МУКА

talgan (М, Ср, Кл); uxei; uxe:i, pl. uxe:jaŋ; talkan (X).

МУКА

munxaner.

МУРАВЕЙ

alt^hi:tega, alt^hi:teka, pl. alt^hi:tegan, alt^hi:tekan.

МУХА

fagoi, p^hagoi, pl. fagón; paxon (X).

МУЧИТЬСЯ

inf. munxaner, praes. munxanera:ky, praet. munxanerolo:ky,
imp. munxanera:lček!

МЫ

ajoŋ.

МЫЛО

urkiše, pl. urkišin.

МЫТЬ

inf. urki, praes. uro:kiaŋ (5), praet. uro:lakiaŋ, imp.
uralki(e)!, pass. uralaki; urkijan "мою" (X).

МЫТЬЕ

urki.

МЫТЬСЯ

praes. urka:ky, praet. urkolo:ky, imp. urka:lček!.

мышь

duta (М, Сл, Кл); d'u:ta, pl. d'u:tn; gen. d'u:ta:; juda (X).

мышь летучая

tagala (М, Сл, Кл).

мягкий

fu:gam, p^hu:gam, fu:kam.

мягко

rugama (X).

мясо

ič (М, Сл, Ср, Кл); i:či; iči (X).

Н

на

hi:pa "на лицо"; i:kat "на"; halapuk "на ту сторону".

на сторону

ulai.

навстречу

utur (см. "напротив").

над

kisara:; ujal "над (сверху)".

надо

karak; afu karak "ковать надо".

назад

eléjčan (М, Сл, Кл); šu:ka; fulit^h p^hulit.

найти (см. "находить").

наковальня

fa:tnok^h fa:tnuk; he:tnuk.

наконец (напоследок)

ba:ran ča:na (см. "момент").

накрыть (покрывалом)

d'agei (см. "покрыть").

накрыться

d'agei (см. "покрыться").

налим

mentara, pl. mentatn; gen. mentara: (м.), mentarei (ф.); men=
наматывание (ниток) dara (X).

fačagar.

наматывать (нитки)

inf. fačagar, praes. fo:čagaran, praet. fo:lačagaran, imp.
fa:lčagar!, pass. fala:čagar.

намеренно

ajaɔ: (букв. "играючи").

намотить

praes. utote:raŋ, praet. utorate:raŋ, imp. ura:rte:r!, pass.
utora:te:r.

напильник

ašiš, pl. ašī:šar, ašican.

напоить (см. "поить")

наполняю

utytaŋži (X).

напрасно (зря)

u:traŋ; d'er u:traŋ.

напротив

utur.

напугать

inf. ašenča:gan, praes. ača:?a:t^hakŋ, praet. ača:?uit^hakŋ,
imp. ača:?ait^hax!.

народ

šeiŋɔ šear, pl. šeiŋar; ion (X).

народный

šeiŋarše.

народный

d'o:naš "в гуще народа" (ср. койб. d'on "народ").

нарта (см. "сани")

šogar (M, Cl, Kl); šugar, šugar, pl. šugarar, šugarar;
койб. šo:r "сани".

нарта маленькая

fuŋšol, p^huŋšol (досл. "дочь-нарта").

наружу

hīlīga.

нарыв (гнойник)

hon'e:la, hon'ela, pl. hon'e:lan, hon'elan.

насквозь

atkur, aktur.

наст (снежный)

ša:k, ša:x, ša:g, pl. ša:kŋ, ša:gan.

натянуть

praes. anaŋa: u:o:tekŋ.

находить

1) praes. barukŋ, praet. ma:mpukŋ; 2) it barukŋ.

начальник

alpot (X).

начинать

praes. feaqa: bapaaja.

наш

ajonše.

не

mon d'agat "не сплю" (М, Сл); mon karujak "не вижу"
(М, Сл); mon, mo:n.

небо (бог)

e:š, pl. e:šan; tegameš "небо" (X).

невеста

hatkipun (X).

невестка

aneš, an'eš, pl. anán, ann'e:an, an'e:gan; patega (X).

невесткин

an'eiše.

недавно

ho:naq; heš; mon a:paq.

неделя

xelínek (М, Сл), букв. "семь дней"; gušnedel'a (X).

недоуздок

kant^he:x, kant^he:g, pl. kant^hakq.

неженатый

ali:tfun, ali:trun.

не замужем

hatki:tfun, hatki:trun.

незрелый (неспелый, сырой)

t^hu.

немного

šo:laq; mintuš.

немой

alu:pfun, alu:prun.

необходимо (см. "надо")

неострый (тупой)

mon e:ti.

неприятель

monomagit (X).

несоленный

šince tfun.

неспелый (см. "незрелый")

нет (не имеется, не было, не будет)

monča.

неширокий

mon hi:gal.

нигде

mon bili; bilta mon.

низкий

xánala (М, Сл, Ср, Кл).

низко

ganala (X).

никогда

mon hel'em; hel'emta mon.

никуда

mon bilt^huq; bilt^hunta mon; mon bolt^huq.

никто

mon ašix(g); mon ašigta; mon bil'aq; ašigta mon.

нитка (см. "сухожилдие")

1) tal, pl. tálaq;

2) i:ri, i:re, pl. i:raq, i:ran; tal (X),

нить (шелковая)

d'ibak, d'ipak, pl. d'ibakan, d'ibakp (ср. койб. d'ibak).

ничего

mon bilipei.

ничто

mon bilipi; mon šina.

но

=ta; anta < aqta "но я".

новый

ki.

нога

pul, pulaq; pul (X).

ноготь (см. "копыто")

нож

ton, pl. to:naq; ton (X).

ножницы

kartu (М, Сл, Кл); kartu, pl. kartuan, kartutn; gen. kartui.

ножны

tonol, t^honol, pl. tonolaq.

ноздря

arkás', pl. arkanaŋ.

нора

kurur, pl. kururáŋ.

нос

aŋ, a:ŋ, pl. a:ŋan; gen. a:ŋi(e).

носить (одежду)

inf. d'igei, praes. d'igát^hagejaŋ (4), praet. d'igát^hala-
gejaŋ, imp. d'igát^hagex!, pass. d'igát^ho:lagi.

ношение (одежды)

d'igei.

ночевать

inf. šagal; hača:gal "он ноцует", halača:gal "он ноце-
вал", imp. halča:gal!

ночевка

šagal.

ночь

šig (M, Cl, Cp, Kl); ší:g, ší:x, pl. šaŋ; šig (X).

ночью

ší:g ∞ šig.

нутро

fui, p^hui, fu:i, pl. fu:jaŋ; dat. fuiga, loc. fuja:t,
fuiareaŋ, abl. fuičaŋ.

нырок (утка)

fur, p^hur, pl. furan, futn.

ныряние

hil'ikŋ.

нырять

inf. hiltukŋ, praes. hiltuo:t^hekŋ, praet. hiltuánt^hekŋ,
imp. hiltuo:n'ek!.

оба (двое)

i:niaŋ; i:nišin; i:nšin.

обдирание (свежевание)

alaŋai.

обдирать (свежевать)

1) inf. alaŋai, praes. alt^ha:tajaŋ (см. "вынимать");

2) inf. t^ha:x, praes. t^ha:ga:kŋ, praet. t^ho:na:kŋ, imp.
t^ha:na:x!, pass. t^ho:na:ge.

облако

ašpaŋán (M); ašpaŋ, ašpór, pl. ašpaŋaŋ, ašpóraŋ.

облизывание (см. "лизать")

alu:rkɪ:t.

обман

a:rɪpɪ.

обманывать

inf. a:rɪpɪ, praes. a:ra:t^haʃaraɟaɟ (3), praet. a:ra:t^hala-
raɟaɟ, imp. a:ra:t^halal, pass. a:rut^hala:pi.

обмен (случайный)

d'anʃei.

обменять (случайно)

inf. d'anʃei, praes. d'a:naga a:ttarɟ (II), d'a:naga eʃtarɟ
(3); praet. d'a:naga ontarɟ, d'a:naga eltarɟ; imp. d'a:naga
an'er!, pass. d'anant^hola:ʔut.

обоняю

xubanak (X).

обтесать

inf. na:ranʃex, praes. na:raɟo:ʃearɟ (6), praet. na:raɟo:la-
ʃearɟ, imp. na:raɟa:lʃex!, pass. na:raɟola:ʃex.

обувь

geʃan (X).

обучение

ʃitʃti.

обученный (грамотный)

ʃitʃti=nit.

обух

xei, qei, pl. xe:ɟaɟ.

общий

ʃearanʃe.

овес

áruʃ (М, Сл, Кл); ʃuli, ʃul'e(i), pl. ʃulaɟ; ʃuli (X).

овод (см. "слепень")

d'a:foi, pl. d'a:fon; raʃaɟaron (X).

овца

koj (М, Сл, Кл); koi, pl. kojan; feɟe koi, p^hɛɟe koi; koj (X).

огнеподобный

hatraʃ.

огниво

atarɟ, pl. atarɟan.

огонь

xott (М, Сл, Кл); хот (Ср); hat, pl. hati, hate :

- hatašeī "разведение огня"; хат (X).
огонь развести
inf. hatašeī, praes. hata:šīaŋ (5), praet. hato:našīaŋ,
imp. hata:nše, hata:nšī!, pass. hatona:še, hatona:šī.
огорчать (злить)
praes. i:laja:t^ha:kŋ.
ограбление
pape:nuk (см. "грабить").
одевание
ašalt^hauk; ho:šek.
одевать
inf. ho:šek, praes. ho:šīkŋ, ho:šekŋ; praet. ho:lašīkŋ,
imp. halšīk!, pass. ho:la:šek.
одежда (верхняя)
hei, he:i, pl. he:jaŋ (см. "шуба"); gej (X).
одеться
praes. ašalt^ho:ttāŋ (II), praet. ašalt^hoa:ttāŋ, imp. ašalt^he
одеяло (покрывало)
d'o:rgan.
один
hūša (М, Сл, Ср, Кл); hu:ša; ханšīxit (X), видимо "один человек".
одиннадцать
hágal=hūša (М, Сл, Кл); ha:gal hu:ša, ha:gal u:ša;
хагуšše (X).
одинокий
hu:piga.
одинок
hu:piga.
однажды
alšen, alšīn.
однако
ona:ko (русск. заимств.)
одновременно (последлог)
o:.
одноглазый
šugur.
ожидание
šufot.

ожидаю (см. "ждать")

bafot (X).

озеро

úrteg (M, Сл, Кл); u:r=te:g, u:rte:x, pl. u:rtakq; urtek (Ой (междометие боли)

aija aija; aja aja.

окно

tamhúk (M, Сл, Кл); tamuk, pl. tamu:naq < t^haq "видеть", huk "дыра"; tumak (X).

около (примерно)

a; bo.

Окульшет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

окунь

tugan (X).

олений

ko:ja:še.

олень (cervus)

xui (M, Сл, Кл); hui, pl. huján.

олень (rangifer)

kója (M, Сл, Кл); ko:ja, pl. ko:kq; gen. ko:ja:(m); feq=ko:ja (f.); koj (X).

олово

t^he:gám korkotn korogotn; korkotny (X).

ольха

šam=ti:li.

он

xatu (M, Кл); hatú (Сл); uju.

она

uja.

(она (река)

hi=ul (M); hig=ul (Ф).

они

xatien (M, Сл, Кл); uniaq.

опрокидывание

t^hauk; t^hagin.

спрокидывать

inf. t^hauk; t^hagin; I) praes. t^hagá a:ttaq (II), praet. t^hegá ontan; imp. t^hegá a:n'ep!; 2) t^heg ~ t^he:g ba:ttaq ~ battan (II), praet. t^heg ma:ntan.

опухоль

hon'e:la, hon'elá, pl. hon'e:lan, hon'elan.

опять (еще)

inšo; inšo:x.

орех

kaṃagalá, pl. kaṃagatn; i:m "Nusskern"; im (X).

орел

tagé, take, pl. takq; gen. taga; kalači (X).

оса

šulčai, pl. šulča:jaṃ, šulča:n, šulčan; šulčani (X).

осень

ho:ri, pl. ho:raṃ, ho:ran; gen. ho:ri::; gory (X).

осетр

ti:t (M, Cl, Kl).

осина

i:pal, pl. i:patn.

оскорбляю

хохутајut (X).

осмотр

karei.

осматривать (см. "смотреть")

inf. kareit^ha:kq, praet. kareit^holq:kq, imp. kareit^ha:lček!,
pass. kareit^hola:ʔuki.

особенно

palakq; pe:gai.

оставить (покинуть)

inf. t^hagai, praes. t^haga:jaṃ (2), praet. t^holago:jaṃ, imp.
t^halai!, pass. t^hola:gai.

остаться

inf. t^hagai, praes. t^higa:jaṃ (2), t^hi:ga:jaṃ; praet.
t^haliga:jaṃ, imp. t^haligai!.

острие

šal, pl. šalaṃ; gen. šali.

остро

e:tiga.

остров

ulšuk, pl. ulšukq.

острый

e:ti, pl. e:taṃ; gen. e:ti:.

от

i:kašaq.

ОТВЯЗЫВАНИЕ

šuni.

ОТВЯЗЫВАТЬ

inf. šuni, praes. šuno:jaq (4), praet. šuno:lajaq, imp. šuna:lče!, pass. šunola:gi.

отделить

inf. agant^hi; agant^he.

отдельно

palakq.

отдых (дневной)

i:grī.

отдых II

tener.

отдыхать (днем)

inf. i:grī, praes. i:grigaskq, praet. i:grigolo:kq, imp. i:griga:lček!.

отдыхать II

inf. tener, praes. teneraskq, praet. tenerolo:kq, imp. tene-
ra:lček!.

отец

ор (М, Сл, Ср, Кл); о:р, pl. о:ран, о:ран; ~о:р < *~о:р
"мой отец"; ов (X).

открытие (открывать)

ušfauk; ušpauc.

открывать

inf. ušfauk, praes. ušfo:ttaq, ušpo:ttaq, ušpottaq; praet.
ušfoa:ttaq, ušpoa:ttaq; imp. ušfe, ušpe!.

откуда

bilšaq.

откуда-либо (откуда-нибудь)

pe:gašaq; pe:ganišaq; bilšaq bilšaq.

отнимаю

kuštar parak /ср. kuštu "сильно", forak "беру"/(X).

оторвать

inf. šuxči(e), praes. šumašiaq (5), praet. šumanašiaq,
imp. šumanšī(e)!, pass. šumana:še.

отпустить

inf. šiče:t, praet. ošē:taq, praes. a:še:taq, ašetaq (8),
imp. a:nšē:t!.

отсюда

inʃaŋ.

оттуда

inʃaŋ.

отцовский (отца)

o:paʃe; ~o:paʃe < *po:paʃe "моего отца", ~o:paʃaŋʃe
"моих отцов" (букв. "моему отцу принадлежащий", "моим от-
цам принадлежащий").

отчим

o:pa=hiʃi, o:paʔiʃi, o:pa:ʃi, pl. o:paʃiʃaŋ; ~o:pa=hiʃi,
~o:pa:ʃi < *po:pa=hiʃi; ~o:paʔiʃi "мой отчим"; monmon=
ygaioʃ (X).

охалка

hamal; pl. hamalaŋ.

охотиться (см. "гнать")

praes. a:pe:jaŋ (2), praet. a:lape:jaŋ, imp. a:lpei!,
pass. ala:pei.

охоч

aŋʃagɪn (X).

оценивать (товар)

praes. ki akfa:teku.

очаг

hatijel, pl. hatijelaŋ.

очень

paɣai; i:mal; d'askar.

ощущаю

monmonugaliga mamynak (X).

II

падать

praes. t^he:ginaŋ, t^he:inaŋ (7), praet. t^he:laginaŋ, imp.

падчерица

t^he:lini.

paʃuralit'ali (X).

пазуха

finteʔr, finter, p^hinteʔr, finte:p, pl. p^hintaraŋ, funtaraŋ.

палец

t^hok, t^hox(g), pl. t^hogan; gen. t^hogi, t^hogei; paʃatogon (X).

палец большой (ср. "пог")

hau, pl. ho:kiŋ; gen. hauʔi.

палка

huřiř, pl. huřiřađ.

пальцы

tođan (М, Сл, Ср, Кл).

Панакачет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

Паначет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

Пантык

имя собств., муж. /Потапов 1957 : 128/;

(Пантыков улус /Потапов 1957 : 210/).

Патачет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

пара ("дружка")

ingařaj (X).

парка (нац. одежда из шкуры оленя)

1) alferem, pl. alferemađ;

2) foltam (?) - /Кастрен 1858 : XV/.

пасынок

rařur jali (X).

пахать (боронить)

inf. řabanřađ, praes. řabanřađa:kŋ, praet. řabanřađ

imp. řabanřađa:lřek!.

пахать II

praes. řabanřant^h:kŋ, praet. řabant^hola:kŋ, imp.

řabant^h:lřek!, pass. řabant^hola:řuki.

пашни

taripan (X).

пегий

ala.

Пеленгут

имя собств. /Потапов 1957 : 128/.

пена

ha:pađ, ha:puđ, pl. ha:pađađ.

пение (петь)

ula:i.

пенис

puř.

Пенчет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

лень

šagal'i, šagal'e, šakal'i, pl. šagal'ikŋ.

первый

hušra:š.

перевезти (на ту сторону)

inf. t^hato:gan; I) praes. t^hata: d'eginaq (7), praet. t^hata: d'e:naginaq, imp. t^hata: d'e:nčini!; 2) praes. t^hateŋ a:t^ha (I2), praet. t^hateŋ a:lat^ha, imp. t^hateŋ a:lt^ha!.

перевернуть

praes. e:pera:t^ha:kŋ e:pera?at^ha:kŋ, praet. e:pera:t^ho:=lo:kŋ, imp. e:pera:t^ha:lček!, pass. e:pera:t^hola:ʔuki.

перевоз

t^hato:gan.

перезимовать

praes. ke:ti fo:kŋ, ke:ti fo:gaŋ.

переменить (случайно)

inf. d'ančei, praes. d'a:naŋa a:ttaŋ (II), d'a:naŋa ešta=jaŋ (3); pass. d'a:nant^hola:ʔuki.

переночевать

hašagal; šagal.

перепелка

tegteka (X).

перо

i:či, pl. i:čaŋ; ičan (X).

песня

ula:i, pl. ula:jaŋ.

песок

taganaŋ (М, Сл, Ср, Кл); t^hagan, t^hakán, pl. t^haganaŋ; taganan (X).

петля (ловушка)

i:ri, i:re (см. "сухожилие", "нитка").

петух (см. "курица")

kuravaaskir (X).

петь

inf. ula:i, praes. ulaja:kŋ, praet. ulailo:kŋ, imp. ulaja:lček!. Ср.: ulojak "пою" (X).

печень

šičil, pl. šičilaŋ; šičil (X).

печь

peš, pl. pe:čaŋ (русск. заимств.); turapeč (X).

пешком

bulaŋ.

пестрый

šo:gor.

пиво

šira (Сл, Кл); sibirá (М); šera, sera, pl. šeran,
šera:n; gen. šerei.

Пинчет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

писарь

kaše=het.

писать

érou (М, Сл, Кл); inf. eaŋo:x, praes. eaŋo:jaŋ (4), praet.
eaŋo:lajaŋ, imp. eaŋa:lče!, pass. eaŋo:la:gi.

письмо (писать)

eaŋo:x.

пить

opaŋ (М, Сл, Ср, Кл); inf. šigar, praes. o:paŋ, praet.
ola:paŋ, imp. alšer!.

пить хотеть

praes. ularaŋai (I2), praet. ularo:hala?utaŋ; ular (X),
перевод в оригинале "питание" (ошибочно); olar "пью" (X).

питье

šigar.

пихта

toteš (М, Кл); to:teš, pl. to:teštn (см. "ель сереб-
ристая").

пища

raŋ, ср.: raŋbalagi "ем" (X).

плавать (см. "купаться")

praes. ulšuja:kŋ.

плавать заставлять (см. "купать")

ulšuja:t^ha:kŋ ~ ulšuja?at^ha:kŋ (praes.).

плакать

inf. hai (?), praes. d'šče:paŋ (7, pl. - I2), praet.
alašenaŋ, imp. alšen!. Ср.: ščen "плачу" (X).

платеж

kipi.

платить

inf. kipi, praes. kit^hašaraŋaŋ (3), praet. kit^halapaŋaŋ,
imp. kit^hala!, pass. kit^hala:pi.

платок kenara uruш (X).

платье

hej (M, Cl, Kl); собственно, "шуба".

платье (одежда)

olčá, pl. olča:n; gen.olčei.

плевание

hujuц.

плевать

1) inf. hujuц, praes. hujuца:kц, praet. hujuцolo:kц, imp.

hujuца:lček!;

2) inf. tuk, praes. tuka:kц, praet. tukolo:kц, imp. tuka:lčei

племянник

fu, p^hu, pl. fuan; puga (X).

племянница

fua, p^hua; ali:t=fun; alippugi < *alitpugi (X).

плести (см. "сучить")

inf. šifui, praes. o:fujaц (2).

плеть

kaцci; kaцci (X).

плечо

he:nar, hinar, pl. he:naraц; kenar (X).

плотва

tubante (X).

плотина (см. "запруда")

плохо

aša:mše, aša:m, šam; šamigš.

плохой

šam; šam haцo "хуже".

плуг

šaban.

плыть (вниз по реке)

praes. d'ašакpaц; см. "ехать вниз по реке".

плюсна

nulratap (X).

по (после; подобно)

pei.

по ту сторону

halарuk.

по ту сторону (позади)

fulit, p^hulit.

повеление

hei, he:i (повелительное мужского рода).

повернуть (см. "поворачивать")

inf. hafi, praes. ho:fiay (5).

повесить (см. "взвешивать")

поводок

hubara, hubare, pl. hubaran; gen. hubarei.

поворот (поворачивать)

hafi.

поворачивать (обратно)

1) inf. hafi, praes. ho:fiay (5), praet. ho:lafiay, imp.

halfi!, pass. hola:fi;

2) praes. ikajay (I2), praet. anikajay, imp. aniken!.

погасить

inf. šifi, praes. o:fiay (5), praet. o:lafiay, imp.

alfi!, pass. o:la:fi.

погода (плохая, холодная)

šurgan, pl. šurgamaq.

под (внизу)

i:tal.

подбородок

pundžol (M); pincol (Сл, Кл).

поджаривание

rigaišei.

поднимать

inf. (?) ašamraš.

подниматься (сниматься с места)

praes. hejaqa:kq, praet. hejaqolo:kq, imp. hejaqa:ldek

подобно (как)

-baš, -ba:šaš alširbaš "как собака".

подошва (обуви)

hašar, pl. hašaran.

подошва (ступни)

pular, pl. pularaq.

подпоясывание

fatax.

подпоясываться

inf. fatax, praes. fo:ta:kq ~ fotaskq, praet. fo:nata:kq, imp.

подруга

fantax!.

xitej (X).

подушка

širtupui, širtafui, pl. širtafujaŋ, širtupujaŋ.

подхвостник (шляя)

kovkun, pl. kovkunaŋ.

поездка (вниз по реке)

čakŋ.

позавчера

hončig-ilčak (M, Sl, Kl); hončig ilčau.

позади (за; по ту сторону)

fulit, p^hulit; elei, e:lei.

позвать (см. "звать")

ače, ači.

поздно (вечером)

ričaga (M, Kl).

позже

ča:na, ča:n, čan.

поиск (искать)

šigit.

поить (вином, водкой)

inf. ešeraičei, praes. e:seraja a:ttaŋ (II).

показ

halaŋi.

показывать

inf. halaŋi, praes. halant^ho:ttaŋ (II), praet. halant^hoa:=
ttaŋ, imp. halant^he!, pass. halant^hola:pi.

покашливание

hataŋei.

покраска (красить)

šuršmaičei.

покрывало (одеяло)

d'o:rgan, pl. d'o:rganau.

покрывало (для седла)

ho:petal, ho:ptal.

покрываться

praes. d'ugo:ttaŋ (II), praet. d'ugoa:ttaŋ, imp. d'egeš!

покрытие (завертывание)

hačik; hačip ↔ hači:p.

покрывать

I) inf. hačik, praes. hači:kŋ, hači:gaŋ, praet. halači:kŋ,
imp. halči:k!, pass. halači:.

2) inf. hačip, hači:p; praes. hačipt^ha:kŋ, praet. halači:paŋ, imp. halči:p, halači:p!.

покрыть (закрыть)

praes. hači:paŋ, praet. halači:paŋ, imp. halčip!.

покупать (см. "торговать")

inf. napi, praes. napa:kŋ, praet. napa:lo:kŋ, imp. napa:lček!. Ср.: харитак "продаю" (X).

поддень

alag (M, Cl, Kl); a:li:x, a:li:g, pl. a:likŋ, a:li:gan.

поле

karér (M, Cl, Cp, Kl); hi:pe:g, hi:pe:x, pl. hi:pe:aŋ; ran (X)

Полинчет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

полночь

šušig (M, Cl, Kl).

полный

u:ti.

половина

halap, pl. halapaŋ.

положить

1) praes. a:ttaŋ (II), praet. ontaŋ, imp. an'ep!;

2) praes. ba:ttaŋ (II), praet. ma:ntaŋ, imp. an'ep, an'e:p, pl. an'e:panoŋ!.

положить II

inf. šičei, praes. e:štajaŋ (3), praet. e:ltajaŋ, imp. elta!.

полтора

inpał.

помощник

aj ogajlena/ityk/ (X).

понять

hašti "понятно", hu:leti "было понятно".

попадать (достигать)

praes. no:ttaŋ (II), praet. huittaŋ, imp. anu!.

поперек

t^he:ta.

порвать

inf. d'šāi(e), praes. d'o:šiaŋ (5), praet. d'o:lašiaŋ, imp. d'alše(i)!, pass. d'ola:še(i).

порицать

praes. šama:t^ha:kŋ, šama?at^ha:kŋ; praet. šama:t^ho:lo:kŋ, imp. šama:t^ha:lčeki.

поросенок

šojka arup (X).

порох

han, pl. hanaŋ.

портиться

inf. haišin, praes. hajo:šinaŋ (7), praet. hajo:lašinaŋ,

imp. haja:lšen!, pass. hajola:šen.

портище

gəjpej (X).

порубленный

agatola:ʔuki.

порча

haišin.

послать

1) praes. t^hešujaj (3), praet. t^he:lujaj, imp. t^ha:lče!;

2) inf. t^hax, praes. t^ha:jaŋ, at^ha:jaŋ (4), praet. t^ho:la=jaŋ, imp. t^hola:gi.

послезавтра

to:mane=učag (M, Cl, Kl); t^human hu:čag.

посох

t^harui, t^harujaŋ:

поставить

inf. akčex, akčeg; praes. akfa:tekŋ, praet. akfuitekŋ,

imp. akfa:jek!, pass. akfuja:teki.

постель

amra (M, Cl, Kl).

посылать

praes. at^hajaŋ, t^ha:jaŋ (4); praet. at^ho:lajaŋ, t^ho:lajaŋ,

imp. at^ha:lče, t^ha:lče!, pass. t^hola:gi.

пот

ari:kŋ, pl. ari:kŋan.

Потанцет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

потеря

ait^hašin.

потерять

inf. ait^hašin, praes. ait^ho:šniŋ (7), praet. ait^ho:la=

šinaŋ, imp. ait^halšen!, pass. ait^holaraš, ait^holašen.

потеть (букв. "кипятить пот")

praes. ari:kŋ auganaŋ, praet. ari:kŋ alaŋanaŋ, imp. alaŋan!

потом (затем)

hem; he:m.

потому

una e:jaŋ.

потрошить

праев. o:rajaŋ (3), праet. o:larajaŋ, imp. a:la!, pass. c
похоронить (см. "хоронить")

праев. kalpi e:štajaŋ.

Почат

имя собств., муж.; Початский улус /Потанов 1957 : 128/.

почва (грунт)

šu, pl. šuan.

почему

uŋo; uŋo:jaŋ; šena ~ šina o:jaŋ.

Почет

гоп. в Сибири /Дульзон 1959/.

починить

1) inf. čičag(x), праев. čičo:jaŋ (4), праet. čičo:lajaŋ,
imp. čiča:lče!, pass. čičo:la:gi.

2) ičant^ha:čeaŋ (6).

починка

čičag(x).

почка

koipala, pl. koipatn; gen. koipalei.

поэтому

inao:jaŋ; ina o:jaŋ; una o:jaŋ.

поясница (бедро)

ŋe:paŋ, p^he:paŋ.

пояс

xitej (X); hi:te:g.

поясок

t^hi:=te:g; hi:te:x, pl. hi:takŋ.

правда

ba:t; art^ha; art^haga.

праздник

fača:x, pl. fača:gan.

предыдущий

o:gai.

преследование

t^hapei.

преследовать (зверя)

inf. t^hapei, praes. t^hu^hupe:jaŋ, praet. t^hulupe:jaŋ, imp. t^hulupei!.

привязать

inf. ťigaŋ, praes. o:ŋaŋ, praet. o:la:ŋaŋ, imp. o:laŋ!,
pass. o:la:ŋe.

приготовлять

praes. t^ho:činaŋ (7), praet. t^ho:načinaŋ, imp. t^hančen,
t^hančen!, pass. t^hona:čen; 2) praes. be:len t^hočinaŋ.

приклеить

inf. d'a?ut, praes. d'o?u:taŋ (8), praet. d'ó:na?u:taŋ,
imp. d'ančut, d'a:nčut!, pass. d'ona:?ut.

прикрепить

praes. bik t^ho:činaŋ (7).

принести

inf. patei; pateja hača?utaŋ "хочу принести".

приносить

inf. patei, praes. pe:tto:jaŋ (12), praet. pe:itto:jaŋ,
imp. pe:tta!.

приток(реки)

egi:g, egi:x, pl. egi:kŋ.

приходить

praes. ito:jaŋ (12), praet. haito:jaŋ, imp. ota!.

прицеливание

t^hačun.

приятно

kaŋaga (X).

пробовать (на вкус)

inf. ťa:ŋpi, praes. ťa:nt^hačapaŋ (3), praet. ťa:nt^halapa-
jaŋ, imp. ťa:nt^hala!, pass. ťa:nt^hala:pi.

проводить день (см. "днeвать")

praes. i:gpiga:kŋ, praet. i:gpigolo:kŋ, imp. i:gpiga:lček!.

проглатывание

d'ekŋaičei.

проглатывать

inf. d'ekŋaičei, praes. d'ekŋai ba:ttaj (II), d'ekŋai ešta-
jaŋ (3), imp. d'ekŋai elta!, praet. d'ekŋai eltajaŋ.

продавать (см. "торговать")

hap; kabaŋ "продав" (X).

прозрачный

fur, p^hur.

пролить

praes. atra:kŋ, praet. atriakŋ, imp. atiax!, pass. atria:tax.

промедление

ha:ra.

промежуток

tagarfui; dat., loc. tagarfui; abl. tagarfuičarŋ.

прорубь

ulart^hai, ulart^ha:i, pl. ulart^ha:jaŋ.

просить

inf. haŋa:, praes. haŋa:t^ha:kŋ, haŋa?at^ha:kŋ; praet. haŋa:=
t^ho:lo:kŋ, imp. haŋa:t^ha:lček!, pass. haŋat^hala:ʔuki.

просторный (свободный)

ipal, i:pal.

просунуть (нитку, ремешок и т.д.)

praes. anaŋ u:o:tekŋ.

против (напротив)

utur.

противно

gobumojb/e/ga (X).

прошение (просить)

haga:, haŋa:.

прочь

u:ša.

прочный (см. "крепкий")

прощать (см. "отпускать")

inf. šiče:t, praes. a:še:taŋ, ašetāŋ; praet. onše:taŋ,

im. u:nše:t!.

прыганье (прыгать)

to:kŋ.

прыгать

1) praes. it^hakŋ (I2), praet. ant^hakŋ, imp. ant^hax!.

2) praes. ašto:kŋ, praet. alto:kŋ, imp. altok!.

прыжок

tox.

прялка

hitafuiše, hitafuiši, hitafuiš, pl. hitafuiši:n.

прямо

no:pal; ašpa (X).

прясть

1) inf. hutafui, praes. hitafuja:kŋ, praet. hitafujolo:kŋ,

imp. hitafuja:lček!;

2) inf. šifui, praes. o:fu:jaŋ (2), praet. o:nafu:jaŋ,
imp. anfuil, pass. o:na:fui.

птичка

altu:ma, pl. altú:man; gen. altu:ma:.

пугать (см. "напугать")

пугаться

ašijatak "пугаюсь" (X); aca:ʔait^hax.

пуд (см. "безмен")

пузырь

úluk (M, Sl, Kl); u:lúk, pl. u:lukan, u:lukŋ.

пуля

tem, tɛ:m, pl. tamaŋ.

пупок

rogalt^hin, rogalt^hi:n, pl. rogalt^hi:naŋ; rakaltin (X).

пустой

hui "порожний"; e:g, e:x; koi.

пусть

be:gš; ajoŋ harita:gantəŋ be:gš "пусть мы купим".

пшеница

aryš (M, Sl, Sr, Kl); butai (X), ср. асс. bútaŋ (M).

пьяный

eširolog (M, Sl, Kl); ešer.

пядь (мера длины)

ka:reš, kariš, pl. ka:rešaŋ, ka:rišaŋ.

пясть

tokan (X).

пята

šejnaratat (X).

пятка

šugaʔiči, šukaiči, pl. šugaʔišan, šukaiša:n.

пятнадцать

hágal-kéga (M, Sl).

пятый

xe:gra:š.

пять

kéga (M, Sl, Sr, Kl); xe:gš, qe:gš; xe:gra, xe:gfa
"пять раз"; kejše (X).

пятьдесят

kéitukŋ (M, Sl, Kl); xe:g t^hukŋ.

пятьсот

xe:g ujakŋ.

Р

раб

monipal < mon ipal "несвободный"; агурут (X); ср.:
haraḡat (M); haraḡet (Сл, Кл) "слуга".

работа

šodo:še(1), pl. šodo:šin; šodio, šod'o.

работать

inf. šodio, praes. šodia:kḡ, šodia:kḡ, šod'a:kḡ; praet.
šodiolo:kḡ, imp. šodia:lček!, pass. šodiola:ʔuki.

рабочий

šodio=hit, šodio hit.

равнять

praes. haḡši t^hačinaḡ.

радоваться

praes. faša:tna:kḡ, praet. faša:tnolo:kḡ, imp. faša:tna:lček!.

радость

faša:tn.

раз

hušfa "один раз", hušra:šfa "первый раз", i:nra:šfa
"второй раз", to:nra:šfa "третий раз", še:gra:šfa
"четвертый раз".

раздражать (см. "злить")

раздражение

haiḡcaḡaiše.

разрезать

praes. tont^ha:tajaḡ (3), tont^hu:rtajaḡ, imp. tont^ha:n!,
pass. tont^hora:tai.

рана

še, pl. še:jakḡ.

ранение (ранить)

šeipi.

ранить

inf. šeipi, praes. a:rajaḡ ~ šeja a:rajaḡ (3), praet.
šeja a:larajaḡ, imp. šeja alai.

раньше

raḡaš.

раньше (прежде, в старину)

o:gai.

расколоть

inf. šikų, praes. battajaų (3), praet. barttajaų, imp. arta!, pass. baro:ua.

распущенный

tagaifun, tagairun (букв. "без головы")

рассердить

inf. haipičaŋaičei, praes. haipičaŋaja atttaų (II).

рассыпать (рассеивать)

praes. atte:šajaų (3), praet. atte:lujaų, imp. atte:lču!

расти

1) inf. šifel, praes. d'a:fe:laų ~ d'afelaų, praet. ali-fe:laų, imp. alfel!

2) praes. ife:laų, praet. alife:laų, imp. afe:l!

рвать (порвать)

hara:.

расчесать

inf. šiče, šiči; praes. o:šiaų (5), praet. o:našiaų, imp. a:nše!, pass. ona:ši.

расчесывание

šiče, šiči.

ребенок

d'al, pl. d'akat.

ребро

ulai, pl. ulajaų.

редко

mon etraų (букв. "нескоро")

редко (негусто)

ho:naų.

резанье (резать)

t^ho:nuk.

резать

inf. t^ho:nuk, praes. t^ho:no:šeaų (6), praet. t^ho:no:rašeaų, imp. t^ho:naršex!, t^honora:šex; topoopatuk "режу" (X).

река (fluvius)

kem (M, Sl, Cp, Kl); šet (Cp, Kl).

река (amnis)

šet (M, Sl, Kl, Ф); še:t, pl. šati; šet (X).

ремень (поясок)

t^he:g(x), pl. t^hakų.

ремень

apaų.

ресница

tašur, pl. tašurán.

Решет

тол. в Сибири /Дульзон 1959/.

ржавчина

šaraku, pl. šarakčan.

робок

bonturkantu (X).

ровный

fi:dam, fi:tam, p^hi:dam.

ровный (гладкий)

u:lam.

ровнять

praes. hašši t^hošinau (7); pe:pagan t^hošinau (7).

рог

hau, pl. ho:kku; gen. hau?i.

рогатый

ho:kka.

родить

inf. šigei, praes. agejau (2), praet. anagejau, imp. anei!.

родиться

praes. igejau (I2), praet. anigejau, imp. anigei!.

родник

šinau, pl. šinaku; ulpitamčolun (X).

родственник

imanit (X).

рождение

šigei.

роса

aryš (M, Cl); a:reš; aryš (X).

роса

urán, ura:n, pl. ura:nau; uran (X).

росомаха

reštar (M, Cl, Kl); feštar, fe:štar, p^heštar, pl. fe:štarau,
fe:štarau.

рот

hobii (M, Cl, Cp, Kl); ho:pi, pl. ho:pau; hobuj (X).

рубаха

kukanak; ko:nak, pl. ko:nakan, konaku; kononak (X).

рубить

inf. agat, praes. agat^ha:kŋ =kan, praet. agat^holo:kŋ,
imp. agat^ha:lček!, pass. agat^hola:ʔuki.

рубка дров

agat.

рубль

alčín=tamší=kumyš (M); aštamše, aštamši, aštamě, pl.
aštamši:n; gen. aštamši.

ругать (см. "бранить")

ragai.

руда

šur (X).

ружье

hatage:m, hatagem, pl. hatagamaŋ; kataxem (X).

рука (manus)

keŋaran (M, Сл, Ср, Кл); (brachyum) ŋenaran (M, Сл, Ср
Кл); kenar (X).

рука

ke:gär, ke:ʔär, pl. ke:gäraŋ.

рукав

hairen, pl. hairanaŋ.

рукав реки

ša:raŋ, pl. ša:rakŋ; egi:g(x), pl. egi:kŋ.

рукавица

ragan, pl. raganaŋ; rakanan "рукавицы" (X).

рукоятка (ручка, черенок)

ful, p^hul, pl. fu:laŋ, p^hu:laŋ.

русский

orúš (M).

ручей

še:to:k(g), še:to:kŋ, še:to:gan, še:to:kan; imgarašatok (

рыба

tig (M, Сл, Ср, Кл); te:g(x), pl. te:gan; teg (X).

рыбий

te:ga.

рыжий (цвета лисы)

bovarak.

рысь

agan, a:gan, pl. aganan, a:gatn.

рытье (копать)

eaŋ.

рябчик

šu, pl. šuan; gen. šua:.

рядом

ulai; i:maŋ; t^hatega:tna; t^hiareaŋ.

С

с (последлог)

o:.

с заднего места вперед

p^hulitšaŋ; e:leičaŋ.

с переднего места назад

o:gaičaŋ.

с той стороны

· halарукšaŋ.

с другого места

pe:raičaŋ.

с близкого места

i:maičaŋ.

сабля

pašavulema (X).

Сагалов (см. "Муйначка Сагалов")

садиться (см. "сесть")

сажа

t^hepak, pl. t^hepakan.

сажень (маховая)

hen, pl. he:paŋ.

сам

mintu "он сам", minta "она сама", mintiŋ "они сами",

ai hitago: "я сам", ajoŋ hitagano: "мы сами" и т.д.

самец

ig.

самка

feŋ, p^hep.

сани (см. "нарта")

сапоги

heša (M, Cl).

сарана

saran (Ф); haga, pl. hagan; t^he:gam haga

"сарана белая".

саранча

toktaxon (X).

Саранчет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

Сараншет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

сбоку

ula:riga.

свадьба

toi, tui, pl. tójaŋ, tújaŋ.

свеже

kiga (X).

свежевание

t^ha:x.

свежевать (обдирать)

inf. t^ha:x, praes. t^ha:ga:kŋ, praet. t^ho:na:kŋ, imp.
t^ha:nax!, pass. t^ho:na:ge.

свекла

ša:lgana, ša:lkana, pl. ša:lgatn, ša:lkatn.

свекор

ob (X).

свекровь

ama (X).

сверлить

inf. šiful, praes. o:fu:laŋ ~ ofu:laŋ; praet. o:nafu:
o:lafu:laŋ, imp. anful ~ alful!, pass. ana:ful.

сверху

eša:lčaŋ.

сверху (с верховья)

ujalčaŋ, ujalčaŋ.

свет

tegan, tekán, pl. teganaŋ.

светло

tykána (M, Sl, Kl); tykantu (X).

светлорыжий

koŋar.

свеча

šik (M, Kl).

свидетельствую

kreč (X).

СВИНЕЦ

korgót (М, Сл, Кл); korko:tn, korkoti
korogo:tneŋ; pugam korkotny (X).

СВИНЬЯ

šoška, pl. šoškan.

СВОБОДНЫЙ (об одежде)

ipal, i:pał.

СВОБОДНЫЙ (незанятый)

e:x(g).

СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ

mintua:še, pl. mintua:ši:n.

СВОЯК

baša (X).

СВОЯЧЕНИЦА

učita (X).

СВЯТОЙ

ě (X).

СВЯЩЕННИК

a:peš, a:puš, pl. a:pešan, a:pušan.

СГИБАНИЕ

d'aki.

СЕВ (посев)

ačo:ʔuk.

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

t^higalčaq pei.

СЕГОДНЯ

inág (М, Сл, Кл); inag(x).

СЕДЛО

a:gatal, pl. a:gatálaŋ; atakal (X).

СЕДЬМОЙ

xeli:npa:š.

СЕЙЧАС

eaqa.

СЕЛЕЗЕНКА

tebel'α (X).

СЕЛО

tura (М, Сл, Кл).

СЕМНАДЦАТЬ

hagal=kelína (М, Сл).

семь

kelína (М, Сл, Ср, Кл); xeli:nə, qeli:na; kelinče (X).

шестьдесят

kelintukn (М, Кл); kelintúkn (Сл); xeli:nt^hukn.

семья

aen egat (X).

Сенечек

имя собств., муж. /Шотапов 1957 : 29/.

сено

kirán (М, Сл, Кл); ker'an.(X).

сенокос

kereunčak (X).

сера (смола)

čik.

сердце

šitabu (М, Сл I, Кл); šitabii (Ср, Сл 2); šitar, pl. šitaráñ; šitaru (X).

серебро

kumyš (М, Сл, Ср, Кл); kumuš, pl. kumušañ; kumyš (X).

середина

haptú, pl. haptuan, haptútn; dat. haptuiga, loc. haptu areañ, abl. haptuičañ.

сережка

a:pal, a:pul, pl. a:palañ, a:pulañ.

сержусь

abičijak (X).

серо

šijača (X).

серый

t^hum=t^he:gam.

сестра

roveša "старшая сестра" (М, Сл, Ср, Кл); pore:ča, pl. pore:čan; gen. pore:či; roveša (X).

сестра младшая

riéča (М, Сл, Ср).

сестрин (сестринский) - pore:čiše.

tagaroveš (X). - сестренич (сын сестры).

сесть

praes. i:granañ (I2), praet. ani:granañ, imp. ani:gren!.

сеть

fuñ, pl. fuñ; pun (X).

сеять

1) pičaga (Сл);

2) inf. асо:ʔuk, praes. асо:ʔukʔ, praet. асо:laʔukʔ, imp. асaлцuk!, pass. асо:la:ʔuki.

сзади

fulit, p^hulit; e:lei, e:lei.

сидеть (см. "жить")

inf. иʔ, praes. d'aujaʔ (3), praet. alaujaʔ, imp. al'ak!.

Ср.: јаи "сизу", "живу" (X).

сидящий

иʔ.

сила

ša:k, ša:x(g), pl. ša:gan; ср.: ša:gfun, ša:grun "бес-
сильный".

сильно

šaga; d'askar; kuštu (X).

сильный

šaga; d'askar; bik; baha.

сине

šujeŋa ∞ šueŋa (X).

синий

tuma (Сл), т.е. "черный".

синица

šičaba (X).

сирота

pašu:pše, pašu:pši.

сказать

inf. šagar, praes. d'ašagaraŋ, d'ašagaraŋ (ср. praes.

d'ašgičar), praet. alašagaraŋ, imp. alšagar!, pass. ala:šaga.

скала

šineŋ, pl. šineŋkʔ.

скамейка

jafołaŋ (M, Сл, Кл).

скарден

alčip baškigt kondolig (X).

сквозь (через)

atkur ∞ aktur.

складка (одежды)

e:lakʔ, pl. e:lakʔan.

скобление

šičer.

скоблить

inf. šicer, praes. baše:raŋ, praet. balaše:raŋ, imp
alšer!, pass. bala:šer.

сколько

bilipei, bilipeji.

скопа (Falco haliaetus)

holpei, pl. holpijaŋ.

скоп

turkatu (X).

скоро

eтраŋ.

скот

bal, pl. ba:laŋ, bala:n; ср. койб. mal; bal (X).

скребок

šicerše, šicerši, šicerš, šiceršin.

скупой

kuikan.

слабо

ipala (X).

слабый

čagfun.

сладкий

falaŋ, p^halaŋ.

сладко

palanga (X).

след (дорога)

hek, pl. halaŋ.

слеза

t^he:čur, pl. t^he:ču:raŋ.

слезать (см. "сойти")

слепень (овод)

d'a:foi, pl. d' :fon; imgarajaron (X).

слепой (безглазый)

te:šfun, tešfun, tešpun; tešpun (X).

слишком

e:gšoš.

слово

xe:g, qe:g, pl. xe:gan.

сломать (см. "ломать")

слуга

haraŋat (M), haraŋet (Сл, Кл).

служанка

haraḡata (M); haraḡata (Сл, Кл).

слушанье (слушать)

atri.

слушаться (повиноваться)

ho:ti.

слышать

ho:ti "СЛЫШНО", ho:lati "БЫЛО СЛЫШНО"; atroa∞ atri

be:tek "СЛЫШНО", mon be:tek∞ mon atroa "НЕ СЛЫШНО";

goloti "СЛЫШУ" (X).

слюна

tuk; nataḡ.

смазывание

t^haki:t.

смелость

kul'uk (ср. койб. kul'uk).

смелый

kul'uk.

смерть

xa, qa, pl. хаикḡ; onxa (X).

смех (междометие смеха)

hehe hehe.

смех

ḡake.

смеюсь

ḡakág (M, Сл, Кл); очевидно, перевод должен быть: "сме-
ётся"; ḡaknyḡa (X).

смеяться

inf. ḡake, praes. ḡaka:jaḡ (4), praet. ḡako:lajaḡ, imp.
ḡaka:lḡe(i)!

смешивание

ḡiun.

смешивать

inf. ḡiun, praes. ou:naḡ (7), praet. ona:naḡ, imp.
aḡḡun! a:nḡun!, pass. ona?u:n.

смола

ḡi:k, pl. ḡi:kaḡ.

смородина (черная)

aḡḡar=ḡulpi (досл. "собачья ягода").

смотреть

inf. karei, praes. kareit^ha:kq, praet. kareit^holo:kq,
imp. kareit^ha:lček!, pass. kareit^hala:ʔuki.

снаружи (вне)

hili; hiliga "наружу", abl. hiličaq.

сначала

feaja:, p^heaaja:.

снег

tik (М, Сл, Ср, Кл); t^hi:k, pl. t^hi:kan; gen. t^hi:ki;
tik (X).

снизу

i:talčaq; ha:nalčaq.

снизу (с низовья реки)

t^higalčaq.

снимать (вынимать; свежевать)

alaqai.

снова

inšo:, inšo:x.

со стороны

ulaičaq; u:šaičaq.

собака

alšip (М, Сл, Кл); alšib (Ф); alšip, pl. alšap.

собачий

alšapanše.

собрание (сбор)

ixšin.

собирать

inf. ixšin, praes. i:mašinaq (7), praet. imalašinaq,
imp. imalšin!, pass. imala:šen.

соболь

1) ija (М, Сл, Кл); 2) fugaʔiše, fukajaše, pl. fugaʔiši:n;
gen. fugaʔiča:; 3) kamurše, kamurši, kamurš, pl.
kamuraši:n; по А. Шифнеру, заимств. из койб. kumeska,
караг. kamerska, якут. кымырдаҕас "муравей" /Кастрен 1858 :
XVШ/.

сова

higeiš (М, Сл, Кл); hikeiše, hikeiši, pl. hikeišin.

совсем

u:tam.

согласие (междометие согласия)

d'a, da (русск. заимств.).

согревание

hatax; hukaičei.

сожаление

hagai.

сожалеть

inf. hagai, praes. he:čua:jaŋ, he:ču:a:jaŋ; praet.

he:lua:jaŋ, imp. he:lui!.

сойти вниз (слезать с ...)

1) inf. t^hagin, praes. t^hagina:kŋ, praet. t^haginolo:kŋ,
imp. t^hagina:lček!.

2) praes. t^he:ginaŋ, t^he:laginaŋ (praet.), imp. t^he:lin!.

сок (дерева)

fil, pl. filaŋ.

сокол

hačat, pl. hačatn.

соление (засолка)

d'ǎšt^hi,

соленый

šinče:ta.

солить

1) inf. d'ǎšt^hi, praes. d'ǎšt^hiaŋ (5), praet. d'ǎlat^hiaŋ,
imp. d'ǎlt^hi!, pass. d'ǎla:t^hi.

2) praes. šinče:t d'ǎšt^hiaŋ, šinče:t d'ǎšt^hiaŋ (praes.).

солнце

éga (М, Сл, Ср, Кл); éga (X); e:ga ~ e:gǎ, pl. e:gaŋ;

gen. e:gei; e:ga t^he:gin "солнце заходит", e:ga t^ho:la=gin "солнце зашло".

соловый (масть лошадей)

sar (ср. койб. saral "СОЛОВЫЙ").

солома šičir (X).

солono šinšita (X).

соль

šinčet. (М, Сл, Ср, Кл); šinče:t, pl. šinče:taŋ; šinšet (X).

сон (спать)

uča, utča; čagal (см. "ночевать").

сон (сновидение)

šame, pl. šamán; šamaifui "видеть сон".

сон видеть

praes. šamaifuit^ha:ŋaŋ, praet. šamaifuit^holo:ŋaŋ.

сопля

amfox, am^hox (< aŋ "нос" + p^hox "экскременты"),
pl. amfokŋ, am^hokŋ.

сорок

šejtukn (M, Cl, Kl); še:gt^hukŋ.

сорóка

ša:škanas ~ ša:škan, pl. ša:škatn, gen. ša:škana: (m.),
ša:škanai (f.); šaška (X).

сосать

inf. šitut, praes. ba?u:taŋ (8), praet. bala?u:taŋ, imp.
alčut!, pass. bala:?ut.

сосед

hančixatela (X).

сосна

ei, pl. en; ran/e/ɛn (X).

сосок груди

ten, pl. tenaŋ.

сосуд (из бересты)

hámaŋ (M, Kl); ham, pl. ha:maŋ.

сохнуть (см. "сушить")

ši:galai.

сочувствовать

praes. he:šua:jaŋ (2), praet. he:lua:jaŋ, imp. he:lulai!

спаивание (вином, водкой)

ešeraičei.

спаивать (вином, водкой)

inf. ešeraičei, praes. ešeraja attaŋ.

спать

aláten (M, Cl, Cp, Kl); inf. šagal, praes. šagala:kŋ,
praet. šagalolo:kŋ, imp. šagala:lček!

спать ложиться

inf. uša ~ utč, praes. uša:kŋ ~ utča:kŋ.

спать хотеть

praes. uša:galaŋai (I2), praet. ušo: hala?utaŋ.

спешащий человек

hiči:n=hit.

спешить (см. "торопиться")

спешка

hiči:n.

спина

napar (М, Сл, Ср, Кл); napar, pl. naparaq; naparo:
"на спине", naparfun "без спины"; xabar (X).

сплю

d'agat (М, Сл, Кл); mon d'agat "не сплю" (М, Сл, Кл);
alatan (X).

спокойно (см. "тохо")

ил; huš.

справиться (с делами)

praes. d'arijaq (3).

спрашивать

inf. t^hax(g), praes. t^ho:jaq (4), praet. t^ho:lajaq,
imp. t^ha:lče!, pass. t^hola:gi.

спрятать (см. "засунуть")

praes. fi:t u:o:tekq.

спрятаться

1) praes. fi:t u:o:tekq ~ u:ʔo:tekq, praet. u:antekq,
imp. fi:t u:on'ek!.

2) fi:t d'ačo:kq (praes.).

спускаться (слезать)

1) inf. t^hagin, praes. t^hagina:kq, praet. t^haginolo:kq,
imp. t^hagina:lček!.

2) praes. t^he:ginaq, praet. t^he:laginaq, imp. t^he:lin!.

спутник (товарищ)

alt^hit, alt^hi:t, pl. alt^hi:tan, alt^hi:tn.

спутница

alit=alt^hit.

сразу (вдруг)

eaqaok.

срединный

tagarfui.

среднее

tagarapen (X).

сталь

bolát (М, Сл, Кл); bolat, pl. bolataq.

старание (труд, хлопоты)

ampraš, a:mpraš, pl. ampraša, a:mpraš.

старик

aipiš, pl. aipičānši:n; ajbič (X).

старуха

airi:šei, pl. airi:šeiŋsi:n; gen. airi:šei.

старый (вещах)

pašai.

старый (о живых существах)

airiš.

стать (превратиться)

praes. d'ajaŋ, praet. o:n'aŋ, o:niaŋ, alujaŋ.

стельки (из травы)

to:naruł, to:naruł, pl. to:narułau.

степь

1) karáŋ, pl. karáŋan; 2) enai, ena:i, pl. ena:jaŋ.

стерлядь

hola (М, Сл, Кл).

сто

álšín tamši (М, Сл, Ср, Кл); hušuja:kŋ; uja:x, uja:kŋ;
aštamšē, aštamš; alte tamši (X).

стол

herájtobač (М, Сл, Кл).

столько

hštere:i; inipe:i.

столько же

hšterejo:k.

сторож

ašpo:t=het.

сторожить

inf. ašpo:t, praes. ašpo:t^ha:kŋ, praet. ašpo:t^holo:kŋ,
imp. ašpo:t^ha:lček!, pass. ašpo:t^hola:žuki.

сторона

ula:r, ura:r, pl. ula:raŋ, ura:raŋ; ula:ričau
"со стороны", halarułčau "с той стороны", ula:rapau,
ula:riskał "на стороне", ula:riga "в сторону",
ula:rui, ura:rui "в стороне".

стоя

ti:ne.

стоять

inf. ti:ni(e), praes. d'atekŋ ↔ d'atekŋ, praet. alatekŋ,
imp. altek!.

стоять II

(М, Сл, Кл): aj jatýk, jatýk "я стою", au jatýk "ты

СТОИШЬ", xatu jatúk "он стоит", ajoŋ jatukanton
"МЫ СТОИМ", aou jatukannon "ВЫ СТОИТЕ", xatien jatukan
"ОНИ СТОЯТ".

СТОЯЩИЙ человек

ti:m=het < ti:ni=het (?).

страх

hei hei (междометие страха).

страх (боязнь)

amalaŋ, pl. amalaŋan.

страшный

amalaŋa.

стрела

tem (М, Сл, Кл); хем, qem, pl. хамаŋ; tem (X).

стрельба

hetča, hitča.

стрелять

1) inf. hetča ~ hitča, praes. hitča:kŋ, praet. hitčo:lo:kŋ,
imp. hitča:lčək!.

2) praes. fo:tekŋ ~ fo:tekaŋ, praet. fuitekŋ, imp. fajek!,
pass. fuja:teki.

стремя

pult^hip; pultipan (X).

строгание (строгать)

axki:t; ha:raŋčex.

строгать

inf. axki:t, praes. ago:ki:taŋ ~ ako:ki:taŋ, praet. ago=
laki:taŋ, imp. agalkit!, pass. agola:ki:t.

струп

fini, fin'i, fin, pl. finaŋ; p^hini.

стука

čolt'u (X).

стул

uŋač (Сл).

ступать

praes. šikŋ bačeaŋ, praet. šikŋ balačeaŋ, imp. šikŋ
balčək!, pass. šikŋ bala:čex.

ступить

inf. šikŋ fo:kit.

судно

kerép (Сл, Ср, Кл); kúra (Ср).

сук

akan (X), см. "ветвь".

сука

feŋ=alšip; pengalšip [ВИДИМО: peŋalšip/ (X).

сукно

urč̄n, pl. urč̄naŋ; šarkan (X).

сукно (грубое)

tare1, tare:i, pl. tare:jaŋ.

сумасшедший

a:lu, a:lu=hit, pl. a:luan.

сумерки

hopreaŋ.

сумка (ср. "мешок")

fantaja:x, p^hantaja:k, pl. fantaja:kŋ, fantaja:gan.

суп

1) ušul, pl. ušu:laŋ (мясной, рыбный);

2) uk, pl. ukan (молочный, мучной).

супруг

hatki:t, pl. hatki:tn.

сустав (член)

araŋaŋ ~ araŋ, pl. araŋatn.

сухожилие

tal, pl. tálaŋ; i:ri, i:re, pl. i:rāŋ, i:raŋ; gen. iri:, i:ri.

сухо

bušiga (X).

сухой

xuiga (M, Cl, Kl); šī:gal.

сучить (нити, веревки и т.д.)

inf. šifui, praes. o:fujāŋ (2), praet. o:nafu:jaŋ, imp.

aŋfui!, pass. o:na:fui,

сушить

1) inf. šī:galaičei, praes. šī:galaičeja:kŋ, šīgalaičeja:kŋ;

praet. šīgalaičeilo:kŋ, imp. šīgalaičeja:lček!.

2) praes. šī:galai ba:ttāŋ ~ ba:ttāŋ (II).

сушка (сушить)

šī:galaičei.

счастливо

d'o:ča asan.

счастливый

d'o:ca; d'o:ča ašāŋ.

счастье

d'o:š, pl. d'o:šaq.

сын

rip (М, Сл, Ср, Кл); fur, pl. furan; puro (Х).

сыновний

fura:še.

сырой (невареный, неспелый)

t^hu.

Сыский улус /Потапов 1957 : 107/.

сыт (наелся)

tolóxalagaj (М, Сл); tolóxatagaj (Кл); t^halogu:ti.

сыч домовый

haralaš, pl. haralatn.

сюда

utiga.

T

та

un'a.

табак

ta:muk, pl. ta:mukáq.

табакерка

ta:mukol, pl. ta:muko:laq.

табун

o:r, pl. o:ran.

Таганек

имя собств., муж. /Потапов 1957 : 128/.

"Таганаков улус".

таймень

t^hi:t, pl. t^ha:tn.

тайно

u:to:.

Тайшет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

так

in'iáq, iniáq; háteáq.

также

háteáqo:k; in'iáqo:k.

такой

hatama:ŷ, pl. hatama:ŷan; gen. hatama:ŷa.

Таличет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

там

un'e, un'i.

тамошний

un'eiše, pl. un'eiši:n.

Тапчет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

Таранчет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

Таропочет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

татарин агульский (котт)

ko:tu, pl. ko:t'úan.

татары

kaŋáŷen (M).

Таучет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

Ташет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

таять

praes. ult^ha:кү, praet. ult^hona:кү, imp. ult^ha:xı, ult^hona:

твердый

ŷagar; ŷi:n.

твой

auŷe, pl. auŷi:n.

те (см. "та")

un'a.

Тебишет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

теленок

buŷou (M, Kl); buŷo (Sl); buŷo:u, pl. buŷo:ʔuan; gen.

buŷo:ʔua; imgara buŷok² (X).

тело

hitax(ŷ), pl. hitagan.

темно

xóntu (M, Sl, Kl); ho:n; xonŷu (X).

Тенчет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

тепло

fal, p^hal; p^hala; hukai; paltu (X).

теперь (см. "сейчас")

Тепчет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

тереть

1) inf. šiki:t, praes. baki:taŋ∞ bakitaŋ, praet. balaki:=
taŋ, imp. alki:t!, pass. bala:kit.

2) šičeŋ, praes. bačeŋaŋ∞ bačaŋaŋ, praet. balačeŋaŋ, imp.
alčeŋ!, pass. bala:čeŋe(i).

тесать (см. "обтесать")

Тесеник (Темсеник)

имя собств., муж. /Потапов 1957/.

тетива

i:ri∞ i:re; gijtu (X).

теплый (горячий)

fal p^hal.

тетин

ha:jiše.

тетя

ha:ha, pl. ha:jan; gen. ha:jei.

течет (о реке)

be:gara: (praes.), be:lagara: (praet.).

Тибишет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

тихий

mintytu (X).

тихо

hu:∞ huš; un; fu:gam, fu:kam, p^hu:gam.

товарищ

altat (X).

того (принадлежащий тому)

ujo:a:še, pl. ujo:a:ši:n.

толкание (толкать)

ušik.

толкать I

inf. ušik, praes. ušikŋ, praet. ulikŋ, imp. ulšik!.

толкать II (клевать)

praes. bat^hiaŋ (5), praet. manat^hiaŋ, imp. ant^hi(e).

толстый (полный)

pišar.

толстый (о предметах)

šikų.

только (столько)

inirei.

только II

=la.

тонкий (о плоских предметах)

fašam, p^hašam, fašam, p^hašam.

тонкий II

t^ha:ge ~ t^ha:Re; teu:r.

топить (см. "греть")

топор

bálto: (M, Cl, Cp, Kl); balt^hu, pl. balt^hutn; gen.

balt^hui; baltu (X).

топориче

ful, p^hul.

топтать (топать)

inf. t^he:naņ, praes. t^he:nfe:čukņaņ, praet. t^he:nfe:rukņaņ,

imp. t^he:nfe:čukņ!

топтать (стунать)

inf. šikų fo:kit, praes. šikų fo:ki:taņ (8), praet. šikų

fo:lki:t!, pass. šikų fo:laki:t.

топтать (транз.)

praes. šikųbašeaņ (6), praet. šikųbalašeaņ, imp. šikų=

galček!, pass. šikųbala:čex.

торговать

inf. harī, praes. hara:ķų, praet. haro:lo:ķų, imp.

hara:lček!.

торговать (продавать, покупать)

praes. harit^ha:ķų, praet. harit^holo:ķų, imp. harit^ha:lček!,

pass. harit^hola:ʔuki.

торговец

harī=het.

торговля

harī.

торопить

praes. hiči:na:t^ha:ķų ~ heči:naʔat^ha:ķų, praet. hiči:na:=

t^holo:ķų, imp. hiči:na:t^ha:lček!.

торопиться

inf. hiči:n, praes. hiči:na:kŋ ~ heči:na:kŋ, praet.
hiči:no:lo:kŋ, imp. hiči:na:lček!

Торсук

имя собств., муж.; Torschuk "Торсуков улус" /Потапов
1957 : 128, 210/.

тот

ujo:, pl. unioŋ.

тотчас (см. "сразу")

eaŋaok.

точило

šičalši(a), šičalš, pl. šičalši:n.

точить

inf. šičal, praes. o:šalaŋ, praet. o:našalaŋ, imp. anšal
praes. ona:šal.

трава

kurān (М, Сл, Кл); kerī, keré, pl. kerāŋ; ker'an (X).

трава для стелек (см. "стелька")

трезвый

elor, erol.

трение

šičeŋ, šičaŋ; šiki:t.

треножить (лошадь)

praes. pulai e:štajaŋ (3) ~ aštajaŋ.

третий

to:mpa:š.

трещина (щель)

šei, pl. še:jakŋ.

три

tōŋa (М, Сл, Ср, Кл); to:ŋa; tonča (X).

тридцать

tontukn (М, Сл, Кл); to:nt^hukŋ; tontuku (X).

трижды

to:mpa, to:mfa.

тринадцать

hāgal=tōŋa (М, Сл).

триста

toŋ palčīn=tamši (М, Сл); to:ŋ uja:x; to:ŋ uja:kŋ.

трое

to:ŋiaŋ; to:nši:n.

трубка (курительная)

kanšá, pl. kanšán; gen. kanšei.

труп

xei, qei, pl. xep.

трут

hatariš, pl. hataričáŋ.

тряска (трясти)

šitar.

трясогузка

šičipa, pl. šičrap, gen. šičipa:.

трясти

praes. bat^haraŋ, praet. balat^haraŋ, imp. alt^har!, pass. bala:t^har.

туго

šakaryga (X).

туда

hatuŋ.

Тульчет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

Тумак

имя собств., муж. /Потапов 1957 : 128/.

туман

ti:par, pl. ti:paraŋ; tipar (X).

туманный

t^hi:para.

Туманшет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

Тумашет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

тупой

šalfuŋ, šalruŋ "без острия"; mon e:ti "не острый".

Тупораков улус

Renanankat /Потапов 1957 : 210/.

туца

ššjain (X).

тушить

praes. o:fiaŋ (5), praet. o:lafiaŋ, imp. alfi!, o:lafi!.

ты

au.

тысяча

hag palčín tamší (М, Сл, Кл); ha:g uja:kŋ; min (X).

Толенчет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

тяжело

šuoḡa (X).

Тяжет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

тяжелый

ší:kn.

тянуть

inf. šipu, praes. barujaḡ, praet. buipujaḡ, imp. igi!,
pass. buja:pui.

у

у е:štaḡa, eštaḡa.

убивать

inf. okšex, okšex; praes. oḡa?a:šeaḡ ~ =šiaḡ (6), praet.
oḡa?a:lašeaḡ, imp. oḡa?a:lšex!, oḡala:šex (pass.).

убийца

okša git (X).

убогий (жалкий)

o:šal.

убожество

ššarak (X).

увлажнение

utate:r.

увлажнять

inf. utate:r, utote:raḡ (praes.), praet. utorate:raḡ,
imp. uta:rte:r!, pass. utora:te:r.

углубление (в стволе дерева)

šei, pl. še:jakḡ.

уголь

huro:i, pl. huro:jaḡ.

уголь (горящий)

palpójaḡ (M, Sl).

угорь

holpei, pl. holpijaḡ.

угощать (принимать гостя)

1) inf. šiči(e), praes. a:šiaḡ (5), praet. a:lašiaḡ, imp.
a:lše!

2) praes. čanat^ha:kn, praet. čanat^holo:kn, imp. čanat^ha:
lšek!, pass. čanat^hola:ʔuki.

угощение (угощать, ср. "расчесывать")

šiči(e).

уда (удочка)

turuq ~ turun (?), pl. turunaq.

удивление

he:t (междометие удивления)

удила

hučolt^hip, pl. hučolt^hipaq; gučaña gultip (X).

удить (рыбу)

inf. turuq, praes. turuqa:kq, praet. turuqolo:kq, imp. turuqa:lček!.

удочка

turunše, pl. turunši:n.

уже

ha:ra; uš (русск.заимств.).

Ужет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

узда (поводок, поводья)

hučaq (М, Сл, Кл); hučaña ~ hučaqe, pl. hučaqa; gen. hučapei; gučaña (X).

узел

irtiš, pl. irtičaq.

узкий

t^ha:ge.

узкий (тесный)

mon ipal.

узкий (неширокий)

mon hi:gal.

уйти

praes. ijaq (I2), praet. uijaq, imp. anu!.

укальвание (укол)

axčex.

уколоть

inf. axčex, praes. axta:čeaq, praet. axto:lačeaq, imp. axta:lček!

украдкой (тайком)

u:to:.

украшать

inf. d'aš, praes. d'ašiaq, praet. d'alašiaq, imp. d'alše!

украшение (украшать)

d'aš.

Улегодский улус /Потапов 1957 : 138/.

улус (поселок)

agel ~ a:gel, pl. agelaŋ; ajeł, pl. ajelaŋ.

улучшать (ср. "починить")

inf. čičag(x), praes. čičo:jaŋ (4), praet. čičo:laŋ, imp.

čiča:lče!, pass. čičo:la:gi.

улучшить

praes. hağši to:činaŋ.

ум

anaŋai, pl. anaŋajaŋ.

умалю

imratanši (X).

умерщвлять

inf. okšex ~ oxšex, praet. oga?a:šeaŋ, praet. oga?a:lašeaŋ,

imp. oga?a:lčex!, pass. ogala:šex.

умерщвляющий

okšex ~ oxšex.

умирать

inf. xa, praet. d'axajaŋ (3), praet. onxajaŋ, imp. anxa!

умный

anaŋaja; keršo.

уносить

praes. pe:t'aŋ ~ pe:tijaŋ (I2), praet. pe:tuijaŋ, imp. pe:tnu

Унчат

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

Урчин улус /Потапов 1957 : 107/.

услышанное (известие)

atpi.

Усолка (река в Сибири)

kaŋn'a (M).

уоставать (утомляться)

ha:ŋ hajoŋ "устаёт", praet. haŋ hajo:laŋ.

устье

hu:tn, pl. hu:tnaŋ.

утка

pin, pl. patn; разновидности уток: alt^hax, pl. alt^hagan,

alt^hakŋ "гоголь" (у М.А.Кастрена: "кряква"); alt^hai, pl.

alt^hajan, alt^haján "шнепель"; agaŋa, aka:ŋa, pl. agaŋaŋ

"кряква" (у М.А.Кастрена: "Märzente"); fur, p^hur, pl.

furan, futn "нырок"; pin (X).

утомляться (см. "уствовать")

утро

šidaman (М, Сл); šitman, šitma:n, pl. šitma:n, šitma:nar
šityman (X).

утром

šitman.

уходить (см. "уйти")

ухо

kalógan (М, Сл, Ср, Кл); kalo:x, pl. kalo:gá; kolog (X).

учить

inf. šitáti, praes. šitátiga:kŋ~ šitátia:kŋ, praet.
šitátigolo:kŋ, imp. šitátiga:lček!.

Ушет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

Ф

Фаначет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

Х

хариус

kui, pl. kun.

хвала

bakti:r (ср. койб. makti:rben "хвалить").

хвалить

inf. bakti:r, praes. bakti:ra:t^hakŋ~ bakti:ra?at^ha:kŋ,
praet. bakti:ra:t^holo:kŋ, imp. bakti:ra:t^ha:lček!.

хвост

rukáj (М, Кл); fugai, p^hugai, fukai, pl. fugajaŋ,
fukajaŋ; pis (X).

Хинчет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

хитрость

a:ru.

хитрый

a:ru.

хлеб

1) itpak (М, Сл, Ср, Кл); itpak (X); itpak, iptak, pl. itpakŋ, iptakŋ;

2) herai, harai, pl. hara:jaŋ; gen. harai.

хлестание (бицом)

d'at^hi.

хлестать (бицом)

inf. d'at^hi, praes. d'o:t^hiaŋ (5), praet. d'o:lat^hiaŋ, imp. d'alše(i)!, pass. d'ola:še(i).

хлопанье (крыльями)

šeti(e).

хлопать крыльями (см. "шуметь")

praes. bat^hiaŋ (5).

хождение (движение)

hejaŋ.

кожу

εхе (X); eaхе:jaŋ.

холм

tátien(М, Сл, Ср, Кл).

холод (холодный)

šal, pl. šálaŋ.

холодная погода

šurgan.

холодный (frigidus)

šóltu(М, Сл, Ср, Кл); šal, pl. šálaŋ; šaltu (X).

холостой (неженатый)

ali:tfun, ali:trun.

холост

urum (X).

хоронить

praes. kalpi e:štajaŋ.

хороший

kamagit (X).

хорошо

hama:; haggí; haŋo "лучше".

хотеть I

~šiteaŋ "хочу" (букв. "мое желание"); aŋten "хочу" (X).

хотеть II

praes. haša?utaŋ, praet. halautaŋ; hejaŋo haša?utaŋ "ехать хотеть"(хочу); patija haša?utaŋ "принести хочу".

хотеть взять

1) fa:go: hača?utaŋ (praes.);

2) praes. fakt^hakŋ, praet. fakt^holo:kŋ, imp. fakt^ha:lček!

хотеть пить (см. "пить")

хотеть спать (см. "спать")

хоть

hot (русск.заимств.).

Хохатка Бурдамов

имя собств., муж. /Потанов 1957 : 29/.

хранение (сохранение)

ačapraŋ.

хранить (сохранить)

praes. ačro:i?čaŋ ~ ačro:?ičaŋ (9), praet. ačro:ra?ičaŋ,

imp. ačra:riš!, pass. ačro:ra:gaŋ.

хребет горный

xe:le:x, qe:le:g, pl. xe:le:tn.

хромать

inf. aksax, praes. aksaga:kŋ ~ =kan, assaga:kŋ, praet.

aksagolo:kŋ, imp. aksaga:lček!. Ср.: aksakak (X).

хромой

aksax; aksax het "хромой человек" (ср. койб. aksak "хромой").

хряц

taŋko:x, pl. taŋko:kŋ.

худо

čamaqa (X).

худой

arak.

хуже

čam haŋo.

Ц

цапля

t^hulup, pl. t^hulupan.

царапать (скрести)

inf. enšī, praes. eaŋo:šīaŋ (5), praet. eaŋo:lašīaŋ, imp.

eaŋa:lšē(1)!, pass. eaŋola:šī.

царь (российский)

e:š=kan, pl. e:š=kanap.

цветок

ɛʂalykutan (X).

цел (невредим)

apaŋ.

целиться

inf. t^haʂuŋ, praes. t^haʂuŋaŋ, praet. t^haluŋaŋ, imp. t^hal

цель (при стрельбе)

ʂobaktin, ʂubaktin, ʂogartin, pl. =ti:naŋ.

цена

ki, pl. ke:jaŋ.

ценить (см. "оценивать")

церковь

e:ʂa=hu:ʂ.

цыпленок

imgarapin (X), видимо, "утенок" (ср. pin "утка").

ц

час

inkity (X).

часто

unʂa.

часть (обломок, бой)

ki, pl. ke:jaŋ.

чаща (леса)

haʂo:naŋ, pl. haʂo:naŋaŋ.

чай

aʂiga:ʂe; aʂigana:nʂe.

человек

ilit (M, Sl, Cp, Kl); hit, het, pl. ʂeŋŋ; xit (X).

человеческий

hita; hita ol "человеческий гроб"; hita:ʂe.

червь

hoi, pl. hon; on (X).

через

kisar; atkur; oʂ; t^he:ta.

черенок

ful, p^hul, pl. fu:laŋ, p^hu:laŋ.

черемуха (дерево)

fage, faRé; p^hage, pl. fakŋ; gen. fagei (f.), faga: (m.)

черемуха (ягода)

fi, p^hi, pl. figan, figaŋ; pakšulpi (X).

черника

t^hum čamar šulpi; ikišulpi (X).

черно

t'u:ma (M, Sl, Cp, Kl); tuma (X).

черный

t^hum.

черпаю

ulfarak (X).

черт

aka (Ф); a:sa; uliš, pl. ulišin "водяной (дух)". a:sa, pl.

Черчет

a:san, gen. a:sa:

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

четверть (мера длины между большим и указ. пальцем; см. "пядь")

kareš, kariš, pl. karečaŋ, karičaŋ, койб. ka:reš, салб.

kareš як. харыс.

четверо

še:giaŋ, še:gšī:n.

четвертый

še:gra:š.

четыре

čega (M, Sl, Cp, Kl); še:gä; šejče (X).

четырежды

še:gfa.

четыреста

še:g uja:x, še:g uja:kŋ.

четырнадцать

hagal=čega (M, Sl).

чешуя (рыбья)

e:či, pl. e:čaŋ.

чистить (рыбу)

inf. šipi, praes. o:paŋaŋ (3), praet. o:lapaŋaŋ, imp.

a:la!, pass. ola:pi.

чистка (рыбы)

šipi.

чистка (скобление)

šičer.

чистка (украшивание)

d'aš, ср. d'ašiaŋ, d'ošiaŋ (5) "чищу, украшаю" (нем. putzen).

чистый

ariх.

читать

inf. kašei, praes. kašeit^ha:ky, praet. kašeit^holo:ky,
imp. kašeit^ha:lček!, pass. kašeit^hola:ʔuki.

чтение

kašei.

что? (вопросительное междометие)

a:.

что

šina, šena; gen. šinai; šina n'ebut

"что-нибудь", mon šina "ничто, ничего", šina o:jaŋ
"почему".

что (союз)

šum.

чтобы

štobu (русск. заимств.).

чудесно

talai.

чудо

alreš, pl. alre:šaq.

чужой

pe:gai, pegai.

чужестранец

peiraŋ; peiraŋišaq.

чулки

poléšaq (М, Сл).

чум

hu:š, pl. huŋ; abl. hu:ššaq.

чум (видимо "войлок")

xatel /Потапов 1957 : 211/; ср. hatał "войлок" (у М.А.Ка-
стрена).

чурка (бревно)

pe:g(x), pl. rakŋ.

Ш

Шабарак

имя собств., муж. /Потапов 1957-: 29/.

шагать

inf. kapei, праев. kapeja:kq, праet. kapeillo:kq, imp.
kapeja:lček!.

Шалашка

имя собств., муж.; Teshirkat "Шалашкин улус" /Потапов
1957 : 128, 210/.

шаман

še:naq=hit.

шаманить (см. "колдовать")

шапка

te, ti, pl. tekq; gen. tei, ti::; koltu (X).

Шараданов улус /Потапов 1957 : 106/.

шатер

atax, pl. atakq, atagan; gen. atagi, ataga.

шевелить (трогать)

праев. ko:paqat^ha:kq.

шевелиться (двигаться)

inf. ko:paq, праев. ko:paqa:kq, праet. ko:paqolo:kq,
imp. ko:paqa:lček!.

шелк (см. "мануфактура")

шелуха

tagešen (X).

шерсть (волос)

e:k, pl. e:kán, e:kq; ek (X).

шершень

pašem, pl. pašemaq.

шестнадцать

hagal=kelúča (M, Сл).

шестой

xelu:špa:š.

шесть

kelúča (M, Сл, Ср, Кл); xelú:ča, qelú:ča; kel'učē (X).

шестьдесят

kelúštuj (M, Сл, Кл); xelušt^hukq.

шея

fuimur, p^huimur, pl. p^huimuraq; pumur (X).

Шибарданов улус

Schibardam /Потапов 1957 : 210/.

Шигашет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

шило

tu:t, pl. tu:tn.

широкий

hi:gal.

широкий (свободный, просторный /об одежде/),

ipal; i:pal.

шить

inf. falaŋce, praet. falaŋo:šiaŋ (5), praet. falaŋo:la-
šiaŋ, imp. falaŋa:lši(e)!, pass. falaŋola:ši(e).

шитье

falaŋce.

шкура оленя (подстилка)

amra, pl. amprakŋ; gen. amrai.

шляя

kovkun, pl. kovkunaŋ (койб. ko:skan).

шнепель (утка)

alt^hai, pl. alt^haŋaŋ, alt^haŋaŋ.

шов (верхний)

hājór, pl. hājoran, hājoraŋ.

шов (нижний)

haiči, hāiči, pl. haiča:n.

шомпол

huraŋá, pl. huraŋán.

штаны

alan (X), см. "брюки".

шуба

hej (М, Сл); hei, he:i, pl. he:jaŋ.

шум

kuterei.

шуметь

1) inf. kuterei, praes. kutereja:kŋ, praet. kutereilo:kŋ,
imp. kutereja:lček!.

2) praes. katteja:kŋ, praet. katteilo:kŋ, imp. katteja:lček

шуртосский улус /Потапов 1957 : 138/.

шурин

pateg (X).

Щ

щека

- ho:l, ho:l, pl. ho:laŋ; xolom (X).

щель

šei, pl. še:jaŋ.

щенок

šu:šuk, pl. šu:šukán.

щепка (см. "лучина")

щеки

xólar (M, Sl, Sp, Kl).

щука

hu:ja, pl. hu:kŋ; gen. hu:ja:; xúja (M, Sl, Sp, Kl)
guja (X).

Э

Элгашет

топ. в Сибири /Дульзон 1959/.

эта (вот)

in'a, pl. innaŋ..

этой принадлежащий

in'eíše, pl. in'eíšin.

этому принадлежащий

in'ua:še, pl. in'ua:šin.

этот (вот)

in'u, pl. innaŋ.

южный (ветер)

ujalšar (peí).

Я

я

ai (aj).

ягненок

koj (M, Sl, Kl); imgarakoŋpur (X).

ягода

šulpi, pl. šulpan, sulpa:n; t^hum šulpi "черная ягода";
šulpi (X).

ядро (ореха)

i:m, pl. i:maŋ, i:maŋ.

язык

alup, alu:p, pl. alupaŋ, alupan; alub (X).

яичко семенное (анат.)

kaŋsal, pl. kaŋsalaŋ.

яйцо

šuléj (M, Сл, Кл); šulei, pl. šulejaŋ; šuler (X).

ямка

amar, pl. amaraŋ, amaraŋq.

ясный (прозрачный)

fur, p^hur.

ястреб

xalabaši (X).

ячень

áryš (M); arýš (Сл, Кл); arba (X).

ящерица

d'ira, pl. d'itn; gen. d'ira: (m.), d'irei (f.); d'era,
pl. d'etn, d'erán; imgra onxoj (X).

ящик

kogól, pl. kogo:laŋ.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Алексееенко 1967 - Алексееенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
- Андреев 1936 - Андреев А.И. Труды и материалы В.Н.Татищева о Сибири. - Советская этнография, 1936, 6.
- Белимов 1973 - Белимов Э.И. Инфинитив в кетском языке. АКД, Новосибирск, 1973.
- Белимов 1986 - Белимов Э.И. Принципы функционально-ролевого анализа предложений в енисейских языках. - Исследования по грамматике и лексике енисейских языков. Новосибирск, 1986.
- Бибикина 1971 - Бибикина В.С. Образование и употребление прилагательных в кетском языке. АКД, Томск, 1971.
- Богораз 1927 - Богораз В.Г. Кастрен - человек и ученый. - Памяти М.А.Кастрена. К 75-летию со дня смерти, Л., 1927.
- Боуда 1937 - Bouda, K. Das kottische Verbum. Beiträge zur kaukasischen und sibirischen Sprachwissenschaft. 2. - Deutsche Morgenländische Gesellschaft. Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Bd. 22, Leipzig, 1937, 4.
- Боуда 1957 - Bouda, K. Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen. - Anthropos, Bd. 52, 1-2, 1957.
- Бюлер 1934 - Bühler, K. Sprachtheorie. Jena, 1934.
- Валл 1969 - Валл М.Н. О некоторых значениях -эс'ан в функции падежного аффикса в кетском языке. - Ученые записки Омского педагогического института, вып. 52. Вопросы филологии, Омск, 1969.
- Валл 1970 - Валл М.Н. Употребление падежей в кетском языке. АКД, Новосибирск, 1970.
- Валл, Вернер 1973 - Валл М.Н., Вернер Г.К. Об истоках падежной системы в енисейских языках. - Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Матери-

- Валл,
Канакин 1985
- Ван Валин,
Фоли 1980
- Вернер 1966
- Вернер 1969а
- Вернер 1973
- Вернер 1973а
- Г.Вернер,
И.Вернер 1974
- Вернер 1974
- Вернер 1974а
- Вернер 1976
- Вернер 1977
- алы Всесоюзной конференции, Томск, 1973.
- Валл М.Н., Канакин И.А. Категории имени в кетском языке, Новосибирск, 1985.
- Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика. - Новое в зарубежной лингвистике, вып. XI, М., 1982 (Robert D. Van Valin and William A. Foley. Role and Reference Grammar. - In: "Syntax and Semantics", vol. 13, Current Approaches to Syntax. E. Moravcsik (ed.), Academic Press, New York, 1980).
- Вернер Г.К. Звуковая система сымского диалекта кетского языка. АҚД, Томск, 1966.
- Вернер Г.К. К вопросу о древних енисейско-индоевропейских лексических отношениях. - Ученые записки Омского педагогического института, вып. 52. Вопросы филологии, Омск, 1969.
- Вернер Г.К. Вопросы членения енисейской языковой общности, - Вопросы немецкой диалектологии и истории немецкого языка, Омск, 1973.
- Вернер Г.К. /Рец. на кн.:/ Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971. - Народы Азии и Африки, 1973, 3.
- Вернер Г.К., Вернер И.Г. О родовой дифференциации в падежных показателях современных енисейских диалектов. - Склонение в палеоазматских и самодийских языках, Л., 1974.
- Вернер Г.К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке. - ВЯ, 1974, I.
- Вернер Г.К. Кетская акцентология. АҚД, Л., 1974.
- Вернер Г.К. Явления синкопы и алокопы и осложнение тональной системы в языках сымских и имбатских кетов. - Языки и топонимия, вып. 2, Томск, 1976.
- Вернер Г.К. Вопросы эволюции общенисейского языка в свете ностратических реконструкций. -

Конференция "Ностратические языки и ностратическое языкознание". Тезисы докладов. М., 1977.

- Вернер 1979 - Вернер Г.К. Цумпокольско-енисейские звуковые соответствия. - Вопросы строя енисейских языков., Новосибирск, 1979.
- Вернер 1980 - Вернер Г.К. Енисейские числительные первого десятка. - Языки народов Сибири, Кемерово, 1980.
- Вернер 1982 - Вернер Г.К. К вопросу о межъязыковых лексико-грамматических соответствиях (на материале кетского, югского и русского языков). - Грамматические исследования по языкам Сибири, Новосибирск, 1982.
- Вернер 1983 - Вернер Г.К. К проблеме границ слова в енисейских языках. - Семантико-семантические связи в языках разных систем, Кемерово, 1983.
- Вернер 1984 - Вернер Г.К. Типология элементарного предложения в енисейских языках. - ВЯ, 1984, 3.
- Вернер 1984а - Вернер Г.К. К типологической характеристике енисейских языков. - Проблемы типологии и контрастивного описания языков, Новосибирск, 1984.
- Вернер 1985 - Вернер Г.К. О реализации глубинных падежей поверхностных структурах кетского языка. - Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии, Новосибирск. 1985, 1.
- Вернер, Живова 1981 - Вернер Г.К., Живова Г.Т. К характеристике классной системы в енисейских языках. - ВЯ, 1981, 5.
- Вернер 1969 - Вернер И.Г. Вопросы именной классификации в современных енисейских диалектах. - Ученые записки Омского педагогического института, вып. 52. Вопросы филологии, Омск, 1969.
- Виноградова 1981 - Виноградова Л.Е. Словообразование имен существительных кетского языка. АЖД, Л., 1981.
- Володин, Храковский 1975 - Володин А.П., Храковский Типология морфологических категорий глагола (на мате-

риале агглютинативных языков). - Типология морфологических категорий. Мещаниновские чтения. М., 1975.

- Володин 1976 - Володин А.П. Ительменский язык. Л., 1976.
- Гайер 1973 - Гайер Р.С. Формы императива простых глаголов кетского языка. АКД, Томск, 1973.
- Гайер 1980 - Гайер Р.С. О значении видо-временных показателей л', н' в глаголе кетского языка. - Языки и топонимия, вып. 7, Томск, 1980.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 - Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы, I-II, Тбилиси, 1984.
- Гецадзе 1979 - Гецадзе И.О. Очерки по синтаксису абхазского языка. Л., 1979.
- Гецадзе, Гайдарова 1982 - Гецадзе И.О., Гайдарова Ф.А. О выражении субъектно-объектных отношений в иберийско-кавказских языках. - категории субъекта и объекта в языках различных типов, Л., 1982.
- Гришина 1979 - Гришина Н.М. Падежные показатели и служебные слова в структуре сложного предложения кетского языка. АКД, Л., 1979.
- Гумилев 1960 - Гумилев Л.Н. Хунну, М., 1960.
- Деннинг 1971 - Деннинг Р.Ф. Фонетика имбатских говоров кетского языка. АКД, Томск, 1971.
- Долгих 1949 - Долгих Б.О. Племена Средней Сибири в ХУП в. - КСИЭ, вып. УШ, 1949.
- Доннер 1930 - Donner, K. Über die Jenissei-Ostjaken und ihre Sprache. - JSFOu, vol. XLIV, 1930.
- Доннер 1944 - Donner, K. Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. Helsinki, 1944.
- Доннер 1955-1958 - Donner, K. Ketica. Materialien aus dem Ketischen oder Jenissei-Ostjakischen. Hrg. von Joki A.J. - MSFOu, 1955, vol. 108; Ketica II. Supplement. Hrg. von Joki A.J. - MSFOu, 1958, vol. 108/2.
- Дульзон 1959 - Дульзон А.П. Кетские топонимы Западной Сибири. - Ученые записки Томского педагогического института, т.ХУШ, Томск, 1959.

- Дульзон 1961 - Дульзон А.П. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям. - Ученые записки Томского педагогического института, т. XIX, вып. 2, Томск, 1961.
- Дульзон 1962 - Дульзон А.П. Аффикация как метод передачи грамматических значений. Лекция по обзору языкознанию, Томск, 1962.
- Дульзон 1962а - Дульзон А.П. Кетские наречия первой половины XVIII в. - Труды Томского областного краеведческого музея, т.6, вып. 2, Томск, 1962.
- Дульзон 1964 - Дульзон А.П. Очерки по грамматике кетского языка, Томск, 1964.
- Дульзон 1968 - Дульзон А.П. Кетский язык, Томск, 1968.
- Дульзон 1968а - Дульзон А.П. - Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968. О древней центрально-азиатской языковой общности.
- Дульзон 1968б - Дульзон А.П. Гунны и кеты (К вопросу об этногенезе по языковым данным). - Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук, Новосибирск, 1968, вып. 3.
- Дульзон 1969 - Дульзон А.П. Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими. - Ученые записки Томского ун-та, 75, вып.2. Вопросы лингвистики, Томск, 1969.
- Дульзон 1970 - Дульзон А.П. Строение кетского глагола. - ВЯ, 1970, 5.
- Дульзон 1970а - Дульзон А.П. Группа енисейских языков. - Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1970, 5.
- Дульзон 1972 - Дульзон А.П. Происхождение алтайских показателей множественного числа. - Советская тюркология, 1972, 2.
- Живова 1978 - Живова Г.Т. Местоимения в кетском языке. АҚД, Л., 1978.
- Живова 1979 - Живова Г.Т. Признаки синкретизма имени и глагола в кетском языке. - Вопросы строя енисейских языков, Новосибирск, 1979.
- Иванов 1969 - Иванов Вяч. Вс. Сравнительно-историческое истолкование написаний с к и г в записях

XVIII в. по енисейским языкам. - Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Тезисы докладов, Томск, 1969.

- Иванов 1971 - Иванов Вяч. Вс. О происхождении ларингализации-фарингализации в енисейских языках. - Фонетика. Филология. Грамматика. М., 1971.
- Иванов 1984 - Иванов Вяч. Вс. Заметки по типологии кетского глагола. - Проблемы типологии и контрастивного описания языков, Новосибирск, 1984.
- Иванов,
Топоров 1965 - Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. К описанию некоторых кетских семиотических систем. - Ученые записки Тартуского ун-та, вып. IBI, 1965.
- Иванов,
Топоров 1969 - Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Комментарий к описанию кетской мифологии. - Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты, М., 1969.
- Кабанова 1975 - Кабанова Т.А. Синтаксис простого предложения кетского языка. АКД, Новосибирск, 1975.
- Каргер 1934 - Каргер Н.К. Кетский язык. - Языки и письменность народов Севера, ч. III, М.-Л., 1934.
- Кастрен 1856 - Castren M.A. V Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845-1849. - "Nordische Reisen und Forschungen im Auftrage der Akademie der Wissenschaften". Bd. 2, SPb., 1856.
- Кастрен 1858 - Castren M.A. Versuch einer Jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. SPb, 1858.
- Кацнельсон 1972 - Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление, Л., 1972.
- Кибрик 1980 - Кибрик А.Е. Эталон эргативности и дагестанские языки. - Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики, М., 1980.
- Клапрот 1823 -
- Климов 1977 - Климов Г.А. Типология языков активного строя, М., 1977.
- Климов,
Алексеев 1980 - Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков, М., 1980.
- Кондратьев 1970 - Кондратьев В.Г. Очерк грамматики древнетюркского языка, Л., 1970.

- Костяков 1979 - Костяков М.М. Время расхождения кетского и коттского языков по данным лексикостатистики. - Вопросы строя енисейских языков, Новосибирск, 1979.
- Костяков 1982 - Костяков М.М. Материалы по сравнительной лексикологии енисейских языков. - Грамматические исследования по языкам Сибири, Новосибирск, 1982.
- Костяков 1984 - Костяков М.М. Материалы по сравнительной лексике енисейских языков (названия одежды, обуви, украшений). - Структура палеоазиатских и самодийских языков, Томск, 1984.
- Костяков 1985 - Костяков М.М. Лексика, обозначающая географические объекты и абсолютные ориентиры в енисейских языках. - Лексика и грамматика языков Сибири, Барнаул, 1985.
- Крейнович 1964. - Крейнович Е.А. О модели глаголов кетского языка с основой в начале слова. - Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В.М.Жирмунского. М.-Л., 1964.
- Крейнович 1968 - Крейнович Е.А. Глагол кетского языка, Л., 1968.
- Крейнович 1968а - Крейнович Е.А. Кетский язык. - Языки народов СССР, т. 5, Л., 1968.
- Крейнович 1968б - Крейнович Е.А. О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка. - Кетский сборник. Лингвистика, М., 1968.
- Кузнецова и др. 1980 - Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Изд-во МГУ, 1980.
- Майтинская 1955 - Майтинская К.Е. К вопросу о категории падежа. - Вопросы грамматического строя, М., 1955.
- Майтинская 1969 - Майтинская Е.К. Местоимения в языках разных систем, М., 1969.
- Мещанинов 1948 - Мещанинов И.И. Палеоазиатские языки. - ИАН ОЛЯ, т. 7, 1948, 6.
- Мещанинов 1967 - Мещанинов И.И. Эргативная конструкция в языках различных типов, Л., 1967.

- Миллер 1941 - Миллер Г.Ф. История Сибири, П., М.-Л., 1941.
- Минаева 1986 - Минаева В.П. Интерферирующее воздействие русского языка на кетский язык. АКД, М., 1986.
- Немировский 1938 - Немировский М.Я. Способы обозначения пола в языках мира. - "Памяти ак. Н.Я.Марра", М., Л., 1938.
- Павленко 1986 - Павленко Л.Г. Типология кетских глаголов движения. АКД, М., 1986.
- Паллиблэнк 1963 - Pulleyblank E.G. The consonantal system of Old Chinese. The Hsiun-pu language. - Asia Major, new series, vol. IX, pt. 2, London, 1963.
- Палмайтис 1972 - Палмайтис Л. Личные местоимения в связи с вопросом реконструкции бореальной грамматической системы. - Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы, М., 1972.
- Панфилов 1977 - Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания, М., 1977.
- Поленова 1983 - Поленова Г.Т. Конструкции с предикатными актантами в кетском языке. - Категории глагола и структура предложения, Л., 1983.
- Поленова 1985 - Поленова Г.Т. К проблеме залога в кетском языке. - Структура самодийских и енисейских языков, Томск, 1985.
- Поляков 1980 - Poljakov V.A. Über die selkupischen Lehnwörter im Jugischen und Ketischen. - Советское финно-угроведение, 1980, 3.
- Поляков 1987 - Поляков В.А. Способы лексической номинации в енисейских языках, Новосибирск, 1987.
- Поротова 1973 - Поротова Т.И. Кетско-коттские параллели в области числа существительных. - Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы Всесоюзной конференции, Томск, 1973.
- Потапов 1957 - Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957.
- Потебня 1958 - Потебня А.А. Из записок по русской грамматике, т. I-II, М., 1958.
- Рассадин 1971 - Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.

- Старостин 1982 - Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков. - Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика, Л., 1982.
- Теньер 1959 - Tesnière, L. Elements de syntaxe structurale. Paris, 1959.
- Тимонина 1978a - Тимонина Л.Г. Общеенисейская лексика в коттском языке. - Языки и топонимия, Томск, 1978.
- Тимонина 1978b - Тимонина Л.Г. Туркские заимствования в коттском языке. - Советская тюркология, 1978, 3.
- Тимонина 1979 - Тимонина Л.Г. Коттско-туркские словарные сопоставления Карла Боуда. - Советская тюркология, 1979, 5.
- Тимонина 1982 - Тимонина Л.Г. К этимологии компонента ил+/ал= в составе некоторых енисейских слов. - Грамматические исследования по языкам Сибири, Новосибирск, 1982.
- Тимонина 1985 - Тимонина Л.Г. Туркские заимствования в енисейских языках в сравнительно-историческом освещении. АКД, Л., 1985.
- Топоров 1973 - Топоров В.Н. Заметки по лингвистической географии Енисея. I. Из наблюдений над структурой падежной парадигмы. - Лингво-типологические исследования, I, изд-во МГУ, 1973.
- Топоров 1969 - Топоров В.Н. О типологическом подобии мифологических структур у кетов и соседних с ними народов. - Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты, М., 1969.
- Топоров, Цивьян 1968 - Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Об изучении имени в кетском (некоторые результаты и перспективы). - Кетский сборник. Лингвистика, М., 1968.
- Успенский 1964 - Успенский Б.А. Замечания по типологии кетского языка. - Вопросы структуры языка, М., 1964.
- Успенский 1968 - Успенский Б.А. О системе кетского глагола. - Кетский сборник. Лингвистика, М., 1968.
- Фролов 1974 - Фролов Б.А. Числа в графике палеолита, Новосибирск, 1974.
- Хайду 1953 - Hajdu, P. Die ältesten Berührungen zwischen den Samojeden und den jenseitlichen Völkern. - Acta Orientalia, t. 3, 1953.

- Хелимский 1982 - Хелимский Е.А. Keto-Uralica. - Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика, Л., 1982.
- Хелимский 1986 - Хелимский Е.А. Архивные материалы XIII в. по енисейским языкам. - В кн.: Палеоазиатские языки. Л., 1986.
- Храковский,
Володин 1986 - Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Л., 1986.
- Шабаев 1980 - Шабаев В.Г. Способы выражения категории множественности кетского глагола. - Языки народов Сибири, Кемерово, 1980.
- Шабаев 1983 - Шабаев В.Г. Об одном принципе дифференциации личных показателей кетского глагола. - Функциональный анализ языковых единиц, М., 1983.
- Шабаев 1984 - Шабаев В.Г. Функциональный анализ системы субъектно-объектных показателей кетского глагола. АҚД, Л., 1984.
- Шерер 1979 - Шерер В.Э. О выражении пространственных отношений в кетском языке. - ВЯ, 1979, 5.
- Шерер 1983 - Шерер В.Э. Последложные конструкции в кетском языке. АҚД, Л., 1983.
- Чесноков 1967 - Чесноков П.В. Слово и соответствующая ему единица мышления, М., 1967.
- Яхонтов 1965 - Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык, М., 1965.
- Яхонтов 1968 - Яхонтов С.Е. Понятие частей речи в общем и китайском языкознании. - Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов, Л., 1968.

Т Р А Н С К Р И П Ц И Я

- А - открытый гласный среднего ряда, среднего подъема языка;
- а - закрытый гласный среднего ряда, среднего подъема языка;
- ε - открытый гласный переднего ряда, среднего подъема языка;
- е - закрытый гласный переднего ряда, среднего подъема языка;
- о - открытый гласный заднего ряда, среднего подъема языка;
- о - закрытый гласный заднего ряда, среднего подъема языка;
- æ - переднее "а";
- У - заднеязычный велярный звонкий спирант;
- у - заднеязычный носовой сонант;
- Х - заднеязычный увулярный глухой спирант;
- х - заднеязычный велярный глухой спирант;
- Н - заднеязычный увулярный звонкий спирант;
- Г - заднеязычный увулярный звонкий смычный;
- г - заднеязычный увулярный глухой смычный;
- š - шипящий спирант;
- в - свистящий спирант;
- č - глухая постдентальная аффриката;
- dž - звонкая постдентальная аффриката;
- ʔ - гортанный смычный;
- h - фарингальный спирант;
- h - придыхательность у глухих смычных согласных;
- : - длительность гласных;
- ˙ - палатализация предшествующего согласного;
- ˘ - ударение;
- * - в препозиции указывает на реконструкцию данной формы;
- 1, 2, 3, 4 - цифровые индексы, обозначающие слоговые тоны;
- 5, 6 - цифровые индексы, обозначающие краткосложные акцентные типы;
- ~ - носовой призвук в препозиции некоторых коттских слов.

СОКРАЩЕНИЯ

алт.	- алтайский	салб.	- салбинский
ар.	- аринский	сельк.	- селькупский
асс.	- ассанский	сой.	- сойотский
бак.	- бакланихинский	сул.	- суломайский
букв.	- буквально	сур.	- сургутихинский
вещ.	- вещной	тайг.	- тайгинский
гольд.	- гольдский (нанайский)	тат.	- татарский
дат.	- дательный	топ.	- топоним
досл.	- дословно	тоф.	- тофаларский
ДП	- дифференциальный признак	тув.	- тувинский
ед.ч.	- единственное число	тунг.	- тунгусский
ел.	- елогуйский	тюрк.	- тюркский
жен.	- женский	Ф	- материалы И.Е. Фишера
имп.	- императив	эн.	- энецкий
К.	- коттский (М.А.Кастрен)	югск.	- югский
калм.	- калмыцкий	юж.-кет.	- южнокетский
караг.	- карагасский	як.	- якутский
кам.	- камасинский		
Кас.	- данные М.А.Кастрена	abl.	- аблатив (исходный падеж)
кел.	- келлогский	dat.	- датив (дательный падеж)
Кл.	- данные Н.В.Клапрота	f.	- женский
кет.	- кетский	gen.	- родительный падеж
койб.	- койбальский	imp.	- императив
кот.	- коттский	inf.	- инфинитив
кот.А,Б	- коттские диалекты	Ю	- енисейско-остяцкий
кур.	- курейский	loc.	- локатив (местный падеж)
М	- данные Г.Ф.Миллера	m.	- мужской
мат.	- маторский	pass.	- пассив
мн.ч.	- множественное число	pl.	- множественное число
муж.	- мужской	praes.	- презенс (настоящее время)
нем.	- немецкий	praet.	- претерит (прошедшее время)
пад.	- падеж		
пасс.	- пассив		
през.	- презенс		
прет.	- претерит		
пумп.	- пумпокольский		
род.	- родительный падеж		
русск.	- русский		

- ВЯ - Вопросы языкознания
- ИАН ОЛЯ - Известия отделения литературы и языка АН СССР
- СМЭ - Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
- JSFOu - Journal de la Societe Finno-ougrienne
- MSFOu - Memories de la Societe Finno-ougrienne

Условные обозначения структурных элементов коттских глаго

- В - видо-временной показатель;
- К - корневая морфема;
- М - модификатор;
- Об - объектный показатель;
- Сб - субъектный показатель;
- СК - служебная корневая морфема;
- ЧСд - показатель числа субъекта действия.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Введение	5
Глава I. Фонетика и фонология	12
Вокализм	12
Консонантизм	22
Акцентуация	36
Вопросы диалектного членения коттского языка	45
Глава II. Морфология.	52
Вводные замечания	52
Существительное	53
Категория класса	53
Категория числа	55
Категория падежа	59
Категория посессивности	73
Предикативные формы имен существительных	74
Послеложные конструкции	77
Вопросы реконструкции древней системы склонения	83
Местоимение	95
Личные местоимения	96
Притяжательные местоимения	97
Определительные местоимения	101
Указательные местоимения	103
Вопросительные местоимения	103
Отрицательные местоимения	104
Неопределенные местоимения	105
Глагол	105
Строение глагольной словоформы	105
Структурные модели коттских глаголов	113
Именные формы коттских глаголов	141
Категория времени	156
Категория лица	164
Категория числа	169
Категория класса	172
Качественные глагольные классификации	174
Проблема пассива в коттском языке	182
Категория наклонения	190
Прилагательное	196
Наречие	201

Числительное	207
Союз	211
Междометие	212
Глава III. Синтаксис	213
Типология элементарного предложения	213
Структурные модели элементарного коттского предложения.	230
Общая характеристика простого предложения	233
Проблема сложного предложения	239
Глава IV. Лексика	241
Проблема частей речи	241
Структурная организация семантического словаря	244
Способы номинации в коттском языке.....	263
Зайствованная лексика	275
Русско-коттский словарь	281
Литература	395
Транскрипция	405
Сокращения	406